

Игорь Маргулёв

Минувшее – живи!

(Из истории Казанского авиазавода)

Игорь Маргулёв

Минувшее – живи!

(Из истории Казанского авиазавода)

Возвращение

Москва

2007

Автор благодарит предоставивших свои семейные архивы и воспоминания:
детей *Н.Д. Маршева – Альберта Николаевича, Динару Николаевну и Майю Николаевну*,
дочерей *Л.Н. Шаханина – Киру Львовну и Ирину Львовну*,
дочь *К.К. Бурого – Лилию Константиновну*,
внучку *С.Е. Дайбога – Елену Исаевну*,
а также племянницу адвоката *П.П. Дивногорского – Тамару Николаевну*.

Автор выражает глубокую признательность
Наилю Гумеровичу Хайруллину,
генеральному директору Казанского авиационного
производственного объединения им. С.П. Горбунова,
и *Ильдару Равильевичу Мингалееву*,
заместителю генерального директора по маркетингу и внешнеэкономической деятельности,
за помощь в издании этой книги, посвященной судьбам первостроителей
Казанского авиационного завода.

Игорь Маргулёв

М26 Минувшее – живи! (Из истории Казанского авиазавода). – М.: Возвращение, 2007. – 180 с.: ил.

ISBN 5-7157-0157-0

Автор книги, научный работник, инженер, в течение 10 лет восстанавливал историю строительства одного из крупнейших довоенных авиазаводов – завода №124/27 им. Орджоникидзе в Казани (ныне – Казанское авиационное производственное объединение им. С.П. Горбунова).

В этой книге нашла отражение жизнь нашей страны в 30-е годы, в которой слились будничное и героическое, трагическое и абсурдное. Завод был призван выпускать тяжелые самолеты А.Н. Туполева, а сам Туполев и почти весь его коллектив были репрессированы... 20 мая 1938 года приказом по наркомату на завод возложили серийный выпуск новейшего бомбардировщика АНТ-42/ТБ-7, а через пять дней в поселке ИТР завода 124 был высажен десант НКВД и арестованы директор завода, его заместители и начальники служб; главный механик строительства (отец автора) и другие строители... Многие из них сгинули в ГУЛАГе.

Книга «Минувшее – живи!» охватывает период с 1932 по 1948 год. Это строго документальное и вместе с тем глубоко эмоциональное повествование, воссоздающее не только события прошлых лет, но и живые образы первостроителей Казанского авиазавода и заводчан. Она удачно дополняет изданную в 2002 году по инициативе дирекции КАПО им. С.П. Горбунова книгу «Завод стратегического назначения».

*Памяти жертв репрессий
на Казмашстрое и Казмашкомбинате
посвящается*

Оглавление

О книге и о себе	9
1. Минувшее заговорило	11
2. Исторический фон Казмашстроя	17
3. В начале пути: год 1932-й	21
4. В начале пути: энтузиасты, подвижники, спецы	27
К.Д. Кузнецов (? –1956)	28
Н.Д. Маршев (1901–1971)	28
И.С. Бусаров (1891–?)	29
Л.Н. Шаханин (1898–1938)	30
С.Е. Дайбог (1889–1947)	31
Я.А. Моргулев (1901–1943)	33
П.Г. Старов (1894–1944)	34
В.М. Яковлев (1903–?)	34
К.К. Бурый (1896–1951)	35
5. В начале пути: строительство, будни	39
6. Просветительское отступление: все об НКВД и вокруг НКВД в самом сжатом очерке	45
7. Время испытаний: проработки, разработки, аресты	55
8. Очень личное авторское отступление: и это все, что помню об отце	69
Выходной	69
Как мы не поехали на рынок	70
У ортопеда	71
День воздушного флота	71
Сумасшедшая	72
9. Время испытаний: следствие. Будни	75
10. Время испытаний: «Процесс 13-ти»	91
11. Перемены участи: на пути к «Особому совещанию»	109
12. Перемены участи: на пути к реабилитации	113
Маршев	113
Ермаков, Криволап, Махно, Яковлев, Кислов, Гизатуллин	115
Бурый	116
Поляков, Бусаров, Шейнман, Старов, Моргулев	116
Главные инженеры завода №124/27	120
13. Война в судьбе завода №124/27	123
14. Персоналии	135
А.И. Разумов	135
П.П. Дивногорский	135
Эта женщина из Верховного суда	137
Этот летчик с Казанского авиазавода	137
Жены и дети	137
15. История окончена. Забудьте?	143
Библиография	145

О книге и о себе

Вспомнить о них – значит пожалеть, что их нет.

Василий Ключевский

Эта книга все долгое время ее написания существовала для меня под названием «Казань. 1938» – намеренно симметричным названию «Москва. 1937», которое Лион Фейхтвангер в 1937 году дал своему нашумевшему отчету о поездке в СССР. Конечно, ни на какие дальнейшие параллели это заимствование не претендовало. Напротив, я мечтал какими-то ключевыми словами сузить тему, дать подзаголовок, который привлек бы внимание вполне определенного, пусть не самого широкого круга читателей.

И здесь возможны были варианты. Например: «Драматические страницы истории казанских авиазаводов». Или: «Процесс 13-ти: фиаско и реванш НКВД». Или: «Хотелось бы всех поименно назвать».

Все отвечало бы содержанию, с той лишь оговоркой, что автор, собственно, не юрист и не историк, не публицист и не литератор, и эта книга, по существу, не более чем летопись некоторых событий в окрестности одной точки во времени и пространстве: Казань, 1938 год.

Но после завершения книги стало ясно, что вынесение в заголовок параллели со знаменитой книгой смещает тональность, которую исподволь обретало повествование за годы его создания. И тогда, подска-

занное строчкой из стихотворения Набокова, возникло новое название, созвучное обретенному книгой «голосу»: Минувшее – живи! Живи в нашей памяти, в памяти грядущих поколений.

Книга основана на собственных воспоминаниях автора, отец которого был главным механиком Каземашстроя, на воспоминаниях и семейных архивах других лиц, причастных к описываемым событиям. Материалы собирались по крупицам, извлеченным из публикаций в СМИ, научных исследований и мемуаров, посвященных другим событиям и другим людям, из архивно-следственного дела НКВД. Можно сказать, что многие из описанных здесь событий реконструированы по Кювье. Такой вот опыт исторической реконструкции.

И если этим предувещанием уже раскрыта тема книги, остается только обозначить место автора в его заочном общении со своими персонажами и читателями. Город Казань, где автор и прожил-то всего два (или три?) лета своего далекого детства, остается в памяти и в ощущениях, так уж сложилось, его вторым родным городом – после Москвы. Навсегда.

1. Минувшее заговорило

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Анна Ахматова

Реквием. 1940 г.

В пасмурную ночь с 24 на 25 апреля 1938 года, поистине несчастливый понедельник, в одночасье было арестовано все руководство строящегося авиационного завода №124/27, гиганта социалистической индустрии, строительство которого здесь, в Казани, называли Второй Магниткой.

Впрочем, это только казалось, что «все руководство» и «все – в одночасье». Просто эта ночь сохранилась в памяти участников событий как центральный эпизод смутного времени, наступившего на заводе и стройке еще в минувшем году – настолько поразил всех групповой, почти публичный арест.

Когда же, спустя десятилетия, на правах пострадавшего от политических репрессий и, возможно, одним из первых я стал читать архивно-следственное дело НКВД, выяснилось, что аресты здесь шли, и порою кучно, и до, и после этой памятной даты: и в 37-м, и в 38-м году. И не только руководителей, но работников самых разных уровней и рода занятий вперемжку и без видимого разбора. И вообще выходило, что аресты на строительстве авиазавода шли всегда. Да так оно, собственно, и должно было быть. Ведь вся история советской власти была, в сущности, и историей арестов.

Увы, большинство репрессированных на казанской стройке-гиганте останутся безымянными и забытыми навсегда.

А самый ранний известный мне эпизод, в котором присутствуют реальные лица – это арест Николая Игнатьевича и Андриана Игнатьевича Ельциных, отца и дяди первого президента России. Возможно, сегодня для кого-то из читателей сей факт окажется неожиданным, хотя впервые о нем поведал собственный корреспондент газеты «Известия» по Татарстану Борис Бронштейн еще в 1993 году.

Воспроизвожу фрагмент приводимого им рассказа очевидца [1]:

Уральский плотник Николай Ельцин вместе со своим братом Андрианом в конце 1932 года приехал в Казань на строительство авиационного завода, и здесь они в 1934 году были осуждены «за антисоветскую пропаганду». Как же жили после ареста Николая Александровича переехавшие в Казань его жена Клавдия Васильевна с трехлетним Борей? Об этом теперь может рассказать единственный человек – жительница Казани Нина Васильевна Сухова (в девичестве Ветрова). Ее отец, фельдшер, участник русско-японской войны, угодил в ту же

тюремную камеру, что Николай Ельцин, и по такому же обвинению. Они не были знакомы, но разговорились, и Николай Игнатьевич посетовал: «Тебе из дома передачи носят, а у меня в бараке жена с сыном без всяких средств к существованию остались». Василий Петрович оказался человеком отзывчивым и написал жене записку. Дескать, сходи, Лиза, в барак номер восемь на Сухую реку и помоги людям, чем можешь. А тем велели освободить помещение. «И тогда мама предложила Клавдии Васильевне Ельциной перебраться к нам, – рассказывает Нина Васильевна. – Так мы и прожили в одном доме три с лишним года, питаюсь вместе чем бог пошлет. Работала она в три смены, и возиться с маленьким Борей приходилось в основном мне. В ту пору мне было одиннадцать лет».

Сохранилась пожелтевшая домовая книга, подтверждающая, что Клавдия Васильевна Ельцина, 1908 года рождения, русская, чернорабочая хлебозавода номер два, прописалась в доме на улице Шестой Союзной. (Здесь, видимо, неточность изложения: наименование Союзных местные улицы получили не ранее 1937 года – *Прим. авт.*) Осенью 1936 года Николай Игнатьевич Ельцин досрочно освобожден и также поселился в доме Петровых. Запись в домовой книге свидетельствует, что Ельцин Николай Игнатьевич, 1906 года рождения, русский, временно безработный, паспорт получил в Талдоме Московской области. Там он отбывал наказание, работал на строительстве московского канала.

В 1937 году Ельцины покинули Казань и вернулись к себе на Урал. «Уезжали они с одним фанерным чемоданчиком, – вспоминает Нина Васильевна. – Добра в Казани никакого не нажили».

Деревянный дом, в котором одной семьей жили Петровы и Ельцины, цел, но в 1956 году в связи со строительством поликлиники его перенесли на улицу Карагандинскую.

На какой же стройке работали отец и дядя будущего президента?

Первое официальное название: Специальное строительное управление по сооружению Авиакомбината №124, а последнее – вершина бюрократического канцеляризма: Государственная Союзная Строительная Контора (сокращенно – ГССК) по строительству завода №124/27.

Потом как только ни писали: Авиастрой и Казавиастрой, Машинострой и Казмашстрой. Присутствующий в некоторых названиях секретный номер оборонного завода здесь, в еще не привыкшей к тотальной режимности Казани, являлся секретом полишинеля.

И все же в открытой печати, при оформлении праздничных демонстраций и в других подобных ситуациях полагалось писать Завод им. Серго Орджоникидзе. Или еще: Казмашкомбинат. Это потому, что авиационный завод был самолетостроительным (№124) и моторостроительным (№27) одновременно, а самолеты и моторы следовало, опять же по соображениям секретности, называть «машинами».

Однако же нет-нет, и секретное номерное название вдруг появлялось в обиходе повседневной жизни, и вот уже говорят и пишут, к примеру, «поселок ИТР завода 124». В этом поселке и жил мой отец, сюда мы приезжали с мамой летом 36-го и 37-го года.

Но возвращаюсь к 25 апреля 1938 года, когда десант НКВД был высажен сначала в поселке, где прошли аресты, а затем – на заводе для проведения обысков.

Об этом волей-неволей пришлось сообщить газете «Красная Татария»: ведь на комбинате как раз полным ходом шло общее отчетно-выборное партийное собрание, которое газета была обязана освещать. Вот заголовки и выдержка из номера за 26 апреля:

В обстановке беспечности и благодушия

В дни отчетно-выборного партсобрания на заводе им. Серго Орджоникидзе была разоблачена контрреволюционно-вредительская группа. Как могло случиться, что враги долгое время находились во главе предприятия? Как могло случиться, что они усыпили бдительность целого ряда коммунистов, втерлись в доверие партийной организации, в основе своей крепкой и здоровой?

Дело в том, что партком и его секретарь Семин мирились с многочисленными фактами, которые давали повод ставить вопрос о политическом недоверии к людям, ныне разоблаченным; дело в том, что у ряда коммунистов – руководителей цехов оказалась притупленной большевистская бдительность; дело в том, что партийно-политическая и массово-производственная работа на заводе находилась в крайне запущенном состоянии. Секретарь парткома Семин проявлял чванливое высокомерное отношение к сигналам рядовых коммунистов и беспартийных.

В прениях были и некоторые острые, деловые выступления. Но как ни странно, ряд коммунистов встречают такие выступления в штыки путем выкриков, ненужных реплик, неуместных вопросов. Так было, например, когда говорил редактор многотиражки Халиулов.

Итак, у присутствовавших на собрании первоначально вовсе не было единодушия. Выправить обстановку удалось только к следующему дню. 27 апреля газета облегченно сообщает:

На отчетно-выборном собрании завода им. Серго Орджоникидзе закончились прения по отчетному докладу парткома. Всего выступили 40 человек.

Большинство выступавших товарищей приводили факты и примеры, подтверждающие запущенность партийно-политической работы на заводе и отрыв парткома от масс. Партком не мобилизовал организацию на выполнение решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) на ликвидацию последствий вредительства.

А теперь о том, о чем газета умолчала.

25 апреля были арестованы: Шаханин Лев Николаевич – директор завода №124/27, Старов Петр Григорьевич – директор завода №27, Прокофьев Вячеслав Николаевич – главный инженер по проектированию завода №124, Моргулев Яков Аронович – главный механик Казмашстроя (Государственной Союзной Строительной Конторы по строительству завода №124/27), Недбаев Дмитрий Федорович – начальник отдела и управления капитального строительства завода №124/27...

25 арестованных – такую цифру назвал жене Шаханина начальник Представительства завода в Москве И.З. Броун. В моем авторском досье, составленном по материалам архивно-следственного дела НКВД №2-2735 и другим источникам, числятся всего 35 человек. Это люди, работавшие на заводе и на его строительстве, которые были репрессированы на протяжении 1937–1938 годов и позже и проходили порой по различным следственным делам. Объединяло их лишь то, что какие-то их показания были использованы в ходе следствия и группового судебного процесса по основным фигурантам. Их было 14, а до суда дошло 13 – отсюда название «Процесс 13-ти», или «Процесс по делу работников Казанского авиазавода».

С другой стороны, какие-то лица, арестованные 25 апреля, могли не попасть на страницы дела и потому остались мне неизвестными. Удалось установить, что понятыми при арестах были комендант поселка ИТР завода 124 И.Н. Харитонов, комендант завода Р.Ю. Негаметзянов, начальник спецотдела завода В.И. Колобов, начальник пожарной охраны завода С.Х. Гафиатуллин, т.е. работники, подконтрольные НКВД, а также сотрудник НКВД А.Е. Капарулин.

Общее число репрессированных на Казмашстрое и Казмашкомбинате в 30-е годы нам знать не дано. И тем более не дано проследить трагическую судьбу каждого из них. Единственное, что еще можно сделать, – это вернуть память хотя бы о тех из них, кто волею той же судьбы не оказался обезличен. Ибо даже родные и близкие пострадавших, как я обнаружил, зачастую остаются в неведении относительно подоплеки и подробностей событий, оставивших скорбный след в истории их семей, а иногда и в неведении о примечательных жизненных и трудовых вехах своих предков. Немногие известные мне исключения – это яркое жизнеописание Л.Н. Шаханина, которое составил и передал его семье главный инженер по проектированию завода В.Н. Прокофьев [2]; интереснейшие воспоминания, которыми поделились со мной потомки бывших руководителей Казмашстроя – Альберт Николаевич и Динара Николаевна Маршевы, Елена Исаевна Дайбог и Лидия Константиновна Буряя.

Можно предвидеть недоумение читателя: если не бог весть в какие отдаленные времена было настолько масштабное строительство огромного завода, то как так случилось, что все эти названия – Авиастрой, Казмашстрой, завод №124/27, завод им. Орджоникидзе – мало что говорят нам сегодня? И какие самолеты должен был выпускать этот уникальный завод-гигант,

да и был ли он вообще построен? И кто те люди, отвечавшие за грандиозную стройку, память о которых стерта с лица земли?

Возможно, тот же читатель смутно предположит, а нет ли тут какой-то скрытой связи с действующими сегодня в Казани крупнейшими производственными объединениями – авиационным имени С.П. Горбунова и моторостроительным?

Увы, до самого последнего времени, практически до начала 90-х годов, ничто в общедоступных публикациях и изданиях не позволяло ни подтвердить, ни опровергнуть подобное предположение. Журнал «Наука и жизнь» относит подобную ситуацию к типичным и характеризует ее остро и категорично: «Подлинная история индустриализации в СССР еще ждет своих летописцев. Пока она – нагромождение противоречивых событий, о которых много лгали, в лучшем случае – искажали. Часто это прилизанное, парадное славословие о победах и достижениях без достойного рассказа о трудностях и без анализа просчетов и неудач» [3, с. 29–35].

В полной мере приведенные слова можно отнести, например, к появившемуся в 1985 году буклету о Казанском авиационном производственном объединении им. С.П. Горбунова [4]. В нем присутствуют все атрибуты рекламного и юбилейного издания: фотографии красавца-лайнера ИЛ-62 в сборочном цехе – и объектов социальной сферы, фотоснимки ветеранов труда – и руководящих работников военного времени; воспоминания кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарева о С.П. Горбунове, чье имя носит завод, – и разного рода примечательная информация о рядовых строителях и заводчанах разных лет.

При этом составители буклета, работники Казанского авиационного института (КАИ) им. А.Н. Туполева, без каких-либо комментариев поминают даты, события и имена, явно принадлежащие другому объекту истории, в то же время опуская даты, события, имена, на которые когда-то было наложено табу.

Один только пример: ни «первый директор завода» Ф.С. Малахов, ни «первый главный инженер» С.П. Горбунов, как они аттестованы в буклете, никогда не работали на Казмашкомбинате, да и не жили в Казани и вообще в Татарии. Это были очень достойные люди, но с историей КАПО они связаны лишь косвенным образом и исключительно по воле обстоятельств, которые привели в свое время к слиянию московского и казанского заводов. Но самих слов Москва и Казань составители тщательно избегают в буклете, не найти там ни одной фамилии руководителей и строителей авиазавода №124/27.

Подлинная история начала вырисовываться только с приходом гласности в годы перестройки. Вот как мне самому это открылось, когда я приступил к работе над книгой в 1995 году.

Уже в 1987 году ветеран труда И. Генкин, директор музея истории КАПО, находящегося на территории завода, рассказывает на страницах газеты «Вечер-

няя Казань» новому поколению о том, как начинался Авиастрой [5]. Здесь – множество давно забытых фактов и колоритных подробностей, но по-прежнему сохраняется табу на имена и события конца 30-х годов. И опять как-то внезапно, без объяснений, выплывают названия Казанского авиационного и моторостроительного объединений.

В том же 1987 году выходит в свет сборник «Казань орденоносная» [6, с. 196, 237, 238], где историк З.И. Гильманов впервые заполняет информационную брешь между эвакуированным в Казань Московским авиационным заводом им. С.П. Горбунова (завод №22) и Казанским авиационным заводом им. Г.К. Орджоникидзе, которые сливаются в один коллектив. Нет только пояснения, что вновь образованное предприятие получает название Завод №22. Другой автор сборника, кадровый рабочий КАПО имени С.П. Горбунова Г.А. Асхадулин, вспоминает со слов ветеранов первого начальника Авиастроя – Кузьму Дмитриевича Кузнецова. А дальше – снова перескок в послевоенные годы, словно через какой-то временной «Бермудский треугольник».

Вот так, мучительно, с недомолвками открывала история свои тайны.

1989 год. Журнал «Коммунист Татарии» поместил сухой перечень реабилитированных в партийном порядке [7]. Среди них – начальник строительства Казавиакомбината Н.Д. Маршев, механик на строительстве авиационного завода (так в тексте – *прим. авт.*) Я.А. Моргулев и начальник отдела Казанского авиационного завода Д.П. Фастовец. Впервые, спустя полвека, озвучены фамилии трех человек, проходивших по уже упоминавшемуся «Процессу 13-ти».

1993 год. Выходит книга известного казанского историка-архивиста А.Л. Литвина «Запрет на жизнь» о выдающихся деятелях татарской культуры, погибших в годы сталинского произвола. В прологе книги опубликован полный список 13 репрессированных работников ЗАВОДА – тех самых фигурантов «Процесса 13-ти» [2, с. 23, 24]. Но, опять-таки, безымянного ЗАВОДА и неизвестных должностных лиц. Только фамилии, специальности или профессии. Чуть дальше, впервые за 55 лет, упоминается фамилия директора ЗАВОДА Шаханина, «признавшегося», что был завербован авиаконструктором А.Н. Туполевым. Небольшие погрешности: Шаханин назван Шахониным, тогдашний начальник Госсюзстройконторы Бусаров – Гусаровым. (Заметим, что эта ошибка, возможно, связана с тем, что среди осужденных Военной коллегией ВС СССР по списку от Татарской АССР от 19 апреля 1938 года был и Гусаров Николай Константинович, директор центральной телефонной станции Казани. – *Прим. авт.*)

В том же 1993 году в республике начинает выходить новый массовый журнал «Казань», который с первого номера публикует мемуарное повествование бывшего председателя Казанского горисполкома Павла Аксенова «Последняя вера» [9]. Я часто буду

цитировать его в качестве исключительного по значению первоисточника. Начиная с главы, напечатанной в №9–10 за 1994 год. Именно там можно было узнать о «полном разгроме хозяйственного и партийного руководства на строительстве комплекса авиационных заводов» в 1938 году, а дальше П. Аксенов рассказал о случайно встреченном в тюрьме директоре завода №124 Шахонине (так в тексте – *прим. авт.*) с разбитым лицом и с вырванными волосами.

Наконец, в 1999 году тот же журнал «Казань» посвящает целиком свой сдвоенный номер [10] истории Казанских авиаобъединений, в котором из разных публикаций можно почерпнуть недостающие звенья и об Авиастрое. О том, как завод №124 стал КАПО им. С.П. Горбунова, о самолетах, которые здесь выпускали и о других малоизвестных или вовсе забытых событиях и фактах. После более чем 60 лет забвения упоминается фамилия Дайбога, хотя и не сообщается, что до ареста в 1937 году он был первым главным инженером завода №124.

Вот, собственно, и все, что стало известно на исходе XX века о славной и трагической истории первопроходцев Казанских авиаобъединений. Лишь в 2002 году вышла из печати исторически верная и великолепно оформленная книга о Заводе стратегического назначения, как было названо КАПО им. Горбунова [11]. К сожалению, и в ней период 1936–1940 годов освещен слабо, да и доступной она была лишь узкому кругу читателей.

Но не только в том, чтобы наполнить реальным содержанием пробел в истории авиационной промышленности страны видел свою задачу автор; не только в том, чтобы рассказать родным и близким о судьбах людей, жестоко вырванных из жизни на годы, а то и навсегда. Было еще одно достойное освещения обстоятельство, способное вызвать особый читательский интерес. Дело в том, что затеянный НКВД масштабный политизированный судебный процесс об экономическом вредительстве на заводе и стройке («Процесс 13-ти») окончился, по существу, провалом, – редкий, если не редчайший случай в истории 30-х годов!

Нет, люди, попавшие в застенки НКВД, свободы не обрели. НКВД не мог примириться с тем, чтобы четыре года «работы» по делу дали нулевой результат! Несмотря на то, что приговор был отменен вышестоящей судебной инстанцией, решением Особого совещания при НКВД СССР людей обрекли на тюрьму и лагерь. Но в споре с судебной системой в данном случае НКВД потерпел фиаско.

Если расставить по времени все ставшие известными события и факты, то можно выделить три этапа драматической истории Казанского авиазавода №124/27.

Первый, назовем его «Начало пути», можно отнести к 1932–1936 годам. В 1932 году были приняты и начали выполняться решения директивных органов о строительстве авиазавода. Именно дата 1932 как год рождения КАПО им. С.П. Горбунова однажды заявила о себе – на

Интернет-сайте в июле 2000 года [12]. До этого, в частности в уже упоминавшемся буклете, назывался год 1927-й [4]. Еще на одном сайте упоминается даже завод №124/27, выпускавший самолеты АНТ-3, АНТ-4, АНТ-6, АНТ-40; Ту-4, Ту-16, Ту-104, Ту-22, Ту-204 [13].

К 1937 году сформировался устойчивый, эффективный и самоотверженный коллектив руководителей строительства. В сооруженном главном производственном корпусе начали собираться первые тяжелые самолеты [14]. В 1938 году был пущен «Водозабор», дала ток Казанская ГЭЦ №2. Завод не только достраивался, но и развивался: возросла численность конструкторских и технологических подразделений, призванных впредь не только корректировать и «привязывать» поступающую из ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт) сырую техдокументацию, но и принимать самостоятельные технические решения. По всем признакам, после 1939 года завод должен был оказаться в строю эффективно действующих предприятий оборонного комплекса.

Но история распорядилась иначе. Во второй половине 1937 года на заводе и стройке прошли «пробные» чистки, а к середине 1938 года практически все административные, технические и экономические службы были обезглавлены. Началась чехарда назначений на посты начальника ГССК и директора завода, на другие ставшие вакантными руководящие должности. Новым людям приходилось заново входить в курс дела. Все это не могло не расшатать общую производственную обстановку.

Между тем, с началом Второй мировой войны, в особенности под влиянием грандиозной воздушной «Битвы над Англией» 1941 года, в научной и военной мысли менялись ориентиры, касающиеся стратегических направлений авиастроения. Адекватно реагировать на эти вызовы времени завод, видимо, был не в состоянии. Да и в вышестоящей инстанции, в наркомате, в 1937 году смерчем пронесли аресты, включая арест А.Н. Туполева, который был главным инженером Главного управления авиационной промышленности (Глававиапрома) и, неформально, научным руководителем и куратором завода. Арестованы были и виднейшие авиаконструкторы из окружения Туполева, прежде всего Петляков, уже несколько лет связанный с Казанским авиазаводом.

В результате к началу Великой Отечественной войны практически достроенный, располагающий огромной территорией и значительными производственными мощностями на новейшей станочно-технологической базе завод №124/27 фактически оказался недоиспользованным.

И потому этап этот трудно назвать «На финишной прямой», скорее это было «Время испытаний».

Наконец, в 1941 году начался третий, заключительный этап индивидуальной истории завода №124/27, который назовем «Перемена участи» и ограничим 1948 годом.

В первые недели войны завод продолжал выпускать продукцию, по ряду причин являющуюся не самой востребованной. В октябре сюда из Москвы был эвакуирован успешно работавший завод №22 им. С.П. Горбунова. Вначале он всего лишь разместился на территории завода №124/27, но вскоре, по решению Наркомата авиапромышленности, произошло слияние двух заводов, и №124 перестал существовать.

В то же самое время в Казань был эвакуирован Воронежский моторостроительный завод №16, который аналогичным образом слился с заводом №27 и тоже дал ему свой номер.

Получилось, что в напряженнейших буднях военной поры память о первопроходцах стала быстро рас-

творяться, на смену пришли новые люди, новые задачи и первые успехи в новых делах.

Но все же основополагающая идея создания завода №124 не исчезла бесследно, и потому не произвольна дата 1948 год, которой мы условно завершили этап «Перемена участи»: после войны Казанский авиазавод вернулся «на круги своя» как авангардный производитель тяжелых самолетов, прежде всего – конструкции А.Н. Туполева, и в 1948 году выпустил первую партию первых отечественных стратегических бомбардировщиков Ту-4.

Так завершилась та часть истории КАПО им. С.П. Горбунова, в которой прослеживается первородство и индивидуальность Казанского авиазавода им. Серго Орджоникидзе, или завода №124/27.

2. Исторический фон Казмашстроя

Люди, болтающие о снижении темпа,
являются агентами наших классовых врагов,
являются врагами социализма.

И. Сталин

Отчетный доклад XVI партсъезду

Лучше стоять за высокие темпы роста,
чем сидеть за низкие.

Черный юмор 1927 года,

притисывается академику Струмилину

«Начало пути» в истории строительства Казанского авиазавода по времени почти совпало со второй пятилеткой, то есть вторым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР (1933–1937). Вторая пятилетка превратила СССР из аграрной в мощную индустриальную державу с преимущественным развитием тяжелой промышленности. Об этом впервые было сказано в «Истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс» – книге, переизданной с 1938 по 1953 годы 301 раз на 67 языках общим тиражом около 43 млн экземпляров. И хотя имя автора в выходных ее данных не значилось, с того дня 12 декабря 1938 года, когда в Дубовом зале Центрального дома литераторов на встрече с творческой интеллигенцией известный журналист Михаил Кольцов прочитал доклад о выходе в свет этой книги, ее единственным автором считался Сталин.

В современных учебниках истории России вторую пятилетку оценивают иначе [15, 16, 17].

Необходимость индустриализации была бесспорна. Индустриализация СССР позволила бы повысить общий уровень жизни – экономическое благосостояние и состояние культуры, а также обеспечить внешнюю безопасность. И естественно, индустриализация должна была быть осуществлена в сжатые сроки.

Но в какие именно? Мировой опыт показывал, что ежегодный прирост промышленной продукции в капиталистических странах не превышал 10%. Учитывая ожидаемые преимущества нового общественного строя, в основу оптимального варианта пятилетнего плана был положен 20%-й прирост промышленной продукции. Предусматривалось, что подъем тяжелой и легкой промышленности осуществляется сбалансированно, подъем промышленности осуществляется сбалансированно с подъемом сельского хозяйства и не сопровождается ущербом для жизненного уровня трудящихся и другими видами социальных потрясений.

Этот план был одобрен V съездом Советов СССР в мае 1929 года.

Но в ноябре Сталин в статье «Год великого перелома» объявил задания пятилетнего плана устарев-

шими даже в их максимальном варианте. Ноябрьский 1929 года пленум ЦК определил «форсирование процессов коллективизации и строительства совхозов», «форсирование развития индустрии». В следующем году, выступая на XVI съезде партии, Сталин потребовал гигантского увеличения заданий пятилетки, поддержал «призывы рабочих» выполнить пятилетку в четыре года (а по некоторым позициям – в три и даже два с половиной года!). Это привело к дезорганизации всей работы. Начали приниматься несогласованные решения, которые, приводя к прорывам в одних направлениях, создавали напряженность в других, нарушалась вся концепция плановой работы, которая была краеугольным камнем социалистического строительства. Требуемое большого искусства планирование сменилось, по выражению Н.И. Бухарина, «организованной бесхозяйственностью». Бешеные темпы, «сверхиндустриализация» потребовали и иных методов достижения поставленных целей, и принципиальных кадровых перемен в высших эшелонах руководства. На место эрудированного специалиста Кржижановского в Госплан был поставлен администратор Куйбышев. Для обеспечения резко увеличенной программы капиталовложений была пересмотрена налоговая система, в частности введен «сверхналог» для деревни. Одновременно в 1929 году началась принудительная коллективизация, сопровождавшаяся притоком в города из деревни дешевой неквалифицированной рабочей силы.

Вчерашние крестьяне не имели больших социальных потребностей, и минимум социально-культурных благ, которые им предоставлял город, воспринимался как ценный дар советского строя. А потомственные рабочие были довольны тем, что форсированная индустриализация рассосала безработицу. С 1930–1931 годов начал проводиться оргнабор рабочей силы.

Был поднят престиж рабочих профессий. На предприятиях создавались Красные уголки, клубы, а на самых крупных – и Дворцы культуры. Новизна перемен перебивала неурядицы жизни, порождала энтузиазм и оптимизм.

Появились ежегодные формально добровольные, а на самом деле принудительные займы, размещаемые организованно по подписке среди населения (займы «Индустриализации», заем «Пятилетка в четыре года», заем «Четвертый завершающий год первой пятилетки» и т.д.).

Вместо 7-дневной рабочей недели вводилась «шестидневка»: выходной приходился на каждый шестой день, но общего для всех граждан выходного не было. Благодаря этому предприятия и многие учреждения могли работать без перерыва.

Росли инфляция и розничные цены на товары народного потребления. К началу 1929 года во всех городах СССР была введена карточная система на продукты, а к середине 1931 года – на промтовары. В этих условиях широкие размеры среди работающих приобрело воровство. Нарком снабжения А.И. Микоян весной 1932 года признавал: «Воруют все, вплоть до коммунистов. Коммунисту легче воровать, чем другому. Он забронирован партбилетом, на него меньше подозрений».

Для затушевания материальных трудностей было задействовано мощное политико-идеологическое давление сверху (выдвижение ярких партийных лозунгов, адресных призывов, коллективных обсуждений решений партии и правительства – прообраз нынешних пиаровских технологий), адресовано оно было, в первую очередь, рабочей молодежи.

Использование труда неквалифицированных и малограмотных рабочих, отсутствие у ряда руководителей технического образования зачастую приводило к крупным авариям, порче оборудования, взрывам. В условиях острой нехватки специалистов правительство развернуло масштабную программу подготовки технически грамотных кадров. И в то же самое время стартовала разнузданная кампания компрометации старой технической интеллигенции – за якобы целенаправленную преднамеренную вредительскую деятельность, инспирированную из-за границы: саботаж, создание диспропорций и замедление темпов экономического развития, порчу установленного оборудования и приобретение ненужного и т.д. В феврале 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности», повлекшее в течение нескольких лет сокращение количества инженеров и техников в оборонном производстве до 6,2 тыс. человек.

Правда, на совещании хозяйственников в июне 1931 года Сталин уже дает отбой наскокам на «буржуазных специалистов», но делает это в обычной для него двусмысленной манере: «Мы имеем определенные признаки поворота известной части этой интеллигенции, ранее сочувствовавшей вредителям, в сторону Советской власти. Тот факт, что... даже определенные вчерашние вредители, значительная часть вчерашних вредителей начинает работать заодно с рабочим классом, – этот факт с несомненностью говорит о том, что поворот старой технической интеллигенции уже начался.

Это не значит, конечно, что у нас нет больше вредителей. Нет, не значит. Но это значит, что активных вредителей осталось небольшое количество, они изолированы и они должны будут уйти до поры до времени в глубокое подполье».

Каковы же были итоги первой пятилетки?

Они столь же противоречивы, как и процессы, которые ее сопровождали.

Запланировано было построить или коренным образом реконструировать 1500 крупных предприятий. Но вскоре стало ясно, что сделать это не под силу. Тогда была выделена группа первоочередных строек. Эти 50–60 «ударных» объектов обеспечивались всем необходимым, но и среди них предпочтение оказывалось четырнадцати наиважнейшим. Впрочем, по ходу дела приоритеты тоже могли меняться или чередоваться. Ну а те, которые окончательно или периодически выбывали из разряда «ударных» или «наиважнейших», тоже продолжали строиться, но... уже как придется. По остаточному принципу. Впрочем, скидок на явную несбалансированность планов им не делали: виновными в возможном срыве сроков все равно объявлялись строители, а не директивные органы. На этой почве в промышленности появился новый тип хозяйственника – *толкач*. Это был работник среднего или даже низшего звена, снабженец по должности, пробивной и бывалый по жизненному опыту, который направлялся в центральные хозяйственные органы и *выбивал* вне лимита необходимые предприятию материальные ценности. Толкачи заволокли наркоматы, власть неоднократно объявляла им борьбу, но ничего поделать не могла, поскольку сама же их породила своей несбалансированной экономической политикой. Это был один из многих примеров, по поводу которых спустя десятилетия высказался Уинстон Черчилль: «Русские сами создают себе трудности, чтобы потом их преодолеть».

Было осуществлено строительство нового типа предприятий – комбинатов. Создавался Урало-Сибирский территориальный комплекс, в состав которого входили Магнитогорский металлургический комбинат на Урале, Кузнецкий металлургический комбинат в Западной Сибири (в 1932 году вступили в строй первые очереди этих предприятий) и Кузнецкий угольный бассейн. Сооружались гиганты тяжелого машиностроения – Уралмаш и Ново-Краматорский завод. До конца 1932 года были пущены Сталинградский тракторный завод, автозавод в Нижнем Новгороде, станкостроительные заводы в Москве и Нижнем Новгороде, несколько авиазаводов, заводы синтетического каучука в Ярославле и Воронеже, и многое-многое другое, что было на слуху. Но в какой мере удалось достичь запланированных цифр по объектам и по продукции? Об этом в докладе Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года «Итоги первой пятилетки», в сущности, не было ни слова! Раздел III «Итоги пятилетки в четыре года в области промышленности» выстроен по схеме: Добились ли мы победы? –

Да, добились. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь... И так далее. А в конце делается фундаментальный вывод – что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки до 70% к концу четвертого года пятилетки. Но суть в том, что этот вывод делался на основе стоимостных показателей, а не натуральных!

Аналогичная ситуация складывалась со второй пятилеткой (1933–1937). Индустриальной державой, то есть страной, в которой по стоимости продукция промышленности существенно превышает сельскохозяйственную, СССР стал не в результате «досрочного» завершения первой пятилетки, как провозгласил Сталин, и не по завершении второй пятилетки (когда удельный вес промышленности в национальном доходе составил 53,1%), а лишь в 1960 году. Тогда же и уровень городского населения существенно превысил уровень сельского.

Тем не менее, и вторая пятилетка была объявлена «в целом по промышленности выполненной досрочно» за 4 года и 3 месяца!

В годы второй пятилетки в СССР было построено 4 500 новых заводов, фабрик, шахт, электростанций. В 1937 году в стране насчитывалось 57 заводов, относящихся к авиапромышленности. Потребление на душу населения важнейших продуктов питания возросло за четыре года второй пятилетки в полтора – два раза, как в городе, так и в деревне. Однако уровень материального благосостояния народа не достиг показателей 1913 года.

Взятые еще в конце 20-х годов бешеные темпы были непосильны для разоренной и изначально отставшей в промышленном развитии страны и не вызывались объективной необходимостью – они были инспирированы Сталиным.

Фактические значительные достижения индустриализации явились результатом экстенсивного пути развития экономики, когда всю использовались казавшиеся неисчерпаемыми природные ресурсы; неиссякаемые людские ресурсы; накопленные за столетия государственные и церковные ценности; добровольные жертвы и лишения советских людей, увлеченных грандиозностью планов и искренне надеявшихся на быстрое приближение лучшего «завтра». И никогда больше в истории СССР не наблюдалось проявлений такого небывалого, а главное, искреннего энтузиазма и веры.

Но экстенсивный путь развития экономики по своему финалу сродни строительству финансовых пирамид и продолжаться бесконечно не мог.

Поначалу в короткий срок была ликвидирована безработица, а затем, подогреваемый партийной и комсомольской пропагандой и агитацией, был задействован поток добровольцев, преимущественно из молодежи. Но к середине 30-х годов наметилось его сокращение.

Трудовой энтузиазм трудящихся, готовых работать по 12–14 часов в сутки, идти на авралы, штурмы, субботники, рекорды («Догнать и перегнать», «План любой ценой»), пошел на убыль.

И тогда для компенсации нехватки рабочих рук, в условиях слабой механизации трудовых процессов, стал все шире и шире использоваться подневольный труд заключенных. Усилением репрессий Сталин решал сразу несколько задач.

Во-первых, экономическую задачу обеспечения бесплатной рабочей силой. Лишь один факт: в строительстве всех гидроэлектростанций СССР, кроме Красноярской, использовался труд заключенных ГУЛАГа. Заключенные строили все большие промышленные объекты в отдаленных необжитых или суровых районах.

Во-вторых, социально-политическую задачу создания образа серийного «врага народа», которого можно было бы назвать виновником неизбежных разочарований и неудач в быстром и беспрепятственном движении к социализму.

И в-третьих, политическую задачу создания атмосферы всеобщего страха в обществе и на этой основе – устранение бывших сподвижников, а теперь потенциальных конкурентов или просто нежелательных свидетелей истории восхождения во власть и установление единоличной, тотальной и пожизненной власти в стране.

А сбои возникали на каждом шагу. Строительство и производство лихорадили авантурные планы сверхиндустриализации, хроническое отставание технического проектирования; текучка кадров, аварии и поломки, вызванные массовым использованием низкоквалифицированной рабочей силы и т.д.

Покончить с политической оппозицией, одновременно возложив на нее ответственность за экономические просчеты первых двух пятилеток, был призван известный *Второй Московский процесс* 1937 года, знаковое событие «Большого террора».

Другим феноменом обстановки в стране, особенно проявлявшем себя в годы 1-й и 2-й пятилеток, была владевшая умами советских людей гигантомания и рекордомания.

«Самое большое» абсолютизировалось, становилось синонимом самого лучшего, самого эффективно, самого полезного и нужного «здесь и сейчас».

«Самое большое» могло выражаться в разных размерных показателях. Это могло быть самое ВЫСОКОЕ в мире здание (Дворец Советов в Москве, со скульптурой Ленина на вершине, которая большую часть времени была бы скрыта за облаками), самый КРУПНОГАБАРИТНЫЙ в мире самолет (агитсамолет «Максим Горький», прототип для агитэскадрилии из 12 самолетов), самый ВМЕСТИТЕЛЬНЫЙ в мире театр («Зеленый театр» в ЦПКО им. Горького в Москве), самая ПРОСТОРНАЯ в мире площадь (проект реконструкции Красной площади в Москве со сносом окружающих исторических зданий) и тому подобное.

Конечно, нельзя было не гордиться рекордами, носившими спортивный характер и открывавшими резервы физической природы и духа человека. Или рекордами, отражавшими достижения отечественной науки и техники. Особенно в 30-е годы это касалось авиации! Кто из современников всех возрастов не знал о сверхдальних беспосадочных перелетах экипажей Чкалова, Громова и Шестакова; рекордных высотных полетах Коккинаки; рекордах женских экипажей Полины Осипенко, Валентины Гризодубовой, Марины Расковой; экстремальных полетах полярных летчиков челюскинской и папанинской эпопей!

Но наряду с ними появились рекорды срежиссированные, поставленные в искусственно созданных условиях и в этом смысле, по определению, не воспроизводимые, а иногда и сомнительные до неправдоподобия.

Они появились в ходе развития массового социалистического соревнования, повсеместно организованного партией, профсоюзами, комсомолом. А началось все с рекорда Алексея Стаханова. Рекорд был организован в ночь с 30 на 31 августа 1935 года, и ставили его фактически три человека: сам Стаханов с отбойным молотком, который казался чудом технического прогресса, и два крепильщика – Борисенко и Щеголев. Это – формально. Неформально – еще сам парторг, который собственноручно подсвечивал лампой забой (шахтерских касок с фонарем тогда еще не было, Стаханов трудился в кепке), и конононы в неизвестном числе, дежурившие внизу на штреке и за это авансом получившие по бутылке горилки (вагонеток с шахтным электровозом тоже еще не было); еще внизу стояли начальник шахты и редактор многотиражки, а наверху вокруг шахты толпились горняки, наблюдая за рождением рекорда (эти детали оставались «за кадром»).

Мускулистый, жилистый Алексей Стаханов за смену – 5 часов 45 минут – выдал 102 тонны угля при норме 7 тонн, то есть перевыполнив ее в 14 раз!

Вскоре стахановский рекорд был побит: 4 сентября Мирон Дюканов нарубил за смену 115 тонн (!), а 19 сентября сам Стаханов – уже 32 нормы, 227 тонн! Спрашивается, за счет чего (или кого)?

Далее, возникает вопрос, а сколько угля дал Дюканов, например, 5 или 6 сентября? А Стаханов – 20 или 21 сентября? Ведь если технологический процесс в шахте не позволяет ежедневно создавать нужную для подобных рекордов концентрацию подсобных ра-

ботников вокруг одного (а тем более нескольких) забойщиков, то чисто производственная польза от таких рекордов практически нулевая, как, например, от рекордов Гиннеса.

А далее показательные сверхрекорды, названные стахановскими, состоялись в других сферах народного хозяйства. Одновременно место добросовестных мастеровых занимала фальшивая советская рабочая аристократия.

В стране, где деньги не являлись единственным источником и мерилем благосостояния, стахановцы превратились в касту привилегированных по снабжению и устройству быта. И это приводило к профанации самого понятия стахановского движения. В умах малообразованных рабочих, а таких было большинство, рождалось представление, что стахановцем можно *назначить*, что стахановцем может и даже должен стать каждый, пусть «в свой черед». Соответственно, к руководителям могли выдвигаться демагогические претензии (а то и обвинения), почему, например, «*в их коллективе нет стахановцев*», почему им «*не дают*» стать стахановцами. И подобный «голос масс» также мог привлечь опасное внимание со стороны репрессивных органов.

Да и к самим стахановцам отношение со стороны их товарищей было неоднозначным.

Алексею Стаханову были предоставлены небывалые льготы и привилегии. Ему предоставили квартиру с полной и бесплатной обстановкой, включая мягкую мебель, и с телефоном; выделили бричку с кучером (белого коня не нашлось – выбрали серого в яблоках)! Со всех концов Донбасса шли подарки, которыми был забит дом – хозяин не успевал распаковывать. Работал он уже не забойщиком, а инструктором по внедрению передового опыта. Вскоре на всех шахтах были увеличены нормы выработки, а зарплата осталась прежней. То же самое происходило в других отраслях промышленности. Вообще же сама идея перевыполнения норм выработки плохо стыковалась с плановым хозяйством: ведь если один человек может выполнить работу пятерых, то четверых впору увольнять. В то время как краеугольным камнем советской пропаганды всегда было утверждение о полной занятости населения и отсутствии безработицы, не в пример капиталистическому миру!

В обрисованную картину экономической и социальной обстановки в стране вписывалось и строительство Казанского авиационного завода им. Серго Орджоникидзе.

3. В начале пути: год 1932-й

Россия социалистическая должна иметь свой воздушный флот.

В.И. Ленин

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор...

Павел Герман

Все выше

Ленинский призыв не оказался риторическим и сбылся раньше, чем мог предположить его автор. Авиастроение стало наиболее динамично развивавшейся отраслью машиностроения в нашей стране. При том, конечно, что сами темпы сковывались общим состоянием экономики, хаотическим планированием («Все и сразу») и безудержными репрессиями...

А стихотворению киевского поэта-песенника Павла Германа была уготована просто блестящая судьба. В 1931 году на этот текст написали жизнеутверждающую музыку и назвали «Маршем Сталинской авиации». А в 1933 году, заменив слово *разум* на *Сталин*, переименовали в «Авиационный марш военно-воздушных сил РККА».

Обозначим основные вехи развития советской авиапромышленности к моменту принятия решения о строительстве авиазавода в Казани [18, 19, 20, 21].

В 1918 году в Москве был основан первый советский авиационный завод – Государственный авиазавод №1 (на базе завода «Дукс»), впоследствии – производитель истребителей Николая Поликарпова. В Петрограде функционировал авиазавод №3 «Красный летчик» (бывший «Гамаюн»), на котором приступил к конструированию морских самолетов Дмитрий Григорович. Тогда же ВСНХ принял решение о создании ЦАГИ, авиационный отдел которого возглавил Андрей Туполев, будущий разработчик тяжелых самолетов (бомбардировщиков). В следующем году в ВСНХ появился авиационный главк – Главкоавиа. 21 сентября 1920 года Реввоенсовет издал приказ №1903 об организации на Ходынском поле в Москве Научно-опытного аэродрома, предшественника НИИ ВВС, а 26 сентября – приказ №1946 о создании Института инженеров Красного Воздушного Флота, будущей Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. В 1922 году по инициативе Туполева правительство приняло решение об организации производства отечественного дюралюминия в поселке Кольчугино Владимирской губернии. 22 января 1923 года принято решение о создании концессии фирмы «Юнкерс» в подмосковных Филях, на базе которой появился крупнейший советский авиаза-

вод №22, а впоследствии – на той же площадке – завод №23, существующий и поныне (с 1960-х годов – ГКНПЦ им. М.В. Хруничева).

В первые годы советской власти строились преимущественно аппараты военного назначения; проекты пассажирских самолетов ввиду разрухи не получали поддержки. Появились истребители И-1 Григоровича, АНТ-5/И-4 Туполева, И-3 Поликарпова; бомбардировщик АНТ-4/ТБ-1 Туполева.

Но уже 9 февраля 1923 года Совет Труда и Оборона (СТО) принимает решение об организации регулярных пассажирских авиаперевозок. Эта дата считается днем рождения Аэрофлота, хотя сама организация Аэрофлот появилась после того, как 15 июля 1932 года была открыта первая внутренняя пассажирская линия Москва – Нижний Новгород. В том же 1923 году открылась первая международная авиалиния Москва – Берлин.

Далее последовало: 26 июля 1925 года поднимается в воздух первый отечественный серийный пассажирский самолет К-1 конструкции К.А. Калинина [21]; 6 ноября 1931 года открыт первый советский аэровокзал; 24 марта 1935 года в Москве при Тушинском аэродроме основан Центральный аэроклуб.

Изначально концепция создания в СССР крупнейшего (с «самым длинным в мире» сборочным цехом) авиастроительного комплекса, ориентированного на производство тяжелых самолетов, и размещения его на территории Татарии принадлежала П.И. Баранову, начальнику управления ВВС Наркомата обороны. В свою очередь, основывалась эта концепция на господствовавших в Наркомате обороны (М.Н. Тухачевский) представлениях о решающей роли тяжелой, прежде всего – десантноносной авиации в будущей войне и на достигнутых в конструкторском коллективе А.Н. Туполева успехах в создании многомоторных самолетов (таких, как серийный бомбардировщик АНТ-6/ТБ-3 и флагман агитэскадрильи АНТ-14 «Правда») [22].

Впервые парашютный десант был выброшен в СССР 2 августа 1930 года на учениях частей Московского военного округа близ Воронежа. В дальнейшем

этот вид вооруженных сил получил значительное развитие, которое продемонстрировала ставшая всемирно известной выброска массового воздушного десанта на Киевских маневрах 1936 года [23]. Десантирование производилось с четырехмоторных бомбардировщиков ТБ-3 конструкции Туполева.

Петр Ионович Баранов был яркой фигурой в истории советской авиации [24, 25]. Не имея специального образования, он, тем не менее, на рубеже 20–30-х годов на деле был организатором советского военно-воздушного флота и авиационной промышленности.

В годы Первой мировой войны Баранов вел революционную работу в царской армии. В период Гражданской войны он – начальник политуправления войск Украины и Крыма. Должность обязывала, и в кронштадских событиях, подчиняясь воле большевистского центра, Баранов лично участвовал в штурме крепости, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Сначала Фрунзе, а позже – Орджоникидзе замечают незаурядные деловые качества и способности П.И. Баранова.

Фрунзе направляет Баранова на краткосрочные курсы практической подготовки авиационных механиков в Ленинградской военно-технической авиационной школе. По их окончании приказом М.В. Фрунзе в 1925 году Баранова назначают начальником управления ВВС – командующим ВВС в Наркомате обороны (позднее эту должность занимали более памятные сегодня Я.И. Алкснис, А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, П.В. Рычагов, П.Ф. Жигарев). С 1932 года П.И. Баранов – в Наркомтяжпроме: заместитель наркома (Орджоникидзе) и одновременно начальник Главного управления авиационной промышленности (Глававиапром, ГУАП). Эти должности он занимал до своей гибели в авиакатастрофе осенью 1933 года, когда летел с женой на слет планеристов в Коктебеле (среди погибших были главный инженер упоминавшегося авиазавода №22 С.П. Горбунов и еще ряд крупных работников отрасли).

За отпущенные Баранову семь с половиной лет руководящей работы сделано было немало. Авиационная промышленность осваивала сложное производство, наращивался выпуск самолетов. В ноябре 1933 года был создан Московский институт приборостроения, ориентированный на авиационную тематику (он же: НИИ-12, НИСО, НИИ-25, НИИП, а ныне – Государственный НИИ приборостроения) [26]. Действовали 6 высших и 13 средних авиационно-технических учебных заведений. Помимо этого, создавались краткосрочные курсы – ФОНы (факультеты особого назначения) для руководителей. Один из таких ФОНов окончил, к слову сказать, начальник Казмашстроя Маршев. Баранова хватало на все. В 30-е годы состоялось несколько впечатляющих авиаперелетов, один из которых (первый беспосадочный перелет в Америку по маршруту Москва – Токио – Нью-Йорк) организовал сам Баранов. Он был также в числе руководителей ОДВФ – Общества друзей воздушного флота, состоял

в редакции журнала «Вестник воздушного флота». И еще был кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

По воспоминаниям Михаила Громова, одного из известнейших советских летчиков, Баранова отличали удивительная простота и сердечность в общении.

После завершения первой пятилетки, в феврале 1933 года организуется Всесоюзная конференция директоров авиазаводов. Было доложено, что пятимоторный самолет АНТ-14 конструкции Туполева и Петлякова превзошел разрекламированный юнкеровский Г-34. Освоен новый микулинский мотор АМ-34 (12-цилиндровый V-образный двигатель – прообраз будущего семейства поршневых авиамоторов).

В работе конференции участвуют и директора строящихся авиамоторных заводов И.Э. Марьямов (завод №24 им. Фрунзе в Москве, перебазированный в годы войны в г. Куйбышев) и И.И. Побережский (завод №19 в Перми, нынешние «Пермские моторы»), а также инициатор создания Центрального института авиамоторостроения (ЦИАМ) и руководитель его ведущего отдела А.Д. Чаромский. Все трое – участники Гражданской войны, выпускники Военно-воздушной инженерной академии им. профессора Н.Е. Жуковского (1928 год). Но через четыре года на них обрушатся репрессии, и в следственных материалах будет фигурировать также имя Баранова – ведь это он доверил им руководящие посты. Марьямов и Побережский будут расстреляны [27; 28]. Чаромский уцелел. В 30–40-е годы он был разработчиком авиационных (АЧ-30 и его модификации) и танковых дизелей [29; 21, с. 161, 303]. И пока он трудился в «шарашке», Сталинскую премию I степени за разработку авиадизеля получил В.М. Яковлев из ЦИАМ. К счастью, после освобождения в 1942 году Чаромский продолжал успешно работать, и его труд был оценен по достоинству.

Но все это будет позже. А пока, через шесть месяцев после Всесоюзной конференции 1933 года, впервые празднуют День воздушного флота, Баранова награждают орденом Ленина.

В увековечение памяти П.И. Баранова в Москве его имя было присвоено ЦИАМу, в Запорожье – авиамоторному заводу №29, а руководителями Татарии его именем в 1934 году был назван Казанский авиационный институт. Но это имя КАИ носил только до 1937 года, а с 1976 года, решением правительства СССР, стал именоваться КАИ им. А.Н. Туполева (ныне – технический университет).

А пока вернемся к роли П.И. Баранова в создании Казанского авиастроительного комплекса. Еще будучи руководителем ВВС, в конце 20-х годов, Баранов побывал в районе предполагаемого строительства авиакомбината в пригороде Казани и оценил выгоды выбранного места: близость крупного хозяйственного и политического центра – Казани с ее развитыми железнодорожными и речными путями сообщения, наличие карьеров по добыче камня, гравия, песка, алебастра; наличие свободных территорий, малоценных для использования в сельском хозяйстве, но пригодных

для размещения промышленного производства. Московская организация Гипроавиапром провела изыскательские работы и подготовила проект строительства комплекса в составе самолетного и моторного заводов, ТЭЦ мощностью 25 мегаватт, двух вспомогательных заводов (агрегатов и деталей), предприятий стройиндустрии, «социалистического города» на 350 тысяч жителей с объектами соцкультбыта.

Завод проектировали для выпуска тяжелых самолетов АНТ-16/ТБ-4 (переходная модель) и АНТ-26/ТБ-6. Последний должен был быть самым большим на то время самолетом – размах крыльев 95 м (!), не превзойденный до сих пор, а взлетный вес 70 т.

Как выяснилось в дальнейшем, проект оказался «неравнопрочным». Обнаруживались серьезные упущения, приводившие к затяжке строительства и даже к приостановке отдельных его этапов (например, отсутствие ясности в вопросе сооружения ТЭЦ и водозабора было зафиксировано в мае 1932 года в постановлении Совнаркома Татарии). Ошибочным было признано впоследствии проектное решение строить сборочный цех самолетостроительного и моторного заводов под общей крышей. С другой стороны, документация по моторному заводу оказалась на редкость полной.

Вообще оснащение завода было одним из самых передовых в стране. За границей, в основном в США, были закуплены расточные станки, автоматы для изготовления нормализованных деталей, специальное высокопроизводительное оборудование для заготовительного производства и много другого современного оборудования для выпуска крупных серий самолетов. В число действующих предприятий завод №124 был введен на рубеже 1934–1935 годов, когда его строительство еще не было закончено. Впоследствии А.Н. Туполев писал [30]: «Помню, с Кагановичем (М.М. Каганович – тогда зам. наркома оборонной промышленности и начальник ГУАП – прим. авт.) мы приехали на создававшийся Петром Ионовичем большой завод в Казани. Построено было меньше половины, остальное – законсервировано. Там Петр Ионович задумал создать большой комбинат из ряда заводов, которые к этому времени еще не были начаты строительством. Походили мы с Кагановичем по этому комбинату, и он меня спрашивает, что же делать. Я говорю: восстановим все, что было задумано. Такое решение было принято. И что здесь характерно: когда подняли чертежи моторного завода, оказалось, что они полностью соответствуют сегодняшнему дню: не потребовалось ни одного нового чертежа, чтобы создать этот завод и восстановить все оборудование так, как оно было задумано при ПИБ (Петр Ионович Баранов – Прим. авт.). Настолько широк у него был кругозор, настолько правильно и масштабно он мыслит. И я очень ценю ту роль, которую Петр Ионович сыграл в нашей авиации – как в создании научных центров, так и в создании военной и авиационной промышленности. Потеря его была громадной потерей для всей страны».

В 1931 году Наркомтяжпром СССР принял принципиальное решение о строительстве предприятия авиастроения в Казани. План активно поддержали обком ВКП(б) и Совнарком республики. Далее, как водится, должно было заручиться одобрением лично Сталина, с каковой целью в Москву отбыл тогдашний первый секретарь обкома ВКП(б) Татарии М.О. Разумов.

Мельчайшие подробности прошедшей в Кремле встречи впоследствии расходились от Разумова кругами и в конечном счете дошли до наших дней [5]. Вот как запомнил их заместитель начальника, затем начальник строительства Н.Д. Маршев.

На встрече присутствовали М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе и другие руководители страны. Между Сталиным и Разумовым состоялся такой диалог:

– Итак, вы хотите, товарищ Разумов, строить у себя авиазавод?

– Да, хотим, товарищ Сталин.

– А все ли у вас в Татарии для этого есть? Как, например, обстоят дела с кадрами строителей?

– Таких кадров пока нет.

– А дорожная сеть у вас хорошо развита?

– С дорогами плоховато, товарищ Сталин.

– А насчет строительного материала как?

– Это у нас найдется, нужно только руки приложить.

– А как с жильем?

– Плохо.

– А с электроэнергией? Ведь у вас на всю Казань имеется только одна маленькая электростанция на Булаке, мощность которой составляет лишь 5 тысяч киловатт.

– Правильно, товарищ Сталин, тут дела пока тоже плохие. Но мы заложили в 1929 году ТЭЦ-1, которая должна скоро вступить в строй.

– И с водой, вероятно, плохо?

– Плохо.

– И наконец, есть ли у вас какой-либо опыт больших новостроек?

– Нет.

– Так что же у вас в конце концов есть для того, чтобы осуществить такую грандиозную стройку? На что вы рассчитываете?

– У нас, товарищ Сталин, есть совесть и честь народа, и на это мы очень рассчитываем. Когда я отправлялся к Вам, товарищи просили передать, что народ Татарии гордится доверием партии и правительства и ничего не пожалеет для того, чтобы на полях республики воздвигнуть авиационный комбинат.

– Ну что ж, тогда давайте стройте, – медленно проговорил Сталин.

Разумеется, вождь подготовился к встрече. Задавал точные и деловые испытующие вопросы общего свойства. А вот пассаж насчет электростанции на городской протоке Булак явно был рассчитан на показательный эффект. Призван был продемонстрировать, что вождь всевидящ и знает все до мелочей. И ведь соиздавали они, подобные пассажи, нужное впечатление, умилительно передавались из уст в уста.

Кто бы знал из иных, присутствовавших на той встрече, какая ему уготована судьба через какие-то пять лет. В предвидении неизбежного ареста покончит с собой Серго Орджоникидзе, будет расстрелян М.О. Разумов... Ну а тогда, вскоре после знаменательной встречи в Кремле, последовало формальное решение Совета труда и обороны, закрепившее ее итоги.

И весной 1932 года в Казани вместо привычных объявлений о предстоящем паводке, обычно вывешиваемых на окнах трамваев, замаячили призывы «Все на Авиастрой!».

3 марта 1932 года на страницах центральной республиканской газеты «Красная Татария» появилось сообщение:

В ближайшие дни в Казани начинается постройка гигантского машиностроительного комбината, который по своим объемам будет равняться крупнейшим из крупнейших заводов, сооруженных в СССР.

Сооружаемый комбинат вместе с другими предприятиями выдвигают Татарию на одно из передовых мест бурно индустриализирующегося Советского Союза.

5 марта правительство Татарии утвердило площадку под строительство машиностроительного комбината в районе деревень Караваяево – Борисоглебское – Савиново. Была назначена комиссия по организации строительства авиагиганта. В нее вошли П. Баранов в качестве председателя, секретарь обкома М. Разумов, старший военрук Казанского государственного университета комбриг В. Распопов и профессор аэродинамики университета Н. Четаев (последний впоследствии – основатель Казанского авиационного института и первый заведующий кафедрой аэродинамики в этом институте). Комиссия наметила первоочередные меры: передачу строительству ряда городских зданий, гостиниц, прокладку дороги от улицы Проломной (ныне Баумана) до силикатного завода и трамвайной линии от Булака в район новостройки.

События продолжали стремительно развиваться. Еще не было структурированного управления строительства, а уже 15 марта в «Красной Татарии» были опубликованы первые рапорты:

Пущен в срок и стал работать в три смены силикатный завод (в дальнейшем он был передан Авиастрою в полное распоряжение).

Астрономо-геодезическое отделение КГУ досрочно, несмотря на бураны, закончило первую очередь съемок участка Машиностроя.

Газета обкома комсомола «На штурм» писала:

По приблизительным данным, на всех строящихся предприятиях будет занято около 100 тысяч рабочих.

На стройплощадку потянулись тысячи подвод с всевозможными строительными материалами: песком, гравием, камнем, лесом.

20 апреля Орджоникидзе подписал приказ №233 по Наркомтяжпрому [31], в котором было два пункта. Первым организовывалось специальное строительное управление на правах треста с непосредственным подчинением Глававиапрому, на которое возлагалось

строительство Авиакомбината №124. Вторым пунктом был назначен начальник управления Авиакомбината №124 (то есть начальник строительства): тов. Кузнецов К.Д.

Следующая дата – 2 мая 1932 года, когда по случаю закладки Авиакомбината состоялся торжественный митинг. Главными фигурами на митинге, проходившем на большом Караваяевском поле, были, разумеется, М.О. Разумов, П.И. Баранов и К.Д. Кузнецов. Проходили колонны участников, самолет У-2 разбрасывал листовки, затем началась официальная часть. С интересом читаются сегодня сохранившиеся фрагменты выступлений, никого тогда не оставлявших равнодушными:

М. Разумов:

Крупнейший в мире авиакомбинат... изменит лицо Татарии, превратив ее из аграрной в индустриальную. Этот комбинат даст нам возможность удвоить, утроить число рабочих, приведет нас к новым победам ленинской национальной политики. Дело чести – построить его в срок!

П. Баранов:

Сейчас быстрее развитие авиации является для нас боевой задачей. У авиации впереди большие возможности. Я твердо верю, что комбинат будет построен в срок. Тому порукой исключительно любовное отношение, каким уже сейчас окружен Машинострой!

К. Кузнецов:

Самолет – это эмблема скорости, ударных темпов. Все строители будущего гиганта обязаны сверхударными темпами своей работы оправдать значение самолета-эмблемы!

После речей первый камень в фундамент строительства заложил П. Разумов, второй – П. Баранов. Под камнем замуровали заранее заготовленный акт о закладке комбината [31]. Но в нем уже вместо живых слов – трескучая риторика, привычная агитка тех лет:

Решили строить сверхударными темпами... Закладка... происходит в первомайские дни, в дни, когда пролетарии мира демонстрируют свою готовность дать последний, решающий бой капиталу. Пену, злобу и ненависть мечет международная буржуазия против Советского Союза – отечества мирового пролетариата, его ударной бригады.

Заверяем партию и ее ленинский штаб – Центральный комитет и вождя партии тов. Сталина, что боевая задача построить Авиакомбинат будет выполнена в намеченный срок.

Итак, в публичных выступлениях и открытых печатных материалах «намеченный срок» не фигурировал.

Почти сразу после закладки Авиакомбината вышло постановление Совета народных комиссаров ТАССР «О мероприятиях по обеспечению развертывания подготовительных и основных капитальных работ Казанского авиакомбината» [31]. В его основе лежал разработанный Кузнецовым Календарный план строительства Авиакомбината на 1932 год. Этот план по объему и срокам даже сегодня выглядит более чем оптимистическим. Так, по разделу капитального строительства всего за 5–6 месяцев предполагалось пост-

роить гараж, хлебозавод, фабрику-кухню, столовую, амбулаторию, баню, ясли, склад москатели (то есть химических товаров), пожарное депо, ФЗУ, а также установить заборы, мостить и асфальтировать дороги... Раздел строительства вспомогательных сооружений включал: 150 жилых бараков – за 3 месяца, 12 жилых домов для ИТР – за 2 месяца, гостиницы «Бристоль» и «Волга» – за 5 месяцев и многие десятки других объектов. В числе последних не были забыты 50 уборных, 120 кипятильников (так называли водонагреватели), 4 артезианских колодца и т.д.

Возвращаясь к постановлению Совнаркома, о котором шла речь, замечу, что в остальных своих частях оно выглядело очень убедительным – конкретным, детальным, всеобъемлющим. На новые задачи ориентировались всевозможные республиканские структуры: Лаишевские гравияеразработки, Кадышевские и Куркачинские карьеры бутового камня, Свияжские песчаные карьеры, Краснооктябрьские и Сабинский леспромхозы, предприятия железнодорожного и водного транспорта, организации, ведающие гужевым транспортом. Решались вопросы пополнения оборотных средств, снабжения и питания из расчета строительных рабочих до 55 тысяч человек.

На самом же строительстве в это время формировались все звенья управления. Кстати, само Управление Авиастроя первоначально расположилось в краснокирпичном здании бывшей церковно-учительской школы по нынешней улице Декабристов, 172. Впоследствии оно получило название «Старое Управление», в отличие от нового, разместившегося ближе к строительной площадке.

3 июля 1932 года приказом №65 по управлению Авиастроя была утверждена его структура [31]. В непосредственном подчинении К.Д. Кузнецова находились: спецотдел, юридическое бюро, отдел контроля и управления, бюро прессы и информации, московское представительство, научно-технический совет. Даже по сегодняшним меркам передовая структура! А все остальные службы подчинялись непосредственно заместителям и помощникам Кузнецова. Руководство всеми техническими вопросами возлагалось на заместителя по технической части – главного инженера. Первым главным инженером Казмашстроя стал А.А. Зайцев.

В 1932 году время было спрессовано до предела. В июле начал выходить журнал «Авиастрой», как указывалось на обложке, орган техпропа Управления по сооружению авиакомбината [32]. Его редактором был назначен инженер Д.Ф. Садовский. Нетрудно предвидеть: через пять лет он *загремит*... Так и случилось.

А на строительной площадке полным ходом шли земляные работы. Появились первые ударники. Особую известность приобрел землекоп по фамилии Казик. Его имя долго звучивало в тогдашних СМИ, в выступлениях на всевозможных активах и конференциях. Казик нашел, что удобство, а значит, и эффективность работы с лопатой зависят от соот-

ветствия ее размеров глубине котлована, на которой в данный момент находится землекоп. Он изготовил себе несколько лопат разных, как мы бы сказали, типоразмеров, то есть с разной длины черенками, а может быть, и с разными размерами и формой штыка. И менял лопаты по мере углубления траншеи. Производительность труда Казика возросла необычайно. Интересно, что и несколько лет спустя, уже во времена стахановского движения, продолжалось техническое усовершенствование ручного труда лопатой. В Ленинграде в 1935 году прославился знаменитый грузчик Кировского завода В. Титенков, который, сделав себе особую лопату «ковшом», за 45 минут разгружал, «не вздохнув», двадцатитонную (?) платформу с углем, опережая при этом кран на соседней платформе, где работали 3 человека [16, с.167].

В 30-е годы строительство носило, как правило, временный характер, то есть кадры рабочих и специалистов привлекались именно на данный объект. Основной контингент строителей составляли рабочие-сезонники. Для большинства вчерашних колхозников и позавчерашних единоличников, тысячами приходивших по набору, строительное дело было новым. И хотя в те далекие годы практиковались первобытные способы работ, с применением ручного труда и примитивных инструментов и орудий, все же строительное дело требовало определенных знаний и квалификации, например, по специфике зимних работ, по бетонированию (как тогда говорили, по *бетонировке*), кирпичной кладке, механизации. Легче всего вписывались в новое дело плотницкие артели, плотники были дефицитными квалифицированными рабочими. На Казмашстрое был для них огромный объем работ, и не только на устройстве опалубок или жилстроительстве. Возможно, мало кто сегодня помнит, что первые градирни на ТЭЦ-2, с их сложной формой гиперблоида вращения, были деревянные! Только на рубеже 60–70-х годов их заменили бетонными.

Выигрышно на Казмашстрое смотрелись рабочие коммуны «Цемент». Это были финны, прибывшие в СССР из Америки в 1930 году на строительство Нижегородского (Горьковского) автозавода. Часть этих рабочих в 1932 году была переведена на строительство авиазавода №124 в Казани. Их ставили в пример другим рабочим за бережное отношение к инструменту и умелость.

Недостаток в квалифицированной рабочей силе и дефицит некоторых видов строительных материалов на первом году строительства заставили обратиться к поиску возможностей использования местных подручных материалов. На строительстве бараков, временных построек соцкультбыта, складов, мастерских дефицитными материалами были лес круглый и пиленный, гвозди, толь, опилки. И приказом №109 от 8 июля 1932 года предлагалось [31] заменить деревянные бараки – саманными и глинобитными; толевую и тесовую кровлю – финской стружкой; опилки – торфом, а плотников – чернорабочими.

Так в 1932 году появились саманные глинобитные бараки, в которых селились сезонные рабочие Казмашстроя.

Возникли и другие трудности. Одна из них – текучесть кадров. Ее причины были очевидны – плохие жилищно-бытовые условия, непродуманное распределение рабочих мест. В этой связи администрация стройки 4 июля 1932 года приняла постановление «О развертывании строительства соцгорода». Для усиления организационной и хозяйственной работы октябрь и ноябрь были объявлены «Ударным двухмесячником» по ускорению жилищного строитель-

ства, подготовке к зиме, завершению строительства трамвайной линии от города до стройплощадки [33]. Здесь, скорее всего, неточность формулировки, ведь трамвайное сообщение прокладывалось в несколько этапов. Сначала на городском маршруте добирались до промежуточного «круга» в районе поселка ИТР, с последующей пересадкой на местную, «заводскую» линию до завода. Беспересадочное, сквозное трамвайное движение от старой Казани до завода было открыто позже.

Год 1932 был прожит бурно, с энтузиазмом, с подъемом. Старт Казмашстроя удался!

4. В начале пути: энтузиасты, подвижники, спецы

Упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу.

И. Сталин

Речь на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г.

Уже упоминавшиеся К.Д. Кузнецов и А.А. Зайцев недолго пробыли во главе Авиастрога: в начале 30-х годов успешный старт был поводом для перемещения «благополучных» руководителей на очередные или отстающие новостройки, а «на хозяйстве» оставались те, кто тоже стоял у истоков и успел себя зарекомендовать. Так на трагическую для себя тропу ступили Н.Д. Маршев и З.Я. Шейнман.

По документам, Маршев числился на строительстве с февраля 1932 года: был поначалу председателем ОРСа (отдел рабочего снабжения). С августа 1933 года он – заместитель начальника строительства и коммерческий директор, а с января 1937 года до ареста в июне того же года – начальник Казмашстрога

Шейнман пришел на Авиастрой в декабре 1932 года заместителем главного инженера. Через два года он был назначен на смену Зайцева главным инженером и занимал эту должность до своего увольнения по собственному желанию в сентябре 1937 года. Но связь Шейнмана с Казмашстрогом на этом не оборвалась: в мае 1938 года его арестовали и этапировали из Москвы в Казань.

Из других руководителей, что появились на Авиастрое в 1932 году, упомянем только одну, но примечательную фигуру скромнейшего начальника пожарной охраны Сулеймана Халиловича Гафиатуллина. Он тихо и незаметно проработал на своей должности пять лет, а затем вдруг стал расти, как на дрожжах, явив сначала странную активность при арестах в поселке ИТР завода 124, затем – перескакивая со ступени на ступень по партийной линии, и наконец, заняв пост председателя Совнаркома республики в 1939 году, потрясающая карьера за два года! Вообще пожарная охрана в Советском Союзе всегда проходила по ведомству НКВД. Но похоже, что Гафиатуллин появился на Авиастрое не для тушения пожаров, а был внедрен ОГПУ с особыми целями. Фамилия Гафиатуллина дальше еще прозвучит, а сейчас продолжим разговор о других руководителях Авиастрога.

Еще не видно конца строительных работ, но едва на рубеже 1933–1934 годов обрисовались контуры заводских корпусов, как последовало назначение заводского руководства – надо было знакомиться с будущим объ-

ектом со стадии строительства, изучать документацию на продукцию, организовывать подготовку производства, набор кадров.

Из первых назначенцев завода известен только Дайбог. С июля 1934 года и до ареста в октябре 1937 года он был техническим директором завода. Со временем эта должность стала называться главным инженером.

Первым директором авиазавода №124 с января 1935 года был В.И. Мухин, одновременно выполнявший, ввиду откомандирования К.Д. Кузнецова, обязанности начальника строительства. При нем в августе того же года в структуре предприятия был выделен моторостроительный завод №27.

В 1936 году, завершающем этап, названный нами «Начало пути», состоялись новые кадровые назначения. В апреле 1936 года директором завода №124/27 и одновременно начальником строительства назначается Л.Н. Шаханин. С января 1937 года руководство строительством перешло к Н.Д. Маршеву, а Л.Н. Шаханин оставался директором до ареста в апреле 1938 года.

Вакантные должности в техническом руководстве Казмашстрога заполнялись из числа проявивших себя специалистов. Так, главным механиком строительства с сентября 1936 года стал Я.А. Моргулев, приехавший на стройку в ноябре 1934 года. Начальником ТЭЦ-2 с апреля по декабрь 1937 года работал В.М. Яковлев, а директором завода №27 в 1935 году стал П.Г. Старов.

Что же представляли собой и откуда взялись все эти люди?

Из учебников истории и художественной литературы 30-х годов немало известно о тех, кто становились «прорабами» индустриализации в СССР. Тогда их называли «выдвиженцы», «практики», «спецы».

К началу 30-х годов культурный слой дореволюционного российского общества был в значительной мере разрежен. Высшая аристократия и крупная буржуазия, кто остались в живых, – бежали за границу. Туда же были высланы отдельные видные ученые, а некоторые решились уехать сами. Офицерство было вырублено под корень в сражениях и в результате террора Гражданской войны. Высшие правительственные чиновники арестованы.

Кто случайно уцелел и забился в щели, методично выдавливались со своего места жительства, выслалились или ссылались в отдаленные районы страны, будучи, в конечном счете, также обреченными на уничтожение.

Бывшим директорам заводов и фабрик, высшим техническим руководителям не доверяли, их смещали с постов.

Это еще был не террор 1936–1938 годов с его громкими политическими процессами и массовыми репрессиями, а террор в отношении «классово чуждых представителей» нового общества.

Но триумф «малой чистки» вступил в противоречие с задачами первой пятилетки. Теперь потребовалось заполнить множество вакансий хозяйственных руководителей высшего и среднего звена, технических и производственных руководителей всех уровней. Власть решала эту задачу разными путями.

С одной стороны, выдвигались наиболее яркие представители из рабочей, солдатской или матросской среды. Говорили, что людей, имевших перспективу роста, умело находил Серго (Георгий Константинович) Орджоникидзе. Таких выдвинутых называли «красными директорами». «Красным директором» с низшим образованием на Казмашстрое был начальник строительства и первый директор завода №124 В.И. Мухин.

Но многие из них не останавливались на достигнутом и с отрывом или без отрыва от производства повышали свое образование. К числу последних относились все другие руководители строительства: и первый начальник управления Авиакомбината №124 К.Д. Кузнецов (1932–1933 годы), и заместитель начальника, а затем ГССК по строительству завода №124/27 Н.Д. Маршев (1933–1937 годы), и сменивший его на этом посту И.С. Бусаров (1937–1938 годы).

С другой стороны, кадры технических руководителей давала система высшего образования. Такие руководители тоже работали на Казмашстрое и Казмашкомбинате.

К сожалению, очень мало сведений сохранилось о первом главном инженере строительства А.А. Зайцеве и первом директоре авиазавода В.И. Мухине.

В нашем распоряжении лишь одна статья Зайцева из первого номера производственного журнала АВИАСТРОЙ [31]. Статья сугубо техническая, а написана просто и понятно, читается легко, доступна для любого производственника, что свидетельствует и о профессионализме, и об общей культуре автора.

А о Владимире Ивановиче Мухине существуют лишь скудные биографические данные. Известно, что родился он в 1882 году в селе Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии. Отработал на Казмашстрое и Казмашкомбинате, а со второго квартала 1936 года его, как тогда говорили, «перебросили» на строительство авиазавода №30 в г. Кимры Калининской области. Репрессирован (см. главу 14).

Увы, информация о А.А. Зайцеве и В.И. Мухине, как и о С.Е. Дайбоге, сегодня отсутствует даже в заводском музее КАПО им. Горбунова.

К.Д. Кузнецов (? –1956)

Кузьма Дмитриевич Кузнецов был выдвинутым Орджоникидзе. Вот каким вспоминали его современники (со слов Г.Д. Асхадулина, рабочего КАПО им. Горбунова [6]):

Когда я пришел на завод, старые кадровые рабочие еще хорошо помнили своего первого руководителя, начальника Авиастроя Кузьму Дмитриевича Кузнецова. Говорили, что даже в облике его было что-то от Сергея Мироновича Кирова. «Генералом от промышленности» назвал Серго Орджоникидзе начальника Авиастроя К.Д. Кузнецова. Этот рабочий человек, выросший до крупного хозяйственника, в дальнейшем руководил новостройками в Комсомольске-на-Амуре, Саратове, Куйбышеве, Москве. За свои заслуги перед родиной Кузьма Дмитриевич Кузнецов был награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями. Его имя мы встречаем в книгах «Город на заре», «Мужество Комсомольска», «Горьковский автомобильный». Его портрет в Красном углу заводского музея.

В годы Гражданской войны К. Кузнецов участвовал в освобождении Сибири и Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, тогда же вступил в партию. Удачно проявил себя на строительстве Нижегородского автозавода и при организации Казмашстроя, затем его направили на еще более важную стройку – будущий город Комсомольск-на-Амуре.

Первоначально он был вторым, наряду с И.А. Кателем, начальником строительства города. В 1934 году в Комсомольске заложили авиазавод, и К.Д. Кузнецов стал его первым директором. А в 1937 году завод №126 принял к производству чертежи ильюшинского дальнего бомбардировщика ДБ-3 [34, с. 70].

После Комсомольска, где Кузнецов пробыл с 1934 до 1938 года, «наш Кузьма» работал в Саратове, затем начальником Главвиастроя. Во время Великой Отечественной войны трудился в Куйбышеве, на Красной Глинке и в других местах. С 1946 года жил и работал в Москве. Последние сведения о нем датируются 1956 годом.

Н.Д. Маршев (1901–1971)

Николай Дмитриевич Маршев родился в деревне Малое Фролово Тетюшского района Татарии в бедной крестьянской семье. С началом Гражданской войны вступил в Красную Армию и служил в частях особого назначения – ЧОНе, которые были организованы в апреле 1919 года. Энергичного и грамотного (четыре класса начальной школы!) бойца направили в «1-ю школу краскомов», которую он окончил летом 1920 года. Тогда же Маршев вступил в ВКП(б).

Видимо, в этот период он впервые услышал о Троцком, наркомом по военным и морским делам, который, как известно, часто выступал перед красноармейскими частями. Имя Троцкого в нашей стране по-прежнему

окружено ореолом настороженности и подозрительности. Но как бы ни оценивать роль Троцкого в истории советского государства, несомненным является исторический факт: в течение почти десятилетия, начиная с 1917 года, Троцкий входил в ядро партийной и государственной элиты Советской республики. И при этом пользовался необычайной популярностью у значительной части красноармейцев, а также в студенческой и в политически активной рабочей среде.

Из стихотворения, написанного Владимиром Маяковским (по И. Сталину – «лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи») на назначение Фрунзе в 1925 году наркомвоенмором взамен Троцкого:

Заменить ли горелкою Бунзена
Тысячевольтный Осрам?
Что после Троцкого Фрунзе нам,
После Троцкого Фрунзе – срам!

Можно простить поэту, назвавшему 1000-ваттную электрическую лампу голландской фирмы Osram 1000-вольтной, и не дискутировать относительно военного таланта обоих (Фрунзе командовал боевыми операциями, Троцкий полководцем не был), но обобщенные личностные предпочтения поэта очевидны.

По словам сына Маршева, Троцкий был личностью для его отца. Но был ли Маршев формально связан с троцкистами в середине 20-х годов, неизвестно. Ясное дело, когда Троцкий был отстранен от руководства (1927 год), сослан в Алма-Ату (1928 год), выдворен из СССР (1929 год), а любое упоминание о человеке в связи с Троцким стало смертельно опасным, Маршев скрывал свои бывшие политические симпатии. Сам арест Маршева в 1937 году был обусловлен доносом, содержащим другое обвинение. Однако, в материалах следствия утверждалось: «В период дискуссии 27-го года работал в Татторге и имел связь с троцкистом Чернышевым, активно выступал с защитой платформы Троцкого, возражал против исключения его из ВКП(б) и распространял троцкистскую литературу» [35, т. 2]. Впрочем, возможно, это было обычное для НКВД преувеличение, крикливое политическое обвинение при минимуме реальных фактов.

Факты же таковы. В 1927 году, вчистую уволенный из РККА по причине туберкулеза и двух тяжелых ранений, энергичный Маршев начинает работать в Казани в хозяйственно-промышленной сфере. Поначалу – заместителем председателя КЦРК (Казанского централизованного рабочего кооператива). Председателем кооператива был Валеев, общение с которым сыграло для Маршева впоследствии роковую роль. Острой проблемой для Казани в конце 20-х годов стал дефицит хлеба, возможно – по причине запрета на частное предпринимательство. Как рассказывает А.Н. Маршев, его отец участвовал тогда в строительстве хлебозаводов (или хлебопекарен).

С 1930 года Маршев работал на 40-м пороховом заводе заместителем директора по строительству и снабжению, а с 1932 года – на строительстве авиазавода:

председателем ОРСа, зам. начальника Казмашстроя и, наконец, начальником ГССК по строительству завода №124/27.

В эти годы он много учился: окончил Казанский институт коммунального строительства, где на факультете особого назначения (ФОН) читались спецкурсы для руководителей.

И к тому времени, когда Маршева назначили начальником Казмашстроя, он был вполне сложившимся красным директором новой формации.

Примечательно, что Н.Д. Маршев не ограничивался кругом своих формальных обязанностей. Как рассказывает сын Маршева, его отец сыграл немалую роль в создании и становлении Казанского авиационного института. По его предложению, для размещения КАИ отдали здание Первой женской гимназии. Первым директором КАИ с 1932 года был москвич С.П. Гудзик, и именно Маршев привлек его к работе в Казани. После авиакатастрофы, в которой погибли Баранов и Горбунов, Маршев инициировал постановление Татсовнаркома о присвоении КАИ имени П.И. Баранова.

Примечателен такой эпизод. 14 мая 1936 года Маршев вылетел на совещание в Москву, а дома на сносях оставалась жена. 15 мая в Наркомтяжпроме докладывают директора авиазаводов. Ведет совещание начальник главка М.М. Каганович. Неожиданно в президиуме появляется Сталин, все встают... В президиум заносят и уносят бумаги, среди них – телеграмма. М.М. Каганович передает ее Сталину. Тот прочитал, усмехнулся и кивнул Маршеву: «Пляши!». В телеграмме сообщалось: «Поздравляем октябренок! Коллектив Казмашстроя». Друзья и знакомые до глубокой ночи отмечали потом в гостинице «Москва» это событие, гости накидали денег... Много лет спустя Маршев, сидевший в лагере с писателем и кинорежиссером Алексеем Каплером, рассказал ему эту историю, и тот облек ее в форму новеллы.

По словам сына Маршева, после войны по мотивам новеллы была театральная постановка, а позже – телеспектакль.

А с августа 1936 года, после доноса, НКВД Татарии стал собирать на Маршева компромат.

Через год в Москве был подготовлен указ о награждении Маршева орденом Ленина. А 16 августа Маршев был арестован, и 18 августа, в День воздушного флота, указ аннулировали. Никаких архивных данных о нем впоследствии найти не удалось.

И.С. Бусаров (1891–?)

Иван Савельевич Бусаров родился в крестьянской семье в деревне Кунилово Шаховского района Московской области. Его краткая биография есть в материалах архивно-следственного дела.

Из жалобы осужденного И.С. Бусарова М.И. Калинину (январь 1941 года): «Три года пастух, пять лет каменщик, десятник, техник. Рядовой старой армии.

С первого марта 1918 г. – председатель волостного исполнительного комитета. Член Волоколамского УИКа (уездного исполнительного комитета) с 1921 г. на строительстве здания Моссовета и МК (Московского Комитета партии). С конца 1922 г. от прораба до управляющего трестом Теплобетон. Начальник строительства завода им. Дзержинского. Начальник Главного строительного управления НКЛП (наркомлегпрома) СССР по I/V-37 г. и Казань с I/VI-37 г.

Не прерывая связи с деревней, я в 1924 г. организовал у себя в деревне Кунилово колхоз, в который, вместе с беднотой деревни, вошли и мои родители. В 1937 г. я помогал организовывать колхоз в деревне Рябиновке. 8 лет член Моссовета. В 1934 г. заканчиваю образование – инженер-организатор. Культуру, знание и положение мне дали Советская власть и партия, членом которой я состою с 1921 г.» [35, т. 23а].

А вот «Подтверждение», которое написали 8 февраля 1951 года бывшие односельчане И.С. Бусарова, жители Кунилово Акутов А.Т., Денисов Н.З., Лобин Я.Я., Лобин В.Я., Михайлов М.А., Гончаров А.В., Михайлов А.П., Кособов А.В.

«Работая председателем Муриковского волостного земельного комитета, Бусаров опирался на бедняцкую часть населения, произвел:

– выселение помещиков из их имений, причем сохранил хозяйства полностью и организовал их в Советские хозяйства.;

– уравнильное землепользование с изъятием излишков у зажиточных хуторян с передачей их неимущим крестьянам;

– изъятие церковных ценностей и отделение церкви от государства;

– обложение и сбор с зажиточных слоев волости, т.е. 10-миллиардный налог».

На это «Подтверждение» репрессированный Бусаров ссылался в своих ходатайствах об освобождении в послевоенное время, в частности – в заявлении министру внутренних дел ТАССР П.П. Семенову в декабре 1953 г. [35, т. 57].

Конечно, сегодня трудно воспринимать как довод в защиту Бусарова известие о том, что он *закрыв церковь в родном селе*. Но таково было одно из большевистских ослеплений. В остальном же из письма земляков предстает позитивный образ организатора – энергичного, решительного, сметливого, которому власть была готова доверить большое дело. Невозможно передать силу оскорбленных чувств и гнева Бусарова, когда НКВД обвинил его не больше, не меньше как в том, что он «прибыл в Казань с целью продолжить вредительство, начатое арестованным Маршевым!»

Нет независимых источников, которые подтвердили бы информацию партийных органов и НКВД, будто Бусаров в 1919 году подвергался аресту ВЧК за участие в кулацко-эсеровском движении, его брат в 1936 году был осужден по ст. 182 УК, а тесть – дворянин, бывший председатель уездной земской управы.

Л.Н. Шаханин (1898–1938)

Мы уже упоминали о ярком жизнеописании Льва Николаевича Шаханина, которое составил и передал его жене В.Н. Прокофьев, бывший главный инженер завода №124. Приведем теперь здесь это жизнеописание за незначительными сокращениями [2]:

Л.Н. Шаханин родился 3 марта 1898 г. в Сибири, в селе Тара Омской губернии, примерно в 300 км от Транссибирской железной дороги. (Тогда село, а ныне городишко, но известный разве что тем, что здесь родился и выдающийся актер Михаил Ульянов. – Прим. авт.)

Отец Льва Николаевича занимался извозом: перевозил грузы на лошадях из Тары в Омск. В семье было 5 детей.

Начальную школу Лев окончил в Таре, проявив незаурядные способности в учебе, что дало ему возможность продолжить (образование – прим. авт.) в Омском техническом училище, которое он окончил в 1918 г.

В этот период в Сибири бушевала гражданская война, в 1918 г. к власти пришел Колчак, и только к концу 1919 г. войска Восточного фронта Красной Армии освободили Урал, Омск, Иркутск. Лев Николаевич – активный участник гражданской войны. Он был приговорен белыми к расстрелу, однако, ему удалось бежать.

В 1919 г. он вступает в ряды ВКП(б).

В 1920 г. Лев Николаевич поступает в Томский технологический институт. В 1923 г. Красноярским совнархозом была организована научная экспедиция на Диксон по реке Енисею (июнь–август 1923 г.), и Лев Николаевич – один из ее руководителей.

В 1924 г. он заканчивает технологический институт и в 1925 г. направляется на работу на Коломенский машиностроительный завод. На Коломенском заводе Лев Николаевич последовательно занимал должности начальника отдела технического нормирования, начальника отдела рационализации и далее начальника одного из основных производств – дизелестроения. С 1930 г. Л.Н. Шаханин – главный инженер Коломенского завода, одного из гигантов советской индустрии.

Такому быстрому росту молодого инженера, по свидетельствам близко знавших его людей, способствовали недюжинные дарования Льва Николаевича, его стремление быть всегда там, где складывалась сложная производственная обстановка. Росту инженерной квалификации Л.Н. Шаханина способствовала также годичная стажировка на заводах Германии, куда его направил нарком [тяжелой промышленности] С. Орджоникидзе. Он знакомится со многими крупными заводами Берлина, Дрездена, Дюссельдорфа, Кельна, Гамбурга.

В 1932 г. распоряжением наркома С. Орджоникидзе Лев Николаевич был отозван на руководящую работу в аппарат Наркомата тяжелой промышленности. Однако, Лев Николаевич всегда стремился к конкретной созидательной деятельности, и когда в стране остро встал вопрос о создании шарикоподшипниковой промышленности, Л.Н. Шаханин поехал в Саратов в качестве директора намечавшегося к строительству подшипникового завода.

Работы было очень много: проектирование, строительство, пуск. В 1936 г., в связи с временной консервацией

работ в г. Саратове, Л.Н. Шаханин был направлен в Казань на вновь создаваемый авиационный комбинат, где назначается директором авиационного завода №124. Ко времени приезда в Казань Комбинат имел только полупустые корпуса. Требовалось подготовить заводы комбината к поточному выпуску новых моделей самолетов. Для этого нужно было перепроектировать и переоборудовать заводы, построить заводской поселок. Лев Николаевич горячо взялся за работу, отдавая ей все силы, весь свой опыт.

Блестящий организатор, талантливый творчески мыслящий инженер, человек неумной энергии – Лев Николаевич Шаханин умел сплотить, мобилизовать работающий с ним коллектив на выполнение сложных задач, поставленных партией перед заводом.

Как и в случае с Н.Д. Маршевым, при сборе компромата на Шаханина НКВД применил свой излюбленный прием: найти реальную, но ничего не значащую связь с ранее арестованным человеком и далее нанизывать на нее угодную следствию обвинительную версию. Только если Маршеву вменяли в вину борьбу с советской властью на базе троцкистской платформы, то Шаханину такой базой якобы была платформа «правых», а связующим был некто Тверитинов Андрей Антонович, управляющий Мясницкой конторой Промбанка СССР.

Я поинтересовался у дочери Шаханина, слышала ли она такую фамилию. Она подтвердила, что такой человек был, и отец мог его знать. Например, в связи со своей работой в Наркомтяжпроме. А еще – в начале 30-х годов семье Шаханина из четырех человек предоставили двухкомнатную квартиру в доме на Мясницкой улице, в самом центре Москвы. Причем сделано это было по личному указанию Орджоникидзе, который, как уже говорилось, Шаханина очень ценил. Не исключено, что Тверитинов, как ответственный работник, жил в этом же доме, и они были знакомы как соседи.

В 1936 году Тверитинов был арестован, и в его первых показаниях могла непредумышленно прозвучать фамилия Шаханина, и она легла в копилку компромата. А уж потом, после ареста Шаханина, Тверитинова могли заставить *развить* эту связь в нужном направлении. Так или иначе, но в архивно-следственном деле НКВД появилось следующее признание:

На путь активной борьбы с Советской властью я встал с 1930 г., под влиянием правого Тверитинова Андрея Антоновича, б. управляющего Мясницкой конторой Промбанка СССР. В разговоре со мной Тверитинов высказывал свое враждебное отношение к политике ВКП(б) и к ее вождям и в этом же направлении обрабатывал меня в духе платформы «правых», и по а/с деятельности с ними я был связан до 1936 г., до момента его ареста по ст. 58-7, 9, 11 [35, т. 23].

С.Е. Дайбог (1889–1947)

Семен Ефимович Дайбог родился в г. Дубно, на территории польского генерал-губернаторства царской России, в семье частного поверенного. После первой мировой войны Дубно оказался в Польше, а после

1939 года – на территории присоединенных к СССР западных областей Украины.

Обнаруживается любопытное, можно сказать, знаковое совпадение двух биографий: будущий авиастроитель-производственник Семен Дайбог был ровесником и почти что земляком будущего авиастроителя-конструктора Игоря Сикорского: последний родился в Киеве, но после 1917 года эмигрировал в США. Большая Советская Энциклопедия называет Игоря Ивановича Сикорского «одним из пионеров авиастроения». Жизненная судьба Семена Ефимовича Дайбога, как и многих его коллег по профессии, сложилась куда менее счастливо. Но у нас есть все основания отнести его к числу пионеров отечественной авиаиндустрии.

Жизнь С.Е. Дайбога с ее крутыми поворотами, какой она предстает из скупого рассказа его внучки и из обвинительного заключения [35, т. 23], вполне могла бы стать сюжетом приключенческого романа.

Дайбог получил хорошее образование. По настоянию и при материальной поддержке отца он поступил в Высшую политехническую школу в Льеже (Бельгия) на какой-то уважаемый по тем временам факультет. Но узнав, что в университете есть факультет авиации, немедленно переметнулся на него. Семья и все окружающие осудили такое мальчишество. Вскоре он женился на студентке университета, тоже из России. В это же время Дайбог примкнул к партии анархо-синдикалистов и принял активное участие в Парижской 1913 года конференции этой партии под кличкой «Исин» (согласно объяснению внучки, от уменьшительного имени его маленького сына Исая).

1 августа 1914 года Семен Дайбог получил диплом инженера по авиации. В этот день началась Первая мировая война. С первых ее дней Дайбог – в бельгийской армии, в добровольческой технической дружине «Помощи защитникам Льежа». В августе 14-го он попал в плен, в марте 17-го был освобожден из лагеря и назначен на работу переводчиком в Ганноверскую электротехническую школу для русских и французских военнопленных. Вместе с ним в эту школу на преподавательскую работу из лагерей были направлены и другие военнопленные, всего 22 человека. Вест о Февральской революции в России Дайбог встретил с восторгом, а через месяц его арестовали «за пропаганду большевизма» и заключили в тюрьму, еще через два месяца освободили и без суда отправили обратно в лагерь. Спустя полтора месяца пребывания в лагере Дайбог был снова откомандирован в электротехническую школу, причем с повышением – не просто переводчиком, но и преподавателем.

Из-за границы Дайбог возвратился в Россию в 1920 году, вступил добровольцем в РККА и был направлен на кавказский фронт.

Следующий период биографии С.Е. Дайбога даже для его родных был тайной, а в обвинительном заключении НКВД о нем предпочли просто не упоминать. Внучка рассказывает: «Благодаря знанию иностранных языков Дайбог был определен в некую структуру

Наркомата иностранных дел, базировавшуюся в Баку. В новом качестве принимал участие в рискованных мероприятиях: нелегально бывал в Иране (тогда еще – Персии). Однажды плыл ночью на каком-то суденышке, была опасность, что оно может быть обнаружено, и тогда довольно большое расстояние преодолел вплавь. В чем состояло задание, никто из близких так никогда и не узнал. В дальнейшем ставившиеся задачи изменились, и в какой-то момент возникла угроза, что придется выполнять некие «комиссарские» функции – участвовать в репрессивных акциях против местного населения, кажется, горского. И Дайбог приложил все возможные усилия, чтобы этого избежать».

Разгадка этого «шпионского» периода биографии С.Е. Дайбога вряд-ли когда-либо состоится. Зато известно, что происходило с ним после 1922 года. Тогда он был переведен в Москву для работы по специальности, заведующим техническим отделом на завод «Авиароботник» Управления ВВС РККА. Там он работал до апреля 1923 года. Последующие события в обвинительном заключении описываются так: «В связи с открытием в г. Москве немецкого концессионного авиазавода «ЮНКЕРС» Дайбог добился демобилизации из РККА и при помощи связей с инспециалистами – немецкими подданными устроился на работу на завод «ЮНКЕРС», где и работал пом. заведующего производством до закрытия этого завода» [35, т. 23].

То, что Дайбогу было в высшей степени интересно повысить свою квалификацию на основанном Гуго Юнкерсом в 1919 году, но уже ставшем всемирно известным заводе-разработчике самолетов из легкого сплава – дюралюминия, это понятно, как понятен и акцент, сделанный НКВД на «*связях с иностранцами*». Но что это за история с немецким авиазаводом в СССР?

Дело в том, что в 20-е годы СССР и Германия вступили в конспиративное сотрудничество в военной области. СССР – в интересах повышения своей обороноспособности за счет привлечения иностранного капитала, Германия – из желания иметь укрытую базу для нелегальных вооружений, поскольку по условию Версальского договора 1919 года ей запрещалось иметь военную авиацию. В рамках этой деятельности 29 января 1923 года СНК СССР ратифицировал договор об учреждении фирмой Юнкерс «Концессии по производству металлических самолетов и моторов» в подмосковных Филях [18; 37]. В качестве базы для перепрофилирования Юнкерсу был передан находившийся в сосновом бору в Филях Русско-Балтийский завод (Вагоностроительный завод Русско-Балтийского общества) [39]. В штате завода должно было быть не менее 50% рабочих и 10% инженеров из Советской России; в число последних и попал С.Е. Дайбог.

Но сотрудничество не в полной мере оправдало ожидания обеих сторон. СССР получил продукцию авиационного назначения, которая устраивала его только частично, а у Германии ослабла зависимость от стран Антанты и связанная с этим необходимость нелегаль-

ных вооружений. Поэтому Политбюро дало указание о расторжении с 1927 года договора с Юнкерсом и отказалось от идеи совместных военно-промышленных предприятий и вообще от концессионной линии в хозяйствовании. Военное сотрудничество с рейхсвером продолжалось в форме использования тактического опыта и технических новшеств. Так, функционировала Липецкая школа авиаторов, а под Казанью – танковая школа КАМА (сокращенное название: город КАЗань, начальник школы полковник МАльбрант) [36].

Авиационный завод в Филях вошел в состав существовавшего тогда Авиатреста, позже перешел в ведение военных, а спустя полтора десятилетия он слился с заводом №124 в Казани и дал ему свое имя. Название завода менялось в такой последовательности: Госавиазавод №5 (с 1925 года); с 14 марта 1927 года, даты подписания соответствующего постановления Совета Труда и Оборона – Завод «Красный Октябрь»; с октября того же года – Авиационный завод №22 имени Десятилетия Октября; а с 1933 года – Завод №22 им. С.П. Горбунова. А на его площадке в Филях ныне работает Государственный космический научно-производственный центр им. М.В. Хруничева.

Знал бы Дайбог, как ему аукнутся контакты с немецкими специалистами! Ведь еще в конце 1923 года Дзержинский дал указание ОГПУ иметь постоянный надзор за деятельностью концессионеров в нашей стране, и в итоге ОГПУ был сделан вывод: фирму Юнкерс следует рассматривать как шпионско-контрреволюционную организацию, целью которой является развал советской авиапромышленности.

Несмотря на расторжение договора с Юнкерсом, невостребованным Дайбог не остается. Его, как и других работников концессии с советской стороны, оформляют на этот же завод, вскоре ставший известным под №22. Им руководили: директор – Ф.С. Малахов, главный инженер – С.П. Горбунов (позже Горбунов становится директором завода, до своей гибели вместе с П.И. Барановым в авиакатастрофе в 1933 году). Освоение немецкого опыта (последним здесь прорабатывался трехмоторный «бомбовоз», как тогда говорили) облегчило внедрение в 1929 году в серийное производство отечественного бомбардировщика ТБ-1 конструкции А.Н. Туполева. У немецких самолетостроителей наши работники перенимали новые технологические приемы сборки летательных аппаратов из дюралюминия и западную культуру производства.

Дайбога ценят, поощряют, его направляют в научную командировку в Италию, в течение какого-то времени он параллельно преподает в МВТУ им. Баумана. Становится техническим директором завода.

В середине 1930 года Дайбог переходит на работу в ГВАО (Главное Военно-Авиационное Объединение). Накануне перехода на открытом общем собрании инженерно-технических работников завода он делает доклад «Обзор развития металлического самолетостроения в СССР». Выступившие на том собрании коллеги пожелали Дайбогу успехов на новой работе,

призвали его не прерывать связи с заводом и обещали поддержку со своей стороны (протокол собрания приводится в конце книги). Но в 1930 году ОГПУ репрессировал Дайбога за принадлежность в студенческие годы к «анархо-синдикализму» и приговаривает к пяти годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). В феврале 1932 года заключение в ИТЛ было заменено высылкой в Воронеж, где Дайбог, уже достаточно авторитетный авиастроитель, по путевке Наркомата оборонной промышленности начинает работать на новом Воронежском авиазаводе №18 в качестве технического директора (главного инженера). И здесь он также проявляет себя с наилучшей стороны, о чем можно судить, например, по документальным свидетельствам, сохранившимся в семье (они также приведены в конце книги). В июле 1934 года – новое назначение, на этот раз – в Казань, на такую же должность на строящийся авиазавод №124/27.

Это оказалось удачей для завода. Вот о чем свидетельствовал начальник планового отдела Казмашкомбината Д.П. Фастовец на следствии [35, т. 5]:

Насколько мне известно, после снятия с вооружения ТБ-3, производство его на 22-м заводе, кажется в 34-м или 33-м году прекращено. Серийно тяжелых 4-моторных военных самолетов (типа бомбардировщиков) не изготавливал ни один завод в Союзе. По существу завод 124, призванный, по заданию правительства, строить 4-моторные тяжелые машины (и даже 6-моторные гражданского типа, как например, «Максим Горький»), являлся единственным заводом в Союзе. В силу этого какого-либо опыта (ибо опыт 22-го завода по изготовлению ТБ-3, значительно более простого в изготовлении, к тому же давно снятого с производства, едва ли можно принять во внимание) с других родственных предприятий, который можно было бы целиком применить на нашем заводе, как в производственном, так и в организационном отношении, мы получить не могли. И действительно, на нашем заводе работало не более десятка человек, строивших тяжелые машины, и самым компетентным из них безусловно являлся Дайбог, остальной же руководящий состав завода (я не говорю уже о рядовых работниках и рабочих) во главе с директором Шаханиным или вовсе никогда ранее (к началу 36-го года) не работали в самолетном производстве, или в лучшем случае – работали на заводах, выпускавших легкие машины.

По воспоминаниям внучки Дайбога, был момент, когда дед фактически был ключевой фигурой сразу на трех заводах и постоянно курсировал между тремя городами – Воронежем, Казанью и, возможно, Таганрогом, где по 1934 год также выпускался ТБ-3.

Но в Казани Дайбог уже был на прицеле у НКВД, и он был единственным из здешнего руководства, кто уже имел «опыт общения» с ОГПУ – НКВД. В свое время моей матери довелось увидеть Сталина на каком-то публичном мероприятии. И в один из приездов в Казань мать восторженно, взхлеб рассказывала жене Дайбога о своих впечатлениях. Юлия Евсеевна была старше и слушала ее с грустной улыбкой: «Ах, Леночка, Леночка! Ничего-то Вы не понимаете...» Многие еще не понимали!

Я.А. Моргулев (1901–1943)

Яков Аронович Моргулев родился в Одессе в семье гуртовщика. Отец рано умер. В семье осталось пятеро детей, среди них только один мальчик – подросток.

О многих фактах жизни Я.А. Моргулева автор, его сын, сам узнал только из протоколов допросов в архивно-следственном деле НКВД [35, т. 5].

В 1917 году Моргулев окончил городское училище, получив среднее образование.

С началом Гражданской войны в Одессе наступила чехарда: то интервенция Антанты, то белые, то красные. И при любой власти – бандитизм. Красные заняли Одессу летом 1920 года. Губчека начала масштабную зачистку города от белогвардейско-петлюровского подполья, бандформирований и авантюристов всех мастей. Председателем Губчека был М.А. Дейч, в его штате – небезызвестный Леонид Заковский, «прославившийся» в репрессиях 1936–1937 годов в Ленинграде и Москве, а тогда, в Одессе, ведавший реквизицией имущества бежавшей за рубеж буржуазии. В застенках Одесской ЧК, по рассказам, расстреливали каждого второго, не принявшего сторону революционного пролетариата, довелось побывать там и известному борцу Ивану Поддубному. К счастью, его узнали и отпустили [40].

Но семье Моргулевых потрясения той поры, видимо, удалось пережить без ущерба. В 1919 году Моргулев поступает в Одесский политехнический институт (позже названный именем Г.И. Петровского), но уже с 1920 года, видимо, приостановив обучение, работает прессовщиком на маслобойном заводе. В сентябре 1922 года он призван в Красную армию, служил рядовым в 44-й дивизии в 151-м полку легкой артиллерии. После демобилизации вернулся на маслобойный завод на прежнее место, а в 1925 году возобновил учебу в Одесском политехническом институте на механическом факультете и окончил его в 1929 году (свидетельство инженера-механика от 16.01.30 г.).

По распределению Я. Моргулева направили на строившийся Керченский металлургический завод. Вероятно, его зачислили на работу уже в период преддипломной практики.

Керченский завод должен был стать ведущим в стране производителем железнодорожных рельсов. Его здесь еще называли «Америкой в Керчи», но закупленное в США оборудование не соответствовало местной руде и требовало серьезной доработки и усовершенствования. Местные кадры черпались из неквалифицированного многонационального населения Крыма. Агломерационная фабрика была построена, как водится, «по вредительским планам», потому что «стояла в стороне от рудников и в стороне от домен» (в пылу индустриализации казалось неважно, что в противном случае пылевое облако постоянно сносило бы на остальные производства и поселок). Вот тот производственный фон, на котором шло становление молодого инженера.

В 29-м году он уже инженер-конструктор проектно-технического бюро, с 30-го года – помощник начальника силового цеха, с 31-го года – начальник технического отдела. Высокотехнологичное по тем временам и масштабное производство произвело на молодого специалиста неизгладимое впечатление. Он даже привел как-то на завод в горячий цех молодую жену, чтобы она разделила с ним восхищение. И с этого времени мыслить себя не мог вне грандиозных задач, которые скрывались в те годы за этими ударными словами «тяжелая промышленность».

Параллельно с инженерной работой на производстве, Я. Моргулев в течение трех лет состоит штатным преподавателем горно-металлургического техникума при заводе по математике, физике, технической механике и машиноведению. С 1931 года – кандидат в члены ВКП(б).

Жили в пригородном рабочем поселке, который именовался колонией Госметзавода, а местными жителями попросту – «Колонкой». Здесь в 1931 году у Моргулевых родился сын. В 1932 году, когда закончился обязательный срок работы по распределению, семья переезжает в ближнее Подмосковье, где можно было рассчитывать на помощь в воспитании ребенка живших в Москве родителей жены. В октябре 1932 года Я. Моргулев был зачислен на строящийся Государственный металлообрабатывающий завод №95 в г. Кунцево. Жилье отцу дали в заводском поселке у железнодорожной платформы «15-й километр» (ныне платформа «Рабочий поселок» в черте Москвы). Моргулева приняли на скромную должность старшего инженера отдела оборудования, но менее чем через полгода перевели заведующим планово-производственным отделом, а через год – заведующим монтажной группой отдела главного механика. Здесь Я. Моргулев работает до осени 1934 года, когда неожиданно узнает об идущем в Казани строительстве авиапромышленного гиганта. И начинает им бредить.

По воспоминаниям жены, он отверг вакансию главного инженера на одном из московских сахарных заводов, но был увлечен идеей ехать на Казмашстрой, в провинцию, но на более интересную и перспективную работу. Я не исключаю, что отец мог быть захвачен и трудовой героикой эпохи.

На заводе №95 в это время благополучно завершаются монтажные работы, за которые Я.А. Моргулев был ответствен, и он обращается в ГУАП с просьбой о переводе в Казань. И добивается своего. Так отец добровольно и безмятежно ступил на тропу, которая привела его к безвременной гибели.

А поначалу на Казмашстрое все шло совсем не плохо.

Послужной список на новом месте, как и на прежнем, с «положительной производной»: с сентября 1934 года – заместитель главного механика по оборудованию, с марта 1936 года – заместитель главного инженера ТЭЦ-2, через полтора месяца – главный инженер ТЭЦ, с сентября 1936 года – главный механик Казмашстроя.

П.Г. Старов (1894–1944)

Большая часть биографических сведений о нем содержится в обращениях жены в высокие инстанции [35, т. 23а].

Петр Григорьевич Старов был сыном плотника и прачки. Оставшись без отца, он с 12-летнего возраста начал самостоятельно зарабатывать на жизнь – масленщиком на катере, плотником, подручным слесаря. После революции был призван в Красную армию и прошел всю Гражданскую войну (до 1920 года). В 1918 году вступил в ВКП(б). Как и П.И. Баранов, П.Г. Старов участвовал в кронштадских событиях 1921 года («в обороне Петрограда», по формулировке его жены).

Мы не знаем, когда и какое начальное образование получил П. Старов, но после демобилизации из Красной армии он был направлен в Петроград и утвержден секретарем парткома авиазавода №23, а затем назначен заместителем руководителя работ по реорганизации этого авиазавода и других петроградских заводов с целью укрепления авиационной промышленности города. Сегодня мы знаем, что в результате этой деятельности было налажено производство самолетов типа М (то есть морских – прим. авт.) ряда модификаций. В различные периоды на заводе №23 работали хорошо известные авиастроители Григорович, Шавров и др. Сейчас это – Государственное предприятие Ленинградский Северный Завод (ЛСЗ).

Старов же в дальнейшем был командирован директором строящегося авиационного завода в Запорожье – будущего завода №29. (Здесь у Н. Старовой неточность: речь могла идти об авиамоторном заводе №29 им. П.И. Баранова в Запорожье. – Прим. авт.) Затем, через четыре года, последовало новое назначение и новая успешная работа директором Сумского машиностроительного завода.

В 1929 году зарекомендовавшего себя руководителя направляют на учебу в Москву в Промышленную академию им. Сталина. По ее окончании – продолжение поистине феноменального послужного пути, который говорит сам за себя:

1931–1933 годы – директор завода тяжелого машиностроения в Свердловске, знаменитого Уралмаша,

1933–1935 годы – зам. директора завода им. Петровского в Днепропетровске,

и наконец, с 1935 года и до ареста – директор моторного завода №27 в составе авиазавода №124/27 в Казани.

Со своей женой Натальей Петр Старов прожил ко дню ареста 18 счастливых лет. Детей у них не было.

В.М. Яковлев (1903–?)

Биография В.М. Яковлева восстановлена по материалам архивно-следственного дела [35, тт. 23а, 57], поскольку связь с родственниками установить не удалось.

Владимир Матвеевич Яковлев родился в Ельце Орловской области. Его отец был кузнецом в железнодорожных мастерских станции Елец и умер, когда сыну было 10 лет. Мать после рождения сына и до 1922 года работала сиделкой в земской больнице.

Свою трудовую деятельность В. Яковлев начал в мае 1919 года, после окончания Елецкого городского училища, в качестве ученика слесаря на табачно-махорочной фабрике. 7 марта 1920 года, в первый день организации комсомола в Ельце, вступил в РКСМ. А уже 20 мая того же года был принят Елецким уездным комитетом РКП(б) в члены партии.

В мае 1920 года В. Яковлев вступает добровольцем в Красную армию и в течение года служит конным разведчиком в 1-м Особом отряде Западного фронта. На период 1921–1922 годов приходится служба в войсках ВЧК: сначала политработником в 23-м батальоне в г. Орле, затем в 7-м отдельном батальоне в Тамбовской области.

С 1922 года Яковлев – на «гражданке». Повышает свое образование на рабфаке, где одновременно является секретарем парторганизации. В 1924 году зачислен студентом электротехнического факультета Московского института народного хозяйства им. Плеханова, который окончил в 1930 году. Учебу совмещал с общественной работой: в 1925–1927 годах был зам. заведующего секретным отделом и зам. управделами ЦК ВЛКСМ, в 1927–1929 годах – секретарем теплотехнической комиссии института и пропагандистом Замоскворецкого райкома ВКП(б). По окончании института был мобилизован ЦК ВКП(б) в числе 40 молодых инженеров-коммунистов на строительство Сталинградского тракторного завода, работал там заместителем начальника цеха. В сентябре 1931 года, согласно постановлению ЦК ВКП(б), в группе из 100 молодых инженеров-коммунистов был командирован в США сроком на два года – учиться в Электротехнической школе Корнелльского университета. Перед этим, как рассказывал В.М. Яковлев в последнем слове на суде, пройдя 7 (!) комиссий.

Период 1933–1934 годов не освещен в деле №2-2735, а далее мы видим В.М. Яковлева работающим в отделе оборудования Наркомтяжпрома. В июне 1935 года отдел кадров НКТП перераспределяет Яковлева на проектирование энергетической части и строительство Саратовского завода подшипников. Там В.М. Яковлев знакомится с Л.Н. Шаханиным.

Знакомство это оказывается шапочным, поскольку уже в феврале 1936 года Шаханин подписывает приказ о консервации строительства. Тем не менее, когда Шаханин был назначен директором авиазавода №124/27 и (на короткое время) начальником Казмашстроя, он тут же, с апреля 1936 года, привлек В.М. Яковлева к работе в Казани, доверив, быть может, не вполне оправданно, пост начальника ТЭЦ-2.

Далее в деле прослеживается не очень четкая картина событий. С одной стороны, Яковлев арестован 10 апреля 1938 года как начальник ТЭЦ-2. Вместе

с тем видно, что Яковлев был освобожден от должности еще 7 декабря 1937 года (по другим данным – 11 января 1938 года) по мотивам *необеспечения* (то есть несоответствия должности) и после этого, до ареста, работал под Москвой на заводе №95 (на том самом, что и, в свое время, Я.А. Моргулев). Возможно, что В.М. Яковлева, как и З.Я. Шейнмана, по запросу НКВД Татарии этапировали из Москвы.

К.К. Бурый (1896–1951)

Константин Куприянович Бурый родился в местечке Вселюб, территориальная принадлежность которого в годы перекройки политической карты Европы была то польское генерал-губернаторство царской России, то «панская» Польша, то Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Как рассказывает его дочь, семья была многодетной – четыре брата и сестра. Отец был кузнецом. Сестра отца, красавица, была замужем за поляком. Не имея своих детей, она упросила брата отдать ей на воспитание среднего сына, обещая дать ему образование.

Так будущий участник описываемых нами событий оказался в Санкт-Петербурге, где был определен в ремесленное коммерческое училище. «Надо полагать, там были неплохие учителя», – добавляет дочь.

Когда началась Первая мировая война, учащихся призвали в армию. Февральскую революцию 1917 года Бурый встретил в г. Городок, ныне – Витебской области Республики Беларусь. Когда Россия вышла из войны, Бурый нашел работу в Витебске на строительстве фанерного завода в качестве бухгалтера, а затем – главного бухгалтера. После завершения строительства он переехал в Казань на строительство меховой фабрики, также на должности главного бухгалтера. Среди коллег Бурый считался специалистом высокой квалификации, особенно в области финансовой дисциплины. И потому его часто включали в различные комиссии – по проверке деятельности городского банка Казани, других организаций. Как мы бы сейчас сказали, привлекали в качестве независимого аудитора.

По окончании строительства фабрики Бурого приглашают перейти на работу в той же должности на строительство авиационного завода. Было это в мае 1935 года. Его трудолюбие, добросовестность, доброжелательность, отзывчивость отмечали все окружающие. А еще он был разносторонне увлеченным человеком, разбирался в различных видах искусства, был душой общества.

Жила семья Бурого на Тукаевской улице более чем скромно (в «надстройке» дома), для больной жены снимали на лето комнатку в обычной деревенской избе в деревне Дербышки.

После революции граница с Польшей была закрыта, и с оставшейся там семьей отца Бурый более никогда связи не имел. Тем не менее, НКВД не упустил возможности как-то обыграть тему Польши. В его

следственном деле утверждалось, что на рубеже 1917–1918 годов Бурый проживал в г. Граукс (Польша), где «примыкал к эсерам и принимал активное участие в борьбе за овладение руководством в Советах». Дочь Бурого впервые услышала от меня название этого города, не нашла его и в энциклопедии. Как известно, во главе большинства Советов непосредственно после Февральской революции 1917 года действительно оказались эсеры и меньшевики, а большевизация Советов в Белоруссии произошла еще накануне Октябрьской революции 1917 года. И хотя о политической деятельности Бурого в этот период нам ничего не известно, утверждение НКВД по ряду обстоятельств выглядит сомнительным. Сама же формулировка в деле, призванная создать негативное впечатление, что Бурый *жил за границей*, в Польше, фальшива. Белоруссия была временно оккупирована Польшей с августа 1919 по июль 1920 года, а ее западная область (если в ней и находился населенный пункт Граукс) отошла к Польше по мирному договору от 18 марта 1921 года. Бурый на следствии требовал приобщить к делу справку из почтового ведомства, что белорусский Городок никогда не находился на территории Польши.

На этом мы заканчиваем биографические очерки (по день ареста) тех персонажей нашего повествования, которые сыграли ведущую или заметную роль в строительстве и вводе в эксплуатацию завода №124/27 в Казани и в силу своего служебного положения наиболее полно представлены в архивно-следственном деле НКВД и чьих родственников нам удалось разыскать по прошествии десятилетий. Мы поместили здесь также краткий рассказ о жизненном пути замечательного инженера-строителя и руководителя К.Д. Кузнецова, избежавшего катка репрессий.

Обращает на себя внимание общность биографий большинства персонажей. Почти все происходят из простых трудовых семей и родом из деревень, сел или маленьких городков. Почти все сами начинали свой трудовой путь рабочими. Но были запрограммированы на большее. Все стремились увидеть другую жизнь, влиться в большие коллективы, получить образование. Но как это сделать в глухой глубинке? Для большинства единственный путь лежал через Красную Армию. Армия была трамплином: никто из наших персонажей не служил больше трех лет и не участвовал в репрессиях. Кто-то вступил в Красную Армию добровольно, кто-то был призван и не уклонился. Они приняли советскую власть. В своем большинстве после армии получали высшее образование и уходили в промышленность. Баранов и Старов, как солдаты партии, участвовали в подавлении Кронштадского мятежа. Их призвала партия, они не могли отказаться, да вряд ли такая идея и приходила им в голову: революции и гражданские войны – всегда кровь и грязь, а они попали именно в такой период истории.

Среди тех специалистов-руководителей, чьи жизненные пути вынужденно остались вне нашего внимания, но имена которых необходимо назвать:

Шейнман Зелиг Яковлевич (1895–1943), московский специалист, главный инженер Казмашстроя;

Поляков Александр Михайлович (1896–?), выпускник Казанского финансово-экономического института, пом. директора завода №124/27 по финансам и снабжению;

Фастовец Дмитрий Павлович (1903–1940), выпускник Саратовского госуниверситета, начальник планового отдела завода.

Список «спецов» на Казмашстрое в описываемое время открывал С. Дайбог, ему было 50 лет. В основном же «спецы» были молодыми людьми – едва за 35; окончили советские вузы, успели отработать положенный срок в качестве молодых специалистов, набрались опыта и теперь желали применить его на более перспективной работе: ответственной, престижной и лучше оплачиваемой. Жизнь вдали от семьи никого не смущала, такое было время.

Дипломированных инженеров в стране было мало, и для закрепления прибывших на руководящую работу из других городов им создавали привилегированные условия: предоставляли благоустроенное жилье вблизи работы в расчете на семью, которая обычно приезжала на лето.

В годы острого дефицита жестко соблюдалась иерархия в обеспечении жильем, в предоставлении продовольственных, промтоварных и книжных пайков (были и такие!), даже в организации отдельных видов досуга. Карикатурные, порой уродливые формы, в которые это выливалось, живописал Павел Аксенов в своей «энциклопедии советского вольного и тюремного быта 30–40-х годов», в повествовании «Последняя вера» [9]. А моя мать с самоиронией вспоминала, как руководство строительства устраивало вечера отдыха «только для инженерного состава». Ее приятельница, муж которой, начальник земляных и каменных работ Шейнфейн, имел среднее техническое образование и потому не получал приглашения, возмущалась: «Я не понимаю!» Мать поддакивала, а сама в душе ликовала: уж ее-то муж – *это вам не прораб*.

Работавшими на строительстве иногородними заселили два микрорайона: Соцгород («Социалистический город» – такие часто создавали на больших новостройках 30-х годов) и поселок ИТР завода 124, впоследствии вошедший в поселок Урицкого. На сегодняшней карте Казани поселок Урицкого располагался бы по левую сторону от улицы Декабристов, занимая территорию между улицей Восстания и железной дорогой ТЭЦ-2, а поселок ИТР завода 124 как бы нанизывался на нынешнюю улицу Академика Королева (бывшую Производственную, еще ранее – 13-ю Союзную), захватывая нынешние улицы Гагарина и Коломенская. Дальняя часть поселка ИТР, между лесопарком и железной дорогой, была застроена стандартными двухэтажными домами, поначалу – «каркасными», а затем и кирпичными, нумерация домов от №1 до №16 шла от леса. Почтовый адрес был: Казань-35 и номер дома. В этих домах было центральное отопление, канализация, душ. В кухне – плита, топившаяся дрова-

ми. Здесь жили большинство персонажей этой книги. Отдельные квартиры занимали Н. Маршев (дом 16, затем 15), В. Яковлев (дом 11, затем 16), Я. Моргулев и Д. Фастовец (дом 11), П. Старов (дом 3), возможно, С.Х. Гафиатулин (дом 4).

Высшему руководству предоставлялась и высшая категория жилья. Начальник ГССК И. Бусаров и главный инженер авиазавода С. Дайбог жили в коттеджах на краю поселка ИТР, в лесочке. Коттеджи были двухквартирные, рассчитанные на две семьи, ничего общего с нынешними, отстраиваемыми «новыми русскими», не имевшие. Квартира директора завода Л.Н. Шаханина находилась в единственной в то время в поселке Урицкого кирпичной пятиэтажке со всеми удобствами. Такие дома называли высотными, а эту пятиэтажку – Дом ИТР; она существует и сейчас, на углу улиц Восстания и Восход.

Ближняя часть поселка ИТР, между нынешними улицами Декабристов и Мухамедьянова, называлась среди населения «Фанерный городок». Здесь стояли одноэтажные фанерные домики, возможно наподобие финских. В одном из них поселилась семья Барских. Я.А. Барский короткое время работал заместителем отца, и с его семьей моя мать и я впоследствии общались многие десятилетия.

Разумеется, по всем адресам жили и рядовые работники, включая и рабочих. Это были передовики труда (ударники, стахановцы), матери-одиночки, семьи, в которых двое и более работали на стройке. Но жили они, как правило, в коммунальных квартирах. Отдельные квартиры выделялись только многодетным семьям.

Наконец, одиноким рабочим, прибывавшим по орнабору, обычно из деревень, предоставлялись места в барачных общежитиях, разбросанных тут и там. Бараки были бревенчатые, дощатые, а поначалу и саманные. Стоял барак и в торце нашего дома, и как-то я, ребенком, заглянул туда. На всю его длину тянулся коридор, в левой части которого шли подряд пол-

ки или шкафчики, заставленные разнокалиберными примусами и керосинками, справа располагалось жилье – фанерные клетушки. Пока все были на работе, дверь в барак не запиралась. А по выходным рабочий люд высыпал на лужайку перед порогом, играла гармошка.

Кроме «выдвиженцев» и «спецов», о которых шла речь выше, существовал еще один разряд специалистов: «практики». Они занимали должности, требовавшие наличия диплома о высшем образовании, но порой не имели и диплома техника. И тем не менее успешно справлялись со своими обязанностями. «Практиков» на должностях начальников лабораторий я встречал даже в 50-х годах, когда поступил на работу в НИИ после окончания института, а уж в 30-е годы всеобщего дефицита это было почти нормальное явление. Вот и среди проходивших на судебном процессе Казанского авиазавода мы тоже видим «практиков».

Среди руководителей среднего звена со средним образованием – Б.П. Махно, главный технолог завода, и Н.З. Гизатуллин, начальник отдела снабжения.

Начальное образование имели начальник коммунального хозяйства И.П. Криволап и сметчик и А.Д. Ермаков.

А начальник водозабора И.К. Кислов в собственных показаниях на первом допросе вообще обошел вопрос о своем школьном образовании, указал только – «грамотный», что в те годы было немало. Впрочем, Кислов вообще избегал афишировать свою громко звучавшую должность – начальник водозабора, скромно называл себя слесарем, выполняющим обязанности эксплуатационника. Начальником и главным инженером строительства подстанции Водозабор были специалисты С.М. Кравченко и Н.П. Смирнов.

«Практики» были как местные, казанские, так и приезжие. Не энтузиазм и не самоутверждение, а насущная необходимость поддержать материально свои семьи привели их на большую стройку.

5. В начале пути: строительство, будни

Неуемной энергией дерриков,
Визгом пил «Сандерсона»
Левый берег правым берегом
Заинтересован.

Николай Асеев
Днепробуд

Для тех, кто не знает, *деррик* – это вантовый, то есть на растяжках, подъемный кран, стоящий на дне в прибрежной акватории. Деррики были примечательным элементом строительного индустриального пейзажа 30-х годов, и поэты никак не могли обойти их в своих актуальных стихах о Днепрогэсе. На Казмашстрое деррики с самого начала стали предметом дискуссий, которые периодически то затухали, то возобновлялись. Дело в том, что они в определенной степени мешали судоходству. В последний раз споры возникли уже на следствии и даже на суде, где и сами обвиняемые – между собой – и привлеченные эксперты поучали или попрекали друг друга в некомпетентности.

Впрочем, это только детали очередного этапа строительства. Более существенно то, что всевозможные парадные акции и действительно ударные прорывы первого строительного сезона 1932 года сменили трудовые будни.

В 1933 году на Казмашстрое был достигнут самый высокий в стране показатель дневной производительности труда в расчете на одного рабочего. План освоения капиталовложений был выполнен на 122%, широким фронтом развернулось строительство ТЭЦ-2 и водозабора, за год построено почти 40 тысяч квадратных метров жилой площади [21].

Тем не менее темпы работ упали, и не только из-за нехватки трудового энтузиазма.

По мере расширения фронта работ все чаще стали всплывать неувязки в проектах и планах, да и менялась сама обстановка, на которую были рассчитаны первоначальные планы. Некоторые объекты были построены с дефектами проектного или технологического характера. Но никто не был заинтересован в том, чтобы привлечь к этому внимание, а тем более обобщать. Полагалось сохранять хорошее лицо и лишь клеймить отдельных виновников отдельных недостатков. Своего Пимена-летописца на строительной площадке не было, может быть, к счастью для него самого. Дефицит информации старалась, как могла, восполнить республиканская печать. Как минимум две-три публикации в месяц давала «Красная Татария». Время от времени в «горячие точки» выезжала объединенная бригада ре-

портеров из той же «Красной Татарии», «Кзыл Татарстана», «Кзыляшляра». Иногда к ним присоединялась и заводская многотиражка «Крылья Советов» (впоследствии «Орджоникидзевец»). Но глубинные процессы оставались вне поля зрения журналистов. Тем более, что на первоначальную открытость печати стали накладываться ограничения, объясняемые секретностью оборонного («номерного») завода. Лишь из материалов судебного «Процесса 13-ти», ставших ограниченно доступными, можно восстановить реальную ситуацию на стройке в середине 30-х годов. А вину за все упущения и неувязки на процессе возложили на «крайних», на руководителей и исполнителей, которые выполняли свои функции в разгар «Большого террора».

Выше упоминалось постановление Совета труда и обороны от 16 февраля 1932 года о сроках строительства авиагиганта. Но через два с половиной года СТО приостанавливает строительство комбината и консервирует его. Официально строительство возобновляется только в июле 1937 года. О том, что послужило причиной таких решений, можно только догадываться. Тяжелое экономическое положение в стране, недостаток средств и распыление их среди множества объектов строительства потребовали от высшего руководства определить приоритеты. В конце концов, в стране к этому времени было уже немало действующих авиазаводов.

Итак, финансирование Казмашстроя прекращено, но строительство продолжалось! Руководство Казмашстроя признавало: если люди разбегутся, то начнется необратимый процесс полного развала, и никакими усилиями ни сохранить построенное, ни возобновить работы уже не удастся. И оно действовало по обстановке. На первом своем допросе Я.А. Моргулев показал: «В начале 1935 года строительство было в тяжелом финансовом положении, и Мухин с Маршевым начали распродавать дефицитное оборудование». В.И. Мухин был начальником строительства после Кузнецова по март 1936 года, а с 1935 года одновременно и директором завода. Видимо, перед ним и его заместителем Маршевым стоял действительно нелегкий выбор, и они решились на то, чтобы ценой продажи части оборудования, закупленного впрок, получить

средства на заработную плату и какие-никакие оборотные средства, насущно необходимые уже сегодня.

Да, первоначальные, волонтаристские сроки строительства и монтажа заводов были сорваны. Но возглавивший в апреле 1936 года стройку и завод Л.Н. Шаханин смог констатировать [41]:

Уходя далеко к горизонту, тут и там высятся двух-, трех- и четырехэтажные заводские корпуса, мастерские ... жилые дома. Повсюду разбегаются дороги. По гладкому бетону и асфальту катятся легковые и грузовые автомобили, автобусы. Огромное здание заводоуправления, производственные корпуса и дома окружены зелеными насаждениями, цветниками. Еще в прошлом году закончилось сооружение части главного производственного корпуса. По сравнению с будущим заводом – это лишь небольшая его часть. Но и то, что введено в эксплуатацию, по своей огромной площади уже сейчас может конкурировать с крупнейшими предприятиями Советского Союза.

В этом году мы должны пустить мощную теплоцентраль №2. ТЭЦ достраивается. Производим монтаж турбин, котельной и электрической части. Одно из крупнейших сооружений Казмашкомбината – водозабор. На Волге около берега высятся водонапорная станция первого подъема. С пуском водозабора отпадет вопрос о недостатке воды в Казани. Широким фронтом ведется строительство социалистического города. Выстроены и уже заселены 5 четырехэтажных домов. Открыта школа. Строим еще 7 каменных домов по 12 квартир в каждом, 3 дома по 20 квартир и 1 пятиэтажный дом в 100 квартир. Заканчиваем постройку поликлиники, дома связи и клуба, детских яслей, детсада. Все они не малозаметные карлики, а двух- и трехэтажные здания.

Ни одного слова неправды в статье Л.Н. Шаханина нет: да, высятся, построены, заканчиваем. Но и не вся здесь правда!

По причинам секретности Шаханин не пишет о том, что завод уже действует: в построенной части главного производственного корпуса на 1936 год запланирован ремонт 13 бомбардировщиков ТБ-1 и 3 бомбардировщиков ТБ-3, а в конструкторском бюро ведется переработка поступающих из ЦАГИ чертежей самолета МГ («Максим Горький») [35, т. 5].

МГ – это не имевший аналогов в мире 8-моторный самолет АНТ-20 конструкции Туполева. Первый его экземпляр был построен в апреле 1934 года на московском заводе №22 им. Горбунова и в августе того же года включен в состав агитэскадрильи имени Максима Горького. В перспективе таких самолетов должно было быть 12, и носить они должны были имена Сталина, Молотова, Ворошилова, Тухачевского.

Но головной самолет Сталин предложил назвать «Максим Горький». После нескольких месяцев успешных агитполетов 18 мая 1935 года на авиационном празднике в Москве «Максим Горький» потерпел катастрофу в результате опасных маневров участвовавшего в авиационном шоу истребителя. Но поскольку самолет доказал свою летную пригодность, правительством было решено начать постройку второго самолета АНТ-20бис под наименованием ПС-124, а все-

го изготовить 18 экземпляров таких самолетов, но уже не для агитэскадрильи, а для нужд Аэрофлота [11]. Местом строительства был избран завод №124/27, и, как свидетельствовал начальник планового отдела Фастовец [35, т. 5], в спущенных заводу планах значилось изготовление шестнадцати самолетов в 1936 году и двух – в следующем! План заведомо невыполнимый, поскольку в 1936 году только еще велась переработка 30 тысяч чертежей.

А теперь о том негативном, что осталось за рамками статьи Шаханина. Перелистаем номера «Красной Тарарии» за вторую половину того же 1936 года.

8 июля. «На заводе №124 бездушно относятся к людям». Это – о начальнике коммунального отдела Криволапе (позже – начальнике стройучастка ТЭЦ-2), одном из будущих обвиняемых по делу. Редакция поясняет: «Без конца идут жалобы рабочих и специалистов».

1 августа. Про секретаря Ленинского райкома партии Айвазова (впоследствии расстрелянного): «Замазывает!» Упомянуты десятки писем об издевательствах со стороны коммунального отдела.

5 августа – та самая оптимистичная статья Шаханина, которую мы выше цитировали.

9 августа. «Вчера секретарь ОК Лепа посетил Казмашкомбинат. На основных участках стройки водозабора и ТЭЦ-2 беседовал с руководителями участков, специалистами и стахановцами».

Видимо, как раз тогда были сделаны любительские снимки, которые вдова Н.Д. Маршева Рита Львовна в 70-х годах передала в запасники музея истории Татарстана и которые воспроизведены в конце книги. Яркий солнечный день, а у фотографа, по бедности выбора тех лет, какие-то проблемы с фотопластинками или фотобумагой, чересчур контрастными вышли снимки. Однако попавшие в объектив люди вполне узнаваемы. Вот водозабор, очень важный объект, о котором писал Шаханин. Все местное руководство: партийные секретари – обкома (Лепа), горкома (Баскин), райкома (Айвазов); главное строительное начальство – Шаханин, Маршев; начальник и главный инженер строительства водозабора С.М. Кравченко и Н.П. Смирнов. Все, как один, в белоснежных рубашках навыпуск, перетянутых тонким ремешком. Вроде бы непрактично, марко, но «стильно и круто»: так принято было, так показывалось летом и самое высокое начальство – Сталин, Каганович, Андреев, Калинин. Да и жара в Казани летом несусветная!

15 августа. «Тов. Лепа на заводе №124: «Не хватает культурного отношения к делу». Руководители завода и цехов обещали выполнить указания Лепы».

27 августа. «Ползучие темпы». Зам. начальника Комбината по строительству Маршева и главного инженера Шейнмана низкие темпы строительства нисколько не волнуют. Шейнман беспричинно задерживает чертежи ряда объектов. Начальник ТЭЦ Яковлев около двух месяцев не может добиться от предзавкома завода №124 организовать профработу.

16 сентября. «Все силы на борьбу за пусковой график». Это – о ТЭЦ-2. Там отстают подрядчики Теплоэнергострой

и Котломонтаж. Бесхозяйственность на площадке. Ценное оборудование под открытым небом. Строительные материалы, предназначенные одним организациям, расхищаются другими.

За первую декаду сентября месячный план по монтажу выполнен на 12,5%, в том числе Теплоэнергостроем на 10,5% и Котломонтажом на 16,2%.

21 сентября. «Потеряно 20 дней» на монтаже водозабора. Оборудование не поступало, неизвестно, заказано ли оно Казмашкомбинатом.

2 октября. «Заявление Шаханина, что он будет беспощадно бить рублем виновников задержки вагонов, осталось пустой фразой».

12 октября. «Теперь [коммунальным] отделом заведует Криволап. Прошло три года, но положение не изменилось. Жилищно-бытовые условия на Казмашкомбинате по-прежнему недооценивают. За такие общезития надо судить... Внезапно наступившие холода застали Казмашкомбинат врасплох».

23 октября. Открытое письмо жен ИТР завода №124 Маршеву и Шейнману.

«Когда настанет конец их обещаниям – окончанию строительства и сдачи в эксплуатацию Дома связи и яслей? Товарищи Маршев и Шейнман на каждом собрании с пеной у рта заверяют об окончании и сдаче в эксплуатацию этих домов в ближайшие дни – к 8 марта, 1 мая, 25 июня, 1 сентября, ни один из этих сроков не выполнен. В поселке завода живут более трех тысяч человек. Все с нетерпением ждут окончания работ».

15 ноября. «По приказу Орджоникидзе ТЭЦ-2 должна быть пущена к 1 декабря. Отсутствуют единое оперативное руководство на ТЭЦ-2 и увязка в работе строительных и подрядных организаций».

9 декабря. «Еще раз о пуске ТЭЦ-2».

«Зима нас застала врасплох, – заявил начальник управления ТЭЦ Яковлев на собрании ИТР и стахановцев. – Моя вина, что я не настаивал перед руководителями, не нажимал на строителей».

Полопались и замерзли линии наружных водопроводов. Высоковольтная линия в прежнем безнадзорном виде (украли концы кабеля у 10 катушек из 16). На ТЭЦ нет хозяйина. Наиболее ответственный объект Казмашстрою не имеет единого руководителя. Шаханин передоверил своему заместителю Маршеву, а тот Яковлеву, который месяцами находится в Москве. Впрочем, от пребывания Яковлева на площадке строительства тоже не очень много толка.

20 декабря. (Ответ Шаханина на критику).

«Основная мысль верна. Стройка ТЭЦ велась хозспособом. Начальник ТЭЦ Яковлев и начальник 2-го стройучастка Вишневатский представляли независимые единицы, и это нередко порождало несогласованность в работе. Вишневатский становится подрядчиком (как и Резник и Станько). Машинный зал закончен на 97%. Оборудование не было своевременно заказано, но это объясняется, во-первых, переделкой проектов, во-вторых, отсутствием фондов (или их несвоевременным получением от Теплоэнергопроекта)».

Так закончился на Казмашстрое 1936 год. И хотя до первого пуска ТЭЦ должен был пройти еще ровно один

год, стройка жила и продвигалась вперед. В точности с той скоростью, которая только и была возможна в условиях лихорадочной индустриализации, порождающей неувязки, просчеты и желание «закрыть план любой ценой», несмотря на несбалансированность хозяйствования «по-советски», усугубленного привычным русским разгильдяйством. Чего стоит одно лишь упоминание о зиме, заставшей нас врасплох. И если подобное анекдотическое признание иных руководителей мы то и дело встречаем в газетах XXI века, чего уж там говорить про год 1936-й!

Или не менее показательные факты, почерпнутые из т. 5 архивно-следственного дела [35]. Свидетель Ильин Георгий Юльевич, заместитель начальника сантехконторы, показал: «Смонтированное к концу 1936 года отопление детских яслей не работало. При проверке были обнаружены факты преступного монтажа, а именно: а) Были поставлены трубы с медной внутренней оболочкой, которая при нагревании выплавлялась, и образовывались медные пробки. 2) В нижней разводке были обнаружены посторонние предметы (гайки, куски железа). 3) На стояках отопления диаметром 1 дюйм были врезаны перемычки полдюйма».

Где же контрреволюционные троцкистские вредительские акты и диверсии? Увы, все узнаваемо и укладывается в те же советские реалии начала 30-х годов, включая и низкий уровень квалификации рабочих «от сохи», покинувших разоренные раскулачиванием деревни.

А можно ли было добиться ускорения в той же исходной обстановке? Да. Если бы основным заказчиком работ на стройке был НКВД, а сам объект представлял концентрационный лагерь с рабовладельческой, по сути, системой труда, как бывало в сталинские времена на многих стройках. Вот пример, максимально приближенный к описываемым событиям по масштабу и времени: строительство канала Москва – Волга («Канала имени Москвы») [42]. Заложен канал был в 1932 году, а построен за 4 года и 8 месяцев! Из-за непосильной работы на этой стройке погибли многие тысячи заключенных. Сохранился документ: «На третьем гидроузле плохо поставлена воспитательная работа». Резолюция: «Воспитательная работа налажена, 7 человек арестованы, двое расстреляны».

Но вернемся к Казмашстрою. Выходит, что, хотя глубинные причины замедления хода работ имели системную природу, человеческий фактор тоже давал себя знать в этом процессе. И дефицит требовательности, и спорные технические решения, халатность и головотяпство, бесхозяйственность. Поэтому автор далек от того, чтобы полностью и безоговорочно обелить всех персонажей своего повествования, включая и тех, кто проходил на «Процессе 13-ти». В каких-то случаях могли быть сделаны «оргвыводы»: дисциплинарные взыскания, понижения в должности, увольнение или, наконец, снятие с работы. Из материалов дела видно, что некоторые лица первоначально привлекались к ответственности по хозяйственным статьям УК; эти

дела следовало разрешить в установленном законом порядке. Вместо этого, следуя курсу на организацию политизированного процесса, экономический отдел НКВД (ЭКО) искусственно объединил зачастую мало или вовсе не связанных друг с другом людей в якобы организованную контрреволюционную троцкистскую вредительскую группу и предъявил им политические обвинения по 58-й статье УК. И судебное следствие помыслить не могло о перекалфикации обвинения с политической 58-й статьи на чисто хозяйственные!

Но как ни парадоксально, благодаря самоотверженной работе защитников и вопреки усилиям НКВД в «разоблачении вредительства», на судебном следствии «Процесса 13-ти» все-таки было доказано, что глубинные причины замедления хода работ на Казанском заводе связаны не с Казанью, а с Москвой.

Подобная картина наблюдалась и на других стройках страны, что вызывало раздражение и соответствующую реакцию высшего партийно-политического руководства. На пленуме ЦК ВКП(б), который состоялся в феврале–марте 1937 года, третьим пунктом повестки дня был поставлен доклад В.М. Молотова «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения».

Для начала Молотов ошеломил членов ЦК масштабами вредительства, цитируя полученные из НКВД «признательные показания» арестованных директоров крупнейших заводов и строек. Обрисовывался всеобъемлющий диапазон вредительства: от задержки проектирования и замедления темпов строительства до порчи механизмов, организации аварий, взрывов, отравлений газом рабочих и т.д. Тем самым были прикрыты все неувязки и просчеты, связанные с форсированием индустриализации, вплоть до тяжелых бытовых условий рабочих (якобы создаваемых «вредителями» сознательно, с целью вызвать массовое недовольство) и до очковтирательства при организации стахановского движения. Молотов призвал «вовремя смотреть за врагом и вовремя наносить удары, отрывая руки, а когда нужно, и вырывая с корнем, уничтожая врага». В заключение доклада Молотов выразил уверенность, что «выкорчевывание вредителей, диверсантов и шпионов и прочей мерзости из промышленности и всего нашего госаппарата позволит в течение ближайших нескольких лет догнать и перегнать передовые по технике капиталистические страны».

Но все это будет впереди, в следующем 1937 году!

А пока люди жили, как могли, в те материально тяжелые годы. Трудились, ежедневно читали газеты, не пропускали новых кинофильмов. Газеты и в самом деле играли ключевую роль в тогдашней жизни. Им доверяли. Радиоприемники, как и телефоны, были в очень немногих семьях, и газета была главным источником информации, просвещения и даже связи. Например, в казанских газетах чуть ли не каждый день публиковались объявления типа: такой-то или такая-то (указывается имя) вызывается на совещание, семинар,

заседание комиссии и т.п., имеющее быть, и так далее (дата и место). Заглянем в казанские газеты второй половины 1936 года.

22 июля: «20 июля на самолете под управлением М.М. Громова в Казань прибыл зам. наркома тяжелой промышленности М.М. Каганович. Тов. Каганович посетил завод 124, где ознакомился с работой отдельных цехов и стройучастков».

2 августа: Объявления:

«Пристал черный ягненок. Левая Булака, 10 кв. 23. Золина».

«Пристала коза белая. Левая Булака, 24 кв. 3».

Булак – это та самая городская протока, всеуспокоенная Сталиным на встрече с казанской делегацией. Протекала в самом центре Казани. Никаких набережных, на левом берегу дозволен выпас мелкого скота. А как иначе прожить казанцам в трудные времена?

Ко всему прочему, в середине 30-х годов в Казани и вообще в Татарии был разгул преступности. 29 сентября 1938 года Ежов даже издал специальный приказ «О результатах проверки работы рабоче-крестьянской милиции Татарской АССР» [43, с. 28]. В нем констатировались развал работы милиции, засорение кадров, разгул грабителей, воров и хулиганов. Однако начальник управления Аитов вместо организации борьбы с преступностью занимается очковтирательством. За 8 месяцев 1937 года в Казани было совершено 212 грабежей, а в отчетности показано лишь 154. Хулиганы-поножовщики в Казани настолько распоясались, что передвижение по городу граждан с наступлением вечера становилось опасным. Ряд мест общественного пользования, в частности Ленинский сад, улица Баумана и другие, находились во власти хулиганов и бандитов. Нарушителей порядка не арестовывали, а накладывали на них штрафы, но и те не взыскивали. Наркому внутренних дел Михайлову приказом было предписано в двухмесячный срок привести милицию Татарской АССР в боеспособное состояние и доложить о проделанной работе.

Трудно сегодня сказать, озаботился ли Михайлов, поглощенный перемалыванием «врагов народа», повседневным спокойствием самого народа, но Ежов 9 декабря 1938 года был освобожден, «согласно его просьбе», от обязанностей наркома внутренних дел, и вряд ли в последние дни своего пребывания на должности вспомнил об истекающем двухмесячном сроке доклада о принятых мерах по Татарии.

Но интересно и другое, это уже – по поводу объявлений! На улицах разгул преступности, народ живет бедно – и в то же самое время поистине патриархальная честность: мало того, что не пустили приبلудного барашка на шашлык, так еще не поленились сходить в газету, дать объявление! (Знакомая жительница Казани поправила: Какой там шашлык?! Народ и не знал, что это такое, да и не посмел бы взбудоражить запахом жареного мяса всю округу! – Прим. авт.)

8 августа: Перепечатка из «Правды»: «Уметь распознавать врага».

18 августа: «Крылья страны социализма». Рассказ о семье микулинских авиамоторов. МГ мощностью от 150 до 270 л.с.,

М-22 (400 л.с.), М-17 (500), М-25 (615), М-100 (860) и, наконец, знаменитый АМ-34 (950 л.с.), установленный на туполевский АНТ-25!

20 августа: Назначены судьи на предстоящем процессе Зиновьева и Каменева: диввоенюрист Ульрих В.В., корвоенюрист И.О. Матулевич, диввоенюрист И.Т. Никитченко.

27 сентября: Постановлением Президиума ЦИК наркомвнудел Ягоду сменил Ежов.

9 октября: Из объявлений: «Продается выездная лошадь с упряжью».

Статья «Литературный вертоград и его охранители» – одно из первых публичных выступлений против Евгении Гинзбург, ставшей всемирно известной через 50 лет как автор книги «Крутой маршрут», а в то время – корреспондента «Литературной газеты» по Татарии, руководителя русской секции Союза писателей Татарии и члена редколлегии альманаха «Начало». В 1937 году Е. Гинзбург, а вслед за тем и ее муж Павел Аксенов, председатель Казанского горисполкома, были арестованы.

Как следует из статьи, Е. Гинзбург оспорила две заказные рецензии, резкие, с политическим подтекстом, помещенные в местной печати: Ф. Хусни о повести Кави Наджми и Н. Козловой о новелле Алдана «Подвиг». Теперь газета отчитала саму Гинзбург.

29 октября: «Предложение тов. Волкова отклонено».

Житель Казани некто Волков написал в газету о своем предложении поместить наружное зеркало заднего вида «на передней площадке моторного вагона трамвая, чтобы следить за посадкой». Теперь работник трамвайной службы снисходительно объясняет, что пользоваться устройством можно только летним погожим днем. Вот что значит опередить свое время! Неизвестный и забытый рационализатор Волков, и как же сложилась твоя судьба? А придуманное тобою «зеркало-глаз» сегодня – на каждом трамвае, на каждом автобусе, троллейбусе, электричке.

3 ноября: «Об одной политической ошибке Ворошиловского райкома ВКП(б)». Сообщается, что партколлегией при уполномоченном Комиссии партконтроля по Татарии начальнику районного отделения НКВД т. Дебердееву за притупление классово-бдительности и грубое нарушение революционной законности объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Бюро обкома и партколлегия приняли к сведению заявление Начальника управления НКВД по Татарии т. Гарина, что Дебердеев снят с должности начальника райотдела НКВД.

Партия поправляет НКВД! Но не все так просто! Приведу комментарий. Секретарем партколлегии в описываемый момент был некто А.Г. Бейлин. По материалам архивно-следственных дел, при нем с Шаханина и Моргулева были сняты поспешно вынесенные им на партсобрании и в райкоме партийные взыскания (см. главу 10). Но его же имя мы встречаем в книге «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург: «За внешним обликом добродушного местечкового портного скрывался мой первый инквизитор». Именно он активизировал исключение Е. Гинзбург из партии, за которым последовал и арест. В 1938 году будет арестован и осужден сам Бейлин, об этом сообщат в газете. Начальника управления НКВД по Татарии (то есть наркома) В.Н. Гарина в конце ноября сменит П.Г. Рудь, который через несколько месяцев будет расстрелян, а Гарин на новом месте репрессивной службы благополучно переживет все потрясения тех лет.

12 ноября: В кинотеатрах Казани идет новый звуковой художественный фильм «Карл Бруннер».

Я, как и большинство довоенных мальчишек, читал увлекательную книжку «Карл Бруннер». Ее написал венгерский писатель-коммунист Бела Балаш, живший в эмиграции в Советском Союзе. А книжка была про маленького немецкого мальчика, который вступил в борьбу с фашистами, когда его мать забрали в гестапо.

21 ноября: «Процесс контрреволюционной троцкистско-вредительской группы на Кемеровском руднике».

Это первый, после назначения Ежова, открытый процесс.

22 ноября: Приводятся списки делегатов на VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов (среди прочих, П.Г. Рудь) и XVII Чрезвычайный Всероссийский съезд (среди них Л.Н. Шаханин).

31 декабря: Традиционные предновогодние награждения, в том числе в авиапромышленности. Награждены Моторный завод №26 им.В.Н. Павлова и Авиазавод №22, тот самый, в Филях. Руководят заводом С. Л. Марголин – директор, А.А. Архангельский – главный конструктор и В.Ф. Болховитинов – начальник конструкторского бюро.

Фамилии последних хорошо известны интересующимся историей отечественной авиации, а Марголин почти забыт, поскольку был репрессирован и расстрелян.

А в кинотеатрах Казани идут «Ночной извозчик» и первый советский цветной звуковой художественный фильм «Груня Корнакова».

Впереди был 1937 год.

6. Просветительское отступление: все об НКВД и вокруг НКВД в самом сжатом очерке

В этой главе речь идет о тридцати годах после окончания Гражданской войны и до 1953 года – смерти Сталина. Даже опубликованные фундаментальные труды об этом периоде не исчерпывают тему, хотя бы потому, что и для историков-архивистов процесс открытия архивов 30–40-х годов не окончен. Как рассказывают, один из распространенных способов ограничений – непредоставление архивных описей дел. Предлагается назвать интересующий документ, но при отсутствии описи это сделать порой невозможно. Заинтересованными частными лицами, имеющими право на ознакомление с делами, признаются лишь родственники пострадавших от политических репрессий, но и им архивно-следственные дела доступны только в объеме тех томов, где упоминаются их родные. Во всех остальных случаях, например при занятии литературно-публицистической деятельностью, действует не заявительная, а разрешительная система с неясным исходом. Полностью закрыты оперативные дела, содержащие, в частности, агентурные донесения, хотя для исследователей часто важны именно детали принятия решений. Правда, как сообщили СМИ в сентябре 2006 года, появился совместный приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций, МВД и ФСБ, который расширяет объем и упрощает процедуру ознакомления.

Тем не менее, публикаций, освещающих историю органов, которые народ собирательно окрестил *Лубянкой*, на сегодня немало. Попробуем с их помощью сориентироваться в описываемых событиях, вжиться в повседневный быт действующих персонажей, понять, что же такое значило в 30-е годы ударное, как выстрел, слово НКВД!

Аббревиатуры ЧК и ВЧК (т.е. Всероссийская ЧК), ГПУ и ОГПУ (Объединенное ГПУ), НКВД и НКГБ, МВД и КГБ отражали многократное, порой возвратно-поступательное реформирование органов государственной безопасности в СССР. Хронология их существования отражена в таблице, где курсивом выделены периоды, когда деятельность «органов» плотно контролировалась И.В. Сталиным [45, 46]:

Орган в структуре государственной власти	Период
ВЧК	20.12.17 – 06.02.22
ГПУ при НКВД СССР	06.02.22 – 01.11.23
ОГПУ при СНК СССР	02.11.23 – 10.07.34
<i>НКВД СССР, включая ГУ ГБ</i>	10.07.34 – 03.02.41
<i>НКВД СССР; НКГБ СССР</i>	03.02.41 – 20.07.41
<i>НКВД СССР, включая ГУ ГБ</i>	20.07.41 – 14.04.43
<i>НКВД СССР; НКГБ СССР</i>	14.04.43 – 15.03.46
<i>МВД СССР; МГБ СССР</i>	15.03.46 – 06.03.53
МВД СССР, включая ГУ ГБ	07.03.53 – 13.03.54
МВД СССР	13.03.54 – 22.10.91
КГБ при СМ СССР	13.03.54 – 05.07.78
КГБ СССР	05.07.78 – 22.10.91

В настоящем повествовании слово НКВД будет употребляться в узком смысле, подразумевающим его главные репрессивные составляющие – ГУГБ (Главное управление государственной безопасности) и ГУЛАГ (Главное управление лагерей).

Как и в других тоталитарных государствах, важным элементом поддержания высокого статуса репрессивных органов в СССР в 30-е годы были форма обмундирования и знаки различия; особая система воинских званий и многое другое, вплоть до мелочей. Удостоверение личности командного состава – в твердой алой «корочке» с золотым тиснением огромными буквами НКВД. Достаточно было показать издали такую закрытую книжечку, чтобы распахивались двери, расступались люди, умолкали голоса... Личное оружие сотрудника центрального аппарата НКВД – не допотопный наган, не тяжеловесный Тульский Токарева (ТТ-30), пригодный разве что для приведения приговора в исполнение, а маленький, изящный, в ярко-желтой лакированной кобуре Туль-

ский Коровина (ТК-26) – отечественный вариант браунинга редкого калибра 6,35.

Одновременно с введением в ноябре 1935 года особых воинских званий, была введена и особая форма обмундирования, призванная возвеличить ее носителя. Наркомвнуделец, в зависимости от звания, носил распахнутой френч или гимнастерку цвета хаки. Воротник и обшлага имели малиновый кант, на воротнике – краповые петлицы с галуном цвета золота или серебра для командного состава и синего цвета для рядового и соответствующие званию знаки различия. А еще – нарукавный знак овальной формы с мечом, серпом и молотом, вышитыми золотом или серебром на сукне крапового цвета. Брюки покроя бриджей (заправляемые в сапоги) также были с малиновым кантом. Головной убор «энкавдэшника» – фуражка: синий верх, зеленая тулья, красный околыш, черные лаковые козырек и ремешок, большая пятиконечная звезда. Для шинели предусматривались свои отличия: на лацканах, кроме петлиц, еще и эмблема – перекрестье двух винтовок на фоне стрелковой мишени, на рукавах – краповые с галуном шевроны.

Не возбранялось в НКВД и шить обмундирование индивидуально, с подгонкой по фигуре, из более дорогого материала. В Казани, например, в мае 1941 года можно было прочесть в газете следующее объявление: «Пошивочная мастерская НКВД ТАССР принимает заказы на пошивку шинелей, гимнастерок и бриджей. Стоимость пошивки: шинель суконная 150 руб., гимнастерка 50 руб., бриджи 60 руб.» [47].

На окружающих в скудные 30-е годы сложная, броская, безусловно недешевая форма, в сочетании с выправкой и самоуверенностью ее носителя, да вкупе с изрекаемыми им насмешливыми сентенциями вроде «*Органы не ошибаются!*», производили поистине гипнотический эффект и сами по себе были способны парализовать волю попавшего в его руки.

Гипнотизировавшая всех в 30-е годы аббревиатура НКВД несла всю мощь тоталитарного государства:

– неограниченную возможность судебного преследования и наказания по двенадцати частям и пунктам печально известной 58-й статьи Уголовного кодекса, действовавшей в РСФСР и других союзных республиках с 1926 по 1956 годы;

– внесудебный произвол силами пяти репрессивных структур в системе НКВД и за ее пределами;

– практические возможности неисполнения или искажения законного судебного акта (Приговора, Определения),

но прежде всего – применение запрещенных законом приемов и методов следствия.

Вот, например, сведенные в таблицу краткие расшифровки статьи 58 УК РСФСР (ред. 1926 г.), Часть Особенная, Глава 1 «Преступления государственные», Раздел 1 «Контрреволюционные преступления»:

Статья	Суть преступного деяния
58-1	Всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими рабоче-крестьянских правительств
58-2	Вооруженное восстание или вторжение, захват власти
58-3	Сношение в контрреволюционных целях с иностранными государствами
58-4	Оказание помощи международной буржуазии
58-6	Шпионаж
58-7	Вредительство
58-8	Террористический акт
58-9	Диверсия
58-10	Контрреволюционная пропаганда и агитация
58-11	Участие в контрреволюционной организации
58-12	Недонесение

Формально, большая часть этих статей направлена на защиту государственного и политического строя от его насильственного изменения, а также на защиту интересов общества и правосудия. Однако, в советских реалиях 58-я статья послужила мощным инструментом произвола в руках сталинских опричников – таких одиозных фигур, как Ягода, Ежов, Берия, Вышинский, Ульрих и стоявших за их спинами бесчисленных подчиненных.

Заметим, что первоначально в УК РСФСР от 1926 года понятия *измена родине* не было. Оно появилось после выхода постановления ЦИК СССР от 8 июня 1934 года «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» [44]. С этого момента в статью 58-1 вошли:

Ст. 58-1а. Измена родине... как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при наличии смягчающих обстоятельств – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.

Ст. 58-1б. В случае побега или перелета за границу военнослужащего члены его семьи, если они... хотя бы знали о ней (измене), но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении... подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет.

Большинство последующих частей 58-й статьи в качестве максимальной карательной меры социальной

защиты предусматривали ВМН – высшую меру наказания, то есть расстрел.

Вслед за этим постановлением последовали новые подзаконные акты, направленные на усиление репрессивной системы. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года при НКВД организуется Особое Собрание (ОСО). Дела выносились на рассмотрение ОСО, если в качестве обвинения могли быть предъявлены только агентурные донесения сексотов (секретных сотрудников) или если подследственные даже под физическим воздействием оказывались признавать свою вину. ОСО имело право приговаривать к лишению свободы на срок до 25 лет.

Квалификация дела в ОСО велась по специальным

литерам:

АСА – антисоветская агитация,

СОЭ – социально опасный элемент,

КРД – контрреволюционная деятельность,

КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность,

ЧСИР – член семьи изменника родины,

ПВН – пособничество врагу народа,

ПКАО – принадлежность к антисоветской организации,

ППШ – по подозрению в шпионаже.

Литера КРТД была страшнее всех статей УК! «Эта буквочка «Т» очень потом утяжеляла жизнь зэка в лагере», – писал А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Существовало спецуказание – обладателей этой буквочки на время заключения лишать телеграфной и почтовой связи; использовать только на тяжелых физических работах; доносить об их поведении раз в квартал.

Кроме частей и пунктов 58-й статьи УК, кроме литер ОСО была еще одна отметина у заключенного, которая называлась *окраска* и сопровождала его до конца лагерной или тюремной жизни. *Окрасок* было пять:

– бывшие помещики, фабриканты, торговцы;

– троцкистско-бухаринская агентура (троцкисты, правые);

– бывшие члены антисоветских партий (меньшевики, эсеры, децисты, brandлеровцы);

– бывшие участники антисоветских буржуазно-националистических партий;

– церковники и сектанты.

Например, один из персонажей нашего повествования, В.М. Яковлев, проходивший на «Процессе 13-ти» и репрессированный на ОСО, имел окраску «троцкист», и этим все было сказано.

Помимо ОСО, начиная с 1937 года, действовали и другие внесудебные пути вынесения смертных приговоров:

– решение «Тройки УНКВД»,

– решение Комиссии НКВД и прокурора СССР («Двойка»),

– постановление НКВД,

– постановление НКВД и прокурора СССР.

– осуждение «в особом порядке» за подписью лично Сталина на списке, подготовленном руководством НКВД [48].

1 декабря 1934 года принимаются еще два постановления Президиума ЦИК СССР. Первым – «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» – предписывалось приводить приговоры о высшей мере наказания немедленно после вынесения. Вторым – «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» (в части, касающейся террористических организаций и террористических актов против работников советской власти) – предписывалось ведение следствия не более 10 дней и слушание дел без участия сторон и без вызова свидетелей.

7 апреля 1935 года за подписью М.И. Калинина и В.М. Молотова был принят декрет «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», согласно которому смертная казнь стала распространяться и на детей старше 12 лет.

20–25 августа 1936 года состоялся первый из трех так называемых *Московских процессов* – по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». В день окончания процесса все 16 подсудимых (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, И.Н. Смирнов и др.) были расстреляны. Хотя перед началом процесса лично Сталин обещал в присутствии нескольких членов Политбюро Каменеву и Зиновьеву, что если они «разоблачат, в интересах партии», антисоветскую контрреволюционную заговорческую деятельность Троцкого, всем подсудимым будет сохранена жизнь.

Через месяц Г.Г. Ягода был отстранен от обязанностей наркома внутренних дел, а на его место был назначен Н.Е. Ежов. С его приходом на 1937–1938 годы пришелся настоящий шквал репрессий, почти парализовавших страну («Большой террор» по Конквесту [49]).

Назовем некоторые события, которые говорят сами за себя.

Из хроники 1937 года

20 января. Секретный приказ Ежова: В актах расстрела не указывать место захоронения [50].

23–30 января. Второй «Московский процесс» по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». 17 подсудимых: Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков и др. Большинство приговорены к расстрелу.

23 февраля–5 марта. Пленум ЦК ВКП(б). В повестке дня: 1. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. 2. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов по народным комиссариатам тяжелой промышленности и путей сообщения.

В ходе пленума неоднократно производились аресты его участников прямо в зале заседаний.

На пленум под конвоем приводились Н. Бухарин и А. Рыков с целью «инсценировки покаяния».

27 февраля. Составлен первый из обнаруженных 383 «Списков лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР» (с разбивкой по трем категориям: 1-я – расстрел, 2-я – десять, 3-я – восемь лет лагерей), которые подавались на санкционирование Сталину и некоторым членам Политбюро. Никаких сведений, кроме фамилий, списки не содержали. Само предложение о санкционировании расправы «по спискам» было внесено В.М. Молотовым [27].

Судебное рассмотрение этих дел по 1-й категории проходило только «в порядке Закона от 1 декабря 1934 г.», т.е. без участия сторон и без вызова свидетелей, при недопущении кассационного обжалования приговоров и подачи осужденными прошения о помиловании и приведении приговоров в исполнение немедленно по вынесении. Рассмотрение дел по другим категориям проходило также без вызова свидетелей [48].

Ночь с 17 на 18 марта. «По всем следственным тюрьмам, словно по команде, следователи впервые стали жестоко избивать арестованных, требуя от них признательных показаний. Ранее меры физического воздействия применялись относительно редко и как бы втихую, а не столь откровенно» [51].

18 марта. Доклад Ежова на собрании руководящих работников в клубе НКВД. Указание о масштабном и повсеместном усилении «чистки», начать которую следует с самого НКВД.

29 марта. Политбюро принимает решение об увольнении из рядов РККА и отправке на работу в хозяйственные наркоматы всех лиц командно-начальствующего состава, которые были исключены из партии по политическим мотивам.

Менее чем за 5 месяцев 1937 года проведено 350 000 политических арестов. Только в одной Ленинградской области арестовано более 70% всех директоров заводов, включая оборонные [52].

1–4 июня. Военный совет Наркомата обороны. Активные выступления обвинительного характера в адрес Тухачевского и других военачальников Красной Армии. По выступлению Сталина получалось, что фактически троцкистом можно объявить любого.

5 июня. Сталин, Молотов, Каганович и Ежов из большой группы военачальников отбирают 8 подсудимых будущего процесса [53], вслед за чем заведенные на этих лиц следственные дела были объединены в одно групповое дело «Антисоветской троцкистской военной организации».

11 июня. Сообщение о расстреле Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Путны, Примакова, Фельдмана по приговору военного трибунала из шести военачальников высших рангов (Буденный, Шапошников, Блюхер, Дыбенко, Алкснис, Белов). Четверо из них вскоре в свою очередь были уничтожены.

15 июня. Введена инструкция НКВД о порядке высылки из центральных городов членов семей репрессированных.

23 июня – 29 июня. В обстановке конфиденциальности проходил пленум ЦК ВКП(б) (полного сообщения о сроках и повестке дня в печати не было, не осталось и стенограммы

всех заседаний). Заслушан вопрос о продлении чрезвычайных полномочий карательным органам, которые они получили после убийства Кирова. После доклада Ежова выступил Сталин с предложением поддержать просьбу НКВД. Выступившие против нарком здравоохранения Г. Каминский и заведующий политико-административным отделом ЦК О. Пятницкий были репрессированы. В первый же день работы пленума не досчитались 46 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, а в ходе пленума изъяли еще 31 участника. Всех их исключили из партии (в том числе задним числом) и передали в НКВД. Всего же из 139 членов и кандидатов в члены ЦК было репрессировано 98 человек.

30 июня. В связи с переходом к массовым репрессиям приказом по НКВД созданы республиканские, краевые и областные «тройки» в составе первого секретаря партийного комитета, местного начальника управления или наркома внутренних дел и областного (республиканского) прокурора. Подлежащим ликвидации людям не предъявлялось никаких обвинений, не учинялось никаких допросов и не объявлялось о предании смерти. Директивой разрешалось перевыполнение разверстки, но в каждом отдельном случае с разрешения ЦК. Как показали последующие месяцы, едва ли не со всех мест были отбиты телеграммы с просьбой об увеличении лимита по первой категории на тысячи человек! Среди них была и «заявка» от наркома внутренних дел Татарии Михайлова.

2 июля. В развитие чрезвычайных полномочий, предоставленных НКВД закрытым пленумом ЦК, – постановление Политбюро «Об антисоветских элементах», санкционировавшее проведение широкомасштабной операции по репрессированию целых групп населения, а также официально разрешившее применение к арестованным пыток (по свидетельству Кагановича – написано рукой Сталина).

Сталин на заседании Политбюро поставил перед Ежовым вопрос «о необходимости усилить борьбу» с так называемыми «врагами народа», засевавшими в партийных организациях республик, краев и областей». В качестве одной из мер в этом направлении он предложил обновить руководство республиканских, краевых и областных аппаратов НКВД путем «смелого выдвижения молодых способных чекистов». Так появились в Татарии во второй половине 1937 года наркомы внутренних дел Алемасов и сменивший его Михайлов.

В тот же день – исходящий документ:

Тов. Ежову

Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий
Решение от 2/VII 37 г.

Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму:

...взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административных проведенных их дел через тройку, а остальные, менее активные, были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке.

Секретарь ЦК И. Сталин

Списки были представлены, однако через полгода показалось: мало. И тогда решением Политбюро ЦК от 31.1.1938 «Об антисоветских элементах» было принято предложение НКВД об утверждении дополнительного количества подлежащих репрессии, с разбивкой по административным единицам СССР. Операцию предлагалось закончить не позднее 15 марта 1938 года.

5 июля. Исходящий документ:

Тов. Ежову.

Решение от 5.VII.37 г.

1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5 – 8 лет всех жен осужденных изменников родины членов правотроцкистской шпионско-диверсионной организации...

2. Предложить Наркомвнуделу организовать для этого специальные лагеря в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана.

3. ...все жены изблеченных изменников родины правотроцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет.

4. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот до 15-летнего возраста взять на государственное обеспечение, что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально.

16 июля. Первый день, когда в Москве начали арестовывать жен изменников родины [54].

Ночь с 21 на 22 июля. Первая партия арестованных женщин – ЧСИР – прибыла в Бутырскую тюрьму [54].

Бутырская тюрьма в Москве была в те годы всеобщей пересылкой – здесь формировались большинство этапов. В стандартную бутырскую камеру, рассчитанную на четверых, помещали в 1937 году сорок человек (в такой камере сидел А.Н.Туполев [11]), а в рассчитанную на 25 арестантов (площадью 75 кв. метров) – 170 человек!

25 июля. Оперативный приказ Ежова №00439 об аресте «немецких шпионов, осевших в совучреждениях» по всей территории страны на «важнейших и, в первую очередь, оборонных предприятиях промышленности», со сроком завершения 15 сентября.

Под действие приказа на деле попадали германские подданные – приглашенные специалисты и бывшие германские граждане – политэмигранты, бежавшие от репрессий фашистского режима.

30 июля. Исходящий документ:

Оперативный приказ

Народного Комиссариата Внутренних дел Союза С.С.Р.

№00447

ОБ ОПЕРАЦИИ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, УГОЛОВНИКОВ И ДР. АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

30 июля 1937 г.

... с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников.

II. О мерах наказания репрессируемым и количестве подлежащих репрессии.

1. Все репрессируемые разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках расстрелу.

б) ко второй категории относятся все остальные... Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

2. Согласно представленным учетным данным наркомвами республиканских НКВД и начальниками краевых и областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии. (Далее перечисляются все административные единицы СССР и выделяемые им лимиты на репрессии. В частности, суммарно по РСФСР предписывалось: расстрелять 47 650 человек, заключить в лагерь 140 950 чел. – *Прим. авт.*)

В июле 1937 года, готовясь к самым массовым и жестоким репрессиям, управления НКВД по всей стране начали выделять специальные «зоны» – территории, предназначенные для массовых захоронений расстрелянных, а в отдельных случаях – в том числе и для собственно приведения приговоров в исполнение. Для местных жителей эти зоны обычно «легендировались» как армейские стрелковые полигоны [48].

В Татарии, по свидетельству Павла Аксенова [9], было три ликвидационных пункта: Бугульма, Мензелинск и внутренняя тюрьма в Казани. Ликвидированных еженощно вывозили в машинах под брезентом на специально оборудованные и охраняемые кладбища и там закапывали.

В июле 1937 года в адрес всех секретарей обкомов, крайкомов и начальников УНКВД пришло директивное письмо за подписью секретаря ЦК, наркомвнудел Ежова, в котором снова было указано, что работа органов по выкорчевке «врагов народа» проводится слабо, что арестованные «враги народа» содержатся чуть ли не в санаторных условиях, была фраза, что «враги народа» допрашиваются следователями «в белых перчатках» [51, с. 63].

После июля в «Списках лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР» и направляемых на подпись Сталину, остается деление только на две категории, третья, «щадящая», перестает фигурировать [48].

11 августа. Приказ НКВД №00485. Дела по спискам стали рассматриваться и двойками. (Тройки и двойки были упразднены во исполнение постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. – *Прим. авт.*)

15 августа. Оперативный приказ Ежова №00486 об обязательности ареста жен врагов народа одновременно с мужьями и о порядке размещения детей репрессированных родителей. В частности, конкретизируется: «В каждом городе, в котором производится операция, оборудуются:

а) приемно-распределительные пункты, в которые будут доставляться дети тотчас же после ареста их матерей и откуда дети будут направляться затем по детским домам».

По рассказу Павла Аксенова [9], такой пункт в Казани был размещен в пустовавшем по случаю лета учебном здании Казанского государственного педагогического института, который в те годы занимал территорию бывшего Родионовского института благородных девиц на Арском поле. Туда, в частности, после ареста Евгении Гинзбург и Павла Аксенова был отправлен их пятилетний сын – будущий известный писатель Василий Аксенов [9].

23 сентября в статье «Счастливые дни Сталинской эпохи» газета «Правда» пустила в оборот крылатый лозунг: *Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!*

27 августа. Арестован Обросов (Соров) – первый «красный профессор», директор НИИ скорой медицинской помощи им. Склифосовского.

14 сентября. Постановление ЦИК СССР: Внести изменение в действующий уголовно-процессуальный кодекс по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях: Обвинительное заключение вручать на одни сутки до суда. Кассационное обжалование по статьям 58-7 и 58-9 не допускается. Приговоры приводятся в исполнение немедленно по отклонении ходатайств о помиловании.

25 сентября. Постановление СНК СССР о признании организации переписи неудовлетворительными, а материалов ее – дефектными.

Оказалось, что вместо невиданного прироста населения СССР после установления Советской власти, оно уменьшилось за время от переписи 1926 года до переписи 6 января 1937 года на 3 млн человек! В местные управления народно-хозяйственного учета были отправлены закрытые письма «О вредительских извращениях и организационных недостатках переписи населения 1937 г. Ее результаты были аннулированы, а десятки исполнителей, включая руководство, расстреляны или отправлены в лагеря [55; 56].

21 октября. Арест авиаконструктора А.Н. Туполева.

2 ноября. Арест ракетчиков И.Т. Клейменова и Г.И. Лангемака (РНИИ); оба расстреляны через два месяца.

Ноябрь. В Москве в издательстве «Художественная литература» выходит книга Лиона Фейхтвангера «Москва. 1937 г. Отчет о поездке для моих друзей».

Поездка состоялась в конце 1936 – начале 1937 годов. Побывав на процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра», через несколько дней Фейхтвангер заявил, что вина подсудимых «доказана исчерпывающе». Книга вышла летом 1937 года в Амстердаме и была переведена на русский язык по личному указанию Сталина. Однако в 1938 году она изымается из массовых библиотек, дабы не привлекать внимание к некоторым специфическим наблюдениям автора, и передается в Спецхран Библиотеки им. Ленина в Москве. Редко кто отваживался хранить эту книгу в домашней библиотеке.

В этом же году изымается из обращения и уничтожается вышедшая еще в 1934 году книга «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина» – сборник хвалебных очерков Горького, Зошенко, Алексея Толстого, Евгения Петрова, Ильи Ильфа, – всего 36 «доверенных» советских писателей – о строителях Беломорско-Бал-

тийского канала. Причина – многие персонажи книги за это время попали в разряд «врагов народа» [57].

Декабрь. Арест, пытки и казнь всех без исключения руководителей Бурятии (обкома, Совнаркома, ЦИК), в том числе наркома земледелия Ардана Маркизова.

Его семилетняя дочка – Геля (Энгельсина) Маркизова – за год до того сфотографировалась на руках у Сталина, получила в подарок часы и патефон. Фото и скульптурная композиция разошлись по стране миллионными тиражами. Отныне же велено было считать, что на руках у Сталина – тринадцатилетняя таджичка Мамлакат Нухангова, сборщица хлопка, награжденная орденом Ленина и тоже побывавшая в Кремле. И в головах людей на многие десятилетия утвердилось это представление! (И в моих детских воспоминаниях на этом хорошо известном фото – Мамлакат! – Прим. авт.)

«Даже такие писатели, как Искандер, Аксенов, Войнович, в своих произведениях называют меня Мамлакат. Куда это годится?» – посетовала Энгельсина Маркизова во время встречи с журналистом Борисом Медовых, поведавшим эту историю в середине 90-х в газете «Известия».

Сходная ситуация была с К.Е. Ворошиловым. Рассказывают, Сталин не раз порывался арестовать его или его жену, но вовремя вспоминал о сотнях тысяч значкистов «Ворошиловского стрелка»: с ними-то как быть? Не отнимать же у всех значки?

По журналу записи посетителей, который вел секретарь Сталина А.Н. Поскребышев, подсчитано, что за один 1937 год Ежов провел в кабинете вождя 527 часов 56 минут, то есть они ежедневно общались в среднем более полутора часов!

Сталин требовал тщательно проверять сигналы с мест, подчеркивая, что если «в них будет правды хоть на 5%, то и это хлеб!». А Ежов развивал мысль: «Лучше десять невинных людей пострадает, чем один шпион скроется!»

На обложке журнала «Крокодил» появилась карикатура на злобу дня под названием «Ежовы рукавицы»: торжествующий Ежов в воздегой руке в рукавице, утыканной ежовыми колючками, держит за шкуру горсть жалких людишек – сразу видно, презренных врагов народа: тут и буржуй в цилиндре, и закордонный агент с орудиями своего ремесла, и деревенский кулак, и замаскированный под интеллигента притаившийся троцкист... Эта карикатура потом тиражировалась на плакатах, висевших в коридорах партийных комитетов, в подразделениях НКВД и просто в присутственных местах.

А родственники расстрелянных по спискам «троек» и «двоек», обращавшиеся в приемные НКВД по месту жительства, получали в том же 1937 году стандартные ответы: «Ваш муж (жена, отец, мать, сын, дочь, сестра, брат) осужден на 10 лет без права переписки. Ждите».

Хроника 1938 года

12–19 января. На первой сессии нового законодательного органа – Верховного Совета СССР 1-го созыва – прокурором СССР назначен Андрей Януарьевич Вышинский –

одна из самых одиозных фигур среди исполнителей репрессивной политики И.В. Сталина.

31 января. Политбюро утверждает дополнительные «лимиты» на расстрелы по 22 административным единицам (автономным республикам, краям и областям), в том числе 8-тысячный «лимит» Дальневосточному краю [58].

17 февраля. Политбюро разрешает НКВД Украины вторично увеличить «лимит» на 30 тысяч человек [58].

2–13 марта. «Третий Московский процесс» – последний из открытых судебных процессов над «врагами народа», официально именованный «Процессом антисоветского право-троцкистского блока», которого не только не было, как и предыдущих, но по природе своей, по сочетанию понятий (право-троцкистского) быть не могло. 21 обвиняемый: Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский и другие, в том числе Г.Г. Ягода. 18 расстреляны.

21 марта. Начальник Главного политуправления РККА Л.З. Мехлис бездоказательно доложил Сталину, Ежову и Ворошилову, что «...авиация меньше всего очищена от вражеских сил», и просил снять зам. начальника ВВС Героя Советского Союза Я.В. Смушкевича и двух членов Военного совета с должности, а их дело передать в НКВД. Смушкевичу удалось отвести наветы, но весной 1941 года он был все же арестован и в октябре расстрелян без суда.

23 марта. Арестован ракетчик В.П. Глушко (НИИ-3, б. РНИИ).

Март – апрель. Опустошительная «чистка» Верховного суда СССР.

Апрель. Создана первая в СССР «шарашка» – Особое конструкторское бюро Управления НКВД по Ленинградской области, сотрудники которого, заключенные специалисты, были привлечены к выполнению прикладных работ оборонного значения [59]. В конце октября создается еще одна «шарашка», на этот раз – в подмосковном дачном поселке Болшево, на территории бывшей трудовой колонии, или «Колонии НКВД в Болшево»: «Особое техническое бюро при НКВД СССР», оно же – «Центральное конструкторское бюро №29», оно же – «Конструкторское бюро 4-го спецотдела НКВД» (начальник – полковник Г. Кутепов). Здесь трудились заключенные – авиаконструкторы, и среди них – Туполев, Петляков, Мясищев, Бартини.

Статистическая справка [46]:

На 1 мая 1938 г. в центральном аппарате Главного управления ГБ в составе НКВД насчитывалось 2159 штатных сотрудников, из них 1316 коммунистов, 328 комсомольцев и 515 беспартийных.

Высшее образование имели 8,8%, среднее – 30,3%, остальные (60,9%) – несколько классов средней школы.

Русские составляли 64%, евреи – 16,6%, украинцы – 7%, латыши – 3,3%, белорусы – 2,1%, армяне – 1,5%, остальные 5,5% – другие национальности.

В 1939 г. уже при Берии, доля русских в центральном аппарате ГБ возросла до 80,2%, далее с большим отрывом заняли места украинцы (7,5%) и евреи (6,3%).

В общей сложности из госбезопасности в 1939 году при Берии было уволено 7372 оперативных работника,

или 22,9% списочного состава, из которых 937 попали за решетку [60, с.143].

18 мая. Эйнштейн – Сталину: «Я понимаю, что в кризисные и беспокойные времена случается так, что подозрение может пасть на невинных и достойных людей. Но я убежден, что как с общечеловеческой точки зрения, так и в интересах успешного строительства новой России, чрезвычайно важно, чтобы по отношению к людям редкостных способностей и редкостных же творческих сил обращались с исключительной осторожностью» [61]. Реакции на письмо не последовало.

26 мая. По инициативе Л.З. Мехлиса директивой Главного политуправления РККА в учебные планы военных училищ и академий вводится спецкурс «О мерах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентурой».

Июнь. Торжественное заседание, посвященное XX-летию ВЧК – ОГПУ – НКВД. Официальный доклад делает А.И. Микоян, Сталин на заседании отсутствует. Считается, что к этому времени он уже принял решение о замене Ежова: тот свою миссию выполнил, теперь только компрометирует вождя. Просматриваются кандидатуры на замену: тот же Микоян, даже Чкалов... Чкалов так «достал» Сталина своим заступничеством за арестованных и негативным реагированием на арест Бухарина и Пятакова, что, как рассказывают, Сталин в конце концов бросил ему: «Слушай, Чкалов, не забывай – у тебя одна голова на плечах!»

26 июня. Арестован ракетчик С.П. Королев (НИИ-3, бывший РНИИ).

15 июля. Официальное закрытие Политического Красного Креста – организации «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (в сокращении ПОМПОЛИТ) [62]. В помещении, занимаемом ПОМПОЛИТОМ (Кузнецкий мост, 24) на многие годы разместились Приемная НКВД.

15 сентября. Политбюро удовлетворяет предложение НКВД о создании «особых троек», которые получили право в течение двух месяцев самостоятельно, без последующей посылки в Москву, утверждать оставшиеся нерассмотренными «альбомы». Решения «особых троек» немедленно приводились в исполнение.

29 сентября. Завизирован 383-й, последний из найденных, «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР». Всего в них значатся фамилии 44 477 человек. Санкцию на осуждение «по первой категории» получили без малого 39000 человек. Подпись Сталина стоит на 362 списках, Молотова – на 372, Ворошилова – на 195, Кагановича – на 191, Жданова – на 177, Ежова – на восьми, Косиора – на пяти (С.В. Косиор был арестован 2 мая 1938 г.). Собственно, Военная коллегия была лишь техническим оформителем этих заранее вынесенных приговоров [48]. В дальнейшем практика осуждения по спискам сохранилась, но порядок претерпел некоторые изменения.

16 октября. М.М. Каганович утвержден наркомом оборонной промышленности, занимавший этот пост М.Л. Рухимович репрессирован.

12 ноября. Ежов в первый (и последний) раз лично, за своей подписью на сопроводительном листочке, запросил санкцию на расстрел по списку:

«Товарищ Сталин. Посылаю списки арестованных, подлежащих суду по первой категории». На том же листочке резолюция: «За расстрел всех 3 167 человек, Сталин, Молотов» [63]. Это был «рекорд» по разовым списочным расстрелам [64, т. 1, ч. 2, с. 291].

15 ноября. Директивой СНК и ЦК деятельность троек прекращена.

17 ноября. Постановлением СНК и ЦК дан сигнал к прекращению «массовых операций» по арестам и выселениям.

8 декабря. Публикация указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Ежова по его просьбе от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением наркомом речного транспорта и об утверждении Берии наркомом внутренних дел (фактически, он приступил к своим обязанностям еще в ноябре).

26 декабря. Директива НКВД СССР и прокурора СССР о рассмотрении жалоб на решения троек 1937–1938 годов и о пересмотре следственных дел по этим жалобам.

Как результат, явились не слишком многочисленными, скрытые «реабилитации» 1939–1940 годов (приказ НКВД СССР №00116 от 4 февраля 1939 г.), когда не были раскрыты ни причины репрессий, ни их масштабы, ни имена инициаторов. Это была сиюминутная политическая акция в поддержку очередной смены и обновления кадров НКВД.

По воспоминаниям: «Когда к власти пришел Берия, первое, что он разрешил всем женщинам, – посылать запросы о судьбе детей. Затем было разрешено отдать детей родственникам. Потом разрешили женщинам переписку, а позднее – посылки и свидания. Да еще говорили, что он выпустил 50 000 заключенных из тюрем потому, что создавал себе репутацию либерала» [54].

На самом деле, согласно отчетам ГУЛАГа, всего в 1939 году из лагерей было освобождено 223 622 чел. Но лишь малая доля их – по политическим статьям [65].

А еще в эти первые месяцы своего назначения Берия отметил подписанием правительственного документа «Об организации в СССР массового выпуска изделия №2» [66].

В 1937–1938 годы решением троек осуждено свыше 700 000 человек, из них почти половина – к расстрелу. Дела решали списком – как говорил снятый теперь Ежов, «альбомным методом».

Конец декабря. Возобновление деятельности Верховного суда СССР. Верховный суд начал принимать к пересмотру приговоры, вынесенные ранее по политическим делам (в порядке надзора) [67].

В рамках этого процесса иногда удавалось добиться отмены смертных приговоров, вынесенных судами на местах. Например, такой исход состоялся (на рубеже 30–40-х годов) и по делам работников Казанского горисполкома и Казанского авиазавода.

Однако политические репрессии в стране продолжались и после 1938 года, хотя и с меньшим размахом. И самым доказательным свидетельством этого явилась данная Сталиным в первые же дни Нового, 1939 года позорная ориентировка в отношении пыток!

Исходящий документ:

*Берия, Щербакову, III части, т. Маленкову
Шифром ЦК ВКП(б)*

Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркоматом внутренних дел, начальникам УНКВД.

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов – крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим несколько не опорочивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод.

ЦК требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

*Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин
10/1-39 15 час.*

На этом мы заканчиваем хронологическую справку за 1937–1938 годы.

Но прямыми репрессиями, судебным и внесудебным произволом система тотального подавления свободы в стране не ограничивалась.

Нужно сказать несколько слов о «секретных отделах». Они уже с 1936 года стали неотъемлемой частью любого советского учреждения. Если в работе самого учреждения и не было ничего секретного, секретными оказывались «личные дела» сотрудников. В эти «дела» заносилось все, что было известно о работниках, все написанные ими анкеты и заявления, все сделанные на них доносы и т.д. [68].

На крупных предприятиях существовали «Книги о засоренности», то есть сведения о выражавших недовольство, поддерживавших «компрометирующие связи», и т.д. Аресты осуществлялись также по спискам, представленным заводскими спецотделами. В них начальники спецотделов в одной из граф излагали имеющиеся у них «компрометирующие материалы» [67, с. 129].

Нередко предпосылкой для того, чтобы навесить целому коллективу ярлык вредителей, мог стать прос-

то намеков на возможность нежелательного происшествия — так называемое «спецсообщение» в правительство, например, такое:

«Институт Авиационной Медицины РККА ведает обеспечением приборами самолета АНТ-25 для полета Героя Советского Союза Чкалова в Америку через Северный Полюс... Работа проводится недобросовестно. Кислородные приборы и баллоны установлены на самолет без проверки на герметичность. Таким образом, не исключается возможность утечки кислорода, что грозит экипажу самолета кислородным голоданием.

Комиссар Государственной Безопасности 3 ранга Минаев» [69].

Полное отбытие наказания по политической статье и даже освобождение от наказания еще не делало человека свободным, в частности не давало свободы перемещения, которая гарантировалась Сталинской конституцией 1936 года.

Советский паспорт всегда содержал раздел «На основании чего выдан». «Чистый паспорт» — это такой, который выдан взамен прежнего (с истекшим сроком действия, испорченного или утраченного) или на основании свидетельства о рождении. Бывший политзаключенный получал паспорт с отметкой, что он выдан на основании справки об освобождении (из лагеря НКВД) и «Положения о паспортах», п. 39. «Положение» никто из простых советских граждан никогда в руках не держал. Между тем пункт 39 вносил ограничения на проживание, содержал перечень из 30 городов, где данный человек не мог отныне проживать. Это называлось «минусы». Паспорт с «минусом» становился черной отметиной человека. Границей «минуса» была даже не городская черта. По крайней мере в Москве границей «минуса» считался 101-й километр!

Но и проживание в «минусе» не было гарантией обретения свободы, потому что человек мог быть арестован вторично.

Дела по контрреволюционным преступлениям не имели срока давности.

Масштабы репрессий в Советском Союзе по политическим мотивам в 20–50-е годы исчисляются, по разным оценкам, миллионами или десятками миллионов жертв, в зависимости от того, что принималось при подсчетах за репрессивный акт и какие использовались временные рамки отсчета.

Масштабы репрессий в годы «пик» травмировали и деформировали психику и тех людей, которых они напрямую не коснулись. Знаменитый *тревожный чемоданчик*: смена белья, бритвенный прибор... Ночные аресты — о них знали, они держали в напряжении людей до глубокой ночи. Но ведь были и дневные аресты — на собраниях, прямо из зала или из-за стола президиума, когда побелевший от ужаса человек бросал последние отчаянные слова о своей невинности, а люди отводили глаза от того, кого уводили, и не смотрели на тех, кто сидел рядом. Эти публичные аресты культивировали взаимное недоверие и отчуждение. По терминологии современных психиатров, это были так называемые вторичные жертвы репрессий.

Так кто же оказался самым уязвимым в вакханалии арестов «Большого террора» 1936–1939 годов?

После партийно-государственной элиты и высшего состава Красной Армии самыми уязвимыми оказались «директорский корпус» страны; видные, руководящие специалисты (то есть те, кто были на виду и на слуху) и... самые что ни на есть «разночинные» служивые люди организаций, учреждений и предприятий буквально всех сфер хозяйствования и жизнеобеспечения. А чтобы убедиться в последнем, достаточно перелистать любой Мартиролог, или Книгу памяти, какие были изданы в 90-е годы почти во всех субъектах Российской Федерации. В них десятки и сотни тысяч имен расстрелянных, и абсолютно случайный набор жертв и совершеннейшая вздорность, неправдоподобность обвинений!

Геноцид и подрыв генофонда многонационального населения страны — вот чем явились и что повлекли за собой на деле репрессии 30–40-х годов и их апофеоз — Большой террор!

7. Время испытаний: проработки, разработки, аресты

Перо, чернила, лист бумаги,
Строка: «Обкому ВКП.»
Александр Безыменский,
«Ночь начальника Политотдела», 1934 г.

Перетряска Госплана в годы большого террора помешала завершить разработку проекта 3-го пятилетнего плана в задуманном виде. Долговременные цели подвергались ежегодному пересмотру, краткосрочные показатели нередко задавались напрямую Политбюро. Параллельно существовали ранее изданные постановления СТО, которые также следовало принимать к руководству. Внести ясность для исполнителей должны были директивы наркоматов, но они не могли заменить отсутствующие материальные ресурсы, запаздывающую проектную документацию.

Уже упоминалось, что строительство авиазавода в Казани было законсервировано постановлением СТО от октября 1934 года. Но действовал и приказ Орджоникидзе о пуске ТЭЦ-2, неотъемлемого объекта Казмашстроя, к 1 декабря 1936 года. Стройка велась хозспособом, то есть без привлечения плановых средств. Срок срывался, и осенью 1936 года в «Красной Татарии» прошла серия острых критических публикаций. Фрагменты из них были приведены в 6-й главе.

Шаханин признал критику. Провел реструктуризацию управления строительством, добился ускорения темпов, но по совокупности обстоятельств приказ наркома не мог быть выполнен. ТЭЦ-2 удалось запустить только через год.

Волюнтаризм проявлялся и в отношении авиазавода. Так, в следственном деле есть свидетельства того, что весной 1937 года цехам давались завышенные планы на основе заданий, утвержденных главком.

Хозяйственные дела на Казмашстрое во второй половине 1936 года НКВД не интересуют. Его руководители В.Н. Гарин (с марта 1933 года, еще в качестве полпреда ОГПУ) и П.Г. Рудь (с ноября 1936 года) поглощены изобличением и пресечением «татарского национализма» и троцкизма.

В 1936 году арестован видный общественный деятель, историк и педагог Г.М. Атласов, обвиненный в пантюркизме, и многие другие деятели татарской культуры.

Осенью 1936 года арестован директор КАИ им. Баранова С.П. Гудзик (1905–1984), обвиненный в антисоветской троцкистской деятельности. По ходу следствия установлено, что при организации КАИ Маршев познакомил Баранова с Гудзиком как с подходящей кандидатурой на пост директора КАИ.

Арестованный в августе 1936 года Г.Н. Валеев, начальник участка жилстроительства на Казмашстрое, делает заявление, что в траурные дни после убийства Кирова Маршев в разговоре с ним злорадствовал этому убийству [35].

Маршев не мог не понимать возможных для него последствий после ареста Гудзика и Валеева. Как рассказывал сын Маршева, его отец воспользовался представившимся случаем и в начале 1937 года в самой общей форме поделился своими опасениями с Орджоникидзе. Маршев не подозревал, что тот сам ощущал себя в подобном же положении, отчего и отвечивал: «Ничем помочь не могу. Уезжай куда-нибудь на завод...». Но Маршев был человек с гонором и, не чувствуя за собой вины, «ложиться на дно» не захотел. А 18 февраля 1937 года Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством.

В целом же ситуация на Казмашстрое вплоть до конца 1936 года оставалась внешне стабильной. Шаханина избирают делегатом от Татарии на XVII Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов.

Но в первой половине 1937 года обстановка вокруг Казмашстроя меняется. События развиваются многопланово.

Получивший «черную метку» после арестов Гудзика и Валеева, Маршев разрабатывается в недрах НКВД, похоже, в индивидуальном порядке, пока без увязывания со своим служебным окружением и без проявления каких-либо исходящих сигналов. И это создает видимость, что «может быть, все обойдется».

Более того, 17 апреля 1937 года нарком незадолго до того образованного наркомата оборонной промышленности М.Л. Рухимович издает приказ №117 об учреждении, в соответствии с постановлением Совнаркома №384 от 10.03.37, нескольких специализированных Государственных союзных строительных организаций – контор и трестов, ГССК и ГССТ [70]. В рамках приказа статус Маршева подтверждается и даже повышается: он становится начальником ГССК по строительству завода №124/27. Приобретенный Казмашстроем «союзный» статус производит в Казани, видимо, такое сильное впечатление, что в поселке ИТР завода 124 впервые организуется уличная разбивка, и все улицы получают название Союзных: 1-я, 2-я

и так далее. Так, нынешняя улица Академика Королева (бывшая Производственная) поначалу называлась 13-й Союзной.

Завод тоже не стоял на месте.

«В 1937 году Казанский авиазавод выпустил первый самолет и передал его Управлению полярной авиации Главсевморпути». Об этом сообщила газета «За индустриализацию» 12 января 1937 года. [33]. По-видимому, это был двухмоторный АНТ-7/Р-6 (уменьшенная копия АНТ-4/ТБ-1), точнее – его полярный вариант ПС-7. В этом же году (по другим источникам – в 1936) под руководством Петлякова был заложен самолет АНТ-20 бис (по типу «Максим Горький»). Этот экземпляр под аэрофлотовским обозначением ПС-124 и с бортовым номером СССР-Л760 с 1939 по 1941 год эксплуатировался на одной из самых загруженных авиалиний Москва – Минводы, а с началом войны был перебазирован в Узбекистан на маршруты Ташкент – Ургенч и Ташкент – Куйбышев (Самара). Там, в 1942 году, как и первый экземпляр (АНТ-20 «Максим Горький»), он также потерпел катастрофу, на этот раз – по вине экипажа.

О продукции завода ввиду секретности военного авиационного производства в предвоенные годы в открытой печати больше ничего не сообщалось. Тем временем положение на Казмашстрое стало предметом разбирательства в партийных, советских органах и – по цепочке – в прокуратуре Ленинского района Казани. Повод – отнюдь не политические пристрастия Маршева и не ход выполнения планов наркомата по развитию авиапромышленности страны, а срыв обязательств по проведению строительно-монтажных работ в жилом секторе Ленинского района Казани.

В 6-й главе уже цитировалось открытое письмо жен ИТР Маршеву и Шейнману: «Когда настанет конец их обещаниям – окончанию строительства и сдачи в эксплуатацию Дома связи и яслей?». Это было в октябре 1936 года. И вот 31 мая 1937 года Маршева исключают из ВКП(б). И все-таки, за что? Ведомственное строительство жилья в годы Советской власти, вопреки политической риторике, всегда велось по остаточному принципу. И если руководству, в условиях необоснованных сроков или необеспеченных ресурсов, приходилось выбирать, приоритет всегда отдавался производственному плану. Мы не знаем формулировку партийного решения. Однако известно, что партийные комитеты, как правило, не принимали во внимание объективные причины, ибо тогда пришлось бы надолго затягивать принятие принципиальных решений, которых от них ожидали. Вообще ссылаться на объективные причины считалось дурным тоном, и подобные поползновения в партийной практике немедленно и жестко пресекались.

А коль скоро *партийные оргвыводы* были сделаны, последовали оргвыводы *кадровые*. Через неделю после исключения из партии наркомат снимает Маршева с работы. Подбирает кандидатуру преемника – Ивана Савельевича Бусарова, которому объясняют, что

у его предшественника были «не в порядке партийные дела».

Между тем Ленинский райсовет продолжает свои разбирательства, теперь уже – по главному механику Казмашкомбината Моргулеву.

Прочитируем архивно-следственное дело [35, т. 2].

13 ноября 1936 года:

СЛУШАЛИ: О причинах ненормального отопления поликлиники (доктор Феликсон).

В прениях выступили: Хохряков, Иксанов, Кулагин.

ПОСТАНОВИЛИ: Ввиду безответственного отношения по установке отопительной системы поликлиники со стороны подрядчика (спецконтора, начальник Моргулев) дело передать на рассмотрение прокурора и сообщить в Советский контроль по Татарской республике для принятия соответствующих мер.

17 ноября 1936 года:

Уполномоченному Советского контроля по Татарской республике.

Копия: Прокурору Ленинского района Жаворонкову.

Ленинский райсовет доводит до Вашего сведения и просит принять соответствующие меры... по начальнику спецконторы т. Моргулеву по нижеследующим причинам:

1. Спецконтора как подрядчик затягивает окончание работ по монтажу отопительной системы бойлерной.

2. Оконченные работы не переданы в эксплуатацию, из-за чего нет определенного лица, ответственного за отопление поликлиники.

3. Поликлиника отапливается с перебоями, из-за чего в отдельных кабинетах бывает до 30 гр. жары и 3 гр. холода.

Председатель Иксанов.

22 февраля 1937 года:

Тов. Жаворонкову (прокурор)

По вопросу о двух моторах

Для бойлерной поликлиники необходимы были два мотора. Напряжение там 380 В. Долгое время моторов не было. Однажды тов. Моргулев сообщил, что моторы есть. Мы выписали, получили, но они оказались 500 В, и в таком виде ставить их было нельзя, так как они дали бы пониженное число оборотов. А нам было предписано дать 2500–3000 об. Сообщили об этом Моргулеву, и снова начались поиски моторов, а те два продолжали лежать на складе спецконторы. Через 3–4 дня после их получения мы передали их тов. Чекалину для установки на транспортере в затоне Аракчино, где в то время было очень критическое положение с вывозкой леса. Через некоторое время были товарищем Моргулевым найдены два мотора 220х380 В и в поликлинике установлены.

[подпись не разборчива]

9 мая 1937 г.:

Прокурору т. Жаворонкову

Выписка из протокола №13 заседания

Президиума Ленинского райсовета

От 19 апреля 1937 года

Слушали: О причинах задержки открытия ясель

(докл. Моргулев, Лукашов)

Моргулев в своем докладе говорит, что строительные работы были готовы к 1 октября 1936 года, но отопление

оказалось не годным. Трубы для парового отопления были поставлены не те, какие нужно было поставить. Кроме того возник вопрос об устройстве прачечной и сушилки для белья, и это дело затянулось до морозов, в результате чего замерзли трубы, каковые полопались. Виновные этого дела – проводящие монтажные работы. Это дело известно прокурору. В настоящее время здание ясель готово, дело за комиссией по приему, так что думаем 22 апреля сдать в эксплуатацию.

Вопрос: Сколько встала переделка?

Ответ Моргулева: Около 10 000 руб.

Лукашов: Я как строитель, и с моей стороны было сделано все 8 месяцев тому назад, но ввиду неувязки с монтажной работой нам пришлось вновь все переделывать, и в настоящее время все готово. Виновниками переделки являются монтажники. Со стороны строителей давались об этом сигналы, но они на это не обращали внимания.

Постановили: Поручить тов. Жаворонкову серьезно заняться этим делом и виновных привлечь к ответственности как за срыв открытия ясель, так и за незаконное перерасходование государственных денег.

Произвести сдачу в эксплуатацию здания под детясли не позднее 22 апреля.

23 июля 1937 года:

Протокол допроса свидетеля

Ронжин Петр Федорович – мастер сантехмонтажа.

«Акт, составленный нами 11.II.37 в отношении отопления яслей завода 124 подтверждаю и разъясняю, что все эти дефекты, обнаруженные нами, происходили в силу отступления от проекта по непонятным для меня причинам».

Впервые читая этот материал из архивно-следственного дела, я вспомнил, как в 1967 году, спустя 30 лет после описываемых событий, вселился в ведомственную новостройку, которая тоже велась хозспособом. И тоже не было нужных труб, а срок сдачи дома подступал, и начальник строительства распорядился ставить «не те» трубы... Вскоре они начали ржаветь и лопаться, последовали бесконечные раскопки и латания, в конце-концов пришлось заменить всю сеть!.. Репрессий, слава богу, не последовало. Оргвыводов, к сожалению, тоже!

Цитируем дальше.

«В результате отопление детяслей не работает. Это дело объясняется тем, что бригадир (фамилия неразборчива – прим. авт.) скорее старался закончить работу, получить деньги, а мастер Крючков, видимо, не мог его проконтролировать. Всю эту работу пришлось переделывать, и за это уплатили около 2 тыс. рублей».

26 июля 1937 года:

Протокол допроса свидетеля

Курашев – завхоз поликлиники Ленинского района.

«В октябре 1936 года поликлиника поселилась в новое здание. Нам говорили, что система отопления уже готова, но... 10 дней занимались в холодных кабинетах. Главный инженер строительства завода 124 Моргулев нам говорил, что пока не урегулируем водяного отопления, у нас будет плохо. После вмешательства... Айвазова и прокурора начали обогреть поликлинику, но опять-таки довели жару

до 35°, чем объяснить такие явления я не могу. Тут же в краевых комнатах было холодно... Все эти неполадки были известны Моргулеву, и он всегда успокаивал, что вот-вот вопрос разрешим».

11 августа 1937 года:

Следователю при прокуратуре Ленинского района

Сообщаю просимые данные по отдельным объектам. В основном все работы, кроме дома №3, проводились либо при старом руководстве спецконторы (начальник Торошко, технорук Федоров), либо до организации спецконторы (отдел главного механика, главный механик Морогов). Все переделки и исправления проводились при начальнике спецконторы Чернявском. По КАИ работы проводил мастер (фамилия неразборчива – прим. авт.) и мастер Корольков. Оба были сняты с работы за техническую безграмотность, брак в работе и за пьянство (Корольков).

Главный механик Моргулев

11 сентября 1937 года:

Выписка из протокола №29

заседания бюро Ленинского райкома ВКП(б)

СЛУШАЛИ: дело Моргулева

Имеет партвзыскание – за неприятие своевременных мер по обеспечению водой рабочих поселков и формальное отношение к работе – объявлен выговор без занесения 21/II-37.

Вопрос ставится в результате проверки сигналов о недостатках и упущениях по монтажным работам участков строительства завода 124.

Докладывает Минуллин. Моргулев присутствует.

ПОСТАНОВИЛИ:

Бюро устанавливает, что Моргулев, работая длительное время на руководящих инженерно-технических должностях на Казмашстрое, допустил:

1. Беспричинную задержку устройства водопровода на поселке Сухая река, что вызвало сильное недовольство проживающих в этом поселке рабочих.

2. Вредительство по сантехмонтажу детяслей, теплофикации поселка ИТР, дома КАИ и Соцгорода.

3. Систему переделок монтажных работ, и тем самым значительное разбазаривание государственных фондов.

4. Несвоевременное и некомплектное размещение по заводу заказов на оборудование, внесение путаницы в дело заказов, что сильно тормозило работу по монтажу ТЭЦ.

Исходя из этого, Бюро постановило Моргулева из рядов ВКП(б) исключить и передать материалы следственным органам.

Айвазов

Итак, через три с половиной месяца после исключения из партии Маршева и, по-видимому, с аналогичной передачей материалов – по хозяйственным обвинениям – следственным НКВД или прокуратуры, наступает очередь Моргулева.

Обычный для тех лет фарс: через несколько дней, в том же сентябре 1937 года, взят под стражу сам Айвазов, секретарь Ленинского райкома ВКП(б) и бывший работник Казмашстроя. Заметим, что к этому времени НКВД уже были арестованы несколько работников авиазавода и ГССК.

19 июля – главный бухгалтер завода Константин Киприянович Бурый, который «проводил вредительское строительство промышленных и жилищных сооружений; путем вредительского строительства и искусственного омертвления капиталовложений и расщепления средств создал диспропорцию между промышленным и жилищным строительством».

24 июля – начальник отдела снабжения Назим Зайнуллович Гизатуллин, аттестованный как бывший крупный торговец: «Возглавил организацию хищений материальных ценностей; приобретал ненужные инструменты (молотки, стамески) взамен нужных; занимался обменными операциями различных материалов в государственных учреждениях и предприятиях; отправлял грузы не по назначению». 47-летний Гизатуллин был приезжим, уроженцем деревни Ирюк Малжыжского района Кировской области. В другом архивном источнике НКВД указано, что Гизатуллин был сыном крупного торговца, а арестован был 28 апреля 1938 года.

30 июля – некто Безух Яков Ефремович, агент в коммунальном отделе, о котором нам мало что известно: 26 лет; из деревни Березовки Букского района УССР, беспартийный, имеющий нисшее (так в тексте – *прим. авт.*) образование.

4 августа – главный технолог строительства Борис Поликарпович Махно, который якобы «систематически саботировал выполнение мероприятий по технике безопасности; умышленно затягивал ремонт оборудования, находившегося в аварийном состоянии; довел электрохозяйство до хаотического состояния, угрожающего пожарной опасности». Уроженец села Ново-Александровка Днепропетровской области, «сын бывшего управляющего помещичьего имения»; работал с Шаханиным в Коломне. При его аресте одним из понятых был начальник пожарной охраны С. Х. Гафатуллин.

В этот же день был арестован начальник орготдела завода Шестаков Дмитрий Александрович (сын торговца) – по более чем серьезному, казалось бы, обвинению: «участник троцкистской повстанческой террористической вредительской группы», но спустя всего лишь четыре месяца его дело прекращено... за недостаточностью улик! Такой вот странный «пшик» в практике НКВД.

7 августа – начальник коммунального отдела Иван Петрович Криволап, «герой» нескольких газетных публикаций, которые мы цитировали, а по характеристике НКВД – «харбинец», «участник вредительской организации».

В архивно-следственном деле [35] можно найти следы, указывающие, что некоторые из перечисленных лиц первоначально были подследственными местных (районных) органов НКВД или прокураторы и проходили по разным делам, привлекались к ответственности по закону от 07.08.32 «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности», известному как «Закон о колосках»,

по которому за мелкие хищения предусматривались сверхжесткие меры наказания. Суть же претензий к арестованным, по существу, описывается положениями хозяйственных статей УК РСФСР (ст. 128–135).

И вот наступает кульминационный день первой серии арестов, 15 августа 1937 года, когда был взят под стражу Николай Дмитриевич Маршев. По-видимому, как раз к этому аресту и было приурочено открытие следственного дела №3492, к которому далее присоединятся все ранее открытые дела по авиазаводу и ГССК, дело становится групповым, а главное – обвинительным по политическим статьям УК: в отношении Маршева – по ст. 58-10 и 58-7, остальных – по статье 58-7.

В постановлении об аресте Маршева читаем [35, т. 2., л. 17]:

... Было установлено, что Маршев имел с ним [Гудзиком] связь... И ранее был связан с троцкистами и проводил активную контрреволюционную троцкистскую деятельность... Кроме того проводил вредительскую деятельность на заводе 124, которая была направлена на омертвление капитала, создание тяжелых жилищно-бытовых условий рабочих, оттяжку строительства и низкое качество его, что сопровождалось массовыми переделками и авариями.

О подробностях ареста автору написала дочь Маршева – Динара Николаевна:

Приехали за папой в половине пятого утра на легковой машине.

В ордере на арест стоит 4 августа 1937 г. Но папа только 14 августа вернулся из Москвы. Обыск начали с папиного кабинета, у нас была очень большая библиотека, как техническая, так и художественная. Все книги были выброшены на середину комнаты, проверив каждую книгу, проверили все жилые комнаты, их было четыре, кухню и др. всп. помещения. Придя в нашу детскую с сестрой комнату, папа попросил не поднимать нас с постелей, но нас подняли, перетрясли наши кровати и в одних рубашечках посадили в коридоре. То же сделали и в спальне родителей – перетрясли все вещи из шкафа. Заставили взять из кровати брата, ему было 1 год 3 мес., и проверили его дет. кровать.

Разговаривали громко, где со злостью, где со смешками, а о чем говорили – я конечно не понимала. Проверив все, папу увезли.

Рита Львовна, жена Маршева, выехала из Казани, увезла годовалого сына и дочерей мужа от первого брака в белорусскую глубинку, откуда была родом, и вернулась в Казань через два года, уже когда дело шло к суду (это из рассказа А. Н. Маршева).

С чем же связано объединение и переквалификация дел?

Они происходили на фоне общей дестабилизации обстановки и кадровой перетряски в руководстве Татарии.

Начиналось все исподволь, еще при действующем руководстве. По свидетельству Павла Аксенова [9], в марте – апреле 1937 года ужесточается режим Красинской тюрьмы. «Выносили койки, монтировали сплошные нары. Полное отсутствие свежего воздуха,

ужасная теснота, меньшее количество света, очень плохое питание, большая строгость».

В апреле НКВД начинает следствие по делу Казанского горсовета (сам П. Аксенов был арестован в июле). Продолжается следствие по делу Г. Атласова, С. Гафурова и многим другим делам. Но усердие наркома внутренних дел П. Г. Рудя признается в Центре недостаточным.

3 июля 1937 года, «путем опроса членов пленума ОК ВКП(б)», бывший назначенец Ежова Рудь исключен из партии «как враг народа», а 10 июля решением Политбюро ЦК ВКП(б) наркомом внутренних дел Татарии выдвинут А. М. Алемасов [71]. Рудь был этапирован в Москву (по другим данным – отозван в Москву и там арестован) и незамедлительно расстрелян «в особом порядке». А нарком Алемасов начинает действовать. И уже 3 августа, на восьмой день после своего назначения, утверждает постановление об аресте Маршева. Ордер на арест выписан 4 августа. Любопытно, что указанный составителем постановления следователь Симонов датирует свою подпись 9 августа, то есть как если бы получил уже заготовленное «политическое» решение.

Между тем называют куда более масштабные события.

Еще 18 июня 1937 года, по завершении XVIII Татарской областной партконференции, Карл Альфредович Лепа на пленуме Татобкома был тайным голосованием переизбран первым секретарем обкома. Когда 30 июля Ежовым был издан уже упоминавшийся в главе 7 приказ №00447 о начале массовых репрессий, то в соответствии с ним [44] в состав республиканской тройки вошел и Лепа.

Но уже 26–28 августа внеочередной пленум Татарского обкома ВКП(б) с участием Г.М. Маленкова, в то время – заведующего отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б), освобождает Лепу от работы первого секретаря [72; 73].

Очевидно, для себя Сталин принял это решение уже задолго до того: есть свидетельство П.В. Аксенова о том, что когда весной группа руководителей республики возвращалась из командировки в Москву, где Лепа имел встречу со Сталиным, Лепа в вагоне поезда был задумчив, погружен в себя и ни с кем не общался... Можно высказать еще одно предположение. В состав троек, как правило, входили высший чин местного НКВД, 1-й секретарь обкома и региональный прокурор, но бывали и исключения. Так вот, в упомянутом приказе от 30 июля вместо прокурора ТАССР Лейбовича, который еще находился в должности (хотя вскоре будет репрессирован), указан 2-й секретарь обкома Г. Мухаметзянов, «слышавший в то время главным борцом с врагами народа и интриговавший против Лепы в расчете занять его место». То есть 30 июля, возможно, вопрос о Лепе, как и о Лейбовиче, конфиденциально уже был решен, а вот о преемнике Лепы – еще нет, и «на всякий случай», чтобы заполнить вакантные позиции в тройке и чтобы не было перерыва в ее работе,

в качестве третьего члена тройки Ежов ввел Мухаметзянова.

А на внеочередном пленуме, кроме того, без обсуждения было принято беспрецедентное предложение о переизбрании всего состава бюро обкома. В своей речи и репликах Маленков обосновывал репрессии, шельмовал честных коммунистов, обвинял бюро и в особенности его первого секретаря в сдерживании процесса самоочищения парторганизации от контрреволюционных элементов, покровительства таким врагам народа, как член бюро обкома и председатель Горсовета Аксенов, и другим, продолжающим занимать высокие посты в республике. Новым первым секретарем обкома партии стал, по предложению Маленкова, член бюро обкома А. М. Алемасов, месяц назад прибывший в Татарию в качестве наркома внутренних дел.

После пленума и даже в ходе его начались аресты всех смещенных членов обкома, в том числе председателя Совнаркома К.А. Абрамова, председателя ЦИК Г.Г. Байчурина и других. Сам Лепа на пленуме не присутствовал, он был загодя, в том же августе, отозван в Москву. Как пишут Султанбеков и Шарафутдинов, он «после безуспешных попыток добиться приема у Сталина или Кагановича лег в Кремлевскую больницу, где и был вскоре арестован и препровожден в спец. «вагонзаке» в Казань» [71]. Тогда же был арестован Г. Мухаметзянов, так что окончательно членами тройки с конца сентября стали А. Алемасов, новый нарком НКВД В. Михайлов и бывший и.о. председателя ТатЦИКа Г. Динмухаметов.

По личному указанию Л.М. Кагановича были арестованы начальник и многие руководящие работники Казанской железной дороги.

Всю осень и зиму шло следствие, сопровождавшееся жесточайшими пытками подследственных. Были самоубийства, были «признания», от которых впоследствии, на суде, отказывались. Только очень немногие «сломались» до конца и помогали следствию «ломать» сопротивлявшихся. Обо всем этом с горечью и болью вспоминал Павел Аксенов, в описываемое время сам пребывавший узником НКВД [9]. Аксенов слышал, как Лепа кричал: «Товарищи коммунисты, говорит секретарь обкома Лепа. Не верьте моим показаниям. Меня пыдают, жестоко бьют, бьют Абрамова, бьют других коммунистов. В НКВД засели фашисты, пишите Сталину, разоблачайте фашистов!». И далее Аксенов пишет: «Я никогда не питал к Лепе большой симпатии, но справедливости ради надо признать, что в тех случаях, когда ему удавалось раскрыть сложные явления жизни и понять их взаимосвязи, совсем не похожие на стандартную философию служебной субординации, он становился человеком мужественным и справедливым. Когда председатель военной коллегии Верховного суда СССР, кажется, Матусевич (это ошибка: зам. председателя Матулевич – *прим. авт.*), прибывший в Казань, спросил Лепу, признает ли он себя виновным, тот ответил:

– Нет, не признаю.

– А как же расценивать ваши показания, данные на предварительном следствии?

– Расценивайте как клеветнические и за это судите меня... В этом я виновен и заслуживаю высшей меры наказания – расстрела. Расстреляйте меня!

Так мог говорить только человек мужественный и благородный. Какие же масштабы злодеяния потребовалось тем, кто сломал волю и разум человека такой высокой стойкости и бесстрашия, как Лепа? (Следователем Лепы был Зедик, действовавший под непосредственным руководством Шелудченко, зам. наркома НКВД – начальника Управления ГБ. – *Прим. авт.*)

Те, кто дожили до выездной сессии Военной коллегии Верховного суда (ВК ВС) в мае 1938 года, были расстреляны.

Разумеется, перемены в руководстве республики не могли остаться незамеченными, но мало кто из тех, кто оставался на воле, мог знать столь ужасающие подробности. Более того, у народа были основания и для благогостного мироощущения.

Журнал «Казань» опубликовал в 1993 году любопытный документ эпохи – записную книжку «вольного человека», жителя слободы на Тукаевской, которую тот вел в течение десятилетий [74].

Фрагмент из нее, который мы приводим, демонстрирует контраст того, что дарил природа и творил человек...

«Осень 1937 года была долгой. Урожай удался на славу. Повсюду уродилась рожь, пшеница, картошка, другие культуры. На трудодень выдавали по полпуда. Осень стояла сухая. Три дня в ноябре стояли туманы, нельзя было разглядеть человека на противоположной стороне улицы. В конце ноября выпал снег. Пятого декабря открылся санный путь».

Между тем «избранный» первым секретарем обкома А.М. Алемасов принял к руководству директиву ЦК ВКП(б) об организации во всех сферах жизни показательных судебных процессов с обязательным вынесением смертных приговоров [9]. И ориентировал в этом направлении руководство НКВД: временно исполнявшего обязанности наркома Ельшина и назначенного 22 декабря 1937 года нового наркома В.М. Михайлова. Особенно заманчивой для Алемасова была организация такого процесса вокруг оборонного предприятия, это могло бы иметь большой резонанс.

Надо отметить, что определенные взаимоотношения НКВД и военной промышленности существовали и ранее. Например, НКВД был заказчиком вооружения и боевой техники, в том числе и тяжелой. Части НКВД несли наружную охрану оборонных предприятий, а «первые отделы» предприятий, выполнявшие режимные функции, были подчинены территориальным органам НКВД. С 1934 года на Экономическое управление (ЭКУ) НКВД, наряду с Комиссией Советского Контроля СНК СССР, были возложены и функции контроля за работой военной промышленности, одновременно ревизионные и следственные [75].

Если «продуктом» ревизионной деятельности были *спецсообщения* в вышестоящие инстанции (например, «О конструктивных дефектах самолета ИП-1 (конструкции Григоровича), выпускаемого заводом №135» от 28 октября 1935 года), то в рамках выполнения следственных функций оперативно-чекистское управление НКВД периодически осуществляло «мероприятия по очистке заводов военной и авиационной промышленности от контрреволюционных и антисоветских элементов».

Но за несколько месяцев до февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП(б), как свидетельствует Н. Симонов, началась подготовка к массовым репрессиям в отношении руководящих кадров военной промышленности. Для обвинений в актах «вредительства», как правило, использовались ошибки в планировании, брак в работе, поломки оборудования, несчастные случаи и т.д. Затем к проверке приступали следственные бригады 1-го управления НКВД, которые, словно соревнуясь между собой, выдвигали чудовищные по своей нелепости обвинения, вплоть до измены Родине. И далее Н. Симонов приводит пример [75]:

Только на авиационном заводе №24 во второй половине 1937 г., по официальному отчету Московского областного Управления НКВД, было «вскрыто и ликвидировано 5 шпионских террористических и диверсионно-вредительских групп с общим количеством 50 человек, из них:

1. Антисоветская право-троцкистская группа в составе бывшего диркетора завода Марьямова и технического директора Колосова.

2. Шпионско-диверсионная группа японской разведки в составе 9 человек.

3. Шпионско-диверсионная группа германской разведки в составе 13 человек.

4. Шпионско-диверсионная группа французской разведки в составе 4 человек.

5. Террористическая и шпионско-диверсионная группа латвийской разведки в составе 15 человек во главе с бывшим заместителем директора завода Гельманом.

В такой общеполитической обстановке начал действовать аналогичным образом и НКВД Татарии.

В 4-м отделении 3-го (экономического) отдела (позже – управления) УГБ НКВД ТАССР была, в частности, создана бригада, нацеленная на Казмашстрой и Казмашкомбинат, и заведено Дело о «к-р. право-троцкистской организации, проводившей диверсионно-вредительскую деятельность на Казанском авиационном заводе» (Архив УФСБ по РТ. Фонд 109. Опись 5. Дела 52-53). В бригаду входили Сосипатров (неформальный руководитель), Лобанов, Симонов, Соколов и Юнусов – все в звании младших лейтенантов или лейтенантов госбезопасности, в должностях следователей или оперуполномоченных, что, впрочем, в реальных функциях в тот период существенно не отражалось. Руководителями по должности были начальник отделения Помялов (потом – Климашев) и начальник отдела Железников.

Анализируя хронологию арестов и следственных действий [35], можно различить на начальном этапе деятельности этой бригады две стадии.

Первая пришлась почти в точности на месяц работы Алемасова в качестве наркома внутренних дел и завершилась, как уже упоминалось, возбуждением следственного дела №3492 по обвинению Маршева по ст. 58-10, 58-7 и еще нескольких человек – по ст. 58-7 УК РСФСР, которые, «имея связь между собой, проводили к.-р. вредительскую деятельность в строительстве завода №124/27, направленную на омертвление капитала, затяжку строительства, растранивание государственных средств и создание тяжелых жилищно-бытовых условий рабочих».

Вторая стадия началась с активного следствия по делам работников среднего и низшего звена из числа арестованных, в расчете на получение от них показаний на ближайшее окружение Маршева в руководстве строительством. А так как сроки следствия по делу №3492 истекали, то было принято подряд несколько постановлений с ходатайствами об их продлении. Одно из примечательных – постановление от 11 октября, в котором ходатайство обосновывалось тем, что «в процессе следствия по данному делу установлено, что в к.-р. и вредительской деятельности принимали участие гл. инженер Госоюзстройконтроля завода №124/27 Шейнман, гл. механик Моргулев, нач. планового отдела Павлоцкий и другие, что вызывает необходимость провести дополнительные аресты и задокументировать проведение этими лицами к.-р. вредительские акты».

Догадывались ли эти люди, что уже находятся под прицелом?

В отношении Моргулева и Шаханина можно было бы ответить утвердительно: ведь как раз незадолго до того постановлениями бюро Ленинского райкома партии они были исключены из ВКП(б), а материалы о них должны были быть переданы следственным органам. Но они подали апелляцию на исключение из партии и могли рассчитывать на объективный пересмотр решения. (Таковой и состоялся несколько месяцев спустя: ведь партколлегию не ставили в известность о том, что затевалось в недрах НКВД! – *Прим. авт.*)

Другие же, скорее всего, отгоняли от себя подобные мысли, а то и вовсе не подозревали, что могут стать объектом травли.

Откуда мог знать, например, Бусаров, что секретарь Ленинского райкома Айвазов, вместо помощи ему, новому человеку, только-только назначенному начальником ГССК, выступит на закрытом 2-м пленуме Татобкома, о котором мы выше писали, с провокационной инициативой: «Мы начальника строительства Маршева исключили из партии за то, что в 1927 году он активно участвовал против исключения Зиновьева и Каменева, и посадили. После этого из Главного управления авиационной промышленности посылают нам нового начальника строительства – Бусарова, снятого как начальника Главстройпрома Наркомата легкой промышлен-

ности СССР за покровительство троцкистам и получившего на этой работе партвзыскание – строгий выговор с предупреждением. Этот Бусаров, проработав у нас 1–1½ месяца, начинает повторять свои прежние ошибки, за которые получил партвзыскание, он начинает собирать здесь, в Казани, свои хвосты. Я думаю, что надо заняться серьезно кандидатурой этого Бусарова. Промотдел запросил о нем материалы, мы их получили. Оказывается, этот человек в 1919 г. выступал вместе с эсерами против органов Советской власти и 20 дней сидел в ЧК, он сам этого не отрицает. И такой человек присылается сейчас сюда начальником строительства Казмашстроя. Я считаю, что мы к этому вопросу должны подойти со всей серьезностью, мы не можем допустить, чтобы на таком важном участке работы находился подобный человек» [72].

Точно так же вряд ли мог думать Шаханин, что Айвазов пустил в его адрес стрелу на упомянутом пленуме Татобкома: «Несколько слов о директоре завода 124 Шаханине... В результате моих личных переговоров с ним и секретарем парткома Борисенковым была организована комиссия, которая совершенно правильно установила все недостатки, которые там имеются. И в парткоме, и в райкоме мы пришли к единодушному мнению, что Шаханин не может обеспечить руководство этим заводом, что он не борется за проведение реальных мер, на основании указаний ЦК партии, по ликвидации последствий вредительства и по разоблачению врагов, часть из них разоблачена как враги и посажена. В отношении этих лиц Шаханин заявил, что он без них работать не может. Этот вопрос был предметом обсуждения на бюро ОК партии. Мы поставили вопрос таким образом: либо нужно решить вопрос относительно секретаря РК, который не справляется с этим человеком, либо поставить вопрос относительно Шаханина и вместо него назначить другого человека, который мог бы обеспечить должную работу. При обсуждении этого вопроса присутствовал т. Алемасов. Была сформирована комиссия, которая должна была приехать на завод и проверить, что там делается. Эта комиссия на завод не приехала, а Шаханин продолжает проводить свою линию. Я должен сказать, что по отношению к Шаханину Лепа все время тянул какую-то линию, он все время боялся, как бы не ошибиться в своем решении о Шаханине».

Бусаров будет арестован в следующем году. А сам Айвазов через месяц! Никакие изъятия верноподданничества, вплоть до провокационного доноса, не имели значения в этой вакханалии арестов. А их исполнители «колебались вместе с партией». Вот что писала заводская многотиражка «Крылья Советов» 4 февраля 1938 года:

Указанные в решениях январского пленума ЦК ВКП(б) ошибки парторганизаций при исключении коммунистов из ВКП(б) имеют место и в нашей заводской партийной организации. У нас долгое время скрывался и не был разоблачен заседавший у руководства заводским комитетом ВКП(б) враг народа Борисенков, который, вкупе с другим врагом –

Айвазовым, стремился направить деятельность партийных организаций на небольшевистский путь – массового, огульного исключения. Чтобы сохранить свою шкуру и больше навредить делу партии, враги прикидывались бдительными людьми и для этой цели создавали вымышленные обвинения против членов партии, добивались их исключения...

С шумом был исключен из ВКП(б) тов. Шаханин – директор завода имени Серго Орджоникидзе.

Характерно, что, добиваясь исключения его из партии, враги приговаривали:

– Мужик ты толковый. Руководить умеешь. Однако, членом ВКП(б) быть не можешь.

Тов. Шаханин имел большие недостатки в работе, слабо боролся за выполнение производственной программы, либерально относился к привезенным им с собой работникам, недостаточно настойчиво ликвидировал последствия вредительства и пр. Но исключение из ВКП(б) – это самая крайняя мера. Тов. Шаханин был человеком не потерянным для партии, и Контрольная партийная комиссия при ЦК ВКП(б) по Татарии восстановила тов. Шаханина в правах члена партии».

Между тем, руководимая Сосипатровым бригада НКВД, затягивая паутину следствия на уже арестованных рабочих Госсюзстройконторы, одновременно лихорадочно расширяла сферу своего недоброго внимания.

Активизировалась давно начатая разработка еще находившегося на свободе С.Е. Дайбога. Причем – теперь уже ориентированная на установление «преступной» связи Дайбога как с Маршевым, так и с Шаханиным.

15 октября 1937 года 48-летний Дайбог был арестован (следственное дело №11230), а 31 октября последовал арест 23-летнего инженера-механика П. И. Жукова (следственное дело №3492), уроженец поселка Сормово, г. Горький, по версии следствия – проявивший себя... как «связник» Дайбога.

В тюрьме Маршев и Дайбог виделись... Много лет спустя Маршев рассказывал сыну, что Дайбог был сильно подавлен, бывало – плакал: это был не первый его арест, и он не ждал для себя ничего хорошего. Был случай, когда Маршев подрался с блатными, которые хотели что-то у Дайбога отнять.

Первоначально в материалах дела №3492 говорилось, что подследственные проводили к.-р. (контрреволюционную) вредительскую деятельность и только лишь имели связь между собой. Впервые заявляется о действовавшей на заводе №124/27 к.-р. диверсионно-вредительской и шпионской организации в очередном постановлении о продлении срока следствия от 22 декабря. Это, несомненно, повышает *опасность преступления и значимость следственного результата*.

Чем дальше, тем больше: ставится задача найти выход организации на Центр. Тут нельзя было обойтись без командировки в Москву. У автора есть основанное на косвенных свидетельствах предположение, что в Москву с этой целью был направлен Сосипатров. Здесь его ожидала «удача». В центральном аппарате

НКВД он мог узнать, что незадолго до того, а именно, 21 октября 1937 года, арестован известный авиаконструктор, чьи самолеты призван был выпускать завод №124/27, первый зам. начальника и главный инженер Главного управления авиационной промышленности Андрей Николаевич Туполев! Теперь Туполев сидит во внутренней тюрьме Лубянки (*Нутрянке*), имеет №2086 [76].

Это был серьезный улов. И с первых же месяцев нового, 1938 года фамилия Туполева стала часто упоминаться в материалах следствия по заводу №124/27. Хотя в деле самого Туполева в Москве это не находило никакого отражения и, возможно, даже не было известно его следователям!

В качестве примера процитируем абзац из постановления о продлении следствия по делу №3492 от 26 мая 1938 года: «Установлено, что деятельность антисоветской организации распространялась на ряд авиационных заводов и проводилась под руководством Туполева, Письменного, Хайдукова и других работников авиапромышленности». Кстати, арест К.П. Хайдукова и Я.К. Письменного состоялся 23 марта 1938 года, так что предположенная нами командировка Сосипатрова в Москву могла состояться где-то в апреле – мае.

Вообще же аресты по стране шли так кучно, что «до кучи» можно было взять любого мало-мальски подходящего персонажа и пришить ему новое дело, было бы желание! Так, 4 марта в Перми арестовывают по обвинению в шпионаже директора моторного завода №19 бригажнера Побережского, и он же вдруг якобы оказывается бывшим работником Казмашстроя и его начинает допрашивать Сосипатров по материалам следствия по заводу №124/27! А еще в Москве 16 февраля 1938 года арестован некто Оскар Оскарович Карениус, прораб на строительстве нового дома Финляндской миссии. Он из тех финнов, которые в 1932–1933 годах в составе коммуны «Цемент» строили авиазавод №124 и служили образцом подражания (см. главу 4). Теперь же выяснилось, что, работая на строительстве в Казани, Карениус «связался в Москве с сотрудником Финмиссии Паасикиви Вели Боуновичем, которым был завербован для сбора шпионских сведений по военным заводам Союза. Сообщил Паасикиви сведения о Горьковском автозаводе им. Молотова, о строительстве авиазавода №124 в г. Казани и строительстве авиазавода №126 в г. Комсомольске. По указанию сотрудника Финмиссии Паасикиви, насаждая шпионскую сетку на оборонных предприятиях Союза, завербовал американских финнов: Янсон Эрика, работавшего на авиазаводе №126 в Комсомольске и Лаукконен Лаури, работавшего в АКССР в Кондопоге» [27, т. 8., с. 20]. К сожалению для Сосипатрова, вся эта фантастика прошла мимо него, проинформировать его не догадались. А несчастный Карениус, признавшийся во всем, был расстрелян на полигоне «Коммунарка» под Москвой по приговору ВК ВС СССР. Реабилитирован в 1992 году.

В 1938 году 4-е отделение 3-го отдела УГБ НКВД ТАССР «во всеоружии» начинает готовить групповой

арест остальных руководящих работников строительства и авиазавода и расширять «доказательную базу». Усиливается давление на тех, кто уже под арестом. «Доказательную базу» расширил, в частности, арест инженера-теплотехника ТЭЦ-2 Злыгостева Анатолия Ивановича, уроженца Иркутска (1904 г. р.), представленного как «племянника Троцкого» (сын первой жены Троцкого от ее первого брака – *прим. авт.*). Любопытны сведения о нем, приведенные в деле 52–53 архива УФСБ по РТ: «Арестовывался дважды в 1923 г. в Одессе за принадлежность к молодежной организации меньшевиков; пробыв в заключении, соответственно, 2 недели и 6 месяцев. Арестован 1.09.1937 по обвинению в антисоветской агитации: в 1934 г. в группе рабочих Коломенского завода нецензурно выразился по вопросу о социализме, дискредитировал вождя партии; в 1935 г. дискредитировал мероприятия правительства по введению званий в РККА; распространял провокацию о снижении цен». Дело Злыгостева вели в 1-м отделении 4-го отдела УГБ, виновным себя он не признал и 30 декабря 1937 года был приговорен тройкой НКВД ТАССР к ВМН. Но приговор не был немедленно приведен в исполнение, как обычно, потому что Злыгостев в свое время работал на Коломенском заводе. Его затребовала следственная бригада Сосипатрова и допрашивала в своих интересах, выдавливая показания на Шаханина, Кислова, Махно, Прокофьева, как если бы между ними в Коломне была связь. Злыгостев был расстрелян 27 июня 1938 года, а его показания фигурировали в материалах следствия и суда до 1940 года.

Таким способом следствие «установило», что Маршев выступал в защиту не только Троцкого, но и Зиновьева; имел связь с Гудзиком и с троцкистом Гординским (в 32–34 годах – директор Казанского авиационного техникума, с 35 года – директор Рыбинского авиационного института); да еще и растратил государственные средства на сумму около 29 млн. руб. Следствие констатировало, что строительство завода сорвано, ни один объект промышленного значения полностью строительством не закончен, и этот факт представлен как личная вина Маршева (постановление о продлении следствия от 22 ноября 1937 года). Но если растратил – то должен быть какой-никакой соучастник, лучше – если подчиненный, и во всех отношениях лучше – если из низшего звена. И вот 6 декабря 1937 года арестован рядовой сметчик Ермаков Афанасий Дмитриевич («1900 г. рождения, уроженец гор. Нолинска Кировской области, служивший телеграфистом в армии Колчака»), а 22 февраля следующего года дело в отношении его приобщено к делу №3492.

Вообще же схема действий НКВД в отношении авиазавода оригинальностью не отличалась, она была типовой: в это время, в конце 1937 года, по такому же сценарию были схвачены работники Казанской фабрики киноплёнки: директор Раковский, коммерческий

директор Финогенов, начальник техотдела Федорин, токарь Ледяев и электросварщик Мингалеев – за то, что в установленный планом срок не пустили фабрику (не больше и не меньше!), а также и за к.-р. троцкистские взгляды... Как говорится, без комментариев!

В декабре 1937 года, по воспоминаниям семьи Маршева, были репрессированы жены всех арестованных в поселке Урицкого (получили по 10 лет – то ли высылки, то ли ссылки).

Наступил 1938 год.

Последние месяцы прошедшего 1937 года ознаменовались серьезными производственными успехами на строительстве ТЭЦ-2. В октябре были опробованы под напряжением открытая подстанция и главное распределительное устройство в электроцехе. Сдан в эксплуатацию котел №1, переведенный на пылевидное топливо. Параметры пара доведены до заданного уровня: давление 29 атм., температура 400°C. Смонтирована турбина АТ-25-1, построенная на Ленинградском металлическом заводе по чертежам английской фирмы «Метро-Виккерс». Во время монтажа эксплуатационный персонал (первые дежурные инженеры, теплотехники, машинисты, мотористы, электромонтеры) были командированы на лучшие электростанции Советского Союза для получения навыков управления энергетическим оборудованием. 2–9 января 1938 года электрическая часть ТЭЦ-2 в полном объеме – высоковольтные цепи, электроавтоматика дистанционного управления и защиты – успешно прошла генеральное испытание. И в 5 часов утра 10 января турбогенератор впервые подал электроэнергию на шины линии электропередачи. А с 9 часов 16 января подключились первые потребители ТЭЦ-2: подстанция «Водозабор» и некоторые заводы и фабрики Казани! В феврале, после того как был дооборудован котел №2, начальная мощность 12–13 мегаватт была доведена до проектных 25 мегаватт (по материалам «Красной Татарии» за январь–февраль 1938 года). В Москве в это время шла первая сессия Верховного Совета СССР первого созыва. Пуск в эксплуатацию ТЭЦ-2 был, по меркам Казани и с учетом преодоленных трудностей, настолько значительным событием, что представитель делегации ТАССР С. Мухаметов попросил от имени трудящихся Казани присвоить второй теплоэлектроцентрали, пущенной 11 января, в канун сессии, имя Верховного Совета СССР [77]! Такое обращение не могло быть импровизацией делегата, а было согласовано с Алемасовым. Мы не знаем, была ли удовлетворена просьба Казани. Но фактом остается, что ни производственный успех, как свидетельство состоятельности коллектива строителей и его руководства, ни победная реляция, с которой оказалось возможным выступить в Москве, ни в малейшей степени не разрядили обстановку вокруг Казмашстроя... Следствие только набирало обороты.

20 января под давлением следователей Дайбог, обвиняемый по ст. 58-14, дал признательные показания и, в частности, показал, что был завербован Шаханиным.

Снова и снова продлевается следствие: меняются ориентиры, намечаются новые аресты, тасуются фигуранты, подтасовываются факты, под них вытягиваются из подследственных новые показания.

В апреле возбуждено новое следственное дело №12972, по-видимому с расчетом на перспективу на показательный групповой судебный процесс!

А пока 11 апреля по этому новому следственному делу арестован первый фигурант – Яковлев, начальник ТЭЦ-2, «правый», ранее работавший с Шаханиным в Саратове.

Все подготовлено для того, чтобы нанести решающий удар, и он следует! Вернемся к аресту 25 апреля 1938 года Шаханина, Старова, Моргулева, Прокофьева, Полякова, Недбаева... Спустя два дня арестовали еще И.К. Кислова, начальника водозабора.

Сохранились относительно подробные воспоминания нашей семьи. В конце марта 38-го года мать приехала в Казань навестить отца. Обстановка на работе была тревожная, все были подавлены, словно чего-то ждали. Неожиданно из Москвы пришла телеграмма, что мамин брат, мой дядька, в семье которого я жил с бабушкой и бабушкой, «уехал к Фомину».

Это был распространенный эвфемизм тех лет. Если человека сажали, и кого-то об этом хотели известить, то употребляли иносказание: говорили, что он уехал к тому, о ком уже было известно, что он арестован.

И кто же был этот Фомин? А это был композитор Борис Иванович Фомин, популярнейший автор эстрадно-танцевальной музыки 30-х годов. В этом жанре с ним работали лучшие поэты-песенники того времени. Глубоко лиричные (но «упаднические», по формулировкам партийной печати) песни и романсы на его музыку были в репертуаре Изабеллы Юрьевой, Тамары Церетели, Вадима Козина, Клавдии Шульженко, тиражировались на грамофонных пластинках. В наш дом Борис Фомин попал через мою тетку, невеликую эстрадную певицу, которая брала уроки у Тамары Церетели. Ему нравилось у нас бывать, а в нашей семье был праздник, когда он приходил. С ним познакомился и мой отец, когда приезжал в командировку. Несмотря на мой тогдашний малый возраст, я и сам хорошо помню этого обаятельнейшего человека. И вот теперь он арестован! Но за что? А за то, что был не такой, как все... Сожалею, что не могу отвлечься и рассказать больше об этом человеке.

Ну а после получения телеграммы, отец велел маме немедленно возвращаться. Никто не мог знать, что последует за арестом дяди, а ведь там находился я...

Прошли две-три шестидневки, наступил мой день рождения, но обычной в этот день поздравительной телеграммы не было. Заработался, забыл, – извинительно подумала мама. Но когда не пришла непременно телеграмма и к Первомаю, мать забеспокоилась всерьез. И в первое же послепраздничное утро направилась в представительство Казанского авиазавода в Москве, которое располагалось тогда на Воздвиженке, в самом центре Москвы. Руководитель представи-

тельства И.С. Броун встретил ее словами: «Я уже несколько дней не могу собраться с духом и позвонить Вам: Яков Аронович арестован! 25-го апреля...». Мать похолодела. «Здесь Бусаров, – между тем продолжал Броун, – попробуйте с ним поговорить».

С Бусаровым мать была знакома, он был как-то у нас дома, а с его гражданской женой Варварой Николаевной они стали приятельницами тоже еще по Казани и многие годы впоследствии общались в Москве. Но на этот раз Бусаров встретил ее сухо, сказал, что в сложившихся обстоятельствах ничем помочь не может, кроме как дать окончательный расчет.

Что делал Бусаров в Москве? Ясно: обсуждал в наркомате, как жить дальше. Шутка ли – арестовано все ближайшее руководство! Знал бы он, что ровно через месяц, день в день, и он сам будет арестован!

Принеся домой горестную весть, мать в порыве, никого не слушая, засобиравшись в Казань. Ее убедили лишь не ехать одной, дали в провожатые, «на всякий случай», родственницу. Как и следовало ожидать, поездка оказалась зряшной. Разве что сняла напряжение от стресса. Квартира была опечатана, сняли угол у какой-то старушки. На месте оказалось, что в НКВД так сразу ничего и не узнать. В одной недавней публикации «один из тех, у кого люди в кожаных пальто увели мать под плач четырех детей» рассказывает, что родственники арестованных собирались в Ленинском саду, «в той его части, что прилегает к улице Лобачевского и обращена к зданию КГБ... Отсюда они шли в здание НКВД с надеждой узнать о судьбе своих близких» [77].

Уточним для сегодняшнего читателя, что нынешний КГБ РТ числится по ул. Дзержинского д. 23, а официальный адрес НКВД ТА СССР в 30-е годы был ул. Дзержинского д. 21, в то время как в доме 19 по ул. Дзержинского (угол Карла Фукса) находилось Управление рабоче-крестьянской милиции НКВД [78]. Сейчас здесь располагается МВД РТ.

Очевидно, этот же путь, пообщавшись со своими знакомыми, такими же женами-горемыками, проделала и моя мать в мае 1938 года. Но никакой содержательной информации в НКВД не давали. Лишь через год, уже при Берии, появился приказ №00515 от 11 мая 1939 года, который констатировал [71]:

По имеющимся в НКВД СССР данным, местные органы НКВД не дают исчерпывающих справок заявителям о местонахождении их родственников, арестованных и осужденных органами НКВД. В результате заявители обращаются к депутатам Верховного Совета, в прокуратуру и в различные центральные и правительственные учреждения, нередко приезжая за справками в Москву. Для упорядочения ПРИКАЗЫВАЮ: 1. ... В декадный срок организовать выдачу справок на запросы граждан... Справки выдавать только устные. 2. ...Выдачу справок возложить на 1 Спецотделы, через приемные, установив часы приема заявлений и выдачи справок. 3. О следственных арестованных сообщать: когда арестован, в какой тюрьме содержится и где находится дело (в следственном органе, в прокуратуре, в суде).

Применительно к Казани можно уточнить: «В НКВД справки давали по 5, 11, 17, 23 и 29 [числам] с 16–17 часов» [79].

Излишне говорить, что до окончания следствия не разрешались и передачи заключенным. С тем мать в Москву и возвратилась. Потянулись томительные и долгие месяцы ожидания.

Вспоминает старшая дочь Шаханина – Кира Львовна. Ее матери позвонил и сообщил об аресте мужа (а всего 25 человек) все тот же И. С. Броун. Но в Казань Ангелина Александровна Варфоломеева (Шаханина) не поехала. Не имевшая в Москве родственников и обремененная двумя детьми, она не стала рисковать своей, а значит, и их безопасностью. Ее осторожность, как показали последующие события, оказалась небезосновательной.

Между тем в Казани, спустя несколько дней после майских праздников, состоялась партийная конференция Ленинского района. С отчетным докладом выступил секретарь Р.К. Бычков, сменивший на этом посту Айвазова (через короткое время Бычков перейдет на работу в горком, а секретарем райкома, опять-таки на время, станет Гафиатуллин). «Он рассказал, – сообщает газета «Красная Татария» 6 мая, – почему своевременно не были разоблачены враги народа, орудовавшие на важнейших участках и даже в руководстве самого райкома... Увлеченные хозяйственными вопросами, наши товарищи забыли о капиталистическом окружении, о том, что классовый враг встречает наши хозяйственные достижения злобой, ненавистью, переходит ко все более острым средствам борьбы. Мы проявили политическую беспечность и благодушие, чем воспользовались троцкистско-бухаринские вредители, шпионы и диверсанты».

И были люди, которые приняли этот бред за чистую монету! В одночасье поверили, что Маршев и Шейнман, Шаханин и Старов, Бурый и Гизатуллин – классовые враги, троцкистско-бухаринские вредители, шпионы и даже... диверсанты! Интересно, верил ли в это, и в какой мере, сам секретарь райкома? А сколько людей в зале все-таки не верили, пусть и молчали? На этот счет мы можем только гадать, но важно другое: немало было тех, кто, потеряв ощущение реальности, действительно поверили в виновность! Б. Грин, автор книги о знаменитом конструкторе авиадвигателей А.Д. Швецове, психологически точно описал мотивацию таких людей: «Оказавшись в тупике, люди всегда ищут спасительный ответ на вопрос, который не дает им покоя. Они призывают на помощь догадки, предположения, воспоминания, и из всего этого сооружают сложнейшие построения, которые прежде никогда не приходили в голову. Так поступают все, но не ошибается только тот, кто не поспешен в выводах» [80].

Как образно заметил писатель Фазиль Искандер устами одного из своих персонажей: «Это было время, когда люди ходили, как пьяные».

Ну, а концовку этой главы мы посвятим обстановке вокруг А.Н. Туполева, арест которого в Москве

21 октября 1937 года ничтоже сумняшеся использовали следователи НКВД Татарии, фабрикуя «дело» Казанского авиазавода.

Хотя арест Туполева происходил на глазах его секретаря, никакого механизма для распространения подобного рода информации не существовало – разве что «органы» намеревались афишировать *разоблачение врага народа*. Тайное становилось явным постепенно, «по умолчанию». На этой почве случались недоразумения, иногда опасные по своим возможным последствиям. Подобный эпизод, как раз в связи с Туполевым, мы находим в интереснейшем повествовании «Ракеты и люди» Б.Е. Чертока, современника событий, известного специалиста в области бортовых систем авиационной и космической техники [81, с. 141, 254–257]:

По неписанным законам на имена репрессированных накладывалось «табу». Упомянуть их и говорить о них можно было только на закрытых партийных собраниях и всякого рода «активах», следовавших непосредственно после ареста. При этом следовало говорить, что вот «мы проглядели, как рядом с нами работали враги народа». «Хороший» тон того времени требовал, чтобы каждый выступающий заклеил врагов народа и при этом в порыве самокритики перечислил все, какие только можно было придумать, недостатки в работе группы, отдела или всего института.

Далее Б.Е. Черток рассказывает о себе:

Я стал студентом Московского энергетического института осенью 1934 года. Уже тогда надо было обязательно добавлять «имени В.М. Молотова». Бросать работу на 22-м заводе очень не хотелось... Поэтому я поступил на вечернее отделение «без отрыва от производства»... Для меня самыми трудными оказались конец третьего курса, который пришелся на весну 1937 года, и начало четвертого курса – осень 1937 года. На мне лежала ответственность за подготовку электро- и радиооборудования сначала эскадры самолетов ТБ-3, высаживавших экспедицию Папанина на Северный полюс, а затем самолета Н-209, на котором должен был лететь через полюс в США Сигизмунд Леваневский... Из-за перегрузки на заводе я заработал «академическую» задолженность... Была надежда на «палочку-выручалочку» – письмо, которое на бланке Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома подписал сам Андрей Николаевич Туполев.

С этим письмом, по совету друзей, Черток пошел не к директору МЭИ Дудкину, а к влиятельнейшему секретарю парткома и одновременно студентке-сокурснице Валерии Алексеевне Голубцовой: она пользовалась искренним уважительным вниманием в студенческой компании, и не только потому, что была женой Г. М. Маленкова... И далее он описывает следующую сцену:

Голубцова не стала читать мне нравоучений, а просто спросила, в какой срок я способен погасить задолженность. И тут я вместо простого ответа протянул ей письмо, подписанное Туполевым... Пусть новый секретарь парткома убедится, что я не какой-то там ленивый студент. Сам Туполев за меня хлопочет! Но эффект оказался неожиданным. Доброжелательная улыбка исчезла. Голубцова нахмурилась,

подошла к стоявшему в углу сейфу, положила туда письмо, как секретный документ, заперла сейф. Обернувшись ко мне, тихо сказала:

– О Туполеве забудь. Он арестован. О письме не вздумай никому рассказывать. А если до декабря не сдашь экзамены, то пеняй на себя.

Вскоре слухи о врагах народа в авиационной промышленности и заговоре, который возглавлял сам Туполев, получили широкое распространение. Товарищи в институте напрямую спрашивали:

– Что там у вас случилось в авиационной промышленности?

Как нередко случалось в те годы, если дело касалось крупных фигур, то к драматическому эпилогу – аресту – приводили несколько факторов или поводов, действовавших в одном направлении. Это и общая внутрисполитическая установка высшего руководства; и возможное бытовое доноительство; и откровенно провокационная деятельность репрессивных органов; и, надо признать, карьеристское соперничество иных «коллег по цеху». Почти все это нашло свое место и вокруг Туполева.

В 30-е годы А.Н. Туполев общепризнанно считался лидером и «патриархом» советского авиастроения. 1 июля 1936 года приказом наркома тяжелого машиностроения Орджоникидзе он был назначен первым заместителем начальника и главным инженером Главного управления авиапромышленности НКТП. При этом одно время он руководил конструкторским отделом сектора опытного самолетостроения ЦАГИ (КОСОС). Свою должность в наркомате Туполев сохранил и тогда, когда из Наркомтяжпрома выделился Наркомат оборонной промышленности.

Будучи автором многих оригинальных идей и конструкторских решений в области самолетостроения, Туполев, как всякая творческая личность, в то же время был открыт для восприятия и мирового опыта, в данном случае и прежде всего – в области технологии.

«И этого человека обвиняли во вредительстве, во внедрении безусловно прогрессивной американской технологии, в срыве сроков строительства новых объектов ЦАГИ!» – восклицал Ярослав Голованов, журналист, широко известный своими изысканиями по истории отечественной авиации и космонавтики [82].

А вот язвительный комментарий по этому же поводу Феликса Чуева [34]:

Из КБ Туполева посадили многих... 65 человек ездило в Америку принимать чертежи и технологии. Привезли себе оттуда холодильники и плащи. Сталин их посадил и заставил делать свои самолеты.

Георгий Филиппович Байдуков, легендарный «КОУ пилот» чкаловского экипажа, рассказывал мне о заседании у Сталина после неудачного полета в составе экипажа С. Леваневского (в Америку на самолете АНТ-25). Леваневский встал и заявил, что Туполев является сознательным вредителем. Андрею Николаевичу стало плохо. Но посадили его позже».

Снова Ярослав Голованов [82]:

В обвинительном заключении указывалось, что он «сорвал полет Громова на установление рекорда дальности вредительской подготовкой самолета» в 1933 году... Этим же способом (каким?! – Я.Г.) сорвал в 1935 году перелет Леваневского через Северный полюс в Америку...». Но ведь все знали, что Леваневский сам повернул назад, обнаружив незначительную неисправность в машине, которую, по мнению специалистов, можно было устранить в полете. «В 1937 году рядом вредительских актов привел к гибели экипаж самолета Леваневского при перелете в Америку через Северный полюс».

Напомним читателю, что история этого последнего полета Сигизмунда Леваневского на самолете ДБ-А конструкции Болховитинова (самолет «СССР-Н-209») вообще полна загадок. Обстоятельства катастрофы до сих пор не раскрыты. Быстрое и окончательное прекращение поисков самолета вызывали недоумение у современников, породили слухи, что реальный маршрут не соответствовал заявленному. А сама фигура Леваневского, его личностные и профессиональные качества выглядят в воспоминаниях его коллег весьма противоречиво. К этой теме, начиная с 90-х годов, неоднократно возвращались публицисты и люди, имевшие прямое отношение к авиации. Вот и Б.Е. Черток пишет: «О событиях, предшествующих этому перелету и последовавших за ним, было много публикаций. По поводу этого перелета я надеюсь опубликовать и свои воспоминания».

Продолжаем цитировать Ярослава Голованова [82].

...Обвиняли его ни больше, ни меньше, как в руководстве «русско-фашистской партией», ставившей своей задачей вредительство в авиапромышленности.

...Дело Туполева тянулось очень долго. По нему проходило около двадцати крупных авиационных специалистов. На допросе в ноябре 1938 года Туполев отказывается от части своих показаний. В октябре 1939 года и январе 1940 года он неоднократно пишет заявления, в которых вновь и вновь опровергает предъявленные ему обвинения, пытается объяснить их абсурдность.

...Туполева обвиняли в том, что он французский шпион, завербованный еще в 1929 году. В феврале 1935 года, находясь в Париже, он якобы передал сведения о наших истребителях и легких бомбардировщиках самому Денену – министру авиации Франции.

На этом пункте обнаруживается расхождение с другим, не менее авторитетным свидетельством. Леонид Кербер, один из ближайших сотрудников Туполева, пишет [83]:

Арест АНТ «объясняли» тем, что это он продал немецко-фашистской фирме «Мессершмидт» чертежи пикирующего бомбардировщика 103, так как ME-110 оказался на него похож (с разнесенным оперением).

Эту, тоже сфабрикованную, версию приводит в несколько измененном виде дочь Туполева – Юлия Андреевна [84]: «Обвиняли Туполева – встречался в Париже с сыном Мессершмидта и передал ему чертежи самолета».

Во всем этом сплошная путаница либо нагромождение «страшилок», порожденных отсутствием у следствия НКВД всякой связи с реальностью. Работа над проектом 103 (будущий двухмоторный пикирующий бомбардировщик АНТ-58, он же Ту-2) началась в конце 1938 года [38, с.16], когда Туполев находился в заключении, так что даже «при всем своем желании» ничего «передать» фирме «Мессершмидт» он не мог.

А еще говорили по-другому (там же, с.15), будто Туполев собирался продать Мессершмидту чертежи АНТ-25, с каковой целью спрятал их в лонжероны чкаловского (или громовского?) самолета, но американским секретным службам удалось чертежи вернуть. В общем, чушь несусветная.

«Пиши, блядь, кому ты продал чертежи? – кричал Туполеву следователь. – Сколько тебе заплатили? Пиши, не стесняйся, твои дружки Архангельский, Сухой, Петляков, Мясин давно раскололись и продали тебя. Один ты упорствуешь. Колись, самому легче будет!» [68]. Следователь провоцировал, называя, в частности, фамилию Архангельского, которого и вообще не арестовали. Заочный суд над Туполевым состоялся 28 мая 1940 года.

Лепту в нагнетание обстановки вокруг Туполева внесли и «свои», то есть такие же как он авиаконструкторы: «Наиболее активным информатором

о «сомнительных» сторонах деятельности Туполева был А.С. Яковлев» [68].

Но глубинные причины репрессий, в частности в отношении Туполева, откровенно раскрыл один из тех, кто принимал политические решения.

«Почему сидели Туполев, Стечкин, Королев?» – такой вопрос задал Феликс Чуев еще в начале 70-х годов В. М. Молотову [85].

Они все сидели. Много болтали лишнего. И круг их знакомств, как и следовало ожидать... Они ведь не поддерживали нас... Тот же Туполев мог бы стать и опасным врагом. У него большие связи с враждебной нам интеллигенцией. Туполевы – они были в свое время серьезным вопросом для нас. Некоторое время они были противниками, и нужно было еще время, чтобы их приблизить к Советской власти... И не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься. Своими руками они коммунизм построить не могут... Иван Петрович Павлов говорил студентам: «Вот из-за кого нам плохо живется!» – и указывал на портреты Ленина и Сталина. Этого открытого противника легко понять. С такими, как Туполев, сложнее было. Туполевы из той категории интеллигенции, которая очень нужна Советской власти, но в душе они против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а если и не вели, то дышали этим.

8. Очень личное авторское отступление: и это все, что помню об отце

Есть город, который
Я вижу во сне...
Семен Кирсанов
У Черного моря

Выходной

Наша казанская квартира запечатлелась в памяти до мелочей. А жил отец в поселке ИТР завода 124 в типовом каркасном доме под №4 на втором этаже. Соседом по лестничной площадке был, поначалу, начальник ТЭЦ-2 Яковлев.

Как зайдешь – справа от порога маленькая родительская спальня. Узенький проход между кроватью и пузатым «славянским шкафом». Напротив порога, наискосок – *зала*: большой обеденный стол, большой темный буфет и еще шифоньер, стоявший углом, и почему-то за ним, очень неудобно, висел на приоконной стене телефон с индуктором, то есть с ручкой, которую надо было покрутить, чтобы сделать вызов. Кстати, как раз в наш подъезд вверх крыши шла *воздушка* – освинцованный телефонный кабель на стальном тросике. Он тянулся от ТЭЦевского коммутатора. Отозвавшейся телефонистке нужно было назвать трехзначный номер, а если он был запараллелен, то еще добавить: «Два звонка».

Слева от *залы* – детская. Дальше по кругу – кухня, в ней плита со сменными чугунными кольцами и центральным кружком, которыми формировали конфорку нужного размера. Чем топили, не запомнилось.

В квартире имелись *все удобства*: центральное отопление, канализация и душ. А душевая такая: цементный пол со стоком посередине, как раз под воронкой душа, и уложенной поверх деревянной решеткой; на стене – умывальник без смесителя. Но и в душ, если не ошибаюсь, летом вода подавалась холодная.

Когда мама в Москве брала отпуск, и мы приезжали, в доме появлялась пожилая няня, из местных, но возможно, что и зимой, когда нас не было, она помогала занятому отцу вести хозяйство.

А отца я и в Казани почти не видел: когда он уходил на работу, я еще сладко спал, и уже спал, когда он возвращался.

Но вот наступал выходной день шестидневки. В этот день мама с утра была на ногах, а отец позволял себе расслабиться и подольше оставаться в постели. И для меня не было большего удовольствия, чем забраться в просторную родительскую постель и затеять с папой игру, которая нам никогда не надоедала.

– Сколько у меня сыновей? – спрашивал отец.
– А-а-дин, – отвечал я, растягивая рот в счастливой улыбке.

– А как его зовут?

– И-и-гарь...

Потом я просил:

– Расскажи про китайцев!

Это было странное «литературное произведение», точный жанр которого не берусь определить. Такая вот фольклорная потешка:

Жили-были три китайца:

Як, Як-Цидрак, Як-Цидрак-Цидрони.

И жили-были три китайки:

Ципка, Ципка-Дрипка, Ципка-Дрипка-Лампомпони.

И вот они поженились:

Як – на Ципке,

Як-Цидрак – на Ципке-Дрипке,

Як-Цидрак-Цидрони – на Ципке-Дрипка-Лампомпони.

И у них родились дети:

У Яка с Ципкой – Шах,

У Як-Цидрака с Ципкой-Дрипкой – Шах-Шарах,

У Як-Цидрак-Цидрони с Ципкой-Дрипка-Лампомпони – Шах-Шарах-Шарони».

А игра с отцом продолжалась. Теперь на очереди был хорошо мне знакомый, и тоже никогда не надо-едавший рассказ о жене рыбака. Полоща в море, а может, в реке, белье, она уронила в воду обручальное кольцо и долго горевала... Прошло много лет. Однажды женщина разделявала принесенный мужем улов. Вдруг во чреве рыбины что-то блеснуло, и у нее в руках оказалось то самое золотое кольцо, проглоченное когда-то рыбой и путешествовавшее внутри рыбы все эти годы... Впрочем, этот рассказ, кажется, имеет реального автора.

А еще было дело, и тоже в выходной день: отправились мы куда-то под вечер с папой и няней вместе и должны были ехать на трамвае. Впереди, вдалеке, где нашу дорогу пересекал трамвайный путь, мы увидели стоявший вагончик. «Эх, кабы знать, куда он идет», – задумчиво проговорила няня. Дескать, тогда бы поторопились. Папа объяснил, что если дуга, то есть токосъемник, смотрит вправо, то трамвай идет налево, и наоборот. Этот нехитрый алгоритм произвел на неграмотную няню необычайное впечатление. Она

только охнула: «Яков Аронович, как вы все знаете!» Я к папину объяснению отнесся более спокойно, но тоже был доволен, что папа не подкачал.

От папы я узнавал многие новые для себя вещи. Помню, как объяснял он мне, что такое контргайка, и показывал на трубах квартирного отопления.

Папа был увлеченный технарь, а вот литературные интересы, музыкальные вкусы были у него, по-моему, вполне заурядные. Не запомнилось в казанской квартире сколько-нибудь заметного присутствия книг, не было ни радиоприемника, ни даже патефона. А радиотрансляция до поселка ИТР завода 124 в это время, наверное, еще не дошла. Хотя, к слову, радиовещание в довоенной Казани получило заметное развитие. Из юбилейного издания, посвященного 70-летию радио Татарстана [86], мы узнаем, например, что в 1936 году Татарский радиокomitee участвовал в I Всесоюзном радиотестивале, подготовив для него 35-минутную программу. А начальник Казанской радиобазы Александр Углов сконструировал усилительную радиоаппаратуру, которая использовалась для радиофикации в Москве на Елоховской площади. Между прочим, в Москве и до, и после войны я как раз жил неподалеку от Елоховской площади и могу с достаточным основанием пояснить, зачем понадобилось радиофицировать именно эту площадь. Дело в том, что на ней находился единственный действовавший тогда в Москве Елоховский собор («Храм богоявления», как гласил висевший на нем домовый указатель), и радиофикация выполняла здесь функцию антирелигиозной пропаганды. С той же целью, уже когда я учился в старших классах школы, нас, школьников, организовывали в страстную субботу, накануне пасхи, прогуливаться с утра на площади, чтобы затруднять бабушкам, идущим плотной массой с белыми узелками, их богоугодное занятие – святить куличи; старшеклассники должны были «разбавлять» своими телами и вольным поведением эту собранную, сосредоточенную процессию верующих.

Как мы не поехали на рынок

Дети, жившие в нашем доме, были как раз по преимуществу моего возраста. Я с ними *водился*, но по настоящему за своего они меня не принимали: приезжал я только на летние два-три месяца, жил в отдельной квартире – не чета большинству... Поэтому первое время по приезде я только издали наблюдал за их возней. И был среди них мальчик, который вызывал у меня душевное напряжение, так это будет правильно назвать. Жил он с мамой – худенькой, невзрачной, да еще в очках, что в те годы могло только убавить в привлекательности. Отца у них не было, и вообще никого больше не было, поэтому когда рано утром мать уходила на работу, сынишка до вечера оставался предоставлен самому себе.

А кем была его мама? Да откуда ж я знал... Наверное, на какой-нибудь маленькой должности – счетово-

дом в управлении Казмашстроя, или чертежницей, а то и копировщицей в конструкторском отделе завода, или машинисткой в машбюро... Конечно, они бедствовали. Я разыскал на страницах «Красной Татарии», какие были заработки в Казани в 1939–1940 годах. Счетовод получала 250 рублей, опытная машинистка – столько же, химик-лаборант – 300 рр. Для сравнения: рабочий-станочник зарабатывал 400–600 руб., инженер – 900, режиссер, заслуженный артист – от 1 000, машинист паровоза 1 300 руб.! О реальной покупательной способности говорит средняя стоимость пальто: 600 рублей. А ведь были и те, кто получал еще меньше: вагоновожатый в трампарке завода им. Орджоникидзе – 245 руб., но в трампарке *города* – всего 130! Продавец комиссионного магазина – 200 руб., продавец пива – 100 руб. Хотя за последнего, кажется, можно было не волноваться, иначе бы не родился известный слоган советской эпохи: «Требуйте долива пива после отстоя пены!»

Этот мальчик играл со всеми детьми, но часам к двенадцати его штанишки начинали отвисать, и дальше он бегал с болтающимся под попкой мешочком... Было понятно, что он обкакивался, и видно, что другие ребята, хотя и не отгоняют его, но явно с ним не дружат.

Вечером приходила усталая мама. Она не ругала своего непутевого дитя, а начинала отмывать его и обстирывать, и наутро он выходил во двор снова чистым и свежим, а днем повторялось все по-старому.

Но вот наступал выходной день шестидневки. В этот день женщина иногда позволяла устроить себе с сынишкой праздник. Рано утром они выходили из дома и уезжали в *город*, то есть в старую Казань. Возвращались уже после заката солнца, зарумянившиеся, усталые, но довольные. Были у них, наверное, там какие-то нехитрые, доступные развлечения. Сходили в кино, посидели в парке на «Черном озере», полакомились мороженым... И я при виде их, счастливых, тоже был счастлив.

А еще завидовал, потому что моя мама, если ей предстояла поездка в Казань, брала меня с собой редко. Ну а ездили мы тогда в *город* на трамвае «девятке». И был там в одном месте пути необычайной крутизны поворот. Пассажир безмятежно сидел у открытого окна, как вдруг центробежная сила неудержимо прижимала его к борту, в то время как по другую сторону окна внезапно напал деревянный столб, густо утыканный по кругу железнодорожными костылями! Человек что есть сил упирался и отшатывался при виде этой напасти. И я не раз слышал, как, выходя из вагона через переднюю дверь, пассажиры сердито выговаривали вагоновожатому (это был мужчина) за свой испуг, а он, щерясь в виноватой улыбке, всякий раз отвечал: «Монтеру надо говорить, монтеру. А мы – что?». Столб был опорой контактной сети, а по костылям монтеры, должно быть, взбирались для обслуживания, хотя почему бы им не использовать хорошо известные кошки?

Уже работая над книгой, я как-то нашел в мемуарах, напечатанных в 90-е годы в одном из казанских

журналов, упоминание об этом самом столбе и порадовался, что не мне одному запомнилась эта курьезная подробность, есть еще свидетели.

И вот однажды, когда маме понадобилось съездить на рынок, она вдруг решила доставить мне развлечение и взять с собой. А уж чтобы совсем было в радость (да еще по причине необыкновенно жаркой погоды) попросила папу дать нам машину. У папы не было персональной машины, а разъездная служебная предназначалась, понятное дело, не для семейных поездок. Так что папа «не обещал», но... пообещал. И я был весь в предвкушении удовольствия: плохо ли в машине прокатиться, да еще в *город*!

И вот, позавтракав, мы стали ждать. Прошел час, другой – машины не было. Я тосковал, мама молчала и, должно быть, злилась. Было часов двенадцать, когда она вдруг поставила передо мной чашку молока. Я понял это как знак, что сейчас вот-вот придет газик. «Сейчас поедим?» Она мотнула головой. Прошел еще час, и еще, и стало ясно, что поездка не состоится. Как вдруг, в начале третьего внизу посигналили. Мы спустились. «Что же вы так поздно?» – с укоризной спросила мать. «Да как Яков Аронович сказал, так я сразу и собрался», – растерянно объяснился шофер. Стало ясно, что бедный папа просто забыл про нас. Он и по натуре-то не был кабинетным работником, а тут еще в переподчиненном ему жилом секторе то и дело возникали затыки в сантехническом монтаже. Вот и сегодня, наверное, мотался где-то с утра, и было ему не до нас. Но женщине это понять трудно.

– Так что, поедим? – продолжал водитель.

– Куда же теперь ехать на рынок, в третьем-то часу? Вот, если хотите, покатайте ребят.

И она махнула рукой в сторону соседских мальчишек, которые давно уже окружили машину и внимательно слушали весь разговор.

Шофер охотно согласился, и те не заставили себя долго ждать. Бросились к машине, и кто успел – набились под завязку, а кто не успел, тот опоздал: остался снаружи. Машина тронулась. Я сидел посередине заднего сидения очень недовольный. Не то, чтобы мне было жалко, что и друзья-товарищи покатаются вместе со мной. А просто, по моим представлениям, в машине полагалось сидеть тихо. Бесхитростные же ребяташки, которые этого не знали, набившись внутрь, подняли в машине страшный гвалт. Прильнув к окнам, они корчили рожи тем, кто не поместился и теперь бежал позади в клубах пыли. Сделав пару кругов по окрестности, газик снова остановился у подъезда. Ребята выскочили и помчались к остальным делиться впечатлениями. Я же, никем не замечаемый и по-прежнему надутый, поплелся домой.

У ортопеда

Вдруг маме показалось, что я как-то не так хожу. Она вычитала в газете адрес ортопеда и озадачила папу предстоящим визитом.

Каким транспортом воспользовались на этот раз, чтобы попасть в город, память не сохранила, и не в этом сейчас суть. Начинаю с момента, когда папа и мама и я между ними подошли к дому, где жил профессор. Поднялись по неосвещенной, затхло пахнущей лестнице на второй этаж, остановились у нужной двери, и папа нащупал кнопку звонка. Нажимал снова и снова, но тишина ничем не нарушалась – ни сигналом звонка, ни шарканьем ног. Стало ясно, что звонок просто не работал. Тогда постучали. Не сразу, но дверь приоткрылась, и обнаружилась женская фигура в темном одеянии в темной же прихожей. Женщина вопросительно на нас посмотрела, выслушала, отступила, давая войти, и по-прежнему беззвучно удалилась. Мы стояли в недоумении. Наконец, в глубине длинного коридора в рассеянном свете появился худой пожилой господин – искомый профессор-ортопед. Похоже, пациенты были здесь не частыми визитерами. Тем не менее, профессор справился с ситуацией, дернул какую-то ручку, и прихожую залил ослепительный солнечный свет! Мы стояли как раз около невидимой плотно притворенной двери приемного кабинета.

В кабинете оказалось не только ослепительно светло, но еще нестерпимо жарко, а главное, душно. Видно, окна здесь никогда не отворялись. Мне было указано раздеться и ходить по комнате взад – вперед, в то время, как профессор озабоченно следил за мной, а родители – за профессором. Наконец, тест был окончен, и меня отпустили одеваться, а взрослые скучковались в стороне, о чем-то тихо переговариваясь.

Подозреваю, что предположения о моем нездоровье были сильно преувеличены, но это был театр, в котором у каждого были свои роли и интересы. Разговор, между тем, закончился, с заключительным пассом папиной руки. Мы попрощались и спустились на улицу. И я с облегчением вздохнул полной грудью...

В итоге все остались довольны: мама – проявленной бдительностью в отношении здоровья ребенка, о чем теперь можно будет болтать с подругами, папа – исполненным долгом по материальному обеспечению проекта, профессор – полученным гонораром, ну а я – нежданно-негаданной поездкой в город, да еще с папой и мамой в придачу!

День воздушного флота

Наверное, это был тот самый День воздушного флота 18 августа 1937 года, когда был аннулирован проект указа ЦИК о награждении орденом Ленина начальника Казмашстроя Н.Д. Маршева, тогда уже арестованного.

Может, папа просто хотел доставить нам с мамой удовольствие, взяв на авиационный праздник, а может, он что-то предчувствовал уже в отношении себя и считал, что это будет последний праздник, который они проведут вместе и который останется в памяти жены и сына, кто знает? Ведь именно такой жизнен-

ный сюжетный ход нашел Никита Михалков в своем знаменитом фильме «Утомленные солнцем», когда его герой – комдив Котов – в последние часы перед неотвратимым арестом берет покатаваться в лодке маленькую дочурку...

По такому особому случаю папа взял машину, служебный газик. Мы были уже почти у цели – у летного поля Казанского аэроклуба за Сухой рекой, как вдруг раздался громкий хлопок: лопнула шина. Времени не оставалось, и мы продолжили путь пешком. Мама споро шла впереди, папа тянул меня за руку, а я все оглядывался и оглядывался: мне было жалко машину и жалко шофера, который не увидит праздник. Мама злилась, и папа, чтобы успокоить меня, сказал, что шофер позвонит в гараж, и за ним приедут грузовик. На этот раз папино объяснение меня не удовлетворило. Я продолжал думать: ну, приедет грузовик, а дальше что? Погрузят на него легковушку? Но как это можно сделать в чистом поле? Возьмут на буксир, и бедный газик будет волочиться, припадая на одно колесо? Тоже нескладно, не здорово получается. По малости лет мне не пришло в голову самое простое объяснение: грузовик привезет запасное колесо, которым заменят спустившее, и газик своим ходом вернется в гараж! Ведь в 30-е годы всеобщего дефицита автомобильные камеры были дефицитом особым. Резина, изготовленная из натурального каучука – импортного продукта переработки сока гевеи – была непозволительно роскошной. Синтетический каучук, изготовленный по методу академика Лебедева, не обладал достаточным качеством. Изготовленная из него резина была непрочной, нестойкой, особенно в зимних условиях. Во время войны Б.А. Арбузов в Казани добился повышения морозостойкости синтетического каучука, но это было позже. А тогда, в 30-е годы, шины из лебедевского каучука долго не служили, да и их не хватало даже на объектах оборонного значения, каким был и Казмашстрой. Конечно, директорская машина была экипирована полностью, а вот остальные машины, что легковые, что грузовые, укомплектовать запасками не получалось. Может, этих запасок и было-то на все автохозяйство несколько штук, их держали в гараже и выдавали адресно. Случалась с какой-то машиной в разезде беда – шофер звонил, на место происшествия высылали грузовик с запаской.

Вечные злключения с автомобильной резиной вошли в кровь и плоть советских людей на десятилетия, стали своего рода синдромом. Даже сегодня стоит на улице раздаться громкому хлопку, как кто-нибудь из окружающих непременно воскликнет: «Лопнула шина!». Хотя современные автомобильные камеры никогда сами по себе не лопаются, а громкий хлопок – всего лишь результат неправильной регулировки опережения зажигания.

Между тем мы приблизились к конечному пункту нашего маршрута – травяному аэродрому Казанского аэроклуба. Мы замедлили шаг и шли вплотную мимо выстроенных в шеренгу, крыло к крылу, знаменитых

бипланов У-2 конструкции Поликарпова с не менее знаменитым звездообразным воздушным охлаждением, мотором Швецова. Темно-зеленые плавно изогнутые крылья аэропланов напоминали поля фетровой или велюровой *мягкой шляпы*, как тогда называли такой мужской головной убор.

Странное дело: до этого момента запомнилось все до мелочей, а вот все, что было дальше – в памяти полный провал! Ни рулежки аэропланов, ни полеты, ни выброска парашютистов, ну ничего в памяти не сохранилось, и как добирались домой – тоже.

Сумасшедшая

Это случилось однажды утром, когда дома были мама, няня и я. В дверь постучали, и мама направилась открыть, а я, как водится, помчался за ней. На лестничной площадке стояла незнакомая тетя, необычайно высокая и худая, с суровым лицом и в каком-то мрачном одеянии – платье до пят с серо-лиловыми сверху вниз полосами. «Почему вы стучите у меня над головой?» – спросила она строго. Мы поняли, что это соседка с нижнего этажа, но и только. И мама лишь растерянно возразила, что у нас никто не стучит. «Нет, стучат», – упрямо повторила странная особа. Тогда, демонстрируя искреннее недоумение, мама полуобернулась и обвела квартиру рукой, как бы приглашая убедиться в полном отсутствии каких-либо материальных источников шума, но незнакомку это ничуть не убедило, и она продолжала стоять на своем, не делая, впрочем, никаких агрессивных движений. Тут я увидел, что няня незаметно делает маме «знаки». А мама, может, их и видит, но считает неудобным привлекать к этому внимание. Наконец, после довольно долгих пререканий, странная женщина повернулась и стала спускаться по лестнице, продолжая бормотать что-то угрожающее.

Дверь тут же была захлопнута, а няня набросилась на маму: «Зачем вы ей открыли, зачем разговаривали? Она же сумасшедшая!». Теперь мама снова стала растерянно оправдываться, на этот раз – своей неосведомленностью. А няня продолжала: «Да, сумасшедшая, она и в сумасшедшем доме сидела, ее выпустили, а вот сейчас снова...».

Прошло сколько-то времени, несколько дней, а может, и с месяц. И тоже было утро, но я был не в квартире, а носился с ребятами по двору. Как вдруг разнеслась весть: сейчас сумасшедшую забирают будут! Мы помчались к дому... Там уже стояла больничная *кареета*, толпились взрослые зеваки. Я заглянул в подъезд. Дверь в квартиру была полуоткрыта. Изнутри стояла больная, снаружи – молодой доктор с пышными пшеничными усами и высокий жилистый санитар, но потом стало понятно, что еще один санитар уже успел пройти внутрь и его не было видно. Стоявшие по обе стороны порога тихо и спокойно о чем-то разговаривали. Как вдруг, повинувшись, может быть, какому-то

тайному знаку или сигналу, люди в белом разом шагнули вперед и своими телами просто вынудили женщину отступить. Дверь закрылась. Не было слышно никакого шума – ни криков, ни возни. А только минут через десять дверь снова распахнулась, и два санитаря, широко шагая и глядя прямо перед собой, вынесли носилки, на которых недвижно и беззвучно лежало туго спеленутое тело. Сзади, помахивая какой-то бумажкой, шел пышноусый доктор. Все погрузились в *карету*, машина тронулась, зеваки разошлись...

Прошло несколько месяцев. Я давно уже был в Москве. Приближался Новый год, а с ним и детские утренники, и елка, а я лежал в постели с сильной ангиной. Вдруг раздался звонок в дверь, и я услышал в коридоре знакомый голос папы! Он приехал в короткую командировку! Папа был оживлен и румян с мороза. «Вот, купил себе к обеду», – произнес он и сунул бабушке в руку четвертинку. В доме у бабушки водку не употребляли, но выговаривать папе бабушка себе не позволяла. Затем папа повернулся ко мне: «Вот, прода-

вец дал сдачу в штучном отделе», – и с этими словами протянул серебряный полтинник. Я с радостью зажал монету в руке. Дома и копеечные деньги мне редко когда перепадали, но дело было даже не в количестве, а в том, что среди моих сверстников во дворе серебряный полтинник или рубль ценился несравненно дороже своей номинальной стоимости. Тяжеленькая монета, на ней наковальня и молотобоец с молотом! Теперь и у меня такая есть! Полюбовавшись еще раз монетой и зажав ее в кулаке, я обратился к папе, чтобы задать давно мучивший меня вопрос: «Па, а сумасшедшую выпустили?». Все рассмеялись, но папа остался серьезным. Он сказал, что она еще в больнице, но ей уже лучше, и скоро обещают выпустить. Я был вполне удовлетворен.

Мог ли я думать, что это был последний раз, когда я видел своего папу и слышал его голос? Ровно через четыре месяца, когда мне только-только исполнилось семь лет, он был арестован в Казани и исчез для меня из этого мира навсегда!

9. Время испытаний: следствие. Будни

Мы расскажем, мы еще расскажем,
Мы возьмем и эту высоту,
Перед тем, как мы в могилу ляжем,
Обо всем, что совершилось тут.

Лидия Чуковская. 1944 г.

Поведав о жизненном пути «прорабов» индустриализации, внезапно ставших врагами народа и подследственными НКВД, расскажем теперь о тех, в чьи руки была отдана их дальнейшая жизнь и судьба.

Официальные биографические сведения скупы и касаются, преимущественно, руководящего командного состава [45, 46]. В конце книги приведены аннотированные фотографии наркомов внутренних дел Татарии, сменявшихся на протяжении пятилетия 1936–1941 годов. Это были П.Г. Рудь, А.М. Алемасов, В.М. Михайлов, Е.М. Морозов и А.Г. Габитов. Дополнительными источниками информации послужили автору материалы довоенных казанских газет, приуроченные к назначению этих лиц на высокие посты.

Сложнее дело обстояло с младшим командным составом – следователями и оперуполномоченными в званиях от младшего до старшего лейтенанта, которые служили в экономическом отделе (позже – управлении) Управления ГБ НКВД Татарии и непосредственно вели дела арестованных на Казмашстрое и Казмашкомбинате. В главе 7 мы назвали их фамилии, поскольку даже инициалы, не говоря уже об имени-отчестве, никогда в следственных, а может, и в оперативных бумагах не фиксировались и публично не озвучивались.

Информация о них накапливалась из архивно-следственного дела №2-2735 (документация арестов и допросов, жалобы и заявления подследственных и осужденных), из печатных изданий (газета «Красная Татария», и не только), из бесед с родственниками репрессированных.

Больше других известно о Сосипатрове, руководителе следственной бригады и демоне по призванию. Сосипатров все-таки засветился. В апреле 1938 года шла агиткомпания по выборам в Верховный Совет ТАССР. 17 апреля бюро ОК ВКП(б) рассматривало вопрос об агитационно-пропагандистской работе в связи с выборами, к которой, как водится, привлекли всех и вся. Для иллюстрации активной работы с избирателями через несколько дней, как раз накануне группового ареста на Казмашстрое, в газете был помещен фотоснимок некоего *агитатора* В.П. Сосипатрова в окружении местного электората – домохозяек, с превеликим старанием позирующих фотографу.

Конечно, Сосипатров – не самая редкая фамилия в Казани, но этот агитатор носил военную форму, а располагался агитпункт в комплексе зданий НКВД! Это явилось первой, но не единственной подсказкой, что безымянный следователь Сосипатров и агитатор В.П. Сосипатров – одно и то же лицо.

Предположение это подкрепляла роспись Сосипатрова на множестве документов в архивно-следственном деле, где отчетливо просматривается буква «В», предшествующая букве «С»; подобные случаи означают, как правило, что человек предпочитает начинать свою роспись с первой буквы имени, а не фамилии.

Дальнейшие подробности довелось узнать от Альберта Николаевича Маршева, с которым я не единожды встречался, работая над книгой. Сосипатров настолько успел наследить в довоенной Казани, что люди невольно задумывались о причинах его изощренной жестокости. Со слов моего собеседника, бытовала такая версия: Сосипатров в свое время служил в армии Фрунзе. В середине 20-х годов в Туркестане он попал в плен к басмачам и был приговорен к смерти. Всю ночь перед казнью стоял на коленях и читал Коран. Это слышал охранник и доложил, когда наутро пришли расстреливать. Басмачи глумливо смиловались над «раскаявшимся» красноармейцем: сохранили ему жизнь, но кастрировали его. После проваленного, по сути, «Процесса 13-ти» Сосипатров был уволен из НКВД. Позднее видели, как, будучи простым землекопом, он копался в грязи на стройке.

Теперь о других назначенцах следственной бригады. Следователи, видимо, были закреплены персонально за конкретными фигурантами дела, но иногда, в «производственной запарке», менялись или работали на пару. Так или иначе, в материалах по Шаханину, Дайбогу, Старову, Моргулеву преобладает фамилия Сосипатрова, по Полякову – Соколова, по Криволапу, Гизатуллину и Махно – Симонова. А вот Маршева, Шейнмана, Яковлева и Кислова следователи Сосипатров и Соколов «вели» совместно.

Над Бусаровым «работали» Соколов, Симонов и Лобанов, с Ермаковым – Симонов и Сосипатров. Соколов и Лобанов отличались особым рвением в проведении допросов, об этом мы знаем из жалоб Бусарова в высокие инстанции, которые имеются в деле. Там же

упоминается, что Соколов был репрессирован (расстрелян) в 1941 году «за недозволенные методы ведения следствия». Собственно, он попал под «ротацию» ежовских кадров, предпринятую Берией. О Симонове не известно ничего.

Отдельно об Юнусове. Фамилия оперуполномоченного Юнусова указана в ордере на арест Я.А. Моргулева от 25 апреля 1938 года, и его же отчетливая роспись – в протоколе обыска [35, т. 2, л. 47–50]. В сентябре 1939 года в материалах архивно-следственного дела №2-2735 фигурирует некто Юнусов – начальник 1-го отделения 1-го отдела ЭКУ (экономического управления), лейтенант госбезопасности. В декабре 1939 года «инженер НКВД» Юнусов Билял Салахович, 1910 года рождения, беспартийный, избран в Казанский городской совет депутатов трудящихся (информация в газете «Красная Татария»). *Инженер НКВД* – сочетание несколько непривычное и даже комичное в контексте второй половины 30-х годов, но вполне правдоподобное, если по образованию он инженер-экономист и числится в экономическом отделе НКВД. В июле 1940 года заместитель начальника 2-го ЭКО НКВД лейтенант ГБ некто Юнусов ставит согласующую роспись под обвинительным заключением по делу С.Е. Дайбога (за №11230), коим предлагается направить Дайбога на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР [35, т. 23, л. 484–489]. Наконец, на рубеже 80–90-х годов встретилась автору публикация, в которой ветеран-чекист подполковник Юнусов бросает злые слова в адрес тех, кто *шельмует* наши славные «органы». Что же, столько однофамильцев, и все – в центральном аппарате НКВД Татарии? Верится с трудом. Сдается, это все об одном!

Как же работала следственная бригада по делу Казанского авиазавода? Точно так же, как работали другие бригады по иным казанским делам, и вообще по всей нашей необъятной и многострадальной стране. Потому что самостоятельность здесь занимала не главное место; существовали инструкции, которым обучали на краткосрочных курсах НКВД. Это подтверждает обобщение следовательской практики по материалам множества конкретных дел [87].

Изучение различных протоколов допросов приводит к мысли о существовании определенных трафаретов, подсказок для следователей.

Если также учесть, что до ноября 1938 года в системе НКВД дела по так называемым государственным преступлениям вели не квалифицированные следователи, а весь состав управлений госбезопасности, принимая во внимание невысокий уровень образования сотрудников, можно утверждать, что существовали штампы в составлении документов. Все протоколы допросов пестрят стандартными формулировками.

Следователи начинали с безобидных расспросов: с кем Вы знакомы, встречались, переписывались, чем занимались в жизни. В итоге вся личная жизнь обвиняемого закладывалась в протокол как целенаправленная а/с деятельность.

Такое начало позволяло подследственному успокоиться, продемонстрировать даже свою готовность сотрудничества с «органами», перед которыми ему нечего скрывать. Один из арестованных по делу Казанского авиазавода, желая максимально проявить свою лояльность, не мог остановиться в перечислении своих знакомых. Этот человек, по специфике своей практической деятельности, был, видимо, *толчком*, и большинство его «знакомств» – не более чем случайные встречи в гостиницах и поездах, и никакой следователь никогда бы не смог его уличить, что он кого-то намеренно пропустил, а он все писал и писал...

Если же человек выдерживал унижения и брань, применяли другие меры. Людей допрашивали сутками, следователи менялись, а подследственным спать не давали – «конвейер». Обвиняемых заставляли сидеть или стоять («поставить на стойку») на часы в самых неудобных позах. Бросали в карцер с холодной водой, насекомыми, пытали иглами, раздавливали половые органы, ломали руки и ноги. Испражнялись на людей. Родственники, близкие становились заложниками. И это были не простые угрозы – в случае сопротивления заключенного следователи в его присутствии измывались над членами семьи.

Все приемы «типового следствия» просматриваются и на страницах архивно-следственного дела №2-2735.

Но прежде чем перейти непосредственно к делу Казанского авиазавода, познакомим с некоторыми эпизодами других политических дел НКВД Татарии по журнальным публикациям 90-х годов.

Алексей Литвин [88]:

3 декабря 1937 года измученный и больной Гафуров написал заявление на имя НКВД Михайлова:

«Я осознал свое запирательство бесполезным, я решил дать развернутое показание по существу предъявленного мне обвинения. Я ответственно, чистосердечно заявляю, что являюсь одним из членов пантюристской антисоветской организации с 1933 г.»

В этом заявлении не такой уж редкий для тех костоломных лет самооговор. В нем мольба: черт с вами, я со всем согласен, кончайте скорее. За ним отчаяние и безысходность, крушение каких-либо надежд. Но репрессивная машина не думала сбавлять обороты... Одним из его мучителей был следователь Сунгатулла Курбанов, прозванный самими энкавэдэшниками «колуном» и «молотобойцем». Колуна приговорили в 1940 году к семи годам заключения за фальсификацию следственных дел и избиение подследственных.

Рамзи Валеев сообщает [89]:

В июле к Шарафу опять приставили «костоломов» – следователей Кальметова и Галакина. Вскоре они принудили его подписать заранее заготовленное заявление наркому внутренних дел ТАССР:

Находясь под следствием продолжительное время, я скрывал всю проводимую мною контрреволюционную деятельность и, несмотря на проведенный ряд очных ставок, я всеми способами боролся со следствием. Находя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, я решил перед органами советской власти подробно рассказать о прово-

димой а/с деятельности, как моей, так и о к/р нашей организации и ее связях с буржуазией иностранных держав.

Павел Аксенов [9]:

Проходя по коридорам НКВД, я слышал музыку следователейских голосов и возгласы боли и ужаса терзаемых жертв. Это дорисовывало картину сатанинского ада, в который мы проваливались вместе с нашими партийными уставами и программами. Но страшнее всего были прерывистые, истошные крики людей, подключенных к электрическим системам.

Но возвращаюсь к самому себе и моим молотильщикам... Все чаще посещал нас и собственноручно работал сам Крохичев, приходили... начальник управления госбезопасности капитан Шелудченко и сам нарком Михайлов. Начальники удивлялись: такие бравые и опытные ребята не могут справиться с ничтожной слякотью. Уходя, они поощряли моих костоломов на более энергичные действия. Нередко я встречал в обществе Крохичева одного из моих следователей со стороны прокуратуры республики – Покровского... Он и сам пытался включаться в активную работу на этом поприще, но хотя делал это с усердием, однако, в его приемах не было такой уверенности, солидности и, может быть, художественной завершенности... Все менее оставалось у меня сил, все изощреннее и свирепее становились мои наставники... Я почувствовал, что тверди небесные и грешная земля разверзлись и поглотили меня... Это было, как мне объяснили молотобойщики, 14 апреля 1938 года. Все утро и весь день меня продолжали молотить... Ночью 15 апреля я понял, что у меня уже исчерпаны все силы, но все еще сопротивлялся в течение нескольких часов. Поздно ночью, а, может быть, в первые часы 16 апреля меня подвели к столу Крохичева и усадили в кресле. Крохичев протянул бумажку и сказал: «Вот здесь поставь подпись». Подпись была поставлена.

Но возвратимся непосредственно к предмету нашего повествования.

После того, как следственная бригада была ориентирована руководством НКВД на «раскрытие» мифической «контрреволюционной антисоветской вредительской организации» на авиазаводе и «разоблачение» и наказание ее участников через групповой судебный процесс, перед Сосипатровым встали следующие практические задачи:

– определить рациональный количественный и персональный состав участников, выводимых, в конечном итоге, на судебный процесс;

– получить на стадии предварительного следствия достаточный объем признательных показаний этих участников;

– обеспечить необратимость судебного преследования, исключить, хотя бы чисто процессуальными средствами, возможность провала дела в суде.

Эти три задачи Сосипатров в той или иной степени решал, используя недозволенные приемы следствия и лукавое манипулирование сложившейся в 30-е годы процессуальной практикой. Вычленив и последовательно описать здесь ход решения каждой задачи в отдельности невозможно, слишком тесной и многова-

риантной была связь между ними в ходе текущей деятельности следственной бригады. Мы приведем только ключевые факты и эпизоды следствия. А длилось оно долго, почти год. Дело №12972 было возбуждено в связи с арестом Яковлева в первой половине апреля 1938 года, а постановление об окончании следствия было вынесено 15 февраля 1939 года. Но мы помним, что начало систематической работы НКВД по Казанскому авиазаводу относится к июлю 1937 года, когда по открытому делу №3492 начались цепочечные аресты, то есть если считать не формально, следствие продолжалось в общей сложности полтора года! За это время Сосипатровым было вынесено около 30 различных постановлений, из них почти половина включает обращения в высшие инстанции с просьбами о продлении следствия. Типичные обоснования: «Учитывая, что такой-то (подследственный) указал на участие ряда других лиц, необходимо арестовать вновь выявленных участников...». Или: «В связи с арестом новых лиц требуется провести дополнительное расследование...». Или: «В связи с тем, что такое-то лицо (имярек) указало на ряд новых существенных для дела обстоятельств, требуется провести дополнительное расследование...».

Центральной смысловой фигурой среди «контингента арестованных» Сосипатров избрал не начальников ГССК по строительству авиазавода Маршева или Бусарова, а директора завода №124/27 Шаханина. Именно Шаханин «имел выход на Центр» в Москве, то есть на Наркомат оборонной промышленности, а в нем – на главного инженера ГУАП А.Н. Туполева и заместителя начальника ГУАП по строительству К.П. Хайдукова. Для следствия было особенно удобно, что Шаханин, занимая одно время по совместительству должность начальника Казмашстроя, имел разветвленные служебные связи по всему объекту в целом. Это позволяло НКВД ставить перед Шаханиным широкий круг вопросов и рассчитывать на получение максимума интересующих следствие показаний. И поэтому Шаханину Сосипатровым была уготована особая судьба. По нашему мнению, его с самого начала не предполагалось выводить на судебный процесс в Казани. Из Шаханина стремились выжать все, что можно, чтобы потом использовать его показания при допросах других обвиняемых на предварительном и судебном следствии. А чтобы сделать эти показания необратимыми, самого Шаханина к началу судебного процесса надо было вывести из игры. И вот как это было сделано.

Непосредственно после группового ареста 25 апреля 1938 года Шаханин проходил по отдельному делу №12946 и обвинялся по хозяйственной 112-й статье УК.

Ему не давали передышки, не было никакой «постепенности» и «стадийности» в достижении признаний. О том, как с ним обращались, можно судить по уже приводившимся во 1-й главе воспоминаниям Павла Аксенова: «Директора завода №124 я случайно увидел в коридоре нашей тюрьмы (внутренней тюрьмы НКВД – прим. авт.) у раскрытой одиночки с разбитым лицом и вырванными волосами» [9].

И все же сломить Шаханина удалось, видимо, не сразу. Косвенным подтверждением этого может служить попытка заполучить проживавшую в Москве жену Шаханина – Ангелину Александровну Варфоломееву. Рассказывает дочь Шаханина:

Управляющий делами завода Митричев позвонил маме по телефону и сообщил, что Лев Николаевич просит маму приехать в Казань для свидания.

Для понимающих людей это было «шито белыми нитками», и друзья Варфоломеевой убедили ее не поддаваться на провокацию – шантаж ее мужа, а может, и на ее собственное задержание!

Так или иначе, 14 мая Шаханин дал первое «признательное» показание: «В антисоветскую организацию, существовавшую в авиационной промышленности, меня завербовал в июле 1937 года в своем рабочем кабинете бывший начальник I Главка НК ОП Туполев».

Об этом мы знаем из «Заключения Центральной комиссии по пересмотру дел» от 21.10.54, Протокол №24:

На этом же допросе Шаханин показал, что во время его вербовки в а/с организацию Туполев ему назвал фамилии лиц, входивших в состав руководящего центра этой организации. И дал задание проводить вредительскую работу на авиационном заводе 124 и 27. На последующих допросах (24–29 и 31 мая 1938 года, то есть шесть дней безостановочных допросов, а 30 мая допрос прерван – *прим. авт.*) Шаханин показал, что он, будучи завербован Туполевым... лично сам (*лично сам* – это излюбленный следователями НКВД *новояз* при диктовке протоколов – *прим. авт.*) являлся руководителем этой организации на авиазаводе 124 и назвал фамилии 23 ее участников, в том числе всех обвиняемых по настоящему делу. Пояснил, что Яковлева, Кислова, Старова, Полякова и Махно он в а/с организацию завербовал лично сам во второй половине 1937 года, а об участии в ней Маршева, Бусарова, Криволапа, Шейнмана, Гизатуллина, Бурого и Ермакова ему стало известно от работника I Главка НК ОП Хайдукова (осужден по другому делу к расстрелу) и от работника авиазавода Маршева, с которым связался по вредительской работе на этом заводе во второй половине 1937 года. Кем и когда был завербован в а/с организацию Моргулев, он не пояснил [35, т. 57, Протокол №24 от 21.10.54].

По материалам архивно-следственного дела №2-2735 восстанавливается такая последовательность событий. 10 июня Шаханин участвует в очной ставке с Бусаровым [35, т. 23а, л. 549], и возможно, это вообще у него первая и последняя очная ставка на предварительном следствии. В начале июня нарком Михайлов утверждает обвинительное заключение по делу №12972 по обвинению Шаханина в преступлениях, предусмотренных ст. 58-7, 9 и 11 УК [35, т. 2]. В заключении фиксируется, что по а/с деятельности Шаханин был непосредственно связан с руководителями существовавшей а/с организации в авиапромышленности Рухимовичем (нарком оборонной промышленности), Туполевым (главный инженер ГУАП), Хайдуковым (заместитель начальника ГУАП по строительству) и Письменным (помощник начальника ГУАП). 12 июня арестованно-

го Шаханина направляют со спецконвоем в распоряжение 7-го отдела ГУГБ НКВД СССР в Москву. Соответствующий распорядительный документ подписал Симонов, на тот момент – уже помощник начальника 4-го отделения 3-го отдела УГБ Татарии [35, т. 2]. А 13 июля, то есть через месяц, Сосипатров задним числом выносит постановление о соединении дел: следственное дело №12946 приобщить к с.д. №12972 [35, т. 2].

О дальнейшем мы располагаем лишь отрывочными сведениями.

Шаханин сидит в Бутырской тюрьме. Здесь ему довелось встретиться с Яковлевым, которому он признался, что оговорил в мае 23 человека и что об этом он подал заявления в ЦК ВКП(б), прокурору СССР и наркому внутренних дел СССР [35, т. 23а, л. 682 на обороте]. Возбуждено новое дело (№964446 Особого архива), очевидно, в том самом 7-м отделе ГУГБ, но никаких дополнительных следственных действий в отношении Шаханина не проводится, а просто принимается решение направить Шаханина на Военную коллегия Верховного Суда. По установленному порядку, отдел должен был составить подробную справку на обвиняемого Шаханина и передать ее на обработку в «специальную группу», существовавшую в центральном аппарате НКВД, которая готовила так называемые «Сталинские списки», то есть списки лиц, подлежащих суду ВК ВС СССР после их утверждения на Политбюро ВКП(б). С июня 1938 года списки, составленные этой группой, подписывал начальник 1-го специального отдела НКВД СССР, старший майор ГБ И.И. Шапиро, бывший сотрудник Ежова еще по работе в КПК ВКП(б).

Фамилию Шаханина мы обнаруживаем в одном из списков под групповым названием МОСКВА–ЦЕНТР от 20 августа 1938 года – в списке №1 (общий) под №293 [27, дело 417, лист 235]. Все лица из этого списка числятся в рубрике «1-я категория», подразумевающей расстрел. На подлиннике списка – собственноручные визы Сталина и Молотова.

Казалось бы, теперь черед рассказать о судебном заседании ВК ВС по делу Шаханина, но обнаруживается юридический казус. Как указывается во Введении к публикации «Сталинских списков» [там же], на последнем этапе «Большого террора», на списках, подписанных в августе – сентябре 1938 года, произошел сбой процедуры, связанный с эпохой перемен в руководстве НКВД. Пример такого сбоя выявился и в нашем случае.

В следующем по хронологическому порядку «Сталинском списке» от 12 сентября 1938 года под групповым наименованием ТАТАРСКАЯ АССР мы находим многие фамилии, уже известные нам из этого повествования [35, т. 23]. В рубрике «1-я категория»: №190 – снова Шаханин (!), №109 – Маршев (?), №26 – Бусаров (?), а также №30 – тот самый Г.Н. Валеев, который написал донос на Маршева. А в рубрике «2-я категория» (10 лет заключения) под №16 – Кислов Иван Кузьмич (?).

На списке визы Сталина, Молотова, Жданова.

Не очень понятно, причем тут Шаханин, с которым, казалось, уже «разобрались»... Сбой? Еще менее понятно с теми, которых мы отметили знаками вопроса. Ведь Маршев, Бусаров, Кислов – из той группы «по делу Казанского авиазавода» (№12972), в отношении которой в самом разгаре ведется следствие, их готовят к групповому судебному процессу в Казани! В частности, совсем недавно, в первых числах августа, к этому делу Сосипатров приобщил ранее возбужденные дела №3492 (на Маршева и др.) и №13526 (на Кислова). Выходит, в это же самое время троих из этой группы (Маршева, Бусарова, Кислова) направляют на ВК ВС, то есть составляют на них справки установленной формы (сущность обвинения, чем подтверждается, сознался ли и др.) и передают в Москву шифротелеграфом. Тоже сбой?

Попутно о казусе несколько иного рода, касающемся Якуба Чанышева. Слово Павлу Аксенову:

Военные рассказывали о нем множество всяких чудес, в которых переплетались героизм, бесстрашие и военный талант. Это совпадало со многими моими впечатлениями, когда я ближе узнал Чанышева. Но вот в 1937 году, по требованию Центра, с него снимают знаки воинского отличия и доставляют в Казанскую следственную тюрьму. Здесь он сразу же попал в руки московских стажеров-курсантов... Курсанты довели его до полного истощения физических и нравственных ресурсов... В полубессознательном состоянии подписал все, что ему предложили... Но в разгар судебного процесса из Москвы была получена телеграмма – приказ о немедленном освобождении всей группы подсудимых из-под ареста и приглашении их к Ворошилову. Несмотря на сопротивление председателя трибунала, всех подсудимых по этому делу освободили, им была выплачена зарплата, обеспечены лечение и отдых и, наконец, назначение на командные посты. Все это было связано с трудностями надвинувшейся на страну войны и острым недостатком командных кадров, перебитых органами безопасности. Оправившись от жестоких пыток и СТРАХА перед московскими курсантами, генерал Чанышев БЕССТРАШНО воевал потом с немецкими фашистами, прошел всю войну вплоть до полной победы...

(Приведенный рассказ Павла Аксенова напоминает об аналогичных, но более известных историях, относящихся к генералам Горбатову, Мерецкову и Рокоссовскому. – *Прим. авт.*)

Но опять вопрос: какое же место в этой чехарде событий – аресте, жестоком следствии, предании суду военного трибунала и, наконец, неожиданном освобождении – занимает «заявка» на осуждение Чанышева ВК ВС?

Разобраться в подобных хитросплетениях «работы» различных ветвей руководства НКВД сегодня практически невозможно.

Эту ситуацию историк Б. Султанбеков комментирует следующим образом [71]:

Довольно причудлива судьба 197 лиц, которых Сталин, Молотов, Жданов приговорили к расстрелу 12 сентября

1938 года. Начинался крах «ежовского» аппарата НКВД, Берия получил приказ Сталина продемонстрировать либерализм и временно приостановить расстрелы.

Вскоре начались аресты работников НКВД, в среднем на каждый район давались контрольные цифры 10 – 20 человек «нарушителей законности». До сведения Татарского обкома их довел представитель Прокуратуры СССР Коперник в январе 1938 г. (10 чел).

Многие (но не все) из приговоренных по 1-й категории по списку от 12 сентября 1938 г. уцелели, их дела передали в спецколлегию Верховного суда ТАССР, различные трибуналы Красной Армии и войск НКВД, и они получили вместо расстрела различные сроки лагерей.

Судьба Льва Николаевича Шаханина сложилась трагично. Суд над ним состоялся 20 сентября 1938 года, через несколько дней после утверждения «Сталинского списка» по ТАТАРСКОЙ АССР. Судебная процедура в те годы была предельно упрощена, а приговор лаконичен и неубедителен до абсурда. Председательствовал в тот день на ВК диввоенюрист Никитченко (будущий представитель от СССР в Международном трибунале на Нюрнбергском процессе над германскими военными преступниками). И в тот же день приговор был приведен в исполнение. Тела расстрелянных кремировались ночью в Донском крематории. Трупы принимал директор крематория, но истопниками были не штатные рабочие, а комсомольцы-активисты по разнарядке. Прах жертв, как предполагают, ссыпали в общие захоронения на территории крематория. Сейчас здесь устроена символическая могила.

Разумеется, в 30-е годы таких подробностей никто, кроме исполнителей, не знал.

Копию расстрельного приговора Военной коллегии ВС СССР прислали в Казань, и копию с копии можно увидеть в архивно-следственном деле №2-2735 [35, т. 23]. Направляя ее для сведения председательствующего на «Процессе 13-ти» судьи Уголькова, Сосипатров давал понять, что на просьбы защитников и подсудимых о вызове Шаханина для очной ставки следует отвечать отказом!

Прошло месяца три. Вспоминает Кира Львовна Шаханина:

В конце 1938 года маме позвонили по телефону домой. Незнакомый мужской голос дословно произнес:

– Говорит товарищ Льва Николаевича. Он просил меня позвонить Вам. Лев Николаевич очень болен. Я был с ним, сейчас освобожден.

С мамой повидаться звонивший отказался, имени своего не назвал.

Очень болен – это тоже эвфемизм «Большого террора». Это был нейтральный, безопасный для сообщавшего и как бы щадящий словесный оборот, но призванный дать понять близким, что человека можно больше не ждать.

Человека нет, а показания его остались! Эту свою задачу следователь Сосипатров выполнил успешно. Теперь он мог использовать «схему перекрестных ссылок». Игнорируя восходящий к римскому праву

классический закон, гласящий, что «никто отсутствующий не может обвинять через другого или быть обвиненным».

Более того, по той же схеме – получить нужные показания, но не допустить в групповой процесс – были «пропущены» еще несколько человек, арестованных в разное время на протяжении 1937–1938 годов и проходивших по другим делам.

Это уже известные нам Валеев и Дайбог, а еще бывшие работники Казмашстроя: Айвазов (секретарь Ленинского РК ВКП(б), расстрелян в мае 1938 года), Злыгостев (инженер ТЭЦ-2, расстрелян в июне 1938 года), Побережский (директор авиамоторного завода №19 в Перми, расстрелян в июле 1938 года), Недбаев (главный инженер УКС завода №124/27, этапирован в Москву), Жуков (инженер-механик завода №124, этапирован в Москву).

Фамилия Побережского уже упоминалась в главе 3. Но какое отношение он имел к событиям в Казани, а точнее, каким образом НКВД «привязал» его к следствию по делу Казанского авиазавода, назвав Побережского бывшим работником Казмашстроя? Ведь ни один из известных открытых источников такого факта не подтверждает!

Подробности ареста Побережского, который произошёл 4 марта 1938 года, описал В. Роговин [90]:

Последний маневр, связанный с критикой «перегибов на местах», осуществил сам Сталин, направивший 25 декабря 1936 года в Пермский обком телеграмму, в которой указывалось: до ЦК дошли сведения о преследовании и травле директора моторного завода Побережского и его сотрудников «из-за прошлых грешков по части троцкизма». «Ввиду того, что как Побережский, так и его работники работают ныне добросовестно и пользуются полным доверием у ЦК ВКП(б), – говорилось в телеграмме, – просим вас оградить т. Побережского и его работников от травли и создать вокруг них атмосферу полного доверия. О принятых мерах сообщите незамедлительно в ЦК ВКП(б)». Таким образом, в самый канун 1937 года Сталин давал понять, что «полным доверием» могут пользоваться люди с «прошлыми грешками по части троцкизма». Эта игривая формула, впрочем, оставляла партийные организации в неизвестности по поводу того, в чем именно Сталин усматривает такие «прошлые грешки», которые позволяют коммунистам оставаться в партии и на своих постах.

Есть и другие загадки в деле ареста Побережского. На заводе №19 он работал в тесном и плодотворном товарищеском сотрудничестве с техническим директором – замечательным советским конструктором звездообразных авиамоторов воздушного охлаждения А.Д. Швецовым. В литературе упоминается отчет Московского областного Управления НКВД за вторую половину 1937 года [75]. В нем майор госбезопасности Рейхман, в частности, сообщает о разоблачении «анти-советской террористической подрывной организации» на авиамоторном заводе №19, которую возглавляли... технический директор Швецов, а также главный диспетчер Басин, главный металлург Шумин и главный

инженер Брискин. Получается, что позже, в 1938 году, из соображений «целесообразности», одного *врага народа* (Швецова) поменяли на другого (Побережского).

Подобные «фишки» в практике НКВД автор обнаруживал и в других источниках. Политические обвинения, предъявляемые своим подследственным, сами энкавэдэшники вовсе не принимали за чистую монету и, придерживаясь прагматизма, легко варьировали свою позицию. Так, авиаконструктор А.А. Архангельский единственный из окружения Туполева не был подвергнут аресту: как полагал Л.Л. Кербер [91], «оставили его, видимо, с расчетом, надо же было кому-то решать вопросы по многочисленным типам машин» [69]:

Рационального подхода в отношении «врагов народа» придерживался и Сталин со своим окружением: расстреливали в первую очередь номенклатурных работников — директоров заводов, руководителей научно-исследовательских организаций, осуществляя таким страшным способом партийный принцип «ротации кадров», а конструкторам и ученым решили на всякий случай даровать жизнь – может быть, пригодятся.

Что вытянули палачи НКВД из Побережского в своих интересах по делу Казанского авиазавода, неизвестно. Непонятно даже, что это вообще могло быть. Допустим, что он до 1934 года какое-то время находился на Казмашстрое, но в это время еще не было а/с к.р. организации (она, по утверждению НКВД, появилась только в 1937 году!), и следовательно, никаких показаний по делу Казанского авиазавода он давать не мог в принципе!

Как мы упоминали, Злыгостев Анатолий Иванович был представлен следствием как племянник Троцкого. На его показания подследственные реагировали так:

Криволап: Злыгостева я совершенно не знаю, кто он такой, и уверен, что и он меня вовсе не знает.

Махно: Злыгостев никогда на самолетном заводе не работал, не в курсе дела, и потому его показания мне просто не понятны – они похожи очень сильно на показания Викторова и даны, очевидно, так же, как и показания Шуханина [35, т. 2, Дополнительные показания к протоколу об окончании следствия от 20 марта 1939].

Теперь переходим к следственным материалам по основному обвиняемому. Это протоколы допросов, постановления о продлении следствия, жалобы подследственных и осужденных, направленные в разное время в вышестоящие инстанции.

Наиболее полные сведения у автора, по понятным причинам, в отношении Я.А. Моргулева. Вот как начиналось предварительное следствие [35, т. 5, листы 3–4, 10–11, 12, 16–17, 1, 18, 19–20.].

Первый допрос Моргулева провел тот самый следователь Юнусов, который производил и арест и обыски дома и в служебном кабинете в ночь на 25 апреля и днем 25 апреля 1938 года. В типографский бланк протокола Юнусов заносил сообщаемые отцом формальные сведения. Много для меня в 1994 году было открытием.

До революции – учился; после революции 20–IX 22 г. – рабочий, с 20–24 г. РККА, с 24–25 г. рабочий, с 25–29 г. студент, с 29 по 32 г. конструктор, н-к цеха, н-к техотд. строит. Керченск. метал. завода, с 32–34 г. ст. инж. отд. оборуд., н-к п/произв. отд. по стр-ву зав. №95 в Москве, с 34 г. на зав. №124/27 в гор. Казани.

Узнаю, что его «мать в гор. Одессе на иждивении дочерей, жена... домохозяйка в Москве» – значит, моя мама поступила на работу счетоводом только после ареста отца. Упомянут и я: «сын Игорь 7 лет». Далее отец указал, что «не судился» ни до, ни после революции, в Красной армии служил рядовым с 22-го по 24-й года, в белой и др. к-р армиях не служил, в бандах, к-р организациях и восстаниях также «не служил», наград не имеет.

И наконец, последний раздел показаний. На запрос Юнусова: «Назовите всех Ваших знакомых, проживающих в гор. Казани» – отец перечисляет четырех человек. То есть он правильно понимает ситуацию и называет не вообще сослуживцев разных уровней (их наверняка не один десяток), а только тех, с кем поддерживает в той или иной степени неформальные отношения. Юнусов записывает: Шейнфейн Григорий Аронович, прораб на строительстве ТЭЦ-2, около месяца назад выехал в Москву ввиду окончания строительства; Барский Яков Аронович (правильно Абрамович – *прим. авт.*), зам. главного инженера по строительству ТЭЦ-2, осенью 1936 года выехал в Москву ввиду снятия его с работы по мотивам необеспечивания; Тюрина Вера Андреевна, врач поликлиники Ленинского района (указан домашний адрес в поселке ИТР завода 124); Бусаров Иван Сергеевич (правильно Савельевич – *прим. авт.*), начальник строительства завода №124.

Отец был взволнован, ошибок не заметил, расписался в том, что показание записано верно.

Фамилии Шейнфейна, Барского и Бусарова мне памяты с детства; с их детьми, близкими мне по возрасту, общался еще до войны в Москве. А вот Вера Андреевна Тюрина – персонаж для меня оказался новый. В дальнейшем, работая над книгой, обнаружил в одной газетной публикации (фрагмент ее – в следующей главе), что на заводе №124 был главный технолог Тюрин Виссарион Александрович. Больше я ничего не узнал.

При обыске в квартире были изъяты, в числе прочего, 40 листов личной переписки и 5 фотокарточек «разных портретов». Отобранное направлялось во 2-й отдел НКВД ТАССР. В 90-х годах я дважды обращался в КГБ Республики, просил разыскать и вернуть семье эти документы. Сообщили: по словам старых работников, все было без акта уничтожено на рубеже 40–50-х годов.

Итак, арест, два обыска, допрос – и еще один короткий допрос в течение этого же дня или суток: его проводит Сосипатров. На требование признать себя виновным в проведении вредительской работы Моргулев отвечает отказом. Сосипатров не настаивает. У него еще все впереди.

Так закончился для отца переломный в его жизни день 25 апреля 1938 года.

26 апреля – тоже два допроса.

Предлагается дать подробные сведения о проживании и занятиях близких и дальних родственников в Москве и в других городах, отдельно – о родственниках за границей, особо – о репрессированных. И опять открываю для себя новое в семейной родословной! Замечаю, как обходит отец неудобный вопрос о репрессированных родственниках: ведь он знает, что арестован брат жены, но отвечает: «Насколько мне известно, никто из перечисленных родственников репрессиям не подвергался». Поди, докажи! И снова – вопрос о знакомых, но уже не в Казани, а в Москве и других городах.

Из протокола узнаю, что служил отец в РККА «рядовым в 44 дивизии 131 полку». Позднее, в других материалах дела, нашел уточнение: «в 131 Таращанском полку, 44 легком артдивизионе».

Дальнейшие протоколы, уже за май 1938 года, я читал с нарастающей тревогой, ожидая перерыва в допросах, который может означать только одно: отца избивают, требуя вымышленных признаний, а он молчит!

Допрос 16 мая.

Симонов: – Вы обвиняетесь в антисоветской диверсионно-вредительской деятельности на строительстве завода №124. Дайте по этому вопросу Ваши откровенные показания.

Моргулев: – Никакой антисоветской диверсионной вредительской работы на строительстве завода №124 я не проводил.

Этот вопрос, как заклинание, начинает любой допрос, после чего следуют уже приземленные вопросы по существу. Все – в уважительной форме, ведь допрос протоколируется!

– Под Вашим руководством проводились сантехнические работы в Соцгороде завода №124?

– Да, с 1 сентября 1936 года, т.е. с момента моего назначения главным механиком, все сантехнические работы в Соцгороде завода №124 проводились под моим руководством.

– Чем была вызвана неоднократная переделка отопительной системы, в частности, траншеи вдоль Соцгорода?

– В бытность мою главным механиком отопление в Соцгороде переделывалось только лишь в детяхлях в 1936 году. Переделка была вызвана отвратительным качеством монтажа, проведенного под руководством главного механика Морогова. Кроме этого, в 1937 году от технорука Маркельчева мне известно, что часть ответвления тепловода, идущего в баню, не была закрыта бетонными плитами и была залита водой.

– Почему Вы, являясь ответственным лицом за монтаж тепловода, не осмотрели полностью его состояние?

– Потому что монтажную часть тепловода я полностью сдал в эксплуатацию в октябре 1937 года. При этом, как во время сдачи тепловода в эксплуатацию, так и впоследствии, я неоднократно настойчиво требовал от нач-ка госстройконторы Бусарова и гл. инженера Барковского укрыть теп-

ловод плитами и засыпать его землей, предупреждал о том, что весной тепловод может залить водой, испортить изоляцию, но они мер не принимали.

– Под Вашим руководством велся монтаж тепловода от ТЭЦ до завода?

– Монтаж тепловода от ТЭЦ до завода велся подрядной организацией Теплосетьстрой. Наблюдение же за работой осуществлялось моим отделом главного механика.

– Тепловод, идущий от ТЭЦ до завода, также оставался на зиму открытым?

– Нет, весь тепловод был закрыт плитами, загудронирован и засыпан землей, за исключением одного участка от колодца №16 до колодца №19, который оставался на зиму открытым, ввиду того, что эта часть подлежит переносу, в связи с тем, что завод №27 попадает на эту трассу.

Показание с моих слов записано верно, мною прочитано, в чем и расписуюсь (так в тексте, далее собственноручная подпись Моргулева, а также следователя Симонова – прим. авт.)

Допрос 1 июня. Короткий и недвусмысленный! Отцу дается последняя возможность мирно пойти на сделку с НКВД!

– Вы обвиняетесь в диверсионно-вредительской деятельности, как участник антисоветской организации, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. ст. 58 п. 7, 9 и 11 УК РСФСР. Признаете себя виновным в предъявленном Вам обвинении?

– Виновным себя в предъявленном мне обвинении в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58 п. 7, 9 и 11 УК РСФСР не признаю, т.к. диверсионно-вредительской деятельностью я никогда не занимался и ни в какой антисоветской организации не состоял.

В протокол с моих слов записано верно, мною прочитано, в чем и расписуюсь (подписи: Моргулев; Симонов).

А дальше – тишина. Следующий документ в архивно-следственном деле датируется только 17-м июня! Едва читаемый, написанный подследственным собственноручно, но неуверенной дрожащей рукой и под диктовку следователя, он не поддается ни ксерокопированию, ни сканированию. Прыгающие или сливающиеся буквы... Это то самое пресловутое «признательное» заявление наркому внутренних дел ТАССР капитану государственной безопасности гр-ну Михайлову, выданное после 16 или 17 дней истязаний:

«Мне предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской вредительской организации на строительстве Казанского завода №124. До сегодня я проявлял заpiresательство на следствии, отрицая предъявленное мне обвинение.

Обдумав свое поведение и признавая (неразборчиво два слова – прим. авт.) моего обвинения, я решил дать чистосердечное и искреннее показание по предъявленному мне обвинению и отказаться от своего заpiresательства.

(Подпись, дата).

И тут же, заполучив документ, не давая подследственному прийти в себя, Сосипатров начинает формальный допрос, чтобы закрепить признание.

Допрос 17 июня.

– Следствие располагает данными о том, что Вы являетесь участником антисоветской диверсионной вредительской организации, действовавшей на строительстве Казанского авиационного завода 124. Намерены ли Вы прекратить свое заpiresательство и дать откровенное показание, или (неразборчиво – прим. авт.) Вас следствие будет уличать?

– Признавая тяжесть улик моего обвинения и убедившись в беспощенности своего заpiresательства, желая быть искренним и разоружившись в своих преступлениях, признаюсь в том, что я действительно являюсь участником антисоветской диверсионной вредительской организации, существовавшей в авиапромышленности, которая свою диверсионную вредительскую деятельность проводила на строительстве Казанского авиационного завода №124, и я, как участник организации, проводил эту вредительскую деятельность.

– Кто Вас вовлек в эту антисоветскую организацию?

– В антисоветскую диверсионную вредительскую организацию, существовавшую в промышленности СССР и действующую на строительстве Казанского авиационного завода №124, и в ее вредительскую деятельность меня вовлек начальник строительства завода 124 троцкист Маршев Николай Дмитриевич.

– Когда и при каких обстоятельствах Вы были вовлечены Маршевым в антисоветскую диверсионно-вредительскую организацию?

– Для более полного и подробного ответа я прошу дать мне возможность изложить показание на следующем допросе. И я заявляю, что я решил отказаться от своего заpiresательства и дать искреннее и подробное показание о своей подлой деятельности, которую я проводил как участник антисоветской организации, действовавшей на Казанском самолетостроительном заводе №124.

Показание записано верно, мной лично прочитано, к чему и подписуюсь.

(Кроме того, в этом протоколе подписи под каждым ответом! – Прим. авт.)

Допрос прерван.

(Подобная запись означает, что допрашиваемый был зверски избит и отправлен в камеру «для отдыха». – Прим. авт.)

Допросил Сосипатров.

Итак, отец держался под пытками 16 дней... Это долго или недолго?

Ставить подобные вопросы аморально! Можно восхищаться силой духа тех, кто выстоял под пытками. Но оценивать и сравнивать людей по этому признаку недопустимо хотя бы потому, что невозможно уравнивать исходные условия – общее физическое здоровье, физиологические особенности человеческого организма, психическое состояние человека; степень злодейства, злокозненности палачей... Историки называют имена генерала Горбатова, заведующего отделом печати Наркоминдела Гнедина и даже женщины – секретаря ЦК ВЛКСМ Пикиной, которые не дали никаких признательных показаний, несмотря на то, что подвергались жесточайшим испытаниям... В архивных материалах Томской области упоминается о пытках некоего Павла Федоровича Коломийца в течение 72 суток! Но извест-

ны и примеры другого ряда. Первым на маршала Тухачевского «показал» комбриг Медведев, которого следователь Радзивилловский в течение пяти дней порол резиновым шлангом... В свою очередь, от Тухачевского получено «собственноручное признание» спустя два дня после ареста и физического воздействия, когда следователь Ушаков привел в кабинет дочь маршала Светлану («Отправьте ее домой, я все подпишу!»). Арестованный ракетчик Глушко через двое суток «признался» во всех обвинениях. О чем говорят эти примеры? О том, что нельзя сравнивать поведение людей, когда речь идет о безнравственном, бесчеловечном принуждении к заведомо ложным признаниям.

Как добивались признаний от Я.А. Моргулева? Какая-то информация поступала родным. От матери я знал одно: отца избивали... Один из дядьев рассказывал: отца опускали в подвал с ледяной водой, на грудь вешали табличку с надписью: «Я х...й инженер», ходили мимо и плевали... Сейчас на себя досажаю – почему не расспросил, пока родня была еще жива, и сам же нахожу объяснение этой всеобщей скованности. Это тоже психология эпохи.

Знакомясь с делом, я увидел донос одного из сокамерников: «Моргулев говорил, что когда он сидел в тюрьме №2, он получал с воли записки, спрятанные под подошвами, затем с каким-то освобожденным из тюрьмы передал написанное им на папиросной бумаге для отправки в Москву, и что за это он дал тому человеку пачку папирос. При этом Моргулев выразил надежду, что эта записка будет доставлена по адресу» [35, т.57, листы 5..., 35, 46... и др.].

А как обстояло дело с признаниями других арестованных, выведенных на групповой судебный процесс по делу Казанского авиазавода? Об этом мы узнаем из заключения Центральной комиссии по пересмотру дел от 21 октября 1954 года [35, т. 57, Протокол №24 от 21.10.54.].

Бурый, Шейнман, Кислов, Махно, Криволап и Гизатуллин виновными себя в принадлежности к а/с организации и во вредительстве не признали и не признавали на протяжении всего периода следствия. Криволап вообще не дал показаний о существовании на авиазаводе 124 а/с организации.

Маршев, будучи арестованным 4 августа 1937 г., до июля 1938 г. виновным себя в а/с деятельности не признавал.

Бусаров, будучи арестованным в мае 1938 г., до августа виновным себя в а/с деятельности не признавал.

Яковлев, Старов, Поляков, Ермаков и Моргулев вначале также не признавали себя виновными в а/с деятельности. Затем признали, что они являлись участниками а/с вредительской организации на заводе 124 и проводили вредительство на этом заводе. На последующих допросах так же, как и Маршев и Бусаров, от этих показаний отказались, мотивируя это тем, что они оговорили себя в результате применения к ним во время допросов незаконных методов воздействия.

Каких именно? В 1953–1955 годах репрессированные заводчане и строители неоднократно обращались с заявлениями в вышестоящие инстанции (документы

имеются в деле) и позволяли себе открыто рассказывать об испытаниях во время следствия [35, т. 57, листы 5..., 35, 46... и др.].

Яковлев – Ворошилову:

Следователи 3-го отдела НКВД Татарской АССР Соколов, Сосипатров во главе с заместителем начальника 3-го отдела НКВД Татарской АССР Юсуповым (это явная ошибка, имелся в виду Юнусов – прим. авт.) вели следствие не советскими методами, применяя ко мне методы психического и физического воздействий, о чем мною было подано много жалоб в период следствия.

Старов:

... Был помещен в одиночку. Стоял около 3 суток подряд. Ругань. На этой почве я оклеветал себя.

Бусаров – Берии, позже – Ворошилову; Хрущеву:

Бессонные подряд ночи. Стояние на ногах по трое суток до тяжелого отека ног. Издевательства, плевок в лицо и т.п. Когда и это не помогло, то начали обрабатывать: многосуточное заключение в карцер, по 400 грамм хлеба в сутки. Вновь бессонные ночи, стояние на ногах и, наконец, избияния. Все тело было покрыто кровоподтеками и ранами. 4 выбитых зуба, серьезный ушиб позвоночника, моральные и [неразборчиво] унижения и оскорбления ослабили силу и волю. Видя, что я нахожусь не в советском органе, а в фашистском застенке, откуда все равно нет выхода, я решил умереть, чем так мучиться, зная, что расстрелы в те годы были обычным явлением и без наличия преступлений, я решил умереть и подписал, не читая, протоколы допроса на 54 страницах, написанные не с моих слов и не в моем присутствии. Следователи – Соколов и Сосипатров.

Почему и Старов, и Бусаров свидетельствуют о «стойках по трое суток»? Случайное совпадение? Ответ я нашел в статье директора Центра «Институт имени Сербского» Татьяны Дмитриевой о природе и последствиях бессонницы [92]. Оказывается, принудительное лишение сна в течение более 3 суток подряд приводит к необратимому нарушению психики! Очевидно, следователи были на этот счет проинструктированы, и они воспользовались таким методом, чтобы «подготовить» людей к показательному процессу. Известно, что после трехдневных «стоек» ноги порой отекали так, что сапоги приходилось разрезать – как случилось с Юрием Васильевичем Калгановым, директором Иркутского авиазавода №29.

А вот эпизод предварительного следствия по Маршеву, о котором поведал его сын. Поскольку Маршев был руководителем высокого ранга, его арест производил начальник следственного отделения Лобанов, а допросы вел большей частью Сосипатров. Раздраженный стойкостью Маршева, физически сильного человека, на одном из допросов Сосипатров ткнул ему в глаз папиросой, не попал – прожег щеку. На щеке много лет оставалась отметина. Прошел год, Маршев ничего не подписывал, а по замыслу следствия проходил одним из главных фигурантов! И тогда Сосипатров разыграл комедию. На очередном допросе завел якобы доверительный разговор. Мол, обстановка изменилась, Туполева освобождают – в Москву приле-

тал Сикорский, хлопотал за него. Дело разваливается, мы ничего не можем решить, ты от всего отказываешься. Вот я тут написал, что ты согласен, читай и распишись. Маршев в волнении стал читать. В это время звонил телефон. Сосипатров: «Да, да, срочно иду!». Забрал бумагу, кинул в стол и заторопился к двери. Но с полдороги вернулся: «Некогда: вызывают на выезд! На вот, «рисуй!»». И Маршев машинально поставил подпись. И тут же рванулся за бумагой, прокричал, что отказывается... Поздно!

Уже в камере сокамерники «просветили»: оказывается, у Сосипатрова под столом на полу была кнопка. Нажимая на нее ногой, он имитировал телефонный звонок.

Может быть, как раз потому, что до июля – августа ни Маршев, ни Бусаров не давали признательных показаний, палачи решили от них отступить, не выводить на групповой судебный процесс, а материалы направили на ВК ВС. Когда об этом стало известно Алемасову, тот заявил: «Не пройдет – расстрелять... Только публично судить!», после чего и был дан задний ход, «Сталинский список» от 12 сентября 1938 года касательно Маршева и Бусарова оказался неисполненным. Такова моя версия.

Возвращаюсь к следствию по Я.А. Моргулеву. После своего «признания» в участии в антисоветской организации и в проведении вредительства ему не оставалось ничего другого, как по требованию следователя «конкретизировать» свое вредительство. И на третий день в собственноручно написанных показаниях он приводит уже известные реальные факты просчетов и брака в строительных и монтажных работах, аттестуя их как преднамеренные и приписывая вину за них себе и Н.Д. Маршеву [35, т. 5, листы 13–15, 29–33]:

Основное вредительство в этой работе заключалось в том, что наружная теплофикация строилась без учета подачи тепла от ТЭЦ, а исключительно от самостоятельной котельной. Второе – наружный тепловод и сама котельная были построены без учета роста самого поселка. Третье – весь тепловод был уложен из совершенно бракованных труб. Когда я принимал работы [прежнего] главного механика, я обратил внимание начальника строительства Маршева на это обстоятельство и указал, что эти трубы в эксплуатации будут негодны, что они причинят много неприятностей. Я просил Маршева разрешить мне хотя бы последний участок, еще не заизолированный и не засыпанный, заменить трубы на лучшего качества (так в тексте – *прим. авт.*). Однако Маршев мне категорически отказал и дал указание закончить укладку бракованными трубами. Это вредительское указание Маршева я выполнил. Практически это привело к тому, что когда тепловод был пущен в эксплуатацию, в трубах оказалось много медных пробок, нарушалась нормальная циркуляция воды, и жилые дома, пока все пробки не были удалены в период эксплуатации, не получали полного количества тепла. Кроме того, разрыв между мощностью котельной и ростом поселка привел к тому, что в каркасных домах, где отопление было смонтировано, тепла не хватало, и эти дома в централизованном

порядке не отапливались, что приводило к омертвлению вложенных средств и к огромному перерасходу топлива на индивидуальные топки.

В отношении тепловода ТЭЦ – промрайон сообщаю следующее. Когда я в сентябре месяце 1936 года принимал работы, я увидел огромный разрыв между состоянием строительных и монтажных работ по тепловоду. Если исходить из того, что первоначальный срок пуска ТЭЦ был назначен на 1 декабря 1936 года, то говорить о возможном окончании к этому времени тепловода совершенно не приходилось. Я указал на это обстоятельство Маршеву и особо обратил его внимание на строительные работы, проводимые 1-м участком, который возглавлял Ананьев. На мое заявление Маршев расхохотался и заявил, что никакой речи о пуске 1-го декабря ТЭЦ не может быть и предложил мне не форсировать монтажные работы до весны 37 года. Я эту установку принял и монтажные работы до весны 37 года не проводил. Помимо этого я просил Маршева и Шейнмана перекрыть плитами два участка тепловода, где выполнена изоляция и произведена гидравлическая опрессовка. Однако это сделано не было, и весной 37 года в отдельные места тепловода попали внешние воды, и в этих местах изоляция вся попортилась.

Практически вредительство на этой работе привело к огромному перерасходу средств из-за консервации работ, и во-вторых, из-за незаконченности строительных работ, эксплуатация тепловода была чрезвычайно затруднена.

Выполнял я еще и следующие задания Маршева. В конце года или квартала, для того чтобы показать видимость выполнения плана, Маршев мне предлагал списывать на монтаж оборудование, которое фактически еще в монтаж не поступало, а находилось на складе. Когда я указывал, что этого делать нельзя, что это обман государства, Маршев начинал меня убеждать и уговаривать, и я эти задания Маршева выполнял. Одновременно такой же обман проводился и по линии учета выполненных работ. Заключалось это в следующем. Для выполнения каких-то работ выписывался со склада материал и завозился на место работы. Стоимость материала в общей стоимости этой работы составляла подавляющую величину. Забросив материал на площадку, работы по тем или иным соображениям или обстоятельствам не проводились (так в тексте – *прим. авт.*). Однако при составлении отчета стоимость завезенного материала списывалась соответствующим процентом выполнения от общего объема работ. Получали: 1) фиктивный процент выполнения, которого фактически не было; 2) в суммовом отношении получалось выполнение плана.

С Маршевым я познакомился в 1934 году, когда поступил на работу на Казмашстрой. Непосредственной связи по служебной линии я с ним не имел до конца 1935 года, т.е. до момента, когда началась форсированная подготовка к монтажу ТЭЦ. В этот период наши отношения не выходили за пределы служебно-деловой связи. Троцкистского прошлого Маршева я не знал, однако, в его практической работе меня всегда поражало и удивляло его делячество, безответственное и легкомысленное отношение к серьезным вопросам строительства. Было, например, ясно видно, что в вопросах учета и отчетности делаются всякие махи-

нации и отступления, но в чем именно они заключаются, я еще не знал, ибо к производству непосредственного отношения не имел.

Практически мое сближение с Маршевым произошло только в 1936 году, когда я начал работать главным механиком. Зная Маршева по его характеру и по его отношению к работе, я указал Маршеву, что необходимо систему работы изменить и создать такие условия, при которых можно было бы избежать ошибок, а возможно и преступлений прошлого. Тогда Маршев начал меня убеждать, чтобы я бросил умничать и фантазировать о других годах и условиях работы. Он говорил, что положение стройки не должно лучше быть, что наоборот, его работа [неразборчиво] в Москве, что им там очень довольны и что он очевидно в ближайшее время будет назначен начальником строительства. Он предложил мне не бужить, не выносить сор из избы, а работать с ним в контакте и выполнять все его распоряжения. Говоря все это очень туманно, он тут же заявил мне, что его работой очень довольны и местные партийные и советские органы, которые поддерживают его в практической работе. И хотя я чувствовал и видел, что практическая работа Маршева вредна для строительства, однако поддавшись его убеждениям, что им довольны в Москве и что его поддерживают местные организации, дал свое согласие продолжать с ним работать и выполнять его распоряжения.

20/VI-38 г.

Показание принял. (подпись Сосипатрова).

Видно, что Моргулев вполне адекватно представлял себе сложность положения. Маршев был его непосредственным начальником. Моргулев должен был не навредить себе, то есть не отмалчиваться, а проявить открытость и готовность сотрудничать. Но угождая следователю, не навредить и Маршеву, возведя на него напраслину или какими-то своими показаниями реально ухудшив его положение. И надо признать, что за эти рамки Моргулев не вышел даже на этом «пристрастном» этапе следствия.

Вообще говоря, ухудшить положение Маршева было трудно: он уже сидел, и сидел давно, да притом был «главным» начальником, который «за все отвечает», куда уж хуже! Тем не менее, о «троцкистском» прошлом Маршева никаких показаний Моргулев не дал: объяснил, что не в курсе! Свое критическое мнение о некоторых («вредительских») методах работы Маршева привел – так он его и раньше нелюбезно тому высказывал. Собственную вину при этом не отрицал: шел на поводу у Маршева, выполняя его указания, вместо того чтобы стоять на своем, так что вина делилась пополам. О необоснованных, по его мнению, списаниях материалов не умолчал, но слова к делу не пришьешь – в любом случае должна быть (и была) финансовая экспертиза, да и вообще подобные грешки ради имитации выполнения плана у какого советского строителя не найти, что в 30-е годы, что в 80-е. Не расстреливать же за это? Главное же – не это! И Сосипатров пришел к выводу, что подследственный Моргулев либо прикидывается, либо действительно не понимает, что от него требуется.

Следующий допрос Моргулева зафиксирован в деле только на девятый день. Нам не дано узнать, какому давлению подвергался отец за эти дни, ясно здесь только одно, что Сосипатров хорошо потрудились над составлением нужной версии показаний, чтобы потом вложить ее в уста Моргулева, которому отступать будет некуда. И в протоколе от 29 июня предыдущее показание, как канва, обросло стандартными для того времени провокационными подробностями. И хотя написано оно рукой отца, но явно под диктовку, ибо отдельные предложения из прежнего текста повторяются слово в слово, как если бы были переписаны! Так, фраза, в которой Моргулев советует Маршеву «создать такие условия, при которых можно было бы избежать ошибок, а возможно и преступлений прошлого» приобрела совершенно иной смысл: «...Нужно бы делать более осторожно, во избежание неприятных последствий... О неприятных последствиях Маршев предложил мне вообще выбросить из головы эту мысль... После этого Маршев начал убеждать меня, что против существующего руководства ВКП(б) ведется организованная работа, направленная к дискредитации всех ее мероприятий, и что такая же работа проводится в авиационной промышленности. В общем, Маршев представил мне положение в стране в таком виде, что существующее руководство ВКП(б) и Советской власти должно быть в непродолжительном времени устранено, и что к руководству должны придти троцкисты и правые. Всех дальнейших разговоров я не помню (характерный оборот, встречающийся в протоколах допросов и других подследственных, когда следователь наводит туману, чтобы больше себя не затруднять выдумками – прим. авт.) но сущность их свелась к тому, что Маршев предложил мне принять участие в подрывной деятельности, проводимой им на строительстве завода №124, и я ему дал свое согласие. На путь активной борьбы с Советской властью я встал на почве общности политических убеждений с Маршевым. Первоначально у меня были колеблющиеся настроения в правоте платформы Троцкого и «правых», а впоследствии, под влиянием Маршева, я пришел к твердому убеждению, что проводимая линия право-троцкистского блока правильна».

Уши Сосипатрова торчат из этой подставы за версту! Он собрал воедино известные ему факты задержки строительства, вне зависимости от причин (просчеты проектирования, изменения исходных требований, перерывы в финансировании, недостаток квалифицированной рабочей силы, неизбежные в строительстве хозяйственные упущения, брак со стороны подрядчиков и субподрядчиков и др.). И устами Моргулева (а также других подследственных) связал их сознательной, целенаправленной антисоветской деятельностью. Вот еще несколько примеров из «ответов Моргулева» на заданные вопросы в протоколе от 29 июня 1938 года:

Об участии в антисоветской организации Шейнмана, Садовского и Морогова Маршев сообщил мне при вовлечении в организацию меня. Несколько позднее он мне назвал

как «своего» человека Бурого при следующих обстоятельствах: Маршев в конце года или квартала, чтобы показать видимость выполнения плана, предложил мне списать на монтаж оборудование, которое фактически еще в монтаж не пускалось, а находилось на складе. В целях осторожности, я обратил внимание Маршева, что гл. бухгалтер Бурый может наше вредительство обнаружить и создать неприятность. На это Маршев ответил, что через Бурого он делает большие «дела», и в отношении его можно быть совершенно спокойным. Об участии в антисоветской организации Айвазова мне стало известно в начале 1937 г., когда обстановка на заводе несколько изменилась, так как создавалось общественное мнение о вредительстве, проводимом на строительстве завода №124... Когда я указал Маршеву на это обстоятельство, он посмеялся над моей трусостью и сказал: «Напрасно ты волнуешься. С нами вместе работает секретарь райкома Айвазов. Дело поставлено так, что кругом люди «свои», и они в необходимых случаях нас поддержат»...

Шейнман возглавлял вредительство на строительстве завода №124. Под его руководством строился главный самолетный корпус, перекрытия которого заражены грибом и пришли в совершенную негодность, вследствие чего в марте месяце с.г. и произошел обвал кровли в 3-м пролете высокой зоны. Он же руководил постройкой ТЭЦ, где весной 1936 года обрушилась железобетонная стена дымососного отделения... В результате его подрывной деятельности ввод в эксплуатацию завода задержался на несколько лет... Морогов провел ряд диверсионно-вредительских актов в процессе сантехнических работ в поселке И.Т.Р., соцгороде, яслях и общежитии КАИ, где отопление, канализации и водопровод переделывались несколько раз.

Прошел, видимо, месяц или два. Общаясь с другими заключенными, отец набирался тюремного опыта. Придя в себя, для начала он подал заявление на имя прокурора СССР Вышинского. «Инстанция» отреагировала, и в тюрьму прибыл бригадир – помощник прокурора Приволжского военного округа. 2 ноября он провел допрос отца в присутствии начальника 3-го отделения УГБ Железникова.

На вопрос, какую цель он преследовал, подавая заявление, отец отвечал, что следствие по его делу велось тенденциозно, лишь в сторону обвинения. Он не подтвердил своего участия в антисоветской организации, существовавшей на заводе и объяснил прежнее признание: «Нет, меня не били, но я некоторое время стоял на ногах, переутомился и подписал протокол». Далее сообщил об отсутствии у него личных счетов с лицами, поочередно называемыми ему прокурором: Шаханиным, Яковлевым, Маршевым, Недбаевым... И тут, в свою очередь, ему сообщили, что все они дали на него показания: «Что вы на это скажете?». Ответ: «Мне непонятны мотивы, по которым эти лица уличают меня как участника антисоветской организации».

Разговора не получилось. Прокурор посчитал свою задачу выполненной и уехал, а отец стал снова думать, как заставить себя выслушать и хоть как-то переломить направление следствия. Как и другие работники

Казмашстроля, материалы о которых я видел в деле, он наивно полагал, что дело лишь за тем, чтобы с фактами в руках убедительно рассказать об истинном положении дел, отделить свою вину от вины других, и убедить, что в любом случае к АНТИ и КОНТР они даже отдаленного отношения не имеют...

Наступил новый, 1939 год, и 24 января, похоже, по личной просьбе, Моргулева вызывают на допрос и позволяют собственноручно написать протокол [там же, листы 44–45]:

В дополнение ранее данных мною показаний о себе и других работниках завода 124 имею дополнить следующее:

По детяслям на соцгороде. К моменту моего назначения на должность главного механика монтаж отопления детяслей был полностью закончен. При пуске отопления выявились крупные дефекты. Осмотр показал, что трубы установлены с медной оболочкой, что являлось совершенно недопустимым. Эти трубы были установлены с ведома и согласия бывшего главного механика Морогова. После замены негодных труб я дал указание о возможности пуска отопления и о пригодности всей системы в целом. Однако после пуска отопления произошла авария. При ликвидации аварии выяснилось, что имеются крупные дефекты монтажа в части трубопроводов, скрытой под полом, которую я не проверял. Поэтому я признаю себя виновным в том, что я не тщательно и не достаточно внимательно произвел осмотр монтажа, выполненного моим предшественником, и настаивал на пуске системы отопления, не имея гарантии в хорошем качестве монтажа.

По канализации домов №2, 4, 5 на Соцгороде. Эти дома были закончены строительством и заселены жильцами в 1934 году. Пущены были эти дома без канализации. По каким причинам не была сделана канализация, мне неизвестно. Ответственность за это должны нести главный инженер Шейнман и начальник строительства Маршев, поскольку они санкционировали пуск этих домов без канализации. Это безобразие продолжалось до 1937 года, т.е. 3 года в рабочих квартирах не было канализации. Когда я в 1936 году (1 сентября) был назначен главным механиком, я поставил вопрос о монтаже канализации. Однако осуществить это в течение конца года не представилось возможным из-за отсутствия фасонного гнутья. Как только было получено фасонное гнутье, я приступил к монтажу, и в апреле 1937 года закончил все работы.

По вантовому крану «Деррик». Когда я принимал дела главного механика, я в числе принимаемого оборудования нашел на площадке строительства вантовый кран. Кто и когда заказывал этот кран, я не знал. Заинтересовавшись этим вопросом, я выяснил, что главный инженер Шейнман, руководитель группы механизации работ инженер Маркельцев, зам. начальника строительства Баринов с ведома и согласия начальника строительства Маршева, в порядке механизации работ по Аракчинскому затону, решили закупить и установить этот кран. Полная техническая и экономическая нецелесообразность установки этого крана сразу бросались в глаза. Конструкторские особенности этого крана, сложность и громоздкость его монтажа и демонтажа,

что необходимо ежегодно производить для пропуска каравана судов, зимующих в затоне, неудобство в эксплуатации, особенно при выгрузке грузов из трюмов барж, все это говорило за то, что кран негоден для затона, и устанавливать его никоим образом не следует. Указанные свои соображения я высказал главному инженеру Шейнману и Баринову, который особенно торопился с монтажом. Однако, со мной не только не согласились, а наоборот, начали обвинять, что я умышленно срываю монтаж. Все мои доводы оказались ни к чему, и я в порядке подчинения и выполнения распоряжения главного инженера и начальника строительства вынужден был приступить к монтажу. Таким образом, в данном вопросе я признаю себя виновным в том, что понимая нецелесообразность установки этого крана, я не дал должного отпора и выполнил сделанные мне распоряжения. В дальнейшем выявилась бесполезность этого крана, и ныне он подлежит демонтажу и продаже.

По тепловоду, идущему от ТЭЦ №2 до завода. Монтаж тепловода производил трест «Теплосетьстрой» в лице начальника работ инженера Постнова и прораба инженера Кадомцева. Я лишь осуществлял контроль и наблюдение за выполняемыми работами. Полная ответственность за качество всех произведенных работ по тепловоду на основе технических условий лежит целиком на «Теплосетьстрое», что, однако, не снимает ответственности с меня... Вполне возможно, что «Теплосетьстрой» не выполнил всех технических условий монтажа, так что поэтому качество монтажа может иметь ряд дефектов, могущих быть выявленными при нормальной эксплуатации. За время с февраля по апрель месяцы 1936 года, когда эксплуатацию осуществлял сам «Теплосетьстрой», аварий со стыками на постоянной части тепловода от колодца №1 до колодца №16 не было, кроме двух лопнувших стыков, которые были заранее известны как слабые, что было отмечено в акте, и которые подлежали вырезке в летний период... Я, как лицо ведущее контроль и наблюдение, должен указать, что в отношении аварий, которые якобы имели место в сезон 1938/1939 г. (т.е. уже после ареста Моргулева – *прим. авт.*), в каждом отдельном случае должен быть выявлен характер и причина аварии, ибо аварии возможны не только из-за плохого качества монтажа, но даже из-за неправильной и технически безграмотной эксплуатации.

Получалось, что Моргулев как бы перехватил инициативу, и следствие решает срочно повторно допросить его 27–28 февраля. Однако стадия допросов «с пристрастием» по этому делу видимо прошла или приостановлена – в связи с некоторой неясностью ситуации внутри самого НКВД, как республиканского, так и центрального. Напомним, идет январь 1939 года. Ноябрь 1938 года – провал 1-го процесса по делу Казанского горсовета, а в Москве – снятие Ежова и назначение Берии; январь 1939 года – ротация наркомов внутренних дел Татарии: на место арестованного Михайлова поставлен Морозов.

А подследственные один за другим «идут в отказ», вспоминают уже успевшие забыть подробности, находят аргументы защиты, подтверждают отсутствие между ними личных счетов.

В окончательном виде их позиции представлены в персональных замечаниях к протоколам об окончании следствия. Мы можем привести только выдержки, касающиеся Маршева и Моргулева [там же, листы 209–211, 233–234].

Моргулев (21 февраля):

В предъявленном мне обвинении по статьям 58-7–11 У.К. РСФСР. я себя виновным не признаю. Ни в какой контрреволюционной организации я не состоял и вредительской работы не проводил. От всех своих показаний, противоречащих этому, я отказываюсь. Никогда ни в какую организацию Маршев меня не вовлекал. У меня с ним были исключительно служебно-деловые отношения, и я, как подчиненный, всегда выполнял его распоряжения, как начальника. Иногда эти распоряжения могли быть технически нецелесообразны и неправильны, но никогда не носили вредительского характера.

Далее Моргулев, отчасти повторяясь, и критически, и самокритично характеризует деятельность руководителей, причастных к строительству и монтажу на четырех объектах (детясли, тепловод на поселке ИТР, канализация домов на Соцгороде, тепловод от ТЭЦ до завода №124) за период 1936–1938 годов.

Маршев (27 февраля):

...Показания Моргулева, что он обращался ко мне заменить трубы, не верны. 4/II-39 года мне дана очная ставка с Моргулевым по моей просьбе. Я просил дать очную ставку по основному вопросу его протоколов, подписанных им в июне – июле 38 года. На заданный вопрос, с разрешения следователя Федушкина, о его показаниях, данных им в 38 году, Моргулев ответил категорическим отказом... что он мной завербован в антисоветскую организацию, что с ним велись контрреволюционные разговоры... и что он, Моргулев, от этих протоколов отказался и категорически отрицает их теперь. На мою просьбу записать мой вопрос и ответ Моргулева в протоколе мне отказано. Далее Моргулев заявил, что он подтверждает свои показания от 28/I-39 года при условии дополнения, что Маршев давал указания из хозяйственной целесообразности и непонимания технических вопросов.

Следствию точно известно, что в 1936 году руководство бухгалтерии мне не подчинялось, поэтому приказывать оборудование в монтаж я не имел права, но был такой случай, когда части турбины лежали в машзале. Получилось, что в машзале работали рядом монтажники и рабочие строители, а оборудование, ценнейшие агрегаты, стоившие миллионы рублей, принадлежали третьему хозяину. Я категорически обратил внимание Шаханина, что это архипреступление, могут с агрегатами сделать, что угодно, и не найдешь, кто сделал. Хозяин должен быть один Центроэнергострой, приступивший уже к монтажу, и после этого только оформили передачу агрегатов Центроэнергострою. Кроме того, по закону о монтаже прямо полагается сдавать подрядчикам в монтаж целыми комплектами агрегаты, а не по частям – также и в котлы нельзя сдавать по секциям или по одной трубе, когда они все из общего количества всего комплекта котла, ... [иначе если одну трубу] заменят другой, потом не найти виновного. Передача в монтаж в строитель-

ной отчетности не дает совершенно никаких показателей выполнения плана, а учет ведется в количестве сданных монтажных работ, которые дают возможность судить о ходе монтажа, и наоборот, когда оборудование находится в монтаже, много невыполненных работ, мало того, ухудшает показатели, а не улучшает. Давая такие показания, Моргулев или не понимает совершенно, или умышленно запутывает.

Он ссылается на меня, что получил указание не форсировать работы по тепловоду ТЭЦ – промрайон. Также не верно, потому что работы по монтажу тепловода вела Московская контора «Теплосетьстрой» и он, Моргулев, не мог никакого оказать на них влияния – уменьшить темп работ, люди вели самостоятельные работы со своими рабочими, своими материалами, своим техперсоналом, чем Моргулев мог на них влиять.

Кроме путаницы, Моргулев следствию ничего не дает, строительные работы проводились настолько форсированно, что на кладку стен тепловода были брошены все каменщики, и кроме того, каменщики с [фабрики] киноплёнки в порядке помощи.

Эта заочная перепалка показывает, что каждый подследственный, не имея на стадии предварительного следствия защитника, постепенно сам изыскивал резервы защиты и выстраивал для себя оптимальную позицию и линию поведения, и мы не вправе, да и не в состоянии сегодня их комментировать.

В этой связи интересен еще один фрагмент из заключительных замечаний Маршева, данный «...в целях прекращения путаницы, которую допустил лично я, о моем воздержании при голосовании в 27 году, как в протоколе моих показаний, так и при исключении меня из ВКП(б), и ложными показаниями Валеева Г. Н., давшего на меня в целях сведения личных счетов со мной. Восстановив теперь в памяти, заявляю, что на собрании в октябре м-це 1927 года в ячейке Татторга при обсуждении вопроса исключения из ВКП(б) руководителей оппозиции никакого выступления не делал, а только воздержался. Через день или два сам подал заявление на бюро ячейки по этому вопросу, каковое разобрано, никакого взыскания мне вынесено не было, ибо мой поступок не рассматривался как антипартийный, и кроме того, я никогда не был замешан в каких-либо оппозиционных группировках как до 27 года, так и после. В ноябре 27 года я от ячейки Татторга избран делегатом с решающим голосом на районную конференцию, мандат №145. Тогда троцкистов не избирали, их гнали с собраний и исключали из партии, это было сделано в той же ячейке с Чернышевым. За одно его выступление он был немедленно исключен из ВКП(б)... Я воздержался не с целью защиты оппозиции, а наоборот, считая необходимым их исключить на съезде партии, который будет через несколько недель».

В заключение главы – один из протоколов допросов обвиняемого Бурого.

Напомним: главный бухгалтер строительства Константин Киприянович Бурый был репрессирован первым из тех работников Казмашстроя, которые впо-

следствии были выведены на судебный процесс. В частности, на день его ареста (19 июля 1937 года) еще был на свободе Маршев. В первых протоколах допроса Бурого мы не находим никаких «уличающих» его показаний, и на первых порах следствие не предъявляло ему конкретных обвинений, а лишь рассчитывало получить показания на Маршева. Даже под давлением следователей (а это были, как рассказывает дочь Лилия Константиновна, карцер, капельный ледяной душ на голову и пр.) Бурый оказался одним из тех, кто на всем протяжении следствия так и не признался в принадлежности к контрреволюционной вредительской организации.

Занимая ответственный пост второго человека, имеющего право финансовой подписи, Бурый был дисциплинированным, но в то же время требовательным и принципиальным работником.

Протокол допроса от 25/VII-37 года [там же, т. 5, лист 273]:

Вопрос:

Скажите, какие установки Вам давал Маршев в части скрытия преступной деятельности расходования средств на строительстве завода №124?

Ответ:

Никаких установок в части скрытия преступного расходования средств на строительстве завода №124 Маршев мне не давал.

Вопрос:

Вы говорите неверно, Вы по установке Маршева скрывали преступное расходование средств, в частности, по коммунальному отделу. Почему Вы пытаетесь скрыть это от следствия?

Ответ:

Да, действительно, в мае месяце бухгалтером-инструктором Ананьевым, проводившим обследование деятельности коммунального отдела, были вскрыты ряд фактов преступного разбазаривания средств и имущества по вине б. нач-ка коммунального отдела Криволап и гл. бухгалтера Борисова. Получив акт от Ананьева, я ознакомил с ним Маршева и настаивал направить его в прокуратуру, для привлечения к уголовной ответственности Криволап и Борисова. Маршев, уезжая в Москву, дал мне установку акта в прокуратуру не направлять, сказав, что он по возвращении из Москвы оформит это приказом. Кроме того, Маршев предложил Ананьеву акт пересоставить и исключить из него последний пункт о сравнении бытового обслуживания рабочих и ИТР и одновременно указал, что он напрасно включил в акт о предоставлении квартир за счет предприятия секретарям райкома Иоффе и Айвазову. Предлагал ли Маршев исключить из этого акта другие пункты, мне неизвестно, так как в это время я из кабинета вышел. По возвращении из Москвы Маршева я вторично настаивал перед ним об отдаче приказа о снятии с работы Борисова и о привлечении его и Криволап к уголовной ответственности. Маршев согласился сделать это только в отношении Борисова, издал приказ о снятии его с работы с отдачей под суд, а в отношении Криволап ограничился административным взысканием, заявив, что прокуратура, если найдет необходимым,

то привлечет Криволапа к уголовной ответственности сама, т.к. отдача в приказе о привлечении его к ответственности может нежелательно отразиться на строительстве ТЭЦ как пусковом объекте.

В этот момент ко мне обратился нач-к... отдела Федоров и потребовал от меня указанный акт, заявив, что его вызывают в прокуратуру. Я от Федорова этот акт скрыл, сказав, что акта у меня нет, он находится у Маршева.

В этом отрывке – ничего исключительного, рядовая ситуация из практики совпартноменклатуры.

Бурый не считал нужным хитрить, не скрывал своей позиции ни перед Маршевым, ни перед следствием. Неясно только, была ли уже у Сосипатрова от кого-то *наводка* в этот начальный этап следствия, или он брал Бурого, как тогда говорили, *на пушку*?

Вот так шло предварительное следствие по делу Казанского авиазавода и в отношении остальных арестованных на Казмашстрое.

В январе 1939 года была создана экспертная комиссия «в целях документирования доказательств преступной деятельности обвиняемых», в которую вошли главный инженер завода №124 Шиц (это уже третий сменившийся за два года главный инженер – после арестованных Дайбога и Сиприкова), ведущий инженер по самолету МГ («Максим Горький») Табачник, начальник отдела снабжения завода Абецедарский (сменивший Гизатуллина), директор КАИ Шахов, профессор Казанского института коммунального строительства Егерев и, в качестве председателя, парторг ЦК Мальцев.

В феврале вынесено постановление об окончании следствия по делу №12972. Путь к подготовке судебного процесса был открыт.

А жизнь за пределами НКВД продолжалась. Казанские газеты в эти первые месяцы 1939 года писали:

Январь: Наркомом авиапромышленности назначен М.М. Каганович.

В кинотеатрах идут фильмы «Болотные солдаты»; «Если завтра война», – шапкозакидательская агитка; «Семья Оппенгейм».

Об аресте освобожденного от работы наркома внутренних дел Михайлова газеты не сообщили.

Февраль: Биографические сведения о новом наркоме внутренних дел ТАССР Морозове.

В Прокуратуре Союза ССР. Поступил материал о вредительской деятельности радиста полярной станции бухты Тихая М.М. Вознесенского. Расследованием

установлено, что он задерживал и вовсе не отправлял радиogramмы служебного и частного характера, передаваемые с строва Рудольфа на бухту Тихая и на другие зимовки. Выключил радио и тем затруднил поиски самолета Леваневского, задерживал полеты Мазурука и Козлова, связанные с поиском самолета Леваневского. Дело начнет слушаться 25 февраля в открытом судебном заседании Мосгорсуда под председательством А.В. Васнева. Государственное обвинение поддерживает прокурор Москвы А.И. Муругов. Защищает Н.В. Коммодов.

Последние гастроли. Смешанная группа хищников под управлением Н.П. Гладильщикова (второй цикл дрессировки). Феерия «Ночь в Индии». В первый раз борьба Гладильщикова с африканским тигровым удавом.

Новые гастроли: Лучшие в СССР музыкальные клоуны БИМ-БОМ.

XX-я Татарская областная партийная конференция.

Март: Отдел снабжения УИСа завода им. Серго Орджоникидзе желает приобрести две выездных лошади с полным комплектом зимних и летних выездов.

Кончина Н.К. Крупской.

Во всех аптеках имеется кальцекс – лучшее лечебно-профилактическое средство от гриппа.

Суд вынес приговор по делу радиста Вознесенского: 20 лет ИТЛ.

В кинотеатрах идут: «Выборгская сторона», «Морской пост», «Танкисты», «Друзья», «Честь», «Комсомольцы», «Новые времена».

Апрель: Завод имени Серго Орджоникидзе строила вся Татария. По призыву партии на строительство шли тысячи колхозников, для многих из них строительное дело было новым. Трамвайная линия к заводу – новый в Казани путь. Через каждые 10 минут к конечной остановке подходят четыре вагона. Пассажиры быстро заполняют вагон. Сделав прощальный круг у Булака, трамвай уходит к заводу. Рядом с трамвайной линией на несколько километров асфальтовая дорога. Она проложена недавно. Экскаваторы вычерпали вал у сосновой рощи, сняли бугры. По новой дороге проходят в час до 100 машин, десятки подвод, а ведь 2–3 года назад вязли крестьянские подводы. По левую сторону дороги, у небольшого леса, удобно расположился поселок ИТР, чуть подальше строится город. Первые многоэтажные дома уже заселены. Выстроен большой дом отдыха на Голубом озере.

10. Время испытаний: «Процесс 13-ти»

Как может быть спокоен прокурор,
Подписывая смертный приговор?
Не спится
Давид Самойлов

Во второй половине мая 1939 года нарком внутренних дел ТАССР Е. Морозов и прокурор ТАССР по спецделам В. Перов утверждают обвинительное заключение по делу №12972.

Поскольку следствие окончено, заключенные и их близкие пытаются воспользоваться своими законными правами. Их переписку с властью предрержащими нельзя читать без волнения, она тоже примета времени [35, т. 9, л. 29 и 95; т. 47].

I

*Прокурору по спецделам ТАССР
Заявление*

Убедительно прошу сообщить по прилагаемому адресу о положении дела моего мужа Махно Б. П., арестованного НКВД г. Казани 4/VIII-37 г. – 23 месяца назад.

*(Махно Г.)
г. Запорожье н/Днепре – Украина,
Красногвардейская №30
1 VII 39 г.*

Не получив, видимо, ответа, она берет отпуск, бросает дом (двух маленьких детей) и приезжает в Казань.

*Председателю Верховного суда ТАССР
Заявление*

В связи с передачей Вам дела моего мужа Махно Б. П. (Казмашстрой, з-д 124), арестованного два года назад, убедительно прошу В/разрешения на свидание с мужем. Я приехала с Украины и до 1-VIII должна возвратиться на работу. За все время я ни разу не имела свидания.

*Г. Махно.
25/VII-39 г.*

В тот же день Председатель Верховсуда Шамсутдинов пишет на бумаге отказную резолюцию:

Свидание разрешить не можем, так как дело не прошло распорядительного заседания. Не знаем характер дела.

Из письма Г. Махно – Л. Берии от 20.11.39 (это уже после первого судебного разбирательства):

Спасите жизнь человека, а одновременно светлое будущее и доброе имя двух маленьких детей. Было лишь три продуктовые передачи. 2 г. и 4 мес. находится в заключении.

II [там же, т. 9 л. 12 и 13]

Прокурору по спецделам ТАССР

От следственного заключенного Гизатуллина Назиба Зайнуловича, во внутреннюю тюрьму (кам.№13) по делу №12972 – работников завода №124

Заявление

Прошу дать свидание с моей женой Гизатуллиной Анной Платоновной и детьми – мальчиками 15 и 13 л, проживающими в г. Казани по ул. Б. Галактионовская д. №7 кв. 6.

К Вашему сведению сообщаю, что я сижу с 24 августа 1937 г., т.е. 22й месяц, и свидание не имел. Следствие по моему делу закончено, в чем я подписал протокол об окончании следствия 23 марта сего 1939 года.

Прошу не отказать.

*С просьбой (подпись)
25 мая 1939 г.*

Не отказали, но и не удовлетворили... И двадцатого июля он обращается повторно с тем же заявлением, уточнив только, что переведен в камеру 1-12, и указав имена сыновей – Узбек и Рауль. Реакция на это заявление нам неизвестна.

III [там же, т. 9, л. 35.]

Председателю Угол. Судеб. Коллегии. Верховсуда ТАССР

Заключенного в тюрьме №2 НКВД Константина Киприяновича Бурого, обвиняемого по следственному делу №12932

Заявление

Находясь под арестом с 19 июня 1937 г., за все время я не имел ни одного свидания с семьей.

Прошу Вашего разрешения на свидание с женой Ольгой Терентьевной и дочерью Лилией, проживавших до моего ареста по Тукаевской улице дом №87 кв. 1 (надстройка). Одновременно прошу разрешения на продуктовую и вещевую передачу.

Ваше решение по данному заявлению объявите моей семье по указанному адресу через начальника тюрьмы №2.

*(подпись)
19/IX 1939*

Резолюция:

Направьте по назначению. Ему объявите. 20/IX-39.

Похоже, председатель судебной коллегии по уголовным делам Григорьев, не в пример своему начальству,

председателю Верховного суда, проявил сострадание к просительнице.

IV [там же, т. 9, л. 70]

В Верховный суд Тат. АССР, Казань

От Кислова Ивана Кузьмича,

внутренняя тюрьма НКВД, Казань

Заявление

Вот уже шестнадцатый месяц со дня моего ареста. Дело за №12872 мною подписано об окончании следствия 7 марта с/г. В Верховный суд передано только 23 июня с/г. Обращаюсь в Верховный суд с просьбой ускорить мое дело окончанием ввиду моей тяжелой болезни позвоночно-крестцовой системы, которая требует немедленного специального лечения, отсутствие которого угрожает мне быть полным инвалидом. Около семи месяцев в тюрьме я находился без всякого движения, из коих один месяц я находился в больнице ОМЗ при тюрьме №1. Кроме позвоночника в тюрьме открылась болезнь выпадения прямой кишки, требующая операции, в какой мне отказано по моему возрасту. Указанные болезни переживаю ежедневно очень тяжело. Вот до какого кошмарного состояния я доведен шестнадцатью месяцами заключения в тюрьме при абсолютном отсутствии каких-либо и когда-либо преступлений перед советской страной и перед партией Ленина-Сталина.

Предъявленное мне следствием обвинение по ст. (58-7-11 – прим. авт.) совершенно абсурдно и не вяжется с моим сорокалетним производственным стажем. Не только заниматься какой-либо контрреволюционной деятельностью, но никогда и мысли в голове не было, чтобы делать что-либо плохое. Я все свои знания, энергию и время отдавал только в работу. Свидетельские показания являются дикими и нагло клеветническими.

Еще обращаюсь к Вам с просьбой ускорить рассмотрение моего дела и снять позорное пятно обвинения в подозрении меня в контрреволюционном вредительстве.

9/VIII-39

Напомним: слесарю – «начальнику водозабора» Кислову в описываемое время было 50 лет – пожилой, по тогдашним меркам, человек; как и Махно, Гизатуллин и Бурый, которых мы цитировали выше, на всем протяжении следствия Кислов не признавал себя виновным!

V [там же, т. 9, л. 57 и 60]

Прокурору по спецделам ТАССР

От заключенного, находящегося во внутренней тюрьме НКВД Моргулева Я.А.

дело №12972

Жалоба (фрагмент)

Я обращаюсь к Вам вторично по поводу своего содержания в одиночном заключении и по вопросу невыполнения в отношении меня положения, предусмотренного УПК.

Уже 2 месяца и 10 дней я нахожусь в одиночном заключении, несмотря на то, что следствие по моему делу полностью закончено (21-го февраля) и следовательно интересами следствия мое нахождение в одиночном заключении не вызывается, и несмотря на то, что проступков я не совер-

шал, следовательно наказанием служить также не может. Тогда какие же причины и основания для моего одиночного заключения?? Не может же быть такое положение, чтобы я там находился просто по капризу или произволу.

13-го мая я обратился по этому вопросу к следователю, ведшему мое дело, млад. лейтенанту ГБ гражданину Сосипатрову. Он мне ответил следующее: «Я ничего не знаю. Вы числитесь за прокурором, обратитесь к нему». Я 13-го мая обратился с заявлением по этому поводу, однако до сего дня результатов не имею...

25-ое мая 1939 г.

(подпись)

Каково обращаться с просьбами к человеку, еще год назад пытавшему тебя!

Судя по имеющейся в деле переписке, в июне Моргулев был переведен из внутренней в Казанскую следственную тюрьму, предположительно в общую камеру. Кто конкретно принимал подобные решения, неизвестно. Маловероятно, что прокурор ТАССР по спецделам В.С. Перов или его заместитель Егоров, скорее всего помощник прокурора ТАССР по спецделам и спецпрокурор Казани Максимов.

Прокурору по спецделам ТАССР

От следственно-заключенного

в Казанской следственной тюрьме

Моргулева Я.А.

дело №12972

Заявление

Во время проведения следствия по моему делу я в течение 14-ти месяцев находился во внутренней тюрьме НКВД. Моя семья, проживающая в гор. Москве, направляла мне денежные переводы по адресу внутренней тюрьмы. В настоящее время, в связи с окончанием моего следствия, я переведен в Казанскую следственную тюрьму, о чем семья моя не знает, и в результате чего я не могу получать денежной помощи. Состояние моего здоровья очень плохое, без денег я окажусь в крайне тяжелом положении.

Поэтому я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой разрешить мне, через администрацию тюрьмы, сообщить моей жене место моего нахождения для возможности получения денежной помощи.

Прошу в просьбе не отказать.

29/VI-39 Я. Моргулев

VI [там же, т. 9, л. 66]

Из заявления Н.Д. Маршева в уголовно-судебную коллегию ВС ТАССР

от 29 августа 1939 г. (вторичное)

Прошу разрешить письменно уведомить мою семью в г. Москве о посылке продовольственных передач. Администрация тюрьмы уведомила заключенных о разрешении продовольственных передач, но я не могу получать, т.к. об этом моя семья, проживающая в Москве, не знает. Я крайне нуждаюсь в питании, т.к. я тяжело больной кишечником, обращался по этому вопросу к Вам 26/VII с/г. Ответа не получил. Убедительно прошу разрешить мне написать, как это делают многие заключенные из моей камеры.

29/VIII-39

А кстати: как кормили в четырех главных казанских тюрьмах до войны? Нельзя сказать – одинаково плохо! Плохо бывало по-разному. Вот свидетельство Павла Аксенова, который в начале своего арестантского пути, 7 июля 1937 года, был помещен в «Красинскую» тюрьму [9]:

Завтрак – ячменная сечка, сваренная с гнилой тресочкой. Обед и ужин – баланда и кусочек той же тресочки. Ничего бесчеловечнее, преступнее я не видел ни в других Казанских тюрьмах, ни в пересыльных тюрьмах, ни в лагерях (кроме Интинского).

Между тем где-то в начале июня 1939 года стало известно, что обвинительное заключение по делу работников авиазавода поступило в Верховный суд республики. У заключенных и их близких новая забота: поиск и приглашение защитников.

Слово «адвокат» в советской юридической практике 20–30-х годов не употреблялось, считалось атрибутом буржуазного права: в судебных процессах участвовали не адвокаты, а «защитники». В Москве, например, была Московская городская коллегия защитников при Московском городском суде. «С 1936 г. был введен институт государственных защитников. Последним по штату было положено защищать интересы государства от контрреволюции. От защитников требовалось, «чтобы они были политическими работниками партии». А для этого нужно активно бороться с «врагами народа», с «вредителями народного хозяйства» (рекомендации общего собрания членов коллегии защитников Ленинградской области коллегиям защитников. Август 1938 г.) [93].

Термину «адвокат» его права были возвращены только в конце 30-х годов; во всяком случае, в 1939 году уже существовали Московская городская и Московская областная коллегии адвокатов.

Отмечая приниженную роль суда и адвокатов, один из председателей Верховного суда СССР О. Гусев говорил: «Почитайте стенограммы выступлений адвокатов Коммодова, Казначеева, Брауде и других на процессах 1937–1938 годов, и соприкоснетесь не с защитительными, а по сути своей с обвинительными речами. Приоритет был отдан карательному аппарату, а не суду и защите».

Справедливости ради надо сказать, что на процессах, пусть не самого высокого уровня (то есть не на «Московских процессах» 1936–1938 годы), встречались и примеры противоположного свойства, в том числе и со стороны вышеупомянутых адвокатов.

Анатолий Кучерена, директор адвокатского бюро «Аргумент» Московской городской коллегии адвокатов (а позднее – видный общественный деятель, председатель одной из комиссий Общественной палаты РФ), приводит такой факт [94]: «На одном из многочисленных дел о «вредительстве» в 30-е годы адвокат Лидов рискнул напомнить председательствующему – «самому» Ульриху – основополагающий судебный принцип: Там, где есть сомнение, суд не выносит обвинительный приговор».

Тихон Хренников, многолетний руководитель Союза композиторов СССР, вспоминает о своих братьях [95]:

Николай работал директором средней школы, а Борис – начальником маленькой станции «Лучок» около Ельца. По образованию они физики-математики. У обоих были семьи и дети. По клеветническому доносу их арестовали в 37-м и обвинили в контрреволюционной агитации... Я залез в долги, нанял лучшего адвоката, знаменитого Брауде. Адвокат посетил братьев в тюрьме и сказал мне, что обвинения нелепы и что он вытащит их. Но, сказал Брауде, их там жутко истязали. Первым судили Николая. Брауде так припер доносчиков, что все они отказались от своих показаний. Николая выпустили прямо из зала суда. Бориса спасти не позволили. Местные органы испугались, что и второе сфабрикованное дело на суде развалится, а потому вернули дело наверх. Брата приговорила «тройка».

Для участия в политизированном судебном процессе работников Казанского авиазавода была привлечена четверка московских защитников, из рядовых, не модных, но проявивших себя, как показало время, самым лучшим образом.

Из дела следует, что Моргулева, Криволапа и Гизатуллина взялся защищать адвокат П.П. Дивногорский; Шейнмана, Махно и Старова – адвокат В.Д. Эсаулов; оба – из Свердловского коллектива Московской городской коллегии адвокатов.

К Бурому, Бусарову и Кислову был приглашен адвокат Евгений Иванович Михайловский из Московской областной коллегии адвокатов.

Четвертый столичный адвокат был Тычинин. Он защищал Маршева и опять-таки Шейнмана. Кроме того, пригласили казанских адвокатов: Алексеева, Рогову и Смирнова.

Петр Петрович Дивногорский в 1938 году защищал нескольких однодельцев Аксенова на первом процессе работников Казанского горисполкома. А в июле 1939 года, после переследствия, снова оказался в Казани на повторном процессе, где стал уже защищать и самого Аксенова [9]. Видимо, тут родственники работников Казмашстроя и находят адвокатов.

Аксенов писал: «Настоящим адвокатом снова... показал себя П.П. Дивногорский. Он не шел на компромиссы с обвинением и не стеснялся давать острые характеристики бесцеремонным и глупым поступкам прокурора и суда... К сожалению, он не учитывал, что наши суды не могут руководствоваться законами, в основе лежат директивы, они начало и конец всего».

Свое большее внимание Дивногорскому я уделяю лишь потому, что он защищал моего отца и мне больше удалось о нем узнать. Но ничуть не слабее профессионально оказались и другие упомянутые мною адвокаты. Для примера – острое, с нажимом, замечание Тычинина в одном из его ходатайств: «Чрезвычайно странно, что с указанными лицами (Шаханин, Недбаев, Злыгостев, Дайбог, Валеев и др.) Маршев и Шейнман не имели ни одной очной ставки!».

Выправив 23 июня в Президиуме Московской городской коллегии защитников ордер, Дивногорский

прибыл в Казань и, быстро оценив сложность дела, подал заявление в Подготовительное заседание Верховного суда с ходатайством: назначить дело к слушанию не ранее последних чисел сентября. Ходатайство было удовлетворено, рассмотрение назначено на 25-е. К этому дню Дивногорским дело уже было изучено досконально и подано новое, аргументированное ходатайство о направлении дела на следствие.

Тем же 25-м сентября помечено заявление адвоката Михайловского с аналогичным ходатайством. По документам, судебное заседание судебной коллегии по уголовным делам ВС ТАССР в составе председательствующего Уголькова и народных заседателей Яхина и Овчинниковой проходило с 25 сентября по 1 октября 1939 года. По другим данным, рассмотрение шло с 1 по 6 октября в здании ВС ТАССР, комната 22. Чем была вызвана отсрочка, если она действительно была, неизвестно. Возможно, доводы защиты оказались настолько неожиданны и весомы, что потребовали обсуждения в узком кругу на высшем уровне. Тем более, что незадолго до того, 16 сентября, позорно, шокирующее окончился второй судебный процесс по делу Казанского горсовета.

Какие же доводы нашла защита? Они отражены в Определении суда, который удовлетворил ходатайства защиты:

Органами расследования нарушены процессуальные нормы...

Как установлено, произведенные по делу экспертизы: 1) финансовая от 10/V-38 г., 2) по исследованию деятельности пом. директора по финчасти Полякова, 3) по исследованию деятельности сметчика Ермакова, – являются чисто ведомственными... поэтому как полноценные рассматриваться не могут.

Экспертиза при исследовании поставленных перед ней задач должна была исходить не только из имевших место фактов по соблюдению сроков строительства, монтажа тех или иных объектов, завоза оборудования, но в то же время исследовать и причины, повлекшие за собой тот или иной факт, для чего необходимо было исчерпывающе исследовать все имеющиеся по тому или иному вопросу и директивы правительства, главка и других вышестоящих органов.

Кроме того совершенно не видно, чтоб экспертиза, а равно и следственные органы занимались вопросами исследования выполнения договоров подрядчиками и субподрядчиками, ответственность коих также не исключена как за сроки, так и качество выполнения ими работ.

...Не допрошены лица – конкретные производители тех или иных объектов, признанных построенными или смонтированными вредительски. О вызове этих свидетелей обвиняемые ходатайствовали на предварительном следствии, а равно заявили ходатайства на данном судебном следствии.

...По материалу расследования имеются показания одних обвиняемых против других, которые последние не признавали, что требовало производства очных ставок между ними, что сделано не было.

Исходя из изложенного, суд определил:

Дело направить прокурору Тат. АССР для производства дополнительных следственных действий.

Меру пресечения, избранную в отношении обвиняемых, не изменять, оставить содержание под стражей...

Как же был воспринят вердикт суда сторонами?

Чекист Сосипатров, похоже, не пал духом, а его начальство тоже держало удар. Возможно, в свете событий последних месяцев они поняли, что нужно не подавать вида и выполнять действительно неоспоримые требования суда, а уж потом они свое возьмут!

На стороне подсудимых реакция была разная.

Когда закончился процесс по делу Казанского горисполкома, на это отозвалась тюремная почта. В сортире Маршев увидел кем-то нацарапанную надпись: «Аксенову – ВМН». «Я понял, это ждет и меня, нет вопроса...» (из рассказов сына Маршева).

Другие подсудимые ждали закрытого суда с нетерпением, желали высказаться и надеялись быть услышанными; наивно верили, что смогут убедить суд в своей невиновности и выйдут на свободу. А вместо этого обнаружили, что им предстоит еще неопределенный срок томиться в заключении!

Возможно, умом они понимали, что их защитники все делают правильно. Но были подавлены, когда в ответ на их рассказы о зверствах следователей судья Угольков заявлял: «Это клевета на советскую власть!». В своем обращении к министру внутренних дел ТАССР полковнику П.П. Семенову в ноябре 1953 года подсудимый Бусаров напишет: «Дело было до такой очевидности шито белыми нитками, что даже далеко не брезговавший в разборе такого рода дел Угольков не смог обеспечить его благополучного проведения и вынужден был передать его на новое рассмотрение ввиду его несостоятельности» [35, т. 57].

А теперь о чем писала «Красная Татария» во второй половине 1939 года.

10 июля. «Безответственное отношение к важнейшей стройке».

Госсоюзстройконтора – одна из крупнейших строительных организаций Казани... Тем не менее руководство конторы (начальник Овэс, главный инженер Мазовко сменившие, соответственно, арестованных Бусарова и Шейнмана – прим. авт.) совершенно не справляются с порученным делом. На площадках отсутствуют элементарные принципы организации труда, не выполняется план, велик перерасход по фондам зарплаты. Руководители почти ничего не сделали, чтобы быстрее ликвидировать последствия вредительства, особенно в жилстроительстве, где враги стремились создать диспропорцию между промышленным и жилищным строительством, стремились омертвить огромные капвложения.

Тов. Овэс упорно не выполняет директивы наркомата... В погоне за объемными работами ГССК уже успела начать ряд новых объектов. Колоссальная распыленность средств и материалов. Нет и речи о скоростных методах. Из 20 объектов, подлежащих сдаче в эксплуатацию в I и II кварталах, сданы только 2.

Во всех этих безобразиях повинна и дирекция завода, которая, идя на уступки ГССК, игнорирует требования кураторов

управления капитального строительства. Так, только в конце 1938 года бывший директор Баринов (Баринов С. С. – прим. авт.) и начальник УКС Медведев (сменившие арестованных Шаханина и, соответственно, Росмана – прим. авт.) выплатили конторе за брак и недоделки около 700 тыс. рублей. Этот возмутительный факт прошел бесследно для виновников. Более того, директор завода Штейнберг сейчас буквально принуждает принять с недоделками еще и дом №9.

Инженер В. Гордеев.

Напрашивается вопрос: может быть, новые руководители – Овэс, Мазовко, Баринов, Штейнберг, Медведев тоже враги, и их надо, пока не поздно, арестовать? Или, после череды арестов, возник фатальный дефицит квалифицированных и ответственных кадров? Или все эти недостатки носят системный характер и неустранимы в принципе?

4 августа. «Случай на озере Кабан».

На днях работники завода «Красный Восток» переправлялись с одного берега озера Кабан на другой. В лодке находилось 30 человек, вдвое больше нормы. Примерно на середине пути лодка стала постепенно наполняться водой. Среди пассажиров произошел переполох. Дети стали плакать, а одна из женщин – т. Чекина – от испуга потеряла сознание. И только счастливая случайность помешала катастрофе...

9 августа. «О детском парке «Черное озеро».

Парк представляет убогое, заброшенное место, хотя и расположен он в самом центре города, под боком у Горсовета. Единственное, что здесь есть, это «гигантские шаги», несколько качелей и гамаков. Комната настольных игр ютится в неприглядном здании. Затейник работает только по первым и пятым дням шестидневки.

15 августа. «Величайший в мире»

Через три дня, в День Авиации, в празднике примет участие новый воздушный гигант «СССР Л-760», самолет типа «Максим Горький». В отличие от самолета МГ, новый воздушный гигант является не агитационной, а пассажирской машиной, пригодной для полета в любых метеоусловиях... В крыльях четыре 4-местные кабины, напоминающие купе международного вагона.

Примечательно в этой заметке отсутствие привычного в таких случаях упоминания о конструкторе самолета, в данном случае об А.Н. Туполеве: он сидел! Впервые начинают публиковаться опровержения предыдущих публикаций, шельмовавших людей ярлыком врага народа.

28 августа.

На страницах «Красной Татарии» в сентябре 1937 года бывшему секретарю Акташского райкома Флегонтову было предъявлено обвинение в покровительстве врагам народа. Проверка не подтвердила это обвинение. Флегонтов реабилитирован.

В сентябре 1937 года в «Красной Татарии» была помещена статья, в частности обвинявшая коммуниста Франко о связях и покровительстве врагам народа. Тщательная проверка установила неосновательность этих обвинений. В настоящее время Франко реабилитирован и восстановлен в рядах ВКП(б).

4 сентября.

В разное время 1937 года Вайнштейн С. Л. была названа врагом народа. Тщательная проверка показала, что эти обвинения были построены на клеветнических материалах. Тов. Вайнштейн полностью реабилитирована и восстановлена в партии.

3 ноября.

В газете «Красная Татария» от 30 ноября 1938 года в статье «Там, где притуплена бдительность» доцент КХТИ т. Разумов был необъективно назван врагом народа. Этим редакция исправляет допущенные ошибки в отношении Камаля и Разумова.

Разумов сидел в одной камере с моим отцом, был освобожден. А позже НКВД привлекло его в качестве свидетеля и предложило подтвердить антисоветские высказывания моего отца. Разумов не дал таких показаний.

18 сентября.

В ВС ТАССР

В течение 10 дней Уголовная коллегия ВС ТАССР рассматривала дело работников Казанского горсовета, обвиняемых в к/р вредительстве... Член к/р банды Аксенов приговорен к расстрелу без права на обжалование.

Октябрь.

В филармонии выступает Вадим Козин. В кинотеатрах идут «Степан Разин», «Амангельды», «Дарико», «Высокая награда», «Ночь в сентябре», «Доктор Калюжный».

23 ноября.

На территории Татарии установилась сухая, слегка морозная погода. В Казани ночью – 4 градуса.

4 декабря.

Пропадала собака породы КОСТРОМИЧ, кобель. Сообщить соцгородок, СК-4, ул. Эсперанто, корп. №1, кв. 84, Фролов А.Н.

Наступал високосный 1940 год.

Новая финансово-техническая экспертиза работала по делу с октября 1939 по март 1940 года. Еще два месяца ушло на обновление и правку обвинительного заключения. Подписали и согласовали его все те же Сосипатров и Лобанов, а утвердил 11 июня 1940 года новый нарком внутренних дел Морозов [35].

В обвинительном заключении появился, в частности, такой язвительный абзац:

Была создана новая финансово-техническая экспертиза, которая, работая по делу с октября м-ца 1939 г. по 23/III-40 г., дала заключение, которым подтвердила вышеизложенное инкриминируемое обвинение, предъявленное обвиняемым. Заключение этой экспертизы является в то же время подтверждением заключения прежней экспертизы, в отношении которой определение Верховного суда было вынесено по мотивам, что в составе ее были представители завода, на котором работали и обвиняемые, и что следствие не оформило документами свое производство, предусмотренное ст. 171 УПК».

Кроме разделов, касающихся непосредственно пунктов обвинения, в заключении содержится негативная информация о поведении подсудимых и других сопутствующих обстоятельствах, хотя не все приводимые факты зафиксированы в деле.

ФАСТОВЕЦ незаконно хранил револьвер системы «Наган», принадлежащий троцкисту ЮРТАЙКИНУ, полученный перед арестом последнего, и кроме того приобрел и хранил у себя незаконно второй револьвер системы «Браунинг». Оба револьвера им скрыты [35, т. 3, л.д. 27–31, 43–48].

СТАРОВ незаконно хранил у себя револьверы системы «Наган» и «Маузер» с боевыми патронами, холодное оружие: кинжал и финский нож, которое отобрано при его аресте» [35, т. 3, л.д. 253–256].

В отличие от Старова, в отношении Фастовца не все понятно: если оружие скрыто, то значит, не найдено и не отобрано, и улики как таковой нет. В противном же случае это просто привычное для НКВД нагнетание обстановки словесными оборотами. Вообще надо пояснить сегодняшнему читателю, что в тридцатые годы оружия на руках было отнюдь не меньше, чем сегодня, по им владели на законных основаниях: оружие выдавалось секретарям партийных организаций, его могли иметь крупные хозяйственники (директора); мы уже рассказывали, что именным пистолетом Орджоникидзе наградили героя-шахтера Стаханова.

Снова обвинительное заключение:

Обвиняемые на протяжении всего следствия, встав на путь сознательного запутывания и затяжки следствия, вели себя исключительно вызывающе. Так например: обвиняемый МОРГУЛЕВ настаивал на истребовании из Прокуратуры документов, представленных якобы когда-то им для возбуждения уголовного преследования в отношении людей, проводивших на заводе преступную работу. Из полученного же от прокурора ответа видно, что МОРГУЛЕВ ему никогда таких материалов не представлял.

Обвиняемый БУРОВ при вызовах на допросы, и в частности по вопросу состава экспертизы и представления для нее своих ходатайств, категорически отказывался давать какие-либо ответы как на вопросы следователя, так и зам. прокурора ТАССР по спецделам, мотивируя отказ тем, что за время его пребывания в заключении ему не была представлена возможность изучить полностью УПК.

Также неоднократно отказывался по существу дела давать показания следователю в присутствии зам. прокурора ТАССР по спецделам и обвиняемый МАРШЕВ; как он, так и другие отказывались от подписи данных ими показаний.

Обвиняемый ЕРМАКОВ неоднократно заявлял о неполноценности своего психосостояния с требованием направления на излечение. Однако, испытания в психолечебнице неоднократно, его заявления не подтвердились. Находясь в психолечебнице, ЕРМАКОВ ухитрился вести нелегальную переписку. Он же в ходатайствах, представленных в суд, возводя клевету на следствие, заявлял, что в деле по обвинению его имеются документы с подложными его подписями, что экспертизой опровергнуто.

Такие же клеветнические заявления были и со стороны других обвиняемых.

Кроме того, обвиняемые в знак протеста существующим правилам заключения в камерах, доходя до хулиганства, нарушали указанные правила, нанося угрозы и оскорбления охране.

Вели обработку заключенных к тому, чтобы они сопротивлялись следствию, запутывали бы его, отказывались от показаний и от подписи документов. Обработывали заключенных к подаче ими клеветнически на следствие заявления и на организацию беспорядков в тюрьме. Так себя особенно вели обвиняемые Поляков, Маршев, Яковлев и Моргулев.

Следствием, кроме вышеизложенного, установлено, что обвиняемый Моргулев среди заключенных – однокамерников систематически вел антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию Советской власти и ее мероприятий, выражая при этом враждебную ненависть к советским карательным органам за их борьбу с врагами народа...

В таком виде обвинительное заключение без промедления было направлено в Верховный Суд ТАССР, где началась подготовка процесса.

Отдельный том архивно-следственного дела посвящен «антисоветским выступлениям» Моргулева среди сокамерников.

В феврале 1939 года Моргулев был помещен в камеру №25 внутренней тюрьмы НКВД. Его однокамерниками были Султанбеков, Дубяго, Арбузов, Разумов, Басовский, Кузьминых, Ветлянд, Борисенко, Иванов, Окишев, Азимов и др. (инициалы не указаны). Некоторые из них в том же месяце были освобождены или переведены. Например, дело известного ученого-химика Б. Арбузова было прекращено за недостаточностью улик 25 февраля 1939 года [96].

От кого-то из заключенных следователю Сосипатрову поступил донос, что 27 февраля Моргулев говорил: «Советская власть хвалится, что очень много строит, но строят за счет народа. По моему счету 13–14 миллионов народа арестованных, которые являются рабочими, и они теряют последние силы, проводя строительство. Советская власть много наделала калек и уродов. В настоящем советском строе народ специально так воспитывается Советской властью».

Сосипатров заручился согласием начальника 1-го отдела ЭКУ НКВД Железникова, начальника 1-го отделения того же отдела Климашева и помощника прокурора по спецделам ТАССР Максимова на совместное расследование инцидента. 15 марта 1939 года эти лица провели три допроса.

1) Допрошенный об антисоветских суждениях, которые высказывает в камере Моргулев, *Борисенко Григорий Иванович*, 1877 г.р., бывший колчаковский офицер, показал [35, т. 8, л. 2]:

В конце февраля с.г. Моргулев сидящим вместе с ним арестованным говорил: «Сейчас в Советском Союзе арестовано около 3–4 миллионов человек, да их близких родственников – жен, детей наберется 10–11 миллионов, вот они все и недовольны Советской властью, и при теперешнем международном положении тыл Советского Союза не обеспечен, имея такую армию в 13–14 миллионов недовольных. Большое количество арестованных – это неправильная политика Ежова».

А вчера в разговоре с обвиняемым Ивановым говорил: «Конечно, такое позорное, небывалое во всем мире поло-

жение, которое имеется сейчас, т.е. арестовано большое количество, нетерпимо, съезд партии должен изменить эту неверную и неправильную политику».

Вчера же, когда зашел разговор о содержании в лагерях, Моргулев говорил, что политика Соввласти не воспитательная, а карательная. В феврале с.г. Моргулев в разговоре с Басовским говорил: «что мне во время нахождения во второй тюрьме удалось известным тебе способом передать все на волю».

2) *Ветлянд Эдуард Готлибович*, 1887 г.р., немец, ветфельдшер, на очной ставке с Моргулевым отвечал на наводящие вопросы следователя [там же, л. 11–16]:

Моргулев вел неоднократные антисоветские разговоры, говоря, что Советская власть ведет строительство силами 13–14 миллионов заключенных, из которых делает калек. Моргулев называл их при этом рабами. Моргулев говорил о якобы принудительном распространении среди населения государственных займов СССР. По словам Моргулева, Советская власть кровью трудящихся Советского Союза строит гиганты промышленности. Лично про себя он говорил, что в таком обществе он жить не будет, а будет жить в таком обществе, где ему будут верить и уважать...

Моргулев ненавидит работников НКВД. Моргулев называл их кровопийцами и убийцами и говорил, что работники НКВД больше неспособны ни на какую работу, и их никто больше никуда не возьмет.

Тут Ветлянд обратился непосредственно к Моргулеву: «Вы помните, вместе с Разумовым Вы сидели в камере у окна и считали, сколько тюрем в Советском Союзе, и потом подсчитали, что в среднем в тюрьмах СССР содержится 13–14 миллионов?»

Далее Ветлянд продолжал: «Моргулев говорил, что когда он сидел в тюрьме №2, он получал с воли записки, спрятанные под подошвами, затем с каким-то освобожденным из тюрьмы передал написанное им на папиросной бумаге для отправки в Москву, и что он дал тому человеку пачку папирос. При этом Моргулев выразил надежду, что его записка будет доставлена по адресу».

В диалог с Моргулевым вступил Сосипатров:

– С воли я никаких писем не получал, лично сам я отправил заявление прокурору Вышинскому и об этом я, действительно, говорил в камере.

– С кем послал заявление?

– Я его не знаю.

– Это заявление Вы вручили для направления прокурору или передачи Вашей жене?

– Письмо написано прокурору Вышинскому, а адресовал его на имя моей жены в Москву и этого человека просил опустить письмо в почтовый ящик.

– Еще переписку имели?

– Нет, ни одной весточки с воли не получал.

– Сколько братьев у Вашей жены?

– Два брата.

– Кто из них арестован?

– Не знаю.

И снова дает показания Ветлянд:

Моргулев, обратившись к арестованному, задал вопрос: бывают ли случаи ареста 3-х человек из одного дома? Арес-

тованные ответили, что у них такого случая не было, на это Моргулев заявил: а у меня есть. Этот разговор был вскоре после получения Моргулев последней передачи от жены... Моргулев возвращающихся с допросов арестованных спрашивает, какие еще портреты остались на стене следователя из портретов вождей, и добавлял, что скоро останутся одни гвозди вместо вождей.

На самом деле Моргулев знал об аресте одного из братьев жены и своего доброго знакомого, друга дома – композитора Бориса Фомина; видимо, это и имел он в виду, говоря о трех репрессированных из одного дома.

3) **Очная ставка Моргулева с Борисенко**, на которой последний дополнил свои предыдущие показания [там же, л. 5–6]:

Моргулев говорил, что в настоящее время в тюрьмах содержится 3–4 миллиона арестованных невинно советских граждан. Кроме того более 10 миллионов недовольных Советской властью. Из этого Моргулев делал вывод, что Советская власть надежного тыла не имеет. Лично я также подтвердил правильность выводов Моргулева... В связи с большим количеством арестованных и недовольных Советской властью, по словам Моргулева, съезд партии должен изменить политику в отношении арестов и создать определенный перелом... Моргулев называл работников следственных органов сволочами, палачами и говорил, что в истории не было таких методов следствия, которые применяются в настоящее время советскими следственными органами.

Рассмотрев дополнительные материалы следствия в отношении Моргулева, Сосипатров вынес 20 марта 1939 года постановление о предъявлении ему обвинения по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР (антисоветская агитация), дополнительно к прежним обвинениям по ст. 58-7 и 58-11.

На что Моргулев, в свою очередь, дал собственноручно написанные дополнительные показания, которые мы ниже приводим. Читатель может увидеть в них иногда неправдоподобную наивность и скорее поверит более острым высказываниям в передаче свидетелей, и будет прав! Нужно только учесть, что Моргулев защищался от преступной системы! В тюрьме умнеют быстро. И чтобы обезоружить следователя, он что-то категорически отрицал, в других же случаях – намеренно использовал «правоверную» фразеологию и мотивацию, и тогда вообще изображал происходившее в тюремной камере почти анекдотически в мажорном духе [там же, л. 22–23 (обратная сторона)]:

...С Ветляндром у меня вообще никогда никаких разговоров не было, ибо Ветлянд очень ограниченный, тупой и политически совершенно неграмотный человек. Что касается Борисенко, то это белый (колчаковец) полковник с резко выраженными консервативными взглядами, с частыми переходами на антисоветские. С ним я неоднократно спорил по целому ряду вопросов, вправлял ему мозги и обрывал его старорежимные разговоры. Первый спор был по украинскому вопросу, когда Борисенко развивал теорию великодержавного шовинизма в духе политики, проводи-

мой царским правительством (Украины нет, есть Малорос-сия, вотчина Дома Романовых). Я ему доказал, что Украина есть, есть украинская культура, язык, история, литература, и что эта Украина сейчас, как социалистическое государство, входит в Великий Советский Союз. Следующий спор был по вопросу о чистоте крови. Борисенко болтал типичную расовую болтовню о чистоте крови с точки зрения нации. Я и по этому вопросу дал ему отповедь, полностью соответствующую советской и партийной точке зрения. Больше никаких самостоятельных разговоров с Борисенко никогда не было. Были общекамерные разговоры, где участвовало шесть человек, на различные темы по различным вопросам, и я утверждаю, что я всегда высказывался исключительно как честный советский гражданин, как бывший кандидат партии, ибо нахождение под следствием не изменило моей чести и честности. Какие разговоры были в камере, – в зависимости от тех новостей, которые в камеру проникали. Так например, в камеру был посажен прибывший из лагерей для переследствия осужденный Кузьминых. Он нам, сидящим в камере, рассказал ряд новостей, а именно: о назначении народным комиссаром внутр. дел С.С.С.Р. Лаврентия Берия, о предстоящем съезде партии, о событиях в Испании, и т.д., т.е. все последние новости, ибо в лагерях он все время читал газеты, и кроме того, он много рассказывал о быте и о нравах в лагерях. Все эти новости в камере дебатировались, комментировались, и всегда в нормальном советском духе. Вот эти разговоры чудовищно искажены у Ветлянда. Например, Кузьминых рассказывал, что в Севураллагере, где он был, все без исключения работали на лесоповале. Я удивился и спросил: «Ну а как специалисты? Они используются по специальности?». Кузьминых ответил опять отрицательно. Я не поверил, начался спор. Я говорил, что это очевидно местное творчество, что в других лагерях каждый заключенный используется по специальности, и это приносит огромную пользу. В доказательство своих слов я сослался на такие стройки, как Беломорско-Балтийский канал и канал Волга-Москва. На этих стройках, я говорил, работали заключенные и показали прекрасные образцы творческого труда. Я напомнил о деревянных шлюзовых затворах на Бел.Балт. канале и о Химкинском вокзале канале Волга – Москва. Вот и весь разговор. Все остальное – чудовищное искажение и клевета. Ни о каком рабском труде и помину не было в разговоре. Все это ложь и клевета.

В отношении количества арестованных был такой случай. Пришедший к нам в камеру из тюрьмы №2 заключенный Басовский рассказал, что приехавшие из лагерей заключенные передают, будто в лагерях имеется 3–4 миллиона осужденных. Я усомнился в таких сведениях и указал, что среди заключенных имеется большое количество уголовного элемента, бывших кулаков и осужденных по разным бытовым статьям. Никаких других разговоров и комментариев по этому вопросу в камере не было. Когда в камере узнали о съезде партии, всех, в том числе и меня, это известие сильно взволновало. В камере было три бывших партийца. Каждый вспоминал о прошлых съездах, о собраниях, отчетах, выборах, и т.д. Говорили о предстоящем политическом отчете вождя партии, о 3-ей пятилетке и о програм-

мных вопросах. Я говорил, что каждый съезд партии имеет историческое значение, и что этот съезд, 18-ый, даст также что-то новое, как для хозяйственно-политической жизни страны, так и для партийной жизни. Я еще говорил, что на съезде будет заострен вопрос о выполнении решения Январского пленума Ц.К., ибо, по словам Кузьминых, об этом пишут в газетах (он рассказал случай с Свердловским обкомом – прим. авт.). Таким образом, разговор о партийном съезде носил самый честный и чистый характер. Борисенко и Ветлянд могут только исказить и оклеветать тот разговор, который имел место. После того как мы в камере узнали о назначении наркомом внутр. дел Лаврентия Берия, я как-то спросил одного из заключенных, возвратившегося с допроса, не видел ли он в кабинете портрет нового наркома. Он ответил, что не видел. На этом разговор закончился, а все остальное в показаниях Ветлянда сплошная ложь, так и во всем остальном. Камера жила, в камере были разговоры на различные темы. В этих разговорах и тени антисоветского ничего не было.

С Борисенко мало кто разговаривал, ибо его, как белогвардейца, недолюбливали в камере, а Ветлянд по своему развитию и кругозору не мог принимать участие в разговорах.

Сосипатров направил дело в суд. Суд в подготовительном заседании решил, что поскольку инкриминируемое преступление имело место в камере заключения, оно должно рассматриваться вместе с основным делом, и кроме того, следствие должно заслушать выбывших свидетелей Иванова, Разумова, Басовского и Кузьминых. И ввиду этого направил материалы прокурору по спецделам для приобщения к основному делу и проведения дополнительных следственных действий.

В сентябре некий сержант госбезопасности допросил З.Ю. Басовского (1892 г.р., литовец, управляющий Республиканской конторой Госсортфонд) и А.И. Разумова (1897 г.р., русский, доцент по органической химии). Ни тот, ни другой на Моргулева ничего уличающего не показали [там же, л. 32–35]. Тогда решили вызвать Иванова и Кузьминых. Но вместо того, чтобы выяснить, куда их перевели из камеры, запросили... по месту жительства. Об Иванове сообщили, что он в тюрьме. А освобожденный Кузьминых, 1887 г.р., как выяснилось, уже работал старшим бухгалтером в Марийской республике. Сосипатров оставил все, как есть, до суда.

И снова – о том, что происходило за окнами НКВД в первом полугодии 1940 года по материалам газеты «Красная Татария».

В январе – марте в кинотеатрах шли «Учитель», «Ошибка инженера Кочина», «Одиннадцать столиц», «Четвертый перископ», «Подкидыш», «Враг у порога», «В поисках радости», «Маленькая мама», «Катерина» и другие.

1 января. В 1940 году на ул. Красина будет выстроен дом для работников НКВД. Законом им. Орджоникидзе начато строительство новых жилых домов по ул. Декабристов.

12 января. За последние дни в Татарии стоят сильные холода. Температура по ночам держится около 32–35 граду-

сов (местами до 40) и даже днем она не поднимается выше 25–27 градусов.

Казанские трамваи ходят плохо. Сняты директор трампарка Шерегневский и главный инженер Рабинович.

17 января. Общественное питание на заводе им. Орджоникидзе организовано плохо. Столовые всегда переполнены, а штат obsługi мал. Ассортимент блюд слишком беден. Часто из-за нехватки посуды создаются большие очереди, влекущие опоздания на работу.

20 января. К сведению граждан г. Казани. В целях обеспечения граждан нужными им размерами резиновых галош, организованы обменные пункты.

8 февраля. В аптеках продается йод-гиперсол от артериосклероза и гипертонии по прописи проф. С.Ф. Майкова.

14 февраля. В различное время на страницах «Красной Татарии» т. Кави Наджми был назван врагом народа. В результате проверки это обвинение не подтвердилось. Тов. Наджми реабилитирован.

16 февраля. Рекламируется Посеребренный песок №56 по способу проф. С.В. Моисеева (для питья, чистки зубов, полоскания горла и рта, обеззараживания сухофруктов и зелени).

27 февраля. На районных партконференциях. Серьезные недостатки имеются в работе завода им. Серго Орджоникидзе. Тов. Корявкин (ТЭЦ-2) указывал на недопустимые канцелярско-бюрократические методы работы директора завода Штейнберга. За 8 месяцев своей работы т. Штейнберг побывал на ТЭЦ всего два раза, причем каждая такая поездка проходила с большой торжественностью. Уже с 4 часов ночи начинались разговоры о том, что едет директор, надо приготовить машину, подготовиться самим и т.д. Но вот приезжал директор, заходил в кабинет главного инженера ТЭЦ, выкуривал две папиросы и уезжал обратно. С массажи, с рабочими т. Штейнберг не беседовал, не знал, как они живут, как работают. Райком не одернул, не поправил зазнавшегося руководителя предприятия.

9 марта. Новые члены пленума Казанского горкома, избранного V городской партийной конференцией: Перов А.П., Сафин Г.С., Соколов А.С., Штейнберг И.И., Морозов Е.М., Алемасов А.М., Матвеев Е.Я., Матвеев П.А., Новиков М.М.

Тынчеров А.Х. освобожден от обязанностей Председателя Совнаркома. Председателем Совнаркома назначен Гафиатуллин С.Х. С мая 1932 г. по май 1938 г. работал на заводе им. Серго Орджоникидзе начальником пожарной охраны. В 1937 году был избран в Ленинский райком ВКП(б). В мае 1938 г. избран 2-м секретарем, а в июне 1-м секретарем Ленинского РК ВКП(б). Окончил педагогический техникум и пожарно-технические курсы. На посту 1-го секретаря РК работал до апреля 1939 г., когда был избран секретарем Татарского обкома по кадрам. (В газетной публикации 1941 года будет сообщено, что тов. Гафиатуллин, 1905 г.р., активно участвовал в разоблачении врагов народа, пробравшихся на завод им. Серго Орджоникидзе; участвовал в работе XVIII съезда ВКП(б) в марте 1939 года. – *Прим. авт.*)

17 марта. Последние гастроли заслуженного артиста республики М. Золло. Знаменитая золловская железная дорога. Участвуют 300 животных и птиц.

26 марта. «Возмутительные факты».

Народный артист ТАССР Г. Ардаров:

«В прошлом году я посетил государственный зверинец, находящийся на ул. Баумана и являющийся филиалом Казанского зоологического сада. Я восхищался прекрасным состоянием животных, образцовым содержанием, уходом за ними. Два месяца назад я снова зашел в зверинец, и на этот раз был поражен видом животных. Выяснилось, что зверям не отпускают необходимое количество кормов. Львы не получают пищи по 3–4 дня, а когда и получают, то неполный рацион.

О всех этих фактах директор зверинца написала депутату ВС ТАССР народному артисту ТАССР Ф.В. Григорьеву. Этот документ был передан в Совнарком. Однако, как видно, никаких действенных мер принято не было. 23 марта я опять заехал в зверинец. И застал еще худшую картину – звери накануне гибели. Когда прекратиться это преступное бесхозяйственное отношение к ценным животным?».

5 апреля. На VI сессии Верховного Совета 1-го созыва А.И. Шахурин утвержден наркомом авиационной промышленности.

Публично не сообщалось, что снятый с поста наркома как не оправдавший доверия Сталина М.М. Каганович переброшен в Казань директором завода №124/27 вместо вышеупомянутого Штейнберга. Шаханин... Баринов... Штейнберг... Теперь вот М.М. Каганович... И эта чехарда – на протяжении всего лишь двух лет!

1 июня. «От редакции». В различное время на страницах «Красной Татарии» Шакиров Р.Ш., Баширова З. и Басыров Г. были названы врагами народа. Эти обвинения не подтвердились. Указанные товарищи реабилитированы.

За день до того, 30 мая 1940 года, Военная коллегия ВС СССР приговорила знаменитого авиаконструктора А.Н. Туполева, бывшего начальника 1-го (авиационного) главка наркомата оборонной промышленности к 15 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет. Но об этом, разумеется, ни одна газета в стране не сообщила. Как и о его реабилитации в последующем.

16 июня. Для обслуживания городского населения автотранспортом контора Татавтоуправления получила и сдала в эксплуатацию 9 пассажирских такси М1. Такси дежурят ежедневно с 8 до 24 на пл. Куйбышева, на Казанском вокзале, береговом вокзале пристани «Казань», на пл. Петрова в слободе Восстания.

23 июня. Указом Президиума ВС ТАССР награждены передовики: Тюрин Виссарион Александрович, главный технолог з-да им. Серго Орджоникидзе; Карабельников Сергей Тимофеевич, лейтенант г/б НКВД; Аверьянова Лидия Николаевна, сотрудница НКВД.

24 июня. Указ Президиума ВС СССР о награждении передовиков ТАССР. Орденом Ленина награждены Гафиатуллин Сулейман Халилович, Алемасов Александр Михайлович.

30 июня. «От редакции». В различное время на страницах «Красной Татарии» т. Кожевников С.Ф. был назван врагом народа. В результате проверки обвинение не подтвердилось. Тов. Кожевников полностью реабилитирован и восстановлен в ВКП(б).

Тем временем обвинительное заключение поступило в Верховный суд, и он приступил к подготовке судебного процесса.

12 ноября 1940 года Угольков пишет бумагу начальнику тюрьмы №2 НКВД с просьбой, начиная с 15 ноября, доставлять обвиняемых по делу (13 чел.) в здание Верховного суда в комнату 29. Спустя некоторое время – еще одна бумага. Уточняется, что слушание дела продлится до 10–11 декабря (а фактически затянулось до 21 декабря!), и далее: «Увозить обвиняемых в тюрьму на обед создадут слишком большие перерывы, поэтому прошу обеспечивать их обедом в здании Верховсуда к 2-м часам ежедневно».

Хотя процесс был закрытый, 15 ноября у здания Верховного суда у входа собрались родственники, преимущественно проживавшие в Казани. Старшая дочь Маршева вспоминает: «Мы все присутствовали, будучи во дворе Верховного суда». Дочь Бурого пишет: «Находясь во время очередных заседаний суда, я могла только видеть отца, когда их под конвоем проводили по коридору, но никаких контактов не могло быть. Я и отец могли только удостоверяться, что мы живы». Моей матери Дивногорский отсоветовал ехать из Москвы в Казань: «Это ничего Вам не даст, только поистерзаетесь, суд закрытый, доверьтесь мне и ждите».

Как можно судить из материалов дела, в целом процесс шел по установленной законом процедуре: после оглашения обвинительного заключения слово было предоставлено каждому подсудимому; затем начались прения сторон. Государственное обвинение представлял прокурор Вагазов, защиту вели адвокаты Дивногорский, Михайловский, Эсаулов, Поманов и Павлов (почему-то не упомянут Тычинин), были заслушаны десятки свидетелей, свои вопросы присутствующим свидетелям и друг другу подсудимые задавали без ограничений.

Но на столе у председательствующего Уголькова лежали Приговор по Шаханину [35, т. 23, л. 480], уже расстрелянному, и Обвинительное заключение по Дайбогу [там же, л. 484–489], направленное на ОСО. Кроме Шаханина, Уголькову были известны еще несколько лиц, которые физически не могли присутствовать на процессе в качестве свидетелей, хотя их свидетельские показания использовались в обвинительном заключении:

Побережский, представленный как бывший работник Казмашстроя; на деле – начальник строительства и директор пермского авиамоторного завода №19;

Хайдуков, заместитель начальника 1-го главка наркомата оборонной промышленности по строительству;

Письменный, помощник начальника 1-го главка наркомата оборонной промышленности.

Все трое, как и Шаханин, были расстреляны еще в 1938 году.

Требования подсудимых и защитников вызвать этих свидетелей на судебное заседание Угольков, естественно, игнорировал, хотя это было грубейшим нарушением

защитники в дальнейшем обратили в свою пользу.

Картина на строительных площадках завода и жилого сектора, какой она вырисовывалась из выступлений некоторых свидетелей, выглядела удручающей. Да такой она во многом и была, но обвиняли во всех бедах только сидевших в зале под стражей людей.

Сосипатров, который не пропускал ни одного заседания, и в зале, и в коридорах активно и бесцеремонно подогревал настроение свидетелей («Не бойтесь, будьте смелее, все равно решение по этому делу уже есть, не бойтесь говорить!»). В поисках свидетелей из числа *возмущенных рабочих*, готовых показать против бывшего начальства, он ходил – уговаривал, только что не хватал за рукава. В кулуарах суда распространял поклеп: дескать, было дело, «враг народа Моргулев *бросил дохлую кошку в источник*, из которого пили рабочие!». В своем позорном усердии Сосипатров не преуспел. Отцу приходилось с рабочими встречаться почти ежедневно и совсем не по-чиновничьи, они его прекрасно знали и любили за открытый характер и простоту, уважительно называли по имени-отчеству.

Рассказ матери вызывал душевную боль. Но еще и желание найти опровержение клеветы. Я пробовал выяснить: какой же загадочный «источник, из которого пили рабочие», мог оказаться на заводском дворе индустриального гиганта? Деревенский колодец? Сруб с воротом или «журавлем»? Нет, конечно! Я думаю, Сосипатров мог услышать, что на стройке пьют в жару колодезную воду, и решил спровоцировать рабочих. Не подозревая, что подразумевалась вода артезианских колодцев, а в водоразборную колонку артезианской скважины и при желании ничего бросить нельзя.

К досаде Сосипатрова и к чести большинства свидетелей, они проявили достаточно взвешенный и объективный взгляд на вещи.

Свидетель Мазовко (главный инженер строительства после Шейнмана) [там же, л. 338, 339]:

Работы [по тепловоду] вела контора, от строительной организации работы вел Моргулев. Во время производства работ Моргулев недостаточно строго принимал работы от Теплосеть строя. (На вопрос адв. Дивногорского): Тепловод должен быть смонтирован в соответствии с условиями Котлонадзора, но Моргулев допустил небрежность в приемке работ. Моргулев совмещал механика по сантехнике и мог не знать сантехнические работы. Ошибка Главка, что допустил Главного механика к совмещению по сантехническим работам. Моргулев хорошо относился к работе и со своей работой справлялся.

Я считаю, что Шейнман как Гл. инженер должен отвечать, а в первую очередь должен отвечать производитель работ. Шейнман должен был своевременно выявить эти дефекты и принять меры к их исправлению.

Бусаров не вмешивался в технические вопросы на стройке, он ведал чисто хозяйственными вопросами. Нужно отметить, что строительство, особенно жилищное, как правил велось зимой, а это влекло удорожание и некачественность работ. (На вопр. обвин. Бусарова): Удорожание стро-

ительных материалов в 1938 году было, а также и работ. Кирпичная кладка стен в 1½ кирпича при условии, если она произведена на хорошем фундаменте, в прочности никаких подозрений не вызывает. Укладку трамвайных путей производили с запозданием за отсутствием проекта, шпал и рельс.

Свидетель Гриченко Семен Никитич (начальник ТЭЦ-2 после Яковлева) [там же, л. 351, 352]:

Я работал под руководством обвиняемого Махно с 1936 года. Недостаток: 2 объекта были пущены с недоделками без надлежащего оформления, с мелкими монтажными недоделками. По насосной и кислородной мелкие недоделки обнаружены комиссией, последствий от этого не было, но могли иметь место... Перебоев в работе кислородной не было, были мелкие, как у каждого объекта, в первые пускающегося в эксплуатацию, по вине монтажа или конструктивного порядка, особенных не было перебоев, последние были по вине поставщика или обслуживающего персонала. Сказать о деятельности Яковлева ничего не могу. Со стороны Моргулева и Махно не замечал никаких преднамеренных действий. Ничего плохого о них не скажу.

Свидетель Бобров Алексей Сергеевич (начальник мастерской; проживает в Соцгороде) [там же, л. 358–360]:

Я работал в бытовой бригаде завкома. Приходилось сталкиваться с Моргулевым, Шейнман, Маршевым по вопросам ненормальных бытовых условий в жилищах рабочих... Выстроят какой-либо объект, а спустя некоторое время его переделывают несколько раз. (Приводит ряд случаев лопнувших батарей отопления, протечек труб канализации и др.) Я пошел к Моргулеву, просил его пойти и навести порядок, на что он мне ответил, что пришлет человека, т.к. этими мелочами он заниматься не будет, а на мое заявление, что я буду жаловаться, то он заявил: «Жалуйся хоть самому Молотову». Таким образом, у меня создалось мнение, что все эти безобразия делаются сознательно... К Моргулеву я обращался всего раз, когда он отказался пойти обследовать канализацию... Во всех беспорядках неоднократно ставился вопрос на пленуме завкома, вызывались Маршев, Моргулев и Криволап, но они в большинстве случаев игнорировали вызовы и на заседания не являлись, а если и являлись, то вели себя высокомерно и вызывающе, обвиняя во всем жильцов... Я Маршеву задал вопрос на пленуме завкома, почему после окончания сантехнических работ такие дефекты, он ответил: «Зачем о таких мелочах говорить на пленуме?» и что я в этих вопросах ничего не понимаю; заявил, что канализации не будет, т.к. был соцгород, а теперь будет поселок.

Свидетель Разумов Александр Иванович (доцент; проживает по ул. Щапова, дом 27) [там же, л. 364 на обороте]:

С Моргулевым находился в одной камере в внутренней тюрьме НКВД. В камере еще кроме нас находились Ветлянд, Борисенко, Басовский, Кузьминых. Никаких а/сов. высказываний от Моргулева не слышал. Я лично сам ничего от него не слышал. Я о Моргулеве составил представление как о культурном, выдержанном человеке. Он не совсем ровно обращался со всеми в камере. У него при мне закан-

чивалось следствие, нервное напряжение было повышено. Борисенко не вызывал симпатии в силу своего повышенного самолюбия, на этой почве происходили стычки у него с Моргулевым. У меня с ним также была стычка. Ветлянд малоразвитой человек, замкнутый, не всегда отдающий себе отчет в целом ряде моментов. (На вопр. прокурора): В камере находились все вместе, всего было 7 человек, все время менялись люди. Вызывались на допросы. Возможно в мое отсутствие Моргулев вел к/р разговоры. Борисенко – офицер белой армии. (На вопр. адв. Дивногорского): Борисенко был офицер белой армии, очень самолюбив. У Борисенко с Моргулевым были обостренные отношения.

(Борисенко Григорий Иванович, 1877 г.р., «белый офицер», был осужден ОСО на 5 лет 2.09.40 и был отправлен в Красноярский край. – *Прим. авт.*)

Были и скандальные свидетельства. Например, заведующий кафедрой Казанского института коммунального строительства (КИКС) профессор Егерев написал в экспертном заключении, что Соцгород, где дома из силикатного кирпича, построен вредительски. Канализация безграмотно сделана, все фекалии потекут по улицам...

Как рассказывает сын Маршева, при зачитании этого места взбешенный отец не сдержался и, вскочив, прокричал: «Мой х... больше пропускает, чем вся канализация Ленинского района!».

Итак, суд приблизился к заключительной стадии. Сторонам обвинения и защиты были предоставлено слово для реплики, а затем председательствующий предоставил последнее слово обвиняемым.

Наверняка подсудимые мысленно готовились к последнему выступлению, возможно, учитывали какие-то подсказки защитников. Но, вне зависимости от этого, они испытывали необычайное волнение. Этим объясняется сбивчивая, порою, речь, неудачный подбор слов, погрешности стиля, повторы, неумение выделить главное. Конечно, сказывались и разный уровень образования и общей культуры, хотя прямой зависимости тут не обнаруживается.

Стоит обратить внимание, что никто из подсудимых не просит милости у суда. Одни утверждают о своей невиновности, другие выражают готовность принять справедливый приговор. И все без исключения подчеркивают свою преданность партии, советской власти, делу коммунизма и даже мировой революции! А имя Сталина никто не произнес! Хотя, казалось, это было бы уместно. Словно сговорились. Сговорились?

И все же в целом трудно выделить хотя бы одно действительно яркое, впечатляющее выступление – по логике, аргументации, смелости, наконец. Создается впечатление, что подсудимые еще не потеряли веру в возможность справедливого приговора и не хотят затрагивать под занавес конфликтные темы, такие как незаконные методы следствия, давление внесудебной власти и т.п., чтобы не затруднять положение судей.

И последнее. Купюры, которые вынужден был сделать автор, в большинстве случаев связаны с крайней неразборчивостью почерка судейских работников,

усугубленной мелким масштабом фоторепродуцирования, за что автор приносит свои извинения. Выступления приводятся в том порядке, как обвиняемые выступали в суде.

Старов Петр Григорьевич

После моего ареста мною написаны записки, в которых я излагал, в каких условиях мне приходилось работать на заводе. Я просил эти записки приложить к делу, но этого сделано не было, и приложен протокол, где я оговорил себя. В деле имеется протокол очной ставки с Шаханиным, где мне не было задано ни одного вопроса. Шаханина увели, спросив его только, завербован ли я в к/р организацию, он ответил утвердительно, после чего был удален, а меня заставили подписать этот протокол. Недбаев в присутствии быв. директора госбанка Колмановича (реабилитирован в 1939 г.) и Равича (бывший директор 40-го, порохового завода), во время совместной с ними сидки (в камере №18 во 2-й пересыльной тюрьме Казани в августе – сентябре 1938 г.) заявил, что меня и других оклеветал, подписав под морально-физическим давлением составленный и отпечатанный без его участия протокол.

В своих докладных записках в Главк я просил выделить завод 27 из самолетного завода, т.к. все инструменты, станки, когда идут в наш завод, самолетный завод забирает себе, а мне что останется. Все обвинения, которые на меня возводятся, это обвинения 1934–1935 г.г.

Прошу суд в совещательной комнате учесть все моменты и сделать вывод, действительно ли имели место факты, которые указаны в обвинительном заключении. В таких больших стройках, как завод 124/27, бывает много ошибок. Много обнаружено ошибок в проектах. Сложность в этих стройках велика, и т.н. преступления, которые приписаны мне, не имели места.

Прошу суд учесть все приведенные мною доводы.

Кислов Иван Кузьмич

Представитель гос. обвинения подчеркнул мою принадлежность в прошлом к эсеровской организации. Формально в этой организации я не состоял, чл. билета не имел, чл. взносов не платил. Записался на митинге, записывались очень многие.

В партии эсеров я состоял от 2-х до 4 месяцев. В 1930 году меня вызвали с завода и предложили написать записку, что я не состою в этой партии, что я и сделал.

Прокурор сказал, что Кислов признал себя виновным на предварительном следствии, а потом отказался. Это неверно, я никогда не признавал себя виновным и никогда не отказывался.

Свидетели заявили, что ТЭЦ пущен в январе 1938 года, а задвижка была перекрыта в январе 1937 года, что не могло остановить пуск воды для ТЭЦ.

Подача заявок не входила в мои обязанности. Водозабор не являлся самостоятельной хозрасчетной единицей.

Я имел несчастье знать Шаханина по Коломенскому заводу, сюда же я приехал к детям, которые живут и работают в Казани. Я сам просил работы у Шаханина, а не он меня пригласил. Злыгостева я не приглашал на работу на завод 124.

Я дал показания правдивые суду, один только свидетель Молодов показал против меня, остальные свидетели не подтвердили, что я вредитель.

Никогда я не слышал и не знал, что на заводе существует к/р организация. С 11 лет я работаю, только при Сов. власти стал жить хорошо, так же и дети всем обязаны Сов. власти. Моя жена текстильщица. Поводов к вступлению в к/р организацию у меня не было.

При вынесении приговора прошу учесть показания свидетелей и вынести приговор в соответствии Советского закона.

Ермаков Афанасий Дмитриевич

В процессе судебного следствия установлено, что сметы составлены не мною. Отсюда можно заключить, что показания Шаханина ложь. На суд следствии не было ни одного случая в показаниях свидетелей, из которого можно было установить, что я был связан с Шаханиным. Остальных обвиняемых, сидящих со мной на скамье подсудимых, я увидел впервые в 1938 г. 25/IX в зале судебного заседания.

Меня обвиняют в вредительстве. Если анализировать весь материал, начиная со следств. экспертизы в прошлом году, эксперт Субченко заявил, что я был у него в подчинении. В действительности этого не было. Я работой с ним не был связан.

Новая экспертиза, созданная в 1940 году, ничего не нашла в моих сметах.

Я признаю, что были в моих сметах ошибки, но никаких к/р злодеяний с моей стороны не было. Если суд найдет меня виновным в допущении этих ошибок, осудите. 3 года, проведенные мною в тюрьме, для меня институт.

Криволап Иван Петрович

Мне предъявляется тяжелое обвинение, что будто бы я вредитель, состоял в к/р организации, которую я не знал и не знаю. Якобы я проводил вредительство в коммунальном отделе.

Со всей честностью, со всей правдивостью заявляю, что никогда не состоял в к/р организации. Я был честным работником и таким останусь до конца жизни.

Поводом к моему аресту послужил акт Ананьева. На суд следствии Вы, уважаемые судьи, убедились, что это за акт.

Гизатуллин Назиб Зайнулович

Я попал на скамью подсудимых по злой воле Шаханина.

Я думаю, что суд учтет мои показания. Еще раз заявляю, что я никогда не входил в к/р организацию, не вредил, работал честно, с 10 лет работал по найму. В дальнейшем также честно собираюсь работать, вложить всю душу на создание социализма, коммунизма не только в нашей стране, но и на всем земном шаре.

Махно Борис Поликарпович

По ходатайству прокурора были зачитаны показания свид. Викторова, которые опровергаются актом того же Викторова, где он указывает, что все объекты приняты им в хорошем состоянии. Я Викторова уволил с завода по настоянию Шаханина, вот и причина его клеветы не только на меня, но и на Бычкова.

Никакой преступности у себя не вижу, прошу суд отвергнуть акт экспертизы в отношении меня, ...что я не обеспечен оборудованием, прошу суд отвергнуть те показания, что я являюсь чл. к/р организации, т.к. эти показания противоречивы.

Если недостаточна документация в период организационный, которая потом была постепенно оформлена, если я виновен в том, что одна работница была доведена на работе до обморочного состояния, прошу эти деяния квалифицировать соответствующей статьей УК.

Яковлев Владимир Матвеевич

Отвергаю то обстоятельство, что прокурор в своей речи сказал, что я социально чуждый элемент. Отец и дед мои рабочие, мать сиделка в уездной больнице, где проработала 25 лет.

Я пришел к Шаханину с июня 35 года с запиской отдела кадров НКТП, до этого времени Шаханина совершенно не знал. Нет никаких предпосылок, что я завел какую-то дружбу с Шаханиным.

19/II я этапировался в Москву, ехать пришлось с Равичем (см. выше – прим. авт.), он мне сказал, что Недбаев от своих показаний, данных им ранее, где он оклеветал ряд работников, в том числе и меня, отказался. Можно проверить в пересыльном пункте, кто этапировался... в Москву, Вам скажут, что Яковлев, Равич и Шапиро есть в этом списке. Все показания Шаханина являются вымышленными. Я сам в к/р организации не состоял, никакой к/р работы не вел, и не мог вести, т.к. это противоречило бы всей работе за мою жизнь.

Если бы было постановление правительства в части приобретения электрооборудования, то не было бы тех трудностей, которые пришлось преодолеть... Экспертиза сделала неправильные выводы, чтобы ввести суд в заблуждение.

За 21 месяц в ТЭЦ вложен 21 млн. руб. и пущен в эксплуатацию. Станция работает 3 года и ни одной аварии не предъявлено. Весь амортизационный срок она проработает и ничего с ней не случится. Я никаких преступлений не совершал. Я дни и ночи проводил на станции. Я все время отдавал работе. Я прошу суд в совещательной комнате учесть все обстоятельства дела и вынести справедливый приговор. Я до конца жизни был, есть и буду коммунистом.

Бурый Константин Кирилович

В моих действиях ничего преступного, ничего подрывного не было.

Ни один свидетель не подтвердил о моей личной связи с Маршевым. На протяжении 3½ лет находясь под арестом, я категорически опровергал возводимые на меня обвинения. Я работал непрерывно 20 лет при советской власти. Она дала мне возможность лучше жить, я из рабочих, мог ли я думать о подрывной деятельности? За всю свою трудовую жизнь я ни разу не был опорочен следственными органами. Граждане судьи, я уверен, что Вы, уйдя в совещательную комнату, учтете все обстоятельства, изложенные адвокатом и мною, и вынесете справедливый приговор.

Поляков Александр Михайлович

По закону, весь учет лежит на бухгалтерии... До моего прихода на завод не было учета... Я организовал этот учет. Со мной вместе работал член ВКП(б) Гриченко, который не мог помогать мне в разваливании учета.

Экспертиза оклеветала меня, ввела в заблуждение следствие, поэтому я сижу в тюрьме. Экспертиза ввела в заблуждение и суд.

Как я могу нести ответственность за то, что завод не построен вовремя? По образованию я экономист-финансист.

Нельзя меня притягивать искусственно к Шаханину. Если Вы, граждане судьи, учтете это обстоятельство, Вы придете к выводу, что я не участник во вредительстве.

Отец мой был пенсионер, до самой смерти получал пенсию за свою долголетнюю работу. Я горжусь его 60-летней жизнью. Он был такой управляющий, что его в городе Спаске избирали членом городского Совета. И стыжусь я не своего отца.

Я к моменту прихода Советской власти был делопроизводитель. Но таких предпосылок, которые заставили бы меня сделаться членом контрреволюционной вредительской организации... Я много сделал при Советской власти полезного, что видно из моего трудового списка, приложенного к делу. Я работал как беспартийный большевик. Я работал на ответственных должностях. Неужели ком. партия в течение 20 лет доверяла мне, назначая на ответственные должности, а на 21 году я потерял ее доверие?

Я не хочу просить милости. Рассмотрите мой вопрос с большевистской прямотой, и вы увидите, что я не виновен.

Бусаров Иван Савельевич

Мне 49 лет. Большую часть сознательной жизни я прожил при Сов. власти. Был не последним членом ВКП(б). Справка с/сов. говорит о том, что я был середняк. Я прошел тяжелый путь от пастуха довоенного времени до советского инженера. Нет нигде на сегодня, что я такой отброс, как это квалифицируется в обвинительном заключении. Я приехал сюда большевиком, а не членом к/р организации. Что я большевистски взялся за улучшение работы. Вредных партии и производству действий я не производил.

Сидя в тюрьме, я долго перебирал в памяти, отыскивая то черное пятно, за которое я мог бы нести ответственность перед судом. И я не нашел этого пятна. Я был не плохой работник. Я член этого класса, который породил Советскую власть. Я был и остался большевиком, и в любую минуту докажу, что мне тяжело было думать, за что же я несу ответственность. Со всей правдивостью давал ответы на все задаваемые мне вопросы.

Прошу суд при вынесении приговора учесть все обстоятельства. Я не тот человек, каким меня обрисовало обвинительное заключение. Мое содержание под стражей – ошибка, которую, надеюсь, суд исправит.

Моргулев Яков Аронович

Приспешники Айвазова, желая ему угодить, стали вытаскивать из грязного белья завода все факты, которые могли бы послужить поводом для моего исключения из канд. ВКП(б), и меня исключили. Комиссия Советского контроля меня восстановила в кандидатах ВКП(б), и я снова вернулся к той работе, которую проводил до исключения. Спустя 2 месяца меня арестовали, и несмотря на мои протесты, что материал об исключении меня из кандидатов ВКП(б) расследован, и я восстановлен, этот материал приобщен к делу. Следствие не было заинтересовано в моей реабилитации.

В 1917 году я закончил городское училище, я выходец из бедной еврейской семьи. При Советской власти я стал инженером. Советская власть дала мне все, зачем же я стал бы вредить ей?

Маршев знал меня только по службе, и знал он меня как честного и преданного кандидата партии, и если бы он вздумал мне предлагать войти в к/р организацию, я бы ему дал достойный ответ. Что я сделал... чтобы требовал прокурор для меня высшей меры наказания?

Доказательств, что тепловод плохой, в деле нет. Упущения технических условий формально в тепловде есть. Это что построено при мне Теплосетьстроем. Я прошу суд об одном. Когда будете в совещательной комнате, учтите, в связи с показаниями свидетелей, время и место моей работы и круг моих обязанностей.

Ничем и никем клевета Шаханина, Недбаева не подтвердилась. В чем причина, благодаря чего я нахожусь на скамье подсудимых?

Меня обвиняют в том, что я не делал. Меня обвиняют за то, что мне пришлось исправлять, за ошибки других, за грехи других. Я не могу нести ответственности. Я работал честно и преданно. Никаких преступлений не совершал. Я спокойно буду ждать Вашего приговора.

Маршев Николай Дмитриевич

Все рабочие шли работать на Казмашстрой, зная, что там снабжение было лучше, чем на других предприятиях.

Прошу суд, когда будет решаться обо мне вопрос в совещательной комнате, мои дополнительные показания положить в основу моих обвинений. Все мои показания можно подтвердить документами.

Предъявленное мне обвинение на 95% притянута, вымышлено, остальное относится к тому времени, когда я не работал еще начальником строительства.

За 3½ года в тюрьме я остался таким же непоколебимым коммунистом, каким я был до заключения.

Шейнман Зелик Яковлевич

Для того чтобы предать смерти человека, нужны знания, а не логика. Прокурор в своих репликах заявил, что Шаханин не мог вредить один, отсюда он сделал вывод, что мы являлись его пособниками.

На предварительном следствии я не мог задать вопросов экспертизе, а на судебном следствии не были допущены свидетели Беговатов, Маркелов, Гладилин, которые могли пролить свет на это дело. По существу строительная экспертиза (Егерев) отказалась ответить на самые важные вопросы. Председатель экспертизы Гуслиев ответил суду, что заключение экспертизы осталось прежним, при полном молчании Егеревы, а Гуслиев ничего не смыслит в строительстве.

Если были задержки в сметах, в этом виноват Главк, а не я. То, на что были даны деньги мне, план выполнен и перевыполнен как за 1935–36 годы. За 37 год план выполнен на 80%...

Почему я не мог встать на контрреволюционный путь? Я в партию вступил в 1930 году, оппозиция была уже разгромлена. Я вступил в партию сознательно и шел по генеральной линии партии.

Окончил я школу с золотой медалью, но куда меня с золотой медалью не принимали в 1914 году. А теперь моя маленькая дочурка выбирает школу, в которой она будет учиться. Если бы я был контрреволюционер, я пошел бы против своих детей.

Если меня поведут на расстрел, я скажу: Да здравствует Сов. власть, да здравствует мировая революция!

Суд удалился на совещание для вынесения приговора в 12 ч. 45 мин.

Приговор был вынесен и оглашен на следующий день, 22 декабря 1940 года в 11 час.

Суд приговорил:

Гр-н Маршева, Шейнмана, Моргулева и Бурого – подвергнуть высшей мере наказания расстрелу с конфискацией лично принадлежащего им имущества;

Махно, Яковлева, Кислова, Бусарова – подвергнуть тюремному заключению сроком на 25 лет с конфискацией;

Старова – по совокупности то же на двадцать пять лет с конфискацией;

Криволапа – то же на 15 лет с конфискацией;

Гизатуллина – то же на 15 лет с конфискацией;

Ермакова и Полякова – то же на 20 лет каждого с конфискацией.

Подсудимых Махно, Яковлева, Кислова, Бусарова, Старова, Криволапа, Гизатуллина, Полякова и Ермакова по отбытии ими срока наказания поразить в избирательных правах сроком на 5 лет каждого.

Приговор по ст. 587 и 5811 окончательный и обжалованию не подлежит [там же, л. 338, 339].

«Я почувствовал, что в нижнюю часть позвоночника вонзилась смертельная стрела, причинив невыносимую боль. Она парализовала все мои силы, я понял только одно – сейчас упаду, и все... И в этот, казалось, последний критический момент сознание осветила мысль: «Все, что угодно, но падать нельзя, держись до конца». Еле живой, я продолжал стоять, не слушая дальше».

Это мог бы рассказать Маршев или Шейнман, Моргулев или Бурый, но они не оставили нам своих воспоминаний. Но кто передаст нам их состояние, как не человек, его уже испытывший! Этим человеком был Павел Аксенов, и это его слова [9].

Конвой вывел осужденных из зала и повел к «воронку». На улице стояла толпа. Маршев, да наверное, и другие подрасстрельные, шли с почерневшими лицами; из толпы раздался крик Риты Львовны, жены Маршева – она все поняла.

А дальше – снова у Павла Аксенова узнаем, что исполнение смертных приговоров в Казани происходило во внутренней тюрьме НКВД, причем осужденного помещали в камеру-одиночку без дневного света; а еще он упоминает такую камеру под №7, в которой было не 4, а 3 угла... [9]

Другие подробности [97]: «Каменный мешок», в 30-е годы наводивший невиданный ужас на всю интеллигенцию, – трехэтажное серое здание на Черном озере. В действительности оказалось шестиэтажным (три этажа под землей). «Грот» – камера смертника, в самом конце длинного полутемного коридора на самом нижнем этаже. 4 на 2 метра, железная дверь, как только ее открывают, ты обязан вскочить, положив ладонь на затылок. К цементному полу прикреплены же-

лезная кровать, но до отбоя не ляжешь – тут же гневный крик: «Встань, контра!».

Этим давление на психику не ограничивалось. Сын Маршева рассказал, что когда отца завели в камеру-одиночку, в ней стоял... гроб со стружками! Дескать, жди, все приготовлено... Не все ведь знали, что по приговору судебной коллегии по уголовным делам сразу не расстреливают. Хотя в советском уголовном праве апелляция не была предусмотрена, но был возможен пересмотр дела в порядке надзора, могла быть подана просьба о помиловании, а приговор, вступивший в силу, мог быть пересмотрен в порядке кассации. Да и гроб тут ни к чему, тем более со стружками, потому что врагов народа хоронили не в гробах, а вповалку в общих могилах.

И в довершение всего – через несколько дней в «Красной Татарии» ошибочно или провокационно было помещено сообщение, что приговор в отношении Маршева приведен в исполнение! Когда спустя много лет Маршев освободился, приехал в Казань и зашел в горком партии, увидевшая его знакомая упала в обморок.

Вряд ли чем-либо существенно отличалось от описанного положение других смертников – Шейнмана, Бурого и моего отца.

Вернувшийся в Москву Дивногорский успокаивал мать, что добьется отмены чудовищного приговора. Так же были настроены и другие адвокаты.

Но в отличие от тех осужденных, которые ждали действий защитников, Маршев поступил иначе. Как рассказывал Альберт Николаевич Маршев, отец потребовал разрешить ему послать телеграмму на имя Калинина: Михаил Иванович Калинин, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, по закону имел право помилования. Маршев написал текст телеграммы из 72 слов! Почему именно из семидесяти двух – а потому что это была максимально допустимая длина телеграммы по правилам Наркомата связи. Это был нестандартный ход, привлекающий внимание. Н.Д. Маршев интуитивно вышел на него, и как показало время, не ошибся. Что было в телеграмме, мы не знаем.

А Маршев стал ждать. Сразу не расстреляли. Ночью не спал, слушал шаги: смертные приговоры, как правило, приводились в исполнение ночью, от полуночи до 2 ч. Так прошло пять дней – ничего. Значит, где-то что-то сладилось, и надо ждать дальше.

И другие осужденные ждали.

Зима 1940 г. выдалась очень холодной. Морозы ночью доходили до 40–42 градусов... В Казанских тюрьмах, лагерях и колониях свирепствовали цинга, пеллагра, «куриная слепота» и другие болезни, возникающие на почве недоедания, авитаминоза [9].

А руководство НКВД в последние дни уходящего 1940-го года праздновало успехи. Опубликован Указ Президиума Верховного Совета ТАССР о награждении работников НКВД почетной грамотой: длинный список, в нем Новиков, Катерли, Чечельницкий, Бо-

ровков, Власов, Лапшин, Дунаев, Аргов, Горский, Га-тауллин, Сидоров, Исаков, Левашов, Журавлев, Козлов. Кто они, за что их наградили – никто не знает. А Морозов Ефрем Михайлович, наркомвнудел ТАССР, награжденный орденом «Знак Почета», выдвинут кандидатом в Совет национальностей Верховного Совета СССР.

Адвокаты Дивногорский, Михайловский и Эсаулов в это время готовили жалобы на приговор. Это были многостраничные (по 20–40 листов) просьбы адвокатов в Верховный Суд СССР о пересмотре дела в кассационном и ревизионном порядке [35, т. 23а, л. 538–582, л. 836–855]. Они читаются, как захватывающий детектив, поражая строгим, но изящным и экономным слогом, неумолимой логикой, едким сарказмом.

Единственную уступку истине адвокаты сделали в том, что «виновником» бед своих подзащитных назвали «врага народа» Шаханина, который «их оговорил». Они все приняли по умолчанию: Шаханин осужден, расстрелян. Его не спасти! Так пусть он остается врагом народа и припишем ему еще одну вину: клевету на наших доверителей! Прокурор и суд отказались нам его показать, преподнесли его заочные показания как истину в последней инстанции? А мы назовем их клеветой со стороны врага народа!

Мы уже упоминали в 10-й главе Заключение Центральной комиссии по пересмотру дел от 1954 года [35, т. 57, Протокол №24 от 21.10.54]. Его составители, распутав всю паутину хитросплетений НКВД, вышли на реабилитирующий результат. Но при этом, по существу, вольно или невольно повторили то, что было проделано добросовестными адвокатами еще до войны. Я ни в коем случае не хочу умалить роль людей, причастных к работе над Заключением: в Казани, в мае 1954 года, это были следователь Следственного отдела КГБ при СМ ТАССР Явкин и начальник этого отдела Яковлев; в Москве, в сентябре – прокурор отдела по надзору за органами милиции Прокуратуры СССР Любимцев и заместитель начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР Сучков. Используя материалы защиты за основу, они привлекли документы, которые адвокатам были неизвестны, недоступны, или вообще появились позже. Максимально сжали общий объем до 9 страниц для большей прозрачности и убедительности и в таком виде вынесли Заключение на рассмотрение Центральной комиссии по пересмотру дел, которая их утвердила 21 октября 1954 года. Из этого Заключения мы и приведем обширные выдержки, которые возвращают нас к судилищу Уголькова на «Процессе 13-ти» в далеком 1940 году.

[1] Несмотря на то, что Шаханин от своих показаний о существовании на авиазаводе 124 а/с вредительской организации отказался еще задолго (почти за четыре года) до окончания расследования по делу Маршева, Шейнмана, Бусарова и др., это обстоятельство не было отражено в их деле...

[2] Маршев... показал, что летом 1936 года он докладывал зам. начальника I Главка НКВД Хайдукову о состоянии

строительства авиазавода и был завербован им в а/с вредительскую организацию в авиационной промышленности. На этом же допросе Маршев показал, что он лично сам во второй половине 1936 года завербовал в эту организацию Шейнмана, Моргулева, Криволапа, Бурого, Гизатуллина. На последующих допросах Маршев от этих показаний отказался... Пояснил, что эти показания... он дал в результате применения к нему незаконных методов воздействия во время допросов (избиения, длительные допросы стоя, лишение пищи и воды).

Указанный выше Хайдуков по делу Маршева не допрошен и данных о привлечении его к уголовной ответственности в этом деле нет. Изучением же дела по Хайдукову... установлено, что он 8 августа 1938 года по своему делу был допрошен по показаниям Шаханина, Бусарова и Маршева и показал, что Маршев им был завербован в а/с организацию в начале 1937 г. (а не летом 1936 г., как показал Маршев). Следует отметить, что сам он был завербован Туполевым в конце 1936 г.

Таким образом, если верить показаниям Маршева, он был завербован Хайдуковым тогда, когда последний сам еще не был ее участником (Хайдуков осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу, на суде виновным себя не признал).

[3] На допросе от 8 августа 1938 г. Хайдуков также показал, что кроме Маршева им в а/с вредительскую организацию летом 1937 г. был завербован еще Бусаров, которого он после вербовки направил на работу в Казань на должность начальника строительства завода 124 вместо Маршева, освобожденного от этой должности... Бусаров... на допросе же 10 августа 1938 г. вербовку его Хайдуковым... подтвердил, однако, на последующих допросах... отказался, как не соответствующих действительности.

[4] Яковлев, Старов, Поляков, Ермаков, и Моргулев в начале также не признавали себя виновными в а/с деятельности. Затем признали, что они являлись участниками а/с вредительской организации на заводе 124... На последующих же допросах так же, как и Маршев и Бусаров, от этих показаний отказались, мотивируя это тем, что оговорили себя в результате применения к ним во время допросов незаконных методов воздействия...

[5] К делу приобщены выписки из протоколов допросов арестованных по другим делам Недбаева, Злыгостева, Дайбог, Жукова, Айвазова, Безух и Зайнутдинова. Эти лица показали, что им, как участникам а/с вредительской организации на авиазаводе 124, от Шаханина, Дайбога и Криволапа известно, что в эту организацию входили также обвиняемые по настоящему делу.

Однако, Шаханин, как было указано выше, от своих показаний о существовании... вредительской организации отказался.

Дайбог впоследствии также отказался от своих показаний и заявил, что он оклеветал Маршева, Шейнмана и других обвиняемых. Виновным себя в принадлежности к а/с организации и во вредительской деятельности также не признал.

Криволап же вообще не дал показаний о существовании на авиазаводе 124 а/с организации...

По данным учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР Злыгостев, Безух и Зайнутдинов осужденными за принадлежность к а/с вредительской организации не значатся.

[6] Такие же противоречия имеются в показаниях и других обвиняемых.

Так, Шаханин показал, что он был завербован... Туполевым в июле 1937 г. и во второй половине 1937 г. в своем рабочем кабинете на авиазаводе 124 связался по подрывной работе с начальником строительства этого завода Маршевым, тогда как Маршев еще 7 июня с этой должности был снят и 16 июня строительство сдал своему преемнику Бусарову.

Арестованные по другим делам Злыгостев и Дайбог показали, что они были завербованы Шаханиным в а/с организацию во второй половине 1936 г. (Злыгостев – в сентябре 1936 г. и Дайбог – в конце 1936 г.) и назвали как участников организации обвиняемых по настоящему делу Махно, Яковлева и Кислова. Сам же Шаханин, как указано выше, был завербован в эту организацию лишь в июле 1937 г. Таким образом, Шаханин вербовал... других лиц тогда, когда он сам не был ее участником.

Маршев же на допросе от 3 – 4 июля 1938 г. показал, что им в разное время 1936 г. были завербованы в а/с организацию Шейнман, Моргулев, Криволап, Бурый, Гизатуллин и Садовский, тогда как сам Маршев, если верить показаниям Хайдукова, был завербован в эту организацию лишь в начале 1937 г.

Ермаков на допросе от 9 декабря 1937 г. показал, что он был завербован... Садовским в конце июня 1934 г., а на допросе от 17 декабря того же года заявил, что его Садовский завербовал... в 1935 г. По показаниям же Маршева сам Садовский был завербован им в а/с организацию в 1936 г. Следует также отметить, что Садовский, несмотря на показания Маршева и Ермакова... к уголовной ответственности не привлечен, и лишь 27 марта 1940 г. материалы на него выделены... в отдельное производство.

[7] Из изложенного выше видно, что обвинение (перечисляются все 13 осужденных – прим. авт.) в принадлежности к а/с вредительской организации на строительстве авиазавода 124/27 основано на противоречивых показаниях самих обвиняемых, от которых они впоследствии отказались. Объективных же доказательств существования... организации и принадлежности к ней обвиняемых... не имеется.

[8] В заключении технической и финансовой экспертиз от 23 марта 1940 г. указано:

«Преступная деятельность обвиняемых по делу ... заключалась, в основном, в следующем:

1. Систематический срыв выполнения плана строительных работ, неиспользование отпускавшихся средств и использование части их не по назначению.

2. Осуществление строительства с несоблюдением основных технических условий, что приводило к разрушению и авариям уже построенных зданий и сооружений...

3. Распыление строительства и создание недоделок... в результате чего объекты... в течение длительного времени не вводились в эксплуатацию и средства омертвевали.

4. Бесплановость и бесхозяйственность ведения строительных работ и несвоевременное обеспечение проектами и сметами строящихся объектов.

5. Создание диспропорции между промышленным и жилищно-коммунальным строительством... и между отдельными промышленными сооружениями...

6. В систематическом обмане центральных органов оборонной промышленности с действительным состоянием и возможностями производства самолетов на заводе.

7. В омертвлении десятков миллионов рублей в незавершенном производстве и срыве выпуска самолетов и моторов».

Таким образом, экспертная комиссия, в нарушение ст. 171 УПК РСФСР, в своем заключении вместо дачи ответов на поставленные вопросы дала развернутую формулу обвинения. При этом сделала вывод: «Все вышеприведенные действия были направлены на подрыв оборонной мощи страны и нанесение материального ущерба государству».

[9] Заключение экспертной комиссии составлено необъективно.

Так, все отмеченные... недостатки отнесены ко всем обвиняемым по настоящему делу, тогда как материалами дела установлено, что эти недостатки в основном относятся к 1932–1936 годам, а обвиняемые Бусаров, Кислов, Махно, Поляков и Яковлев в эти годы на строительстве завода не работали...

Экспертная комиссия всю вину за недостатки в проектировании... возложила на обвиняемых по настоящему делу, тогда как проектирование этого завода производилось несколькими проектными организациями (Гипроавиа, Оргаметалл, проектный отдел УКСа), причем ни одна из этих организаций не заканчивала проекты, что влекло за собой большие неувязки и затраты государственных средств.

Следует также отметить, что проектирование производилось без четких заданий со стороны вышестоящих органов авиапромышленности, в результате чего проекты неоднократно менялись и строительство велось с отклонениями от технических условий, что приводило к дефектам... и авариям.

Экспертная комиссия и следствие всю вину за недостатки... отнесли на обвиняемых по делу и не обратили внимания на выполнение договоров по строительству этих объектов подрядчиками и субподрядчиками, которые должны были отвечать за сроки и качество строительства. Вопросами виновности лиц, непосредственно занимавшихся строительством тех или иных объектов, признанных построенными вредительски, экспертная комиссия не занималась.

[10] Следствие и экспертная комиссия, не уточнив, к какому периоду относятся те или иные недостатки... не разграничили и виновность каждого обвиняемого в отдельности за тот или иной недостаток...

[11] В результате дачи... общих и необоснованных выводов, некоторые из них самой же комиссией были опровергнуты.

Так, в заключении... указано, что за обрушение кровли производственного корпуса и дымососного отделения ТЭЦ ответственными являются начальник строительства Мар-

шев и главный инженер... Шейнман... В судебном же заседании Верховного Суда Тат АССР от 11 ноября – 22 декабря 1940 года экспертной комиссией было заявлено: «...Маршев, выполняя административные обязанности, за дефекты технического характера... ответственности не несет, в данном случае... указанные дефекты в зданиях относятся к категории технических, поэтому отношения к... Маршеву не имеют». Далее экспертной комиссией пояснено: «Участие Маршева в строительстве дымососного отделения документами и судебным следствием не подтверждается».

Следует также отметить, что объекты, на которых произошли обрушения, строились в 1933–1936 годы, тогда как Маршев работал начальником строительства... лишь в январе – июне 1937 года, а Шейнман должность главного инженера... занимал с 1936 года.

Ермаков признан виновным в составлении вредительских смет, в то время как составленные им сметы проходили через контрольную группу и визировались опытными инженерами.

В заключении... указано, что Криволап, будучи начальником коммунального отдела, разбазаривал, растрачивал и расхищал государственные средства, но что именно похитил Криволап и на какую сумму, в заключении экспертизы и в деле не отражено.

Старов признан виновным в том, что он отстаивал вредительский вариант постройки самолетного и моторного завода под одной крышей, тогда как... строительство этих заводов под одной крышей было начато в 1932–1933 годы, а Старов стал работать на этом строительстве лишь с июня 1935 г.

Кислов признан виновным в принятии вредительски смонтированных насосов, однако, лица, непосредственно занимавшиеся монтажом этих насосов, к ответственности не привлечены.

Аналогичные противоречия в материалах дела имеются и в отношении других обвиняемых.

[12] ...Строительство объектов, которые были признаны построенными вредительски, производились в 1932–1936 годы, а а/с организация на строительстве, по показаниям обвиняемых (от которых они затем отказались), была создана лишь 1936–1937 годы

[13] По делу допрошены ряд свидетелей, работавших на строительстве авиазавода 124/27, которые дали показания об известных им дефектах и неполадках на строительстве и монтажных работах и сделали предположения, что эти дефекты и недостатки явились результатом вредительской деятельности обвиняемых...

[14] Маршев, Шейнман, Моргулев и Бурый были приговорены по ст.ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу, а остальные обвиняемые по этим же статьям УК... к различным срокам тюремного заключения.

[15] По жалобам осужденных этот приговор Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 24 мая 1941 года [11.34] как необоснованный, был отменен, и дело было возвращено для нового судебного рассмотрения.

В этом месте в цитируемом документе по неясным причинам допущен пропуск еще одного фактического эпизода.

Этот эпизод и некоторые примечательные подробности ниже восполняем по материалам архивно-следственного дела №2-2735 и другим источникам. Но сначала отметим, что вышеуказанное Определение СК УК ВС СССР было воспринято всеми осужденными как полный успех их защитников, которые выполнили свою задачу! Поскольку было определено:

Дело... направить на новое рассмотрение со стадии судебного следствия. Дело на рассмотрение в качестве первой инстанции передать в Верховный суд РСФСР.

Со слов матери я знаю, что предусматривалось выездное заседание этого суда в Казани. Предполагали, это будет предрешать оправдание всей группы осужденных...

Бусаров в одном из своих заявлений «наверх» приводит эту информацию в дополненном виде:

– Несмотря на то, что дело разбиралось более 3½ лет, преступление не доказано.

– Считать подсудимых не судившимися.

– Судью Уголькова с работы снять.

– Судебную коллегия по уголовным делам Верховсуда ТАССР распустить.

– Дело передать на пересмотр в Коллегию Верховного Суда РСФСР в порядке выездной сессии.

Источник этих подробностей нам установить не удалось, но Бусаров повторяет их и в обращении к начальнику следственного отдела КГБ при СМ ТАССР подполковнику С.Я. Яковлеву 16 марта 1954 года [35, л. 89–91].

Но пока выездная сессия к июлю подготавливалась, 22 июня 1941 года началась война, и вышеуказанное Определение не смогло быть проведено в жизнь.

И тогда та же инстанция вынесла новое Определение [там же, л. 887].

[16] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 2 июля 1941 г.

Принимая во внимание, что направление дела на новое рассмотрение в ВС РСФСР вызывает большие затруднения, СК по УК ВС СССР определила:

Дело направить для нового рассмотрения в Верховный Суд ТАССР.

Но и ВС ТАССР дело не рассматривал, а спустя чуть ли не полгода, 23 декабря 1941 года, запросил в НКВД о местонахождении осужденных по Приговору от 11/XI – 22/XII-40 г. и 27 декабря получил ответ, касающийся только 8-ми человек из 13-ти:

Бусаров Иван Савельевич и Старов Петр Григорьевич содержатся в ИТК №1 г. Казани.

З/к.з/к. Ермаков... Криволап... Махно... Яковлев... Кислов... и Гизатуллин – этапированы 2/IV-41 г. в Ухтижемлаг НКВД».

*Начальник ОУРЗ ОИТК НКВД ТАССР
Ст. инспектор [там же, л. 889]*

Верховный суд, очевидно, не перечислил фамилии всех 13-ти заключенных, а начальник ОУРЗ Марков о ком знал, о тех и написал. В итоге оказались пропущены Моргулев, Поляков, Шейнман, которые содержались в казанском ИТК-1, и этапированный в Ивдельлаг Свердловской области Бурый.

Отдельно надо сказать о последнем из пропущенных – Маршеве. Команда из секретариата Калинина пришла в мае 1941 года, Маршева стали готовить к отправке в Москву. Повезли в столыпинском вагоне. Долго стояли у Зеленого Дола, потом опять встали в Свяжске, и тут началась суета: ВОЙНА! Спустя две недели вернули в Казань и этапировали в Ивдель.

[17] Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 25 декабря 1941 г. Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС СССР от 2 июля 1941 г. также было отменено, и дело возвращено для дополнительного расследования.

31 декабря Зам. Председателя Верховсуда СССР Никитченко письмом препроводил дело и это Определение Председателю Верховсуда Татарской АССР для исполнения [там же, л. 915].

Интересно, заметил ли Никитченко, что по существу это Определение дезавуирует его собственный приговор Шаханину трехгодичной давности?

Как писал Бусаров в выше упоминавшемся заявлении «в верха», это последнее Постановление явилось результатом ходатайства 3-го отдела НКВД Татарии о возврате дела на новое рассмотрение прокурору по спецделам ТАССР Перову (то есть не органам следствия НКВД).

Но так ли это, не ошибался ли Бусаров в подлинных намерениях НКВД?

Дело в том, что как раз в этом временном интервале, а именно, 21 ноября 1941 года, появился приказ НКВД СССР №001613 «О работе Особого Совещания НКВД СССР» [98], коим руководителям территориальных органов НКВД приказывалось впредь все без исключения заключенные следствием дела (это явная оговорка или опечатка: очевидно – законченные – прим. авт.), возникающие в органах НКВД по преступлениям, предусмотренным ст. 58, направлять на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР. Одновременно, согласно приказу, Государственным Комитетом Обороны Особому Совещанию было предоставлено право выносить меры наказания вплоть до расстрела, чего ранее не было. И у НКВД ТАССР мог появиться соблазн представить переследствие как «законченное следствием дело» и подвести под вышеупомянутый приказ.

Вне зависимости от правомерности такого предположения, важно другое. Как продолжал Бусаров в своем заявлении, прокурор ТАССР по спецделам Перов переследствием не занимался.

Так закончился 1941 год.

[18] ...Доследование по делу не производилось, и в июле 1942 г. оно было направлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

А положение тех, кто остался в заключении в Казани, с началом войны ухудшилось. На конец 1941 года их было пятеро: Бусаров, Старов, Моргулев, Поляков, Шейнман. Недоедание, о котором писал Павел Аksenov, сменилось подлинным голодом. «В октябре 1941 года: в 5 утра – чайник с кипятком, 350 грамм хлеба и соль. Днем – баланда» [97].

11. Перемены участи: на пути к «Особому совещанию»

Не станем долго интриговать читателя: эпиграф не из 1938 или 1948 года, а из статьи В.И. Ленина «Иван Васильевич Бабушкин» 1910 года. Могли ли подумать тогда читатели-«искровцы», что текст окажется и вещим, и зловещим?

Каким образом НКВД и прокуратуре Татарской республики удалось заблокировать решения высшей судебной инстанции страны?

Вообще, такие беспардонные ходы известны в истории сталинских репрессий. Вот пример, который по времени совершения и фабуле весьма приближен к описываемым событиям, хотя дело происходило на другом конце страны – в Якутии. Там в апреле – мае 1940 года состоялось закрытое заседание ВС ЯАССР, известное в литературе под названием «Процесса двадцати пяти», или «Центрального дела». Перед судом предстали 25 подсудимых (вначале в список привлеченных по делу №2148 вошло 42 человека, некоторые были освобождены, часть проходила по другим делам). Лишь 9 человек из 25 признали себя виновными, давали разноречивые показания, частично отказываясь от них. ВК ВС СССР 11 сентября 1940 года отменил приговор ВС ЯАССР и возвратил дело в 31 томе, 24 приложениях, 3 томах протоколов судебных заседаний на новое рассмотрение в НКВД ЯАССР. ВС ЯАССР два раза возвращал дело на доследование. В итоге дело, разобшенное на части, было направлено ОСО при НКВД СССР под председательством Л.П. Берии.

Примерно так же отреагировали и в Казани на решение Пленума Верховного суда СССР по делу Казанского авиазавода. В Заключении Центральной комиссии по пересмотру дел говорится:

Невыполнение Постановления Пленума Верховного Суда СССР о доследовании по делу и направление его на рассмотрение ОСО при НКВД мотивировалось тем, что авиазавода 124/27 к тому времени в г. Казани уже не было, архивы этого завода не сохранились, работавшие на нем лица из г. Казани выбыли в другие города СССР и в Советскую армию и 6 обвиняемых по делу этапированы в дальние лагеря НКВД.

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь без остатка отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что случилось с ним: мается ли он где-то на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватках с врагом.

Правда, в Заключении не указано, в каком документе изложена эта мотивировка, ясно только, что она исходит из НКВД ТАССР, ибо это его прерогатива – направлять дело на ОСО. Рассмотрим поочередно мотивы, которыми было обосновано направление дела на ОСО.

«Авиазавода 124/27 к тому времени в г. Казани уже не было».

Решение об эвакуации гиганта самолетостроения Московского авиационного завода им. С.П. Горбунова в Казань было принято 8 октября 1941 года.

Незадолго до войны, в рамках Пакта Риббентроп – Молотов, советская и германская стороны обменялись визитами делегаций авиаспециалистов. Немцы пригласили на завод Мессершмидта, где показали новейшую версию истребителя «Мессершмидт-109». Показали также состоящий уже несколько лет на вооружении (и зарекомендовавший себя в боевом применении в Испании) пикирующий бомбардировщик «Ю-87», но последняя советская делегация недооценила. Наши познакомили немцев с заводом №22 в Москве, главным производителем тяжелых бомбардировщиков, и с заводом №19 в Перми, производителем авиамоторов А.Д. Швецова. Когда через месяц после начала войны немцы начали налеты на Москву, одной из главных целей как раз и был завод №22 имени С. П. Горбунова. Во время первого массированного налета одному из самолетов действительно удалось сбросить бомбы «в нужное место», небо заволочло клубами дыма и пламени... Немцы растроили, что уничтожили крупнейший советский авиазавод, но обмишурились! Здесь же в Филях, рядом с авиазаводом №22 союзного значения, находился местный толе-рубероидный завод. Он-то и дал «дым и пламень». (Эту историю со слов очевидца, главного механика завода-погорельца, рассказал Я.Э. Белопольский. – *Прим. авт.*)

После этого в соседнем с Филями Крылатском был срочно выстроен из фанеры ложный авиазавод. Его в основном и стали бомбить немцы. Но происшествие, не исключено, ускорило перебазирование в Казань. Завод разместился на территории Казанского авиаци-

онного завода им. Г.К. Орджоникидзе. Уже через месяц после прибытия он начал выпускать пикирующие бомбардировщики Пе-2. 27 декабря было принято решение о слиянии Московского и Казанского авиационных заводов в один коллектив, решающий важную оборонную задачу. Директором завода стал В.А. Окулов, партгором ЦК – Н.А. Жуков.

Итак, до 27 декабря завод №124, как юридическое лицо, существовал. Что же мешало ВС ТАССР в течение полугода начать пересмотр дела в соответствии с Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС СССР от 2 июля того же года? Почему 23 декабря он всего лишь запросил о местонахождении осужденных по приговору?

С другой стороны, в этот же период НКВД сделал шаг для затягивания процедуры решения судьбы осужденных: он ходатайствовал, чтобы вместо повторного рассмотрения дела в суде оно было направлено для дополнительного расследования в прокуратуру (то есть со стадии предварительного следствия), результатом чего явилось Определение Пленума ВС СССР от 25 декабря 1941 года.

Таким образом, утверждение, будто «авиазавода уже не было», несостоятельно по сути, а на деле оно служило прикрытием блокирующих действий НКВД.

«Архивы этого завода не сохранились».

Утверждение вовсе абсурдно. Если даже произошло слияние двух юридических лиц, это в СССР никогда не означало, что исчезли архивы, личные дела сотрудников каждого из предприятий!

«Работавшие на нем лица из г. Казани выбыли в другие города СССР и в Советскую армию».

Непосредственно перед началом войны и завод, и ТЭЦ работали в напряженном режиме по правительственным программам реконструкции и развития самолетостроительных и моторных заводов от июня и от сентября 1939 года. На это были выделены большие ассигнования. В частности, на заводе осваивалось серийное производство перспективного бомбардировщика ТБ-7 (ПЕ-8), а на ТЭЦ устанавливался второй турбогенератор (марки Т-50, на повышенные параметры пара). Работы было невпроворот.

Наряду с этим, в стране были приняты новые суровые законы, направленные на укрепление дисциплины, увольнение по собственному желанию допускалось лишь в редчайших, особых случаях. А с началом войны уход с работы по собственному желанию и стал вовсе невозможен. Что касается призыва в действующую армию, то ведущие работники стратегических оборонных предприятий – специалисты, рабочие-станочники, управленцы – как известно, имели в годы войны бронь.

И потом: кто, собственно, нужен прокуратуре, чтобы провести дополнительное расследование, с учетом обстоятельных материалов, уже собранных защитниками? Еще два-три новых свидетеля? Повторно допросить трех-четырёх прежних свидетелей?

«6 обвиняемых по делу этапированы в дальние лагеря НКВД».

Этот мотив действительно вызывает вопросы. Во-первых, на самом деле этапированы не шесть, а восемь человек. А во-вторых, на каком основании они этапированы? Ведь приговор отменен высшей судебной инстанцией страны! Дело находится на пересмотре! Все проходившие по делу должны находиться в равном положении и быть одинаково доступны для новых судебных или иных следственных действий, то есть находиться по месту осуждения, в Казани.

Но, может быть, восьмерых просто негде содержать, все заполнено под завязку? Не скажите. Смотрите справку [99]:

Дислокация тюрем и число заключенных в Казани по состоянию на 20.03.1941.

Всего 2462 человек, в том числе:
в тюрьме №1 («Красинская») 1399;
в тюрьме №2 («Следственно-пересыльная») 681;
в психиатрической больнице 257;
в тюремной больнице 125.

Здесь не упомянуты «Плетеневская» тюрьма (видимо, она числится как ИТК) и Внутренняя тюрьма НКВД, но и вышеуказанные тюрьмы отнюдь не переполнены, как в 1937–1938 годах.

А теперь, очевидно, этапированных необходимо вернуть, да вот незадача: лагеря-то дальние! Дальние? Посмотрим на карту ГУЛАГа, которая называется «Дислокация исправительно-трудовых лагерей МВД СССР на 27.02.53» [98], к этому времени их было без малого сто.

Действительно, есть лагеря дальние (Восточная Сибирь, Дальний Восток), есть особо труднодоступные (за северным полярным кругом). Например, Берлаг (на Колыме, у Магадана); Алданлаг (на Алдане); Норильлаг (на Енисее); Воркутлаг.

По сравнению с ними Ухтижемлаг в Коми АССР (между Северной Двиной и Печорой в их верхнем течении) и тем более Ивдельлаг (еще южнее), куда были отправлены осужденные по делу Казанского авиазавода, отдаленными не назовешь. Кроме того, движение по Архипелагу ГУЛАГ даже во время войны не прекращалось, он действовал, как хорошо смазанный механизм! Ходили этапы, к эшелонам прицепляли вагонзаки... К Ухтижемлагу вела Печорская ж.д., к Ивдельлагу – 1-я Свердловская ж.д. Как отправили, так могли и вернуть. Было бы желание!

Констатируем: ни один из доводов, приведенных НКВД в обоснование передачи дела на ОСО в обход законному, предписанному судом пути решения вопроса, не состоятелен.

Теперь о том, что такое – передать дело на ОСО, чего можно было ожидать от ОСО и что оно постановило в отношении ранее осужденных по отмененному приговору?

Через ОСО за двадцать лет его существования прошло около 450 тысяч дел и примерно столько же человеческих судеб.

Известна записка министра внутренних дел С. Круглова и генерального прокурора Р. Руденко от 19 де-

кабря 1953 года секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву «О предложениях в отношении лиц, осужденных Особым совещанием при НКВД – МГБ СССР за время его существования». В ней, в частности, сообщается о числе рассмотренных дел по годам с 5 ноября 1934 года по 1 сентября 1953 года:

1937	17 911
1938	45 768
1939	13 021
1940	49 912
1941	26 539
1942	77 548
1943	25 134
1944	10 611
1945	26 531
1946	8 320
1947	13 393
1948	17 257
1949	38 460
1950	19 419
1951	9 076
1952	958
1953	204

Итого 449536 дел.

Другой документ – письмо Н.С. Хрущеву от тех же чинов и министра юстиции К. Горшенина от 1 февраля 1954 года – дополняет, что по рассмотренным делам было осуждено 442 531 человек, в том числе к ВМН – 10 101 человек [98].

Возвращаясь к таблице, замечаем резко неравномерное распределение дел по годам, которое явно согласуется с внутренней социально-политической ситуацией в стране. Особенно выделяется 1942-й год: начавшаяся война хотя и отвлекла силы «органов» на противодействие подлинному, внешнему врагу, но не изменила их репрессивной сущности. И как следствие, обусловила гигантский всплеск внесудебного рассмотрения находившихся в сфере их влияния дел (77 548 за один год!).

Внесудебное рассмотрение на ОСО являлось таким же фарсом, как и судебное рассмотрение на ВК ВС по «Сталинскому списку». Картину процедуры в ОСО, правда, относящуюся к началу 50-х годов, оставил бывший прокурор отдела Генпрокуратуры Владимир Щербаков [100]:

В секретариат ОСО с мест поступало обыкновенное уголовное дело, которое изучалось оперативным составом ГБ и надзирающим прокурором. В рабочем порядке шел обмен мнениями и по событию преступления, и по доказательствам, и по личности обвиняемого, и, наконец, по сроку наказания. В случае отсутствия расхождений во мнениях между оперативниками и прокурором дело выносилось на рассмотрение на ОСО.

Теперь представьте себе огромную залу, вдоль стен которой стоят стулья в один ряд, образуя незамкнутый прямоугольник. Он прерывается с одной стороны столом для членов ОСО, а с противоположной – дверью залы. От стола для членов совещания аппендиксом уходит длинный стол, за которым сидят прокуроры – военные и гражданские.

По периметру залы плечом к плечу сидят оперуполномоченные ГБ, готовые к докладу дел ОСО. Самих материалов уголовных дел в зале заседания нет. На столе у каждого члена совещания лежит альбом, в котором один лист – один обвиняемый. На этом листе анкетные данные обвиняемого, краткая характеристика преступления и предлагаемая мера наказания.

Входят члены ОСО. Все встают и стоят, пока не сядет председатель.

Первый оперативный уполномоченный встает и, подойдя к небольшой стойке, по-военному докладывает: к примеру, Иванов Иван Иванович... года рождения, из крестьян, находясь в рядах СА, добровольно сдался врагу, служил в РОА, предлагается 25 лет ИТЛ.

Прокурор едва успевает подняться и произнести «Согласен», как место первого докладчика занимает следующий и докладывает свое дело. Члены ОСО едва успевают записать страницу и перевернуть лист в альбоме.

Итак, дела на 13 заключенных, бывших работников завода №124/27 и ГССК по строительству этого завода, общий судебный приговор в отношении которых был отменен, в конечном счете поступили на ОСО. И 25 ноября 1942 года были рассмотрены по схеме, которую мы выше описали. Заключенные об этом до поры до времени оставались в полном неведении...

Теперь сопоставим наказания по отмененному приговору и по решению ОСО.

Заключенный	Наказание по приговору	Наказание по решению
Маршев Н. Д.	ВМН	15 лет ИТЛ
Шейнман З. Я.	ВМН	10 лет ИТЛ
Моргулев Я. А.	ВМН	10 лет ИТЛ
Бурый К. К.	ВМН	10 лет ИТЛ
Старов П. Г.	25 лет	10 лет ИТЛ
Яковлев В. М.	25 лет	10 лет ИТЛ
Кислов И. К.	25 лет	10 лет ИТЛ
Махно Б. П.	25 лет	10 лет ИТЛ
Бусаров И. С.	25 лет	10 лет ИТЛ
Ермаков А. Д.	20 лет	10 лет ИТЛ
Поляков А. М.	20 лет	8 лет ИТЛ
Гизатуллин Н. З.	15 лет	8 лет ИТЛ
Криволап И. П.	15 лет	10 лет ИТЛ

Конечно, ОСО смягчило наказания по приговору, но... Ведь и эти суровые наказания – за принадлежность к а/с к.р. вредительской организации, которой не было в природе! А еще за упущения в работе, совершенные другими людьми и в другое время! И потом, люди уже по 4–5 лет отсидели!

В архивно-следственном деле есть обращение В.М. Яковлева из ссылки в Кумертау Ворошилову,

когда тот уже занимал пост председателя Президиума Верховного совета СССР. Яковлев считает, что НКВД Татарии не представило в ОСО те материалы, на основании которых Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор со стадии предварительного следствия! Там же архивировано послание Бусарова из ссылки в Акчатау «Товарищу Яковлеву Сергею Яковлевичу» (начальнику Следственного отдела КГБ ТАССР) от 16 марта 1954 года; Бусаров считает, что документы при направлении дела на ОСО были подобраны тенденциозно [35, т. 57, л. 6 и 90].

Далее. Решение ОСО предусматривало заключение в ИТЛ, в то время как НКВД ТАССР самовольно оставил нескольких осужденных, по существу, в тюремных условиях ИТК-1 г. Казани («Плетеневская» тюрьма), а это далеко не одно и то же!

Кто же в НКВД был за все в ответе?

В марте 1941 года НКВД Татарии на короткое время был разделен на НКГБ, руководителем которого остался Е. Морозов, и НКВД во главе с А.Г. Габитовым. Воссоединение состоялось вскоре после начала войны, в июле 1941 года. При этом наркомом на ближайшие два года стал Габитов, повышенный в звании до майора, а его заместителем по госбезопасности – лейтенант госбезопасности Ш.З. Ченборисов. Постановлением Правительства СССР Казань была отнесена к режимным городам первой категории. Это требовало строгого контроля за обеспечением паспортного режима, а с учетом казанской специфики – еще и удаления всех, кто подпадал под паспортные ограничения. В Казань были эвакуированы Центральная кладовая Госбанка, несколько военных авиазаводов, 2-й часовой завод, ряд институтов Академии наук, ориентированных на оборону, а значит, они должны были надежно охраняться. Несомненно, была усилена и охрана важнейших объектов жизнеобеспечения. 12 октября был введен режим полной светомаскировки. Велись поиски и поимка дезертиров. В газетах сообщалось об осуждении лиц, уличенных в распространении ложных провокационных слухов. Кроме того (но об этом газеты молчали), на авиазаводах №16 и №22 были организованы «шарашки», а значит, и создан особый штат обеспечения режима.

Все, что мы перечислили, напрямую входило в сферу деятельности НКВД как главнейшая, ключевая задача. Притом, 26 октября был образован Казанский Комитет обороны, в который, наряду с Алемасовым, Гафиатуллинским и военным комендантом города Спирьковым, также вошел и Габитов.

Около тридцати сотрудников центрального аппарата НКВД отобрали и направили в действующую армию. И вот в напряженной обстановке военного времени при дефиците сотрудников нарком Габитов продолжает игры на поле *борьбы с врагами народа*. Он определяет, какие материалы надо представить на ОСО. Он выдергивает своего зама Ченборисова и поручает ему отправиться в Москву для участия в заседании ОСО.

Судя по приказу НКВД СССР №001613 от 21 ноября 1941 года «О работе Особого Совещания НКВД СССР» [98, с. 128, 129], рассмотрение дел во время войны происходило не так, как в 50-е годы. На ОСО поступало не следственное (уголовное) дело, а обвинительное заключение с предполагаемой мерой наказания, утвержденное республиканским наркомом (начальником УНКВД) и соответствующим прокурором; а доклад Особому Совещанию делал лично руководитель или ответственный представитель НКВД (УНКВД).

Остается неясным, кто конкретно установил меры наказания на ОСО. Если команда Габитова предложила тот же запредельный вариант, который в свое время нарком Морозов направил в Верховный Суд ТАССР, тогда выходит, что меры наказания снизило само ОСО. Это маловероятно хотя бы из-за спешки, в которой принимались там решения. Остается предполагать, что «умеренный» вариант подправили заранее в Казани.

Как далось это отступление, почему на него были вынуждены пойти? Кто его инициировал? Габитов? Алемасов? По воспоминаниям и П.В. Аксенова, и Н.Д. Маршева, на протяжении 1937–1941 годов 1-й секретарь обкома ВКП(б) Алемасов неоднократно вмешивался в ход преследований по политическим мотивам в Казани. И всегда – только в сторону ужесточения наказаний. Звонил в Москву, препятствуя возможному пересмотру или помилованию.

Это подтверждает руководитель Казанского «Мемориала» А. Степанов [96]: по свидетельству сотрудников НКВД, Алемасов обычно первым предлагал высшую меру наказания на «Таттрояке», добавляя, что «бродячую и ходячую контрреволюцию мы плодить не должны». Поэтому предпочтение оказывалось осуждению по 1-й категории – к расстрелу.

Мог ли Габитов убедить Алемасова не дублировать абсурдные меры наказания по приговору и получить его согласие на их снижение перед выходом на ОСО, или это были его самостоятельные шаги?

Кстати, НКВД ТАССР, согласно тому же приказу, был обязан направлять на ОСО «все без исключения законченные следствием дела, возникающие в органах НКВД по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 58». Получается, Габитов вышел за пределы своей компетенции, расширил трактовку приказа, придав ему обратную силу и распространив на дело, находящееся в сфере судебного обращения?

Наверное, мы никогда не получим ответа на эти вопросы. Ясно одно: первое фиаско НКВД состоялось, когда Верховный Суд СССР отменил расстрельный приговор Верховного Суда ТАССР, инициированный НКВД; второе – когда сам НКВД пошел на пятую, ограничив наказание пятнадцатью – десятью годами ИТЛ. Но своей репрессивной сути НКВД не изменил. И руками, в данном случае – Габитова, нарушая нормы порядка управления, обрек арестованных в 1937–1938 годах 13 работников Казмашстроя – кого на смерть, кого на многие годы несвободы.

12. Перемены участи: на пути к реабилитации

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра,
Вы здесь из искры разжигали пламя,
Спасибо Вам, я греюсь у костра.

Юз Алешковский

Песня про Сталина. 1959 г.

Маршев

Ободренный вызовом в Москву, Маршев не обращал внимания на конвой, на долгие простаивания столыпинского вагона; ему предвиделся пересмотр его дела, как результат телеграммы Калинин... Но до Москвы состав не доехал: в Свияжске стало известно, что началась война. Спустя две недели Маршев снова оказался в Казани, и оттуда этапом направлен в Ивдель, на лесозаготовки.

Это было самое распространенное направление хозяйственной деятельности ИТЛ. Расположенный в Свердловской области Ивдельлаг относился к достаточно крупным, и число содержащихся в нем заключенных быстро нарастало: на 1 октября 1938 года их насчитывалось 20 804, но уже 15 февраля 1939 года – 22 164 [98, с. 415, 422]. Большая часть заключенных валила лес, это была изнуряющая и небезопасная работа. Кроме того, велась первичная деревообработка – имелись лесопильный завод и шпалорезные установки. Какую конкретно работу определили Маршеву, мы не знаем. Ему было 40 лет, и вообще он был физически очень крепкий человек.

Только на исходе 1942 года, а может, уже в 1943 году Маршеву сообщили касающееся его решение ОСО: 15 лет лагерей.

В Ивдели Маршев пробыл до 1944 года, когда был этапирован в Вятсильлаг в Карело-Финской АССР. Маршев работал на восстановлении кислородного завода.

Наступил очередной переломный в истории политических репрессий 1948 год.

21 февраля выходит указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что всех отбывающих наказание в лагерях, колониях и тюрьмах МВД «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности» по истечении срока наказания следовало не освобождать, а направлять этапом в ссылку на поселение под надзор органов МВД [98, с.135–137].

И в тот же день, 21 февраля, выходит постановление СМ СССР об организации для заключенных этой категории «особых лагерей в районе Колымы, на Дальнем Севере, Норильске, Коми АССР, в районе Караганды и в Темниках Мордовской АССР для содержания осужденных к лишению свободы... и о направлении их по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР под надзор органов МВД». А ссылку определить: а) в район Колымы на Дальнем Севере; б) в районы Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50-ти километрах севернее транссибирской железнодорожной магистрали; в) в Казахскую ССР, за исключением Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей [98, с.138–141].

И вот уже 20 мая 1948 года в поселке Вятсиля КФСР собралась комиссия в составе зам. начальника Вятсильского ИТЛ по оперработе, представителя МГБ СССР и прокурора УИТК МВД КФСР, которая НАШЛА и РЕШИЛА.

Как будто не прошли два с лишним десятка лет, три пятилетки, смертельная война и победа над фашизмом; как будто не убит, наконец, Троцкий и не истлели кости неведомого «троцкиста» Чернышева; как будто кто-то другой, а не Маршев, отработал многие годы в лагерях, отдавая силы на создание и восстановление экономического потенциала страны; наконец, как будто не существовало такого *эпизода*, как отмена несостоятельного судебного приговора!

Снова и снова комиссия, как заигранная пластинка, бубнит старую песню о том, что «в период дискуссии 1927 года, работая в Татторге и имея связь с троцкистом Чернышевым, Маршев активно выступал с защитой платформы Троцкого, возражал против его исключения из ВКП(б), вел обработку в к-р троцкистском духе близких лиц и распространял среди них троцкистскую литературу»; что «в 1936 году Маршев Н. Д. вступил в к-р вредительскую организацию и вовлек в последнюю ряд других лиц из работников Казанского авиационного завода... На протяжении нескольких лет занимался вредительством по заданию и установкам центра антисоветской правой троцкистской

организации, вскрытой в г. Москве в системе авиапромышленности» [35, т. 23а, л. 917, 918].

И на сем основании комиссия решила заключенного Маршева перевести для дальнейшего отбывания наказания в Особый Лагерь МВД СССР.

Центральная Комиссия МВД, МГБ и Прокуратуры СССР на заседании 10 июня 1948 года подтвердила, что заключенный Маршев Н. Д., как *особо опасный государственный преступник*, подлежит содержанию в особом лагере МВД [там же, л. 919]!

Для Маршева был избран Минераллаг в системе Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий. Это был особый лагерь МВД №1 с планируемой численностью 25 000 заключенных, и который в 1951 году насчитывал 33 148 заключенных. Он располагался на территории Коми АССР между Печорой и Обью в районе поселка (теперь город) Инта.

По прибытии этапа начальник лагеря Халеев сказал Маршеву: «Будешь строить шахту». – «Но я не умею!» – «Будешь!». И Маршев строил шахту 15 бис, самую крупную в СССР.

Именно в этом лагере Маршев познакомился с кинодраматургом и режиссером Алексеем Каплером (см. главу 4). Сам Каплер провел в Архипелаге ГУЛАГ десять лет, а в 1-м лаготделении этого же лагеря содержался Павел Аксенов, конечно, знавший Маршева. Но здесь, кажется, они не пересеклись.

Сегодняшний читатель должен знать, что означало находиться в Особом лагере МВД. Из «Инструкции о режиме содержания заключенных в особых лагерях МВД СССР» [98, с. 555–565]:

3. Для заключенных... устанавливается строгий режим...

Строгий режим предусматривает:

– использование трудоспособных заключенных преимущественно на тяжелых физических работах, под усиленной охраной;

– категорическое запрещение расконвоирования заключенных и свиданий с родственниками и знакомыми;

– запрещение сокращения срока наказания и предоставления каких-либо других льгот, в том числе и премий.

4. Заключенным... выдается специальная арестантская верхняя одежда...

5. Каждому заключенному... присваивается личный номер, который проставляется на наружной стороне одежды... Нумерация начинается с цифры «1» до цифры «100», впереди которых пишутся литеры «А», «Б», «В» и т.д.

10. Периодически, не реже одного раза в неделю, начальник лагерного подразделения, совместно с оперативным работником, начальником надзорслужбы и дежурным нарядом надзорслужбы, производит обыск всех лагерных помещений... с обязательным личным обыском всех заключенных.

Обыск заключенных производится также на вахте во всех случаях выхода заключенных из жилой зоны на работу и при возвращении с работы.

Обнаруженные у заключенных запрещенные предметы... изымаются, а виновные в хранении их – наказываются.

12. Личный состав надзирательской службы особых лагерей укомплектовывается проверенным и заслуживающим политического доверия надзирательским составом, преимущественно из числа коммунистов и комсомольцев, имеющих опыт работы в надзорслужбе.

16. Заключенные размещаются в бараках:

а) общих

б) штрафных

Вход во все жилые помещения оборудуется тамбуром со смотровым окошком в дверях, а оконные рамы заделываются железными решетками. От отбоя ко сну и до утреннего подъема двери бараков находятся на запоре...

17. Во всех бараках оборудуются уборные, которыми пользуются только ночью. Для дневного пользования на территории лагерного подразделения оборудуются наружные уборные.

23. ...Разрешается использовать заключенных – специалистов по их производственным специальностям, а также в качестве мастеров и инженерно-технического персонала для руководства производственной деятельностью лагподразделений.

25. Категорически запрещается использование заключенных: ...в должностях начальников участков...

29. Каждый заключенный обязан:

– ...при посещении жилых и производственных помещений лицами лагерной администрации, командным составом войск и надзирательской службы, а также при обращении этих лиц к заключенным – последние должны принимать положение «смирно»...

30. Заключенным запрещается:

– ...приближение к предупредительному забору в зоне лагерного подразделения;

– приближение к часовым и конвоирам ближе, чем на 10 метров;

– выход из строя или нарушение указанного направления и порядка при следовании под конвоем...

36. Заключенным разрешается отправлять по одному письму в квартал...

В таких условиях Н.Д. Маршев работал на строительстве шахты 15 бис в течение более чем трех с половиной лет. Срок заключения истекал 15 августа 1952 года, но по недосмотру ОСО был указан как 15 марта. Процедура освобождения достойна отдельного описания [35, т. 23а, л. 916, 920, 921]. Сначала Минлаг адресовался в Москву (!) с просьбой выслать наряд для направления Маршева в ссылку на поселение. Дополнительная просьба состояла в том, чтобы местом ссылки определить все ту же Инту. Из МГБ СССР в Минлаг на типографском бланке пришел «Наряд на отправку заключенного в ссылку на поселение». В нем предписывалось по истечении срока наказания этапировать Маршева в г. Сыктывкар в распоряжение МГБ Коми АССР для направления в ссылку на поселение. И наконец, из МГБ Коми АССР в МГБ СССР ушло

«Извещение о прибытии», подтверждавшее, что 1 апреля 1952 года Маршев прибыл из Минлага в распоряжение МГБ Коми АССР. А уже после этого расконвоированный Маршев своим ходом вернулся в Инту на поселение. И продолжил работу на шахте, но уже инженером. Сохранилось фото праздничного митинга, где на трибуне, в числе прочих, и Маршев.

21 октября 1954 года Центральной Комиссией по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, решение Особого Совещания при НКВД СССР от 25 ноября 1942 года в отношении Н.Д. Маршева было отменено, а дело на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР прекращено. Маршев был освобожден от ссылки на поселение.

4 ноября Маршев доехал до Сыктывкара, куда его вызвали из НКВД, чтобы сообщить об этом. Попросили расписаться на бумажке, что ознакомлен. Но он отказался: «Я один раз уже расписался!» (имея в виду свою обманом полученную Сосипатровым роспись – прим. авт.).

Из письма старшей дочери Маршева от 4 ноября 1997 года: «В ноябре 1954 г. папу вызвали в Москву, где и объявили, что с него снимаются все обвинения, и послали в г. Казань на восстановление в партии».

Но в Казани Маршеву отказали в восстановлении в партии. Как считает дочь – испугались, так как он был одним из первых, кто вернулся. Потом согласились восстановить, но с перерывом стажа. Но с этим Маршев не согласился и снова, уже добровольно, уехал в Инту. А также написал в ЦК партии о сложившейся ситуации.

Маршев не озлобился и не замкнулся. Он просто снова ушел в работу. У него была семья.

Снова из письма дочери, Динары Николаевны Захаровой (Маршевой):

Папа продолжал работать в г. Инта до конца 1957 г. (работал главным инженером). Вернувшись в Казань, будучи уже пенсионером, начал работать с 1958 года начальником строительного управления треста «Казань-химстрой» на строительстве Завода органического синтеза, запустив в работу первую очередь завода. Потом работал начальником СМУ-38 строительного треста №6.

Неоднократно избирался в партийные и Советские органы (в январе – феврале 1959 года, как уточнил сын, его все-таки восстановили в партии без перерыва стажа – прим. авт.).

В 1967 году ушел на пенсию (персональный пенсионер РСФСР), продолжал вести большую общественную работу: был председателем внештатной партийной комиссии Ленинского района, заместителем председателя республиканского совета ветеранов комсомола при Татарском ОК ВЛКСМ, активным лектором общества «Знание». Награжден Почетными грамотами ОК КПСС и Совета Министров, медалями и орденом Трудового Красного Знамени.

Умер папа 4 октября 1971 г.

9 августа 2001 года, накануне Дня строителя и столетия со дня рождения Н.Д. Маршева, в Казани на

стене дома №77 по улице Гагарина была открыта мемориальная доска. О состоявшейся торжественной церемонии и об этапах жизненного пути Маршева на следующий день рассказала общественно-политическая газета «Республика Татарстан» [101].

Что ж, если вспомнить «Один день Ивана Денисовича» и заключительные размышления солженицынского персонажа, то Николай Дмитриевич Маршев вполне мог бы в том же духе переиначить их на свой счет:

Годы заключения окончились в целом благополучно. Дважды хотели расстрелять еще в тюрьме – но обошлось. На этапе упасть мог и не подняться – но выдюжил. На лесоповале не убило, в шахте не завалило. От цинги и пеллагры не загнулся. Работал тяжело – но не надорвался, перемогся. И дождался прекращения уголовного дела за отсутствием состава преступления.

И было таких годков у Николая Дмитриевича – СЕМНАДЦАТЬ, или шесть тысяч двести девять дней!

Судьба Николая Дмитриевича Маршева среди персонажей моего повествования – в определенном смысле уникальная. Среди тех, чью судьбу мне удалось проследить, мало кому довелось дожить до прекращения уголовного дела, не говоря уже о реабилитации (!), и умереть в почете. Казанские друзья уговаривали его написать мемуары. Он пытался, собирал материалы. Не сложилось. Хотя, возможно, какие-то наброски он успел по-домашнему передать директору музея КАПО И. Генкину, и этот материал был использован при подготовке публикации 1987 года в «Вечерней Казани» [5].

Ермаков, Криволап, Махно, Яковлев, Кислов, Гизатуллин

Как мы помним, на запрос Верховного Суда ТАССР из Отдела учета и распределения заключенных Отдела исправительно-трудовых колоний НКВД ТАССР ответили, что перечисленные заключенные этапированы 21 апреля 1941 года в Устижемлаг НКВД.

Дальнейшая их судьба в архивно-следственном деле прослеживается скудно. Определенную помощь автору оказал руководитель Казанского общества «Мемориал» А.Ф. Степанов, в свою очередь пользовавшийся двухтомным делом Казавиапрома (Архив УФСБ по РТ, Ф. 109, Д. 52–53), в связи с чем автор приносит ему искреннюю благодарность.

Ухтижемлаг располагался на территории Коми АССР, как и Минераллаг, но западнее, между Печорой и Северной Двиной, вблизи г. Ухта.

Трудом заключенных (а числилось их в 1939 году 26 174 человек) государство собиралось здесь решать стратегические экономические задачи [98, с. 725, 753–756]:

– создание на Крайнем Севере новой нефтяной базы;

– переработку радиоактивных вод для извлечения радия (план на 1940 год – 18 грамм радия-мезотория);

– разведку и добычу газа, в составе которого, наряду с метаном, обнаружен гелий (строительство гелиевого завода).

И очевидно, руководство ГУЛАГа гнало сюда подневольную рабочую силу, совершенно не считаясь с юридическими аспектами – статусом или юридической перспективой данных заключенных, от которых, в принципе, зависела возможность их перемещения.

Уже после начала войны Ухтижемлаг был включен в список ударных сверхлимитных строек НКВД на 1941 год.

О том, в какое именно лаготделение были определены эти казаштроевцы, какую работу выполняли, как пережили свой десятилетний срок в условиях сурового климата и подневольной работы, нам ничего не известно.

В. М. Яковлев находился в Ухтижемском лагере по 26 января 1948 года, когда был освобожден с зачетом рабочих дней за хорошие показатели (хотя на работе, как писал в одной из жалоб, притеснялся). Потом, до 15 февраля 1951 года, работал в г. Миасс Челябинской области. В июле 1951 года Управлением руководящих кадров Министерства угольной промышленности СССР он был командирован в трест «Башугольразрезстрой» для работы главным инженером Ермолаевской временной электростанции (Башкирская АССР). Но 10 марта 1953 года, «в связи с тем, что я был в заключении, – пишет он в заявлении Ворошилову 15 октября того же года, – меня освободили от работы и перевели ст. инженером» (в г. Кумертау, там же в Башкирии) [35, т. 57, л. 4–6]. После прекращения дела и освобождения от ссылки на поселение, Яковлев переехал с семьей в г. Александров.

Б. П. Махно был освобожден из Ухтижемлага 8 августа 1947 года, но затем был вновь арестован, как «повторник», и осужден 12 сентября 1951 года к ссылке в Ухтинский район Коми АССР.

И. П. Криволап отбывал ссылку в той же Коми АССР в рабочем поселке Вайваж Ухтинского района. Его срок закончился в 1947 году, но поскольку 8 ноября 1953 года он обращался с письмом к Ворошилову [там же, л. 56, 57], можно заключить, что Криволап был повторно репрессирован.

Трагически причудлива судьба *И. К. Кислова*, по должности – начальника водозабора, по существу – слесаря. Арестованный 28 апреля 1938 года, он поначалу попал в «Сталинский список» от 12 сентября того же года, подписанный Сталиным, Молотовым и Ждановым! Отозвали. Затем был осужден ВС ТАССР на 25 лет, а после отмены этого приговора – на 10 лет ИТЛ по Решению ОСО НКВД СССР. Был освобожден досрочно в 1947 году (может быть, по причине возраста и давних хронических заболеваний) и тоже

остался в Коми, работая в тресте «Вайважнефть». Затем перебрался в г. Богородск Горьковской области, там был арестован, как «повторник» и осужден ОСО МГБ СССР к ссылке на поселение в Карагандинскую область.

А. Д. Ермаков умер в 1943 году в ИТЛ Казани. Был переведен туда из Ухтижемлага? Зачем, при каких обстоятельствах?

А о пути к реабилитации *Н. З. Гизатуллина*, увы, нам ничего не известно.

Бурый

Срок, назначенный К. К. Бурому, окончился в 1947 году. Он был освобожден и вернулся домой в Казань. Встречался ли Бурый в Ивдельлаге с Маршевым, неизвестно. Все десять лет, как пишет дочь Лилия Константиновна, он был лишен права переписки, и они с матерью не знали, жив ли он вообще. Работать устроился в подсобное хозяйство завода №22, расположенное в 15 км от Казани в рабочем поселке Новое Аракчино (село Юдино). Но через год, 16 июля 1949 года, он был снова арестован без предъявления какого-либо обвинения. Полгода провел в тюрьме, затем был выслан в Новосибирскую область, где работал по специальности – бухгалтером в леспромхозе. Там и скончался от кровоизлияния в мозг в 1951 году. Там и похоронен.

Поляков, Бусаров, Шейнман, Старов, Моргулев

Их уделом, как определили в НКВД ТАССР, было отбывать наказание в Казани, по существу в тюремных условиях содержания в ИТК-1. Что это были за условия?

2 апреля 1942 года татарский поэт Туфан пишет жене, что несколько дней назад его перевели из Казанской тюрьмы №8 во вторую колонию. В следующем письме от 13 апреля того же года очень сдержанно намекает, что ему вряд ли удастся вернуться живым. По рассказам Туфана известно, что во второй колонии он очень бедствовал, был на грани голодной смерти. Выжил только благодаря передачам жены. Намек на это есть в письме от 24 апреля, где он сообщает, что перенес тяжелую болезнь, еле-еле остался жив. И снова просит прислать немного катыка или сызьмы (сгущенного катыка) [102].

Вспоминает София Губайдуллина – выдающийся современный композитор, детство и юность которой прошли в Казани: «Семья не могла обеспечить сытого детства. Только в 1939–1940 годы было полегче: могли купить даже яблоки! А потом – война, голод катастрофический» [103].

Что уж тут говорить о заключенных...

Поляков

Как переносил заключение А.М. Поляков, мы не знаем. Он был человеком преклонного возраста – далеко за пятьдесят! Но у него, единственного среди осужденных по делу постоянного жителя Казани, были здесь родственники и, возможно, они поддерживали его передачами. Поляков настойчиво хлопотал о пересмотре своего положения. И в сентябре 1943 года, на основании постановления Пленума ВС СССР от 14 августа 1942 года (но, может быть, у Полякова описка и следует читать «1943 года» – прим. авт.) он был из заключения освобожден. Обстоятельства такого благополучного поворота дела нам не известны. С этого времени Поляков работал в Казани, по его собственному выражению, на «достаточно ответственных должностях» [35, т. 57, л. 96–98]. В частности, с 17 апреля 1952 года на протяжении ряда лет работал начальником планового отдела треста «Татстрой», был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С января 1953 года неоднократно обращался с просьбой о «снятии с него наложенного наказания», а также об исключении из его паспорта ограничения по статье 39 Положения о паспортах.

Бусаров

О пребывании И.С. Бусарова в ИТК-1 в Казани автору абсолютно ничего не известно. Может, он и не оставался здесь до конца заключения, кто знает?

Во всяком случае, он «благополучно» отбыл свой срок, и, освободившись в 1948 году, работал главным инженером Волгобалтстроя МВД. Надо заметить, что, как правило, бывшему ээку устроиться на руководящую должность было невозможно, разве что по оплошности «органов» (как и случилось с Яковлевым, но до времени; потом его все-таки уволили). Но если организация входила в систему МВД, то туда бывших заключенных брали охотно: видно, считалось, что там они будут «под присмотром».

Тем не менее, 11 ноября 1949 года И.С. Бусаров был арестован повторно. Вновь велись допросы, «правда, в иной, человеческой и правовой форме», и последовало направление в пожизненную ссылку в Казахстан, в поселок Акчатау Карагандинской области (станция Агадар). Здесь Бусаров стал работать прорабом.

После смерти Сталина Бусаров неоднократно обращается в «верха» с просьбой разобраться в его деле [35, т. 57, л. 36, 46, 89]. 4 мая 1953 года – к Берии; 15 октября 1953 года – к Ворошилову; 7 декабря 1953 года – к Хрущеву. Из письма:

Моя старшая дочь, будучи замужем за видным работником МИД, с первых дней ареста, еще в 1938 г., отказалась от меня. Мой сын, мичман Балтфлота, член партии, уже после войны также был вынужден отказаться от меня. Младшая дочь – работница-текстильщица – в силу тех же причин изредка робко дает знать о себе. Так и со всеми остальными близкими мне родными, друзьями и знакомыми.

16 марта 1954 года датировано письмо к начальнику следственного отдела МВД ТАССР С.Я. Яковлеву:

Нахождение в ссылке, хотя бы и в Акчатау, таком далеком от моей родины краю, меня не удручает, так как я строитель, я привык всюду работать, и в ссылке. Гласный надзор органов МВД, установленное наказание органом, которым управлял Берия, морально и физически сильно тяготит. Но еще тягостней сознавать, что в такой Советской Стране, Стране нашей широкой демократии, стране, строящей коммунизм, мне, вышедшему из низов народа, никогда не изменявшему делу народа, не менявшему роль и навсегда установившихся коммунистических убеждений, – несмотря на многократные обращения во все органы, от кого это зависит, не могу добиться беспристрастного, законного разрешения моего дела и вернуть меня, мое незапятнанное имя на место, по праву моего происхождения и моей жизни, мне принадлежащее, в ряды честных советских людей, каким я был, таков я есть в данное время.

По указанию Н.С. Хрущева, генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко, министр внутренних дел С.Н. Круглов и министр юстиции К.П. Горшенин подготовили и 1 февраля 1954 года направили ему предложения «о пересмотре дел на осужденных за контрреволюционные преступления». Вскоре было принято соответствующее постановление ЦК КПСС и создана та самая Центральная комиссия по пересмотру дел [98, л. 147–151]. Но сказалось ли это на судьбе Бусарова, неизвестно.

Шейнман

У З.Я. Шейнмана было две дочери. После осуждения отца от старшей дочери, комсомолки, потребовали отречься от него. Она отказалась. Тогда ее исключили из комсомола. После таких страшных потрясений у девушки наступило психическое расстройство, и ее поместили в психиатрическую больницу (в «сумасшедший дом»). Когда весть об этом в 1943 году дошла до Шейнмана, заключенного в ИТК-1, он повесился.

Историю эту я слышал от матери.

Старов

П.Г. Старов не перенес пребывания в ИТК-1, он умер в 1944 году. Обстоятельства его смерти неизвестны.

Моргулев

И отец не перенес пребывания в ИТК-1, он умер в 1943 году. Но обстоятельства смерти известны.

После начала войны, в конце июля 1941 года, наша семья – я с мамой, бабушкой и теткой – выехала в эвакуацию. Дядька, арестованный в марте 1938 года (о чем я уже писал), подпал под бериевскую либерализацию, был освобожден на рубеже 1939–1940 годов и, после долгих попыток трудоустроиться, устроился на работу в ту же систему НКВД, но уже в качестве вольнонаемного (то есть так же, как впоследствии –

И.С. Бусаров). Дядя попал в распоряжение С.Я. Жука, главного инженера Главгидростроя (Главного управления лагерей гидротехнического строительства), а вскоре после начала войны – главного инженера Главного управления оборонительных работ НКВД СССР. Он занимался организацией работ на одном из участков строительства оборонительных сооружений под Ржевом и Вязмой. Связавшись с семьей, он убедил нас далеко не уезжать (война долго не продлится!), и мы остановились в Куйбышеве (бывшая и нынешняя Самара), хотя большинство наших попутчиков ехали в эвакуацию дальше.

В середине войны дядя получил так называемый *вызов* на новое место работы по месту жительства, то есть в Москве. А мы с мамой и бабушкой оказались на станции Арысь, крупном железнодорожном узле в Казахстане.

И вот сюда, примерно в феврале-марте 1943 года, пришло письмо в конверте с московским адресом. Но... от папы! Ему было разрешено писать... Он расконвоирован... Ему разрешили работать по специальности... Обо всем этом говорилось в письме, которое папа прислал на наш московский адрес, а дядька переслал в Арысь.

В доме была эйфория. «Я еду к нему!» – возбужденно восклицала мать, и я был с ней заодно. Для меня это было как приключение... Затем наступило отрезвление. Ехать втроем – мама, бабушка и я – через полстраны в неизвестность, да в военное время – немыслимо. И вдвоем тоже: не оставлять же одной бабушку, только что переболевшую сыпняком? В итоге все осталось по-старому.

Сомнительно, чтобы мать вообще могла добраться тогда до Казани. Движение по железным дорогам в годы войны строго контролировалось. А Казань, к тому же, была режимным городом первой категории. Неизбежная проверка документов в поезде вызвала бы естественный вопрос: с какой целью женщина, постоянно проживавшая в Москве, имеющая временную прописку и несовершеннолетнего сына в Арыси, совершает вояж поперек страны в Казань? И кто ее пропишет в Казани, хотя бы и временно, без работы (на этот счет в Казани имелись специальные строгие указания жилищным органам и частным лицам)? Не хватало только рассказать, что она приехала к арестованному мужу... Это вызвало бы только еще более подозрительные расспросы с неясным исходом.

Мама написала папе письмо, потом еще. Он отвечал. Посылала ли она ему деньги, не знаю, в памяти не сохранилось, в разговорах впоследствии никогда как-то не упоминалось (впрочем, как и многое другое).

Много лет спустя дядя рассказал мне, что он тоже получил тогда от папы письмо, в нем было: «Брат, спаси меня!». Они всегда приязненно относились друг к другу, но никогда отец не называл шурина братом! Можно представить себе отчаяние умиравшего с голоду отца, если он избрал такое обращение. Дядя дважды пере-

вел отцу по 1 000 рублей. Но это не могло спасти отца. Что он мог купить на эти деньги? Буханку черняшки и ржавую селедку? И сколько раз?

Ходить по рынкам отец не мог, варить обед тоже. Ему была доступна только тюремная лавка с едой, не требующей приготовления. Но что это могло быть – буханка хлеба, ржавая селедка?

Но сначала о среднерасчетных нормах довольствия заключенных в ИТЛ и ИТК. По приказу НКВД СССР от 13 октября 1941 года [13.18], они составляли:

Хлеб	700 грамм
Крупа и макароны	80
Мясо и мясoproductы	25
Рыба и рыбопродукты	100
Жиры	15
Сахар	10
Картофель и овощи	600
Томат-пюре	10
Соль	15
И т.д.	

Жить, во всяком случае, можно! Но это – на бумаге... Сколько и что именно реально получали заключенные в Казани во время войны – большой вопрос, если вспомнить об упоминавшихся выше письмах поэта Тугана, воспоминаниях композитора Губайдуллиной.

Уже после войны вышло распоряжение МВД СССР от 3 октября 1949 года «Об улучшении торговли для заключенных в лагерях и колониях МВД» [98, л. 553, 554]. В нем отмечается ограниченный ассортимент товаров (не более 3–5 наименований), антисанитарное состояние и другие недостатки. И рекомендуется впредь руководствоваться прилагаемым перечнем ларьковых товаров. Среди продовольственных обнаруживаем (читатель, закрой рот!):

1. Бутерброды. 2. Повидло, джем. 3. Масло сливочное, сало шпиг. 4. Колбасные изделия. 5. Фрукты разные: свежие и сушеные, ягоды. 6. Картофель. 7. Огурцы, помидоры, лук, чеснок, квашеная капуста, свекла, редька, грибы. 8. Рыба свежая, копченая, вяленая и соленая, сельдь. 9. Сыр, брынза, молоко, сметана, кефир.

Напоминаем, данное распоряжение относится к послевоенному времени и после отмены карточной системы. Но если даже в это время по факту фиксировалось «не более 3–5 наименований», то наше предположение о буханке хлеба и ржавой селедке в Казанской ИТК образца 1942 года выглядит более чем реалистично! О ценах в тюремных ларьках у меня сведений нет.

Могу сказать одно: спасло бы отца только присутствие в Казани вольного человека, способного регулярно приносить передачи... Но не было такого человека, ни местного, ни приезжего!

До войны – да, мама переводила папе деньги по почте, и по ее просьбе жена одного из папиных сокамерников, жительница Казани, делала ему, заодно со своим мужем, продуктовые передачи. В архивно-следственном деле сохранились соответствующие документы.

В одном (от 20 мая 1939 года) мама обращается к некой Каримовой, видимо, сотруднице НКВД: «Прошу Вас сообщить мне, где содержится в данное время муж мой... чтобы я могла своевременно и в определенный адрес перевести ему деньги по почте. А также сообщите, пожалуйста, закончилось ли переследствие и в каком положении дело в данное время» [35, т. 8, л. 40]. В другом (от 10.XI.39) некто В. Леонтьева обращается к следователю Сосипатрову: «По поручению гр. Моргулевой Елены Давыдовны прошу Вас дать разрешение на продуктовую передачу для Моргулева Якова Ароновича. В сентябре 10 прокурором тов. Максимовым было дано разрешение на мое имя. Сейчас тов. Максимов сказал обратиться к Вам. Прошу Вас в просьбе не отказать». Резолюция: «Воспрепятствовать» [там же, т. 47].

Суета, поднявшаяся после того знаменательного дня, когда пришло первое от папы письмо, улеглась, и мама вспомнила обо мне: напиши письмо папе! Но никакими пояснениями свое предложение она не проводила. А ведь никто и никогда открытым текстом не говорил мне, что случилось с папой, он как бы вновь появился из ничего, из небытия... И я по тому же умолчанию принял это.

С энтузиазмом принялся за дело. Это было письмо мальчика-мажора, пионера-отличника. Я писал, что хорошо учусь, что мы с ребятами собираем среди населения подарки фронту, ходим в поле полоть сорную траву «вонючку», и все такое подобное, в традиционном стиле советского школьника, советской «школьной повести». А заканчивалось письмо оптимистичной уверенностью, что теперь папа мне ответит, я ему снова напишу, и так у нас завяжется переписка...

Ответ пришел на мое имя! Никого не было дома. Я вскрыл письмо и начал разбирать написанное блеклым карандашом. И с первых же слов похолодел, потом кровь бросила мне в голову! Папа, мой дорогой папа, которого я все еще помнил таким большим и сильным, оказывается, тяжело болен, он в больнице, он не встает и даже пишет через силу. Он не сможет мне часто писать, но он помнит и любит меня... Я вскочил с места, в памяти всплыло мое самодовольное письмо. Немедленно написать снова, написать папе, что я все понял, что все не так, совсем не так! Я бросился к письменным принадлежностям и тут же остановился: но ведь когда еще это письмо придет к папе! И все это время он будет думать о своем несмышленьше-сыне и страдать! Я метался по комнате, не зная, что предпринять...

И, как не раз уже бывало на подобном поворотном пункте воспоминаний – полный провал в памяти. Как я все-таки поступил, помогла ли мне в этой патовой ситуации вернувшаяся с работы мать – не запомнилось ни-че-го!

А только запомнилось, как опять и довольно скоро пришло из Казани еще одно письмо. Написанное незнакомым почерком. Извещавшее нас о том, что папы больше нет: он умер.

Папа умер.

Так умирали голодной смертью в лагерных и тюремных больницах в годы войны.

Так умер академик Николай Иванович Вавилов в Саратовской тюрьме в 1943 году:

Истощенный вид ученого, доставленного в тюремную больницу за два дня до смерти, говорит о страшном голоде, который он терпел, именно дистрофия обусловила трагический конец [104].

А вот развернутая картина, свидетелем которой в лагерной больнице в Казахстане была Матильда Фишман, дочь революционера, заведующая Центральными производственными мастерскими НКПС, арестованная 23 июля 1941 года:

Светлана Тухачевская, дочь маршала... умерла от пеллагры – так стыдливо начальство именовало голодную цинготную смерть...

Основным поставщиком в хозяйстве Бренделя (кладбище концлагеря – прим. авт.) была больница, а в этой лагерной больнице – палата №40. Сюда помещали безнадежных. Они умирали ежедневно, истощенные до последней степени, когда уже пища не впрок, организм ничего не принимает... Их было нетрудно угадать: перед смертью бедняги в последний раз лихорадочным взором окидывали барак (в лазарете барак носил гордое название «корпус») и судорожно перебирали прозрачными пальцами тонкие лагерные одеяла... Он будто улыбнется, сухие губы чуть дрогнут, потом тело вытянется и – готов. Тут же его санитары подхватывают: надо сразу рубаху снять, пока теплый. А замерзнет, придется ее резать. Жаль рубаху [105, с. 256, 332].

А что дальше? А дальше – картина уже из лагеря в Татарии и тоже в эти самые времена:

Май 1942 года... Я в столыпинском вагоне был доставлен в Казанскую тюрьму... Как-то ночью в одном из лагерей Татарии мне довелось наблюдать, как вывозят из лагеря умерших заключенных... Два грузчика – один берет за голову, другой за ноги, бросают с грохотом умерших через борт грузовика [46, с. 107].

Теперь – об отце. Ответ из ИЦ МВД Татарстана на мой запрос от июля 1994 года:

Ваш отец МОРГУЛЕВ Яков Аронович отбывал наказание в ИТК-1 в г. Казани. Заболел в январе 1943 года. Лечился вначале амбулаторно. В марте 1943 года поступил в больницу при ИТК-1. Состояние ухудшилось: резкий кашель, плохой аппетит, сердцебиение и боли в груди, сыпь пеллагроидного характера. Диагноз – активная форма туберкулеза, пеллагра I степени. Умер 23 мая 1943 года. Сведениями о месте захоронения ИЦ МВД РТ не располагает.

К автору ответа претензий нет: он добросовестно переписал фальшивую по сути, постыдную запись в больничной карте. Особенно «умилила» в ней отметка о плохом аппетите...

А еще через три месяца, в том же году, на другой мой запрос, в частности, сообщили:

Во время заключения Моргулев Я. А. обратился с заявлением в НКВД, в котором просил разрешить использовать его на работах. В деле имеется справка о использова-

нии его по специальности (от 29.12.42 г.), где именно – не указано.

Очевидно, перестали использовать по специальности оттого, что изнемог и больше не просил... И это последнее, что удалось узнать.

К читателю:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 25 ноября 1942 года и Дело в отношении Маршева, Ермакова, Криволапа, Махно, Яковлева, Кислова, Гизатуллина, Бурого, Полякова, Бусарова, Шейнмана, Старова и Моргулева в уголовном порядке прекращены 21 октября 1954 года Центральной Комиссией по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, о чем указанные лица или их ближайшие родственники были извещены.

Те из них, кто в связи с репрессиями исключались из ВКП(б), были восстановлены в партии (публикации в журнале «Коммунист Татарии» за 1989 год [7]).

Справки о реабилитации перечисленных лиц на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года выдаются индивидуально по обращению родственников в Прокуратуру Республики Татарстан. Все эти справки датируются 6-м марта 1990-го года. У автора сведения о получении справок о реабилитации имеются только в отношении семей Маршева, Бурого и Моргулева.

Главные инженеры завода №124/27

О их судьбе тоже нужно упомянуть.

Они сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, по мере цепочечных арестов следователями НКВД, явно не желавшими остановиться и дать заводу работать. В конце концов, они угомонились. Главным инженером два последних предвоенных года был заводчанин *И.Д. Шиц*. К счастью, этот кадровый резерв оказался на высоте. Шица нахваливали в газете «Красная Татария», избирали депутатом Казанского Горсовета. Когда же началась война, произошла структурная перестройка и пришли новые люди (директор В.А. Окулов, главный конструктор В.М. Петляков), главным инженером завода №22 стал М.Н. Корнеев. Шица отзывали в один из главков наркомата. И здесь, по свидетельству бывшего наркома авиапромышленности А.И. Шахурина [109], он также проявил себя с лучшей стороны.

Дайбог

В «Книге памяти» Республики Татарстан читаем:

Осужден Коллегией ОГПУ в 1930 г. по ст. 58-6, 58-7, 58-8 («шпионаж в пользу Германии»). Приговор: 5 лет ИТЛ. Арестован повторно 15.10.37 («участник вредительской диверсионной организации»), 29.2.40 дело прекращено. Арестован третий раз к 11.5.40. Осужден Особым Совещанием НКВД СССР 26.11.40 по ст. 58-6, 58-11. Приговор: 8 лет ИТЛ; вновь осужден Особым Совещанием МГБ СССР 8.3.47

на 5 лет ссылки в Красноярский кр. Умер 18.9.47 в Красноярском кр., в ссылке.

Здесь отмечаются несущественные расхождения в датах с данными, приведенными в архивно-следственном деле №2-2735 (в т. 23).

Более интересны дополнения, сделанные внучкой С.Е. Дайбога – Еленой Исаевной Дайбог.

Когда Туполеву в заключении в ЦКБ-29 предложили продолжить авиационные разработки, он добился создания надлежащих условий труда и перевода под свое начало из лагерей более 200 авиаспециалистов по составленному им по памяти списку. В их числе был и Дайбог, которого Туполев очень ценил. Но Дайбог (возможно, единственный) категорически отказался работать как заключенный.

Это не было позерством; принципиальность и щепетильность Дайбог проявлял и в быту. Внучка приводит примеры. Когда переехали из Баку в Москву, получили три большие комнаты в громадной бывшей банкирской квартире, превращенной в классическую коммуналку. Дайбог был единственным жильцом, заплатившим за меблировку бывшей владелице-банкирше, продолжавшей жить в этой же квартире. После ареста Дайбога в 1937 году две комнаты отобрали, а в оставшейся комнате семья жила до 60-х годов. Дайбог-младший, окончив школу в 16 лет, не мог поступить в институт как сын «спеца»; он прибавил себе годы и пошел служить в Красную Армию. Отец поехал к месту службы, «разоблачил» отрока и устроил на завод фрезеровщиком; через три года (такое было тогда положение!) сын смог поступить в институт уже как пролетарий, на «законном» основании. После окончания института можно было распределиться на работу туда же, где работал отец. Но отец сказал, что тогда один из них должен будет уйти...

Елена Исаевна уточняет также, что С.Е. Дайбог был сослан в мае 1947 года в село Назарово Красноярского края и умер там от инфаркта (есть акт о вскрытии в г. Ачинске). Не пережил, что отбыв третий срок, не был освобожден... На похороны приехал шурин, живший в Красноярске.

Дело на Дайбога в уголовном порядке прекращено 9.03.56.

Сиприков

Василий Григорьевич Сиприков, 1899 г.р., кадровый работник завода, ведущий инженер по строительству самолета «Максим Горький», назначенный после ареста Дайбога главным инженером, проработал в этой должности семь месяцев. Он был арестован 31 мая 1938 года как «участник право-троцкистской диверсионно-вредительской КРО, завербованный Туполевым». Ровно через два года был осужден ВК ВС СССР на 10 лет ИТЛ. В «Списке Туполева» среди работавших в «шарашке» ЦКБ-29 в Москве [91] упомянут Сиприков, тоже Василий, но по-отчеству – Иванович, начальник цеха авиазавода №1. Видимо, автор книги Лев Кербель запаматовал, перепутал, или все-

таки это другой человек. Во всяком случае, В.Г. Сиприков Президиумом ВС СССР был освобожден со снятием судимости 29 августа 1943 года, а 10 августа 1955 года реабилитирован.

Прокофьев

Вячеслав Николаевич Прокофьев, одноклассник Шаханина, в свое время работавший с ним в Коломне, на заводе №124 занимал должности главного инженера монтажного отдела, а затем – заместителя главного инженера по проектированию завода №124. Он был арестован одновременно с Шаханиным и другими 25 апреля 1938 года и в документах НКВД аттестовался как бывший прапорщик царской армии. Как

и Сиприкова, 31 мая 1940 года ВК ВС СССР осудила его к 10 годам ИТЛ по обвинению в «умышленном запутывании проектирования завода». С его слов дочь Шаханина рассказывала мне, что в заключении он работал в зоне Особого конструкторского бюро завода №22 в Казани. В одной из казанских публикаций 90-х годов упоминается Прокофьев – начальник группы в конструкторском бюро завода №22, где появлялся С.П. Королев [107]. Но тот ли? После освобождения В.Н. Прокофьев возвратился в Москву, где жила его семья. Он общался с семьей своего трагически погибшего начальника и оставил теплые и содержательные воспоминания о нем [2].

13. Война в судьбе завода №124/27

Городок провинциальный,
летняя жара.
На площадке танцевальной
музыка с утра.
Рио-Рита, Рио-Рита –
вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
сорок первый год.
Ничего, что немцы в Польше,
но сильна страна,
Через месяц – и не больше –
кончится война.
Рио-Рита, Рио-Рита,
вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
сорок первый год.

Геннадий Шпаликов
Городок провинциальный

А ведь и вправду, большинство было уверено, что не сегодня-завтра война кончится и, конечно, победоносно! Свидетельствует об этом, помимо прочего, и забава, появившаяся вскоре после начала войны. В 30-е годы вообще были распространены разнообразные тихие развлечения, среди которых и такое. Затеищик заявляет, что может угадать год рождения любого, и предлагает кому-нибудь из присутствующих задумать некоторое число. Далее выполнить с этим числом ряд арифметических действий, включая использование своего года рождения, и огласить итоговый результат. После чего моментально называет год рождения. Простодушная публика в восторге. Так вот, в июле или в августе 1941 года мама, придя с работы, принесла новую, только что появившуюся забаву из того же ряда под названием «Когда сохнет Гитлер?». Какое бы число собеседники ни задумали, в итоге всегда получался 1941-й год!

Но вернемся к теме, обозначенной в заголовке. До сих пор мы говорили, по преимуществу, о событиях на строительстве завода №124/27, причем следствием оно интерпретировалось исключительно как вредительский долгострой.

Но ведь завод был построен и начал выпускать продукцию уже с 1937 года! В газетах об этом не писали по причине секретности. В архивно-следственном деле о продукции завода упоминалось вскользь и только в материалах, относящихся к начальнику планового отдела Фастовцу (умер в период следствия) и директору моторного завода Старову, поскольку руководители самолетостроительного завода Шаханин и Дайбог проходили по другим делам. К тому же период после 1938 года в деле вообще не отражен.

Поэтому, прежде чем обратиться к военной судьбе завода №124/27, вернемся к предвоенным годам, тем более, что эти периоды связывала серьезная работа. На эту тему в последние годы появилось много публикаций, иногда не согласующихся между собой или не вполне корректных, но на их основе можно попытаться составить целостную картину.

1935 год. Казанский завод еще не построен, но уже начал действовать: с начала года идет ремонт находящихся в эксплуатации туполевских самолетов АНТ-4 и АНТ-6, а также изготовление лыж для самолетов АНТ-6 [108].

В этом же году завершено строительство аэродрома для тяжелых самолетов, с которого могли облетываться отремонтированные АНТ-4 и АНТ-6.

Для справки: 216 тяжелых бомбардировщиков АНТ-4 (ТБ-1) были выпущены на московском 22-м заводе в период с 1929 по 1932 год. В середине 30-х годов они считались устаревшими, но использовались в авиационных частях Красной Армии и для различных экспериментальных работ, таких как нестандартные летные испытания, дозаправка в воздухе, отработка ускорительной техники, отработка в качестве самолета-носителя в системе авиаматки «Звено-1».

А тяжелый бомбардировщик АНТ-6 (ТБ-3) строился на трех авиазаводах, и всего было выпущено 819 машин. В течение ряда лет он являлся главной ударной силой советской военной авиации; испытывался и в качестве самолета-носителя в системе авиаматки «Звено-2», а кроме того, использовался в Аэрофлоте и в полярной авиации (после замены колесного шасси на лыжи) для грузовых и пассажирских перевозок.

Начальником строительства завода и его директором в описываемый период оставался В.И. Мухин, назначенный в 1934 году. Между тем, в апреле 1935 года приказом Главного управления авиационной промышленности Гипроавиапрому было поручено запроектировать на площадях завода №124, наряду с самолетным, также и авиамоторное производство и присвоить новому объекту название Самолетно-моторный комбинат №124/27. При этом, возможно, по умолчанию, было принято ошибочное решение об организации обоих производств «под одной крышей» [109]. Впоследствии, как мы уже знаем, оно было «до кучи» поставлено в вину людям, к этому решению совершенно не причастным.

В конце года директором моторного завода назначен Петр Григорьевич Старов.

1936 год. Одиннадцать отремонтированных самолетов АНТ-4 и три АНТ-6 сданы заказчику [108].

Под руководством В.М. Петлякова заложен второй самолет-гигант типа МГ («Максим Горький»).

В марте начальник строительства и директор комбината №124/27 В.И. Мухин был откомандирован на строительство авиазавода №30 в г. Кимры (первоначально, в 1933 году, этот объект также предполагалось строить в Казани), но в 1935 году было утверждено, а в 1937 году начато строительство завода гидросамолетов №30 в рабочем поселке Иваново Кимрского района Тверской области. Сегодня известны фамилии первого директора этого завода И.Г. Зайганова и первого главного конструктора И.В. Четверикова [110]. А фамилия В.И. Мухина, начальника строительства, ушла в небытие. Едва приступив к своим обязанностям начальника строительства и директора завода, Владимир Иванович Мухин, проживавший в селе Подберезы Кимрского района Тверской области, 15 сентября 1937 года был арестован по обвинению в участии в к.р. террористической организации и расстрелян 1 сентября 1938 года.

А на Казанский авиакомбинат на смену Мухину в апреле 1936 года в качестве директора и начальника строительства переведен Лев Николаевич Шаханин.

В ходе проводившейся на комбинате реорганизации был поднят вопрос о нецелесообразности размещения в одном корпусе самолетного и авиамоторного производств.

1937 год. С целью сосредоточения Шаханина на руководстве заводом, начальником реорганизованного строительства Государственной Союзной Строительной Конторы (ГССК) по строительству завода №124/27 с января утвержден Николай Дмитриевич Маршев.

27 марта Казанский авиакомбинат был официально зарегистрирован как Государственный завод №124/27 имени Серго Орджоникидзе. Сам Г.К. Орджоникидзе за месяц до того безвременно ушел из жизни после острого телефонного разговора со Сталиным. По официальной версии – от разрыва сердца (инфаркта), по другим версиям – он был застрелен или принужден к самоубийству («Иначе будешь вызван на Политбюро!») побывавшем у него работником НКВД.

В апреле из Москвы поступает разрешение развивать авиамоторный завод №27 в отдельном корпусе [109].

На заводе №124/27 впервые собран самолет. Поскольку его передали в Авиа-Арктику – Управление полярной авиации Главсевморпути, это был, я считаю, двухмоторный ПС-7, полярный вариант туполевского самолета-разведчика АНТ-7/Р-6.

На самолетном производстве введены в строй конвейерные линии.

Успешно продолжается строительство АНТ-20бис [111] с пассажироместимостью 64 человека; в служебной переписке и плановых документах этот самолет по-прежнему именуется МГ. Авторский контроль в качестве начальника КБ осуществляет присланный из Москвы от Петлякова инженер Борис Андреевич Саукке. За счет использования новой модификации микулинского мотора (АМ-35 вместо АМ-34) удалось сделать самолет шестимоторным, то есть отказаться от двух мотоустановок поверх фюзеляжа, как было у АНТ-20. Под индексом ПС-124 и с бортовым номером СССР-Л760 он с 1939 года эксплуатировался на линии Москва–Минводы, а с начала войны – по маршрутам Ташкент–Ургенч и Ташкент–Куйбышев, пока не потерпел катастрофу в 1942 году. Хотя «черных ящиков» – бортовых самописцев – в то время еще не существовало, удалось установить, что имел место «человеческий фактор». Командир экипажа по фамилии Говяз, видимо, разрешил одному из пассажиров – летчику Козлову – подменить его за штурвалом и вышел на время из пилотской кабины. А последний зачем-то выключил (или случайно задел) тумблер автопилота и, растерявшись, не сумел выправить самолет, вошедший в пике.

Завод №124 был нацелен на освоение в перспективе нового тяжелого бомбардировщика АНТ-42, построенного на 22-м заводе в Москве. После ареста в сентябре Туполева этот самолет временно стали обозначать ЦАГИ-42. Новый самолет представлял сгусток новейших достижений техники. Для решения поставленной задачи на заводе №124 была заблаговременно создана группа технологов – проектантов. Под руководством профессора КАИ Е.И. Сивальнева, используя полученные из Москвы чертежи, она начала разработку директивных технологий изготовления агрегатов планера и сборки самолета [112]. А на заводе №27, на основании приказа ГУАП от 21 марта, планируется освоение важнейшего комплектующего агрегата самолета – агрегата центрального наддува (АЦН-2), а также его альтернативы – приводного центробежного нагнетателя АН-1. Впрочем, эти планы в конечном счете не были осуществлены, возможно не без вмешательства того же ГУАП. Текущую программу завода №27 представляли микулинские моторы АМ-34.

В этом же 1937 году из Москвы, с завода №22, на завод №124 переехало КБ-22 Виктора Федоровича Болховитинова, которому было поручено поддерживать здесь производство войсковой серии четырехмо-

торного, его собственной конструкции, дальнего бомбардировщика ДБ-А. Планировалось изготовить в том же году партию из 25 самолетов, что было совершенно нереальным. Из показаний на следствии начальника планового отдела Фастовца 19 марта 1939 года: «В период март – май 1937 г. завышенные планы цехам давались, и давались они на основе заданий, утвержденных главком».

Главным инженером завода №124/27, после ареста в октябре Дайбога, работал Василий Григорьевич Сиприков, прежде – ведущий инженер по МГ.

Шестеро работников завода были награждены орденом Красного Знамени, двадцать четыре человека удостоены ордена Красной Звезды.

1938 год. 20 апреля, по результатам завершившихся государственных испытаний, «в верхах» принято решение о принятии машины ЦАГИ-42 (АНТ-42) под индексом ТБ-7 на вооружение ВВС РККА и развертывании ее серийного производства на Государственном авиазаводе №124/27 имени Серго Орджоникидзе в Казани. Вопросу этому придавалось большое государственное значение.

Между тем 25 апреля директор завода №124/27 Шаханин, заместитель главного инженера по проектированию завода №124 Прокофьев, начальник отдела капитального строительства завода №124 Недбаев, начальник планового отдела завода №124 Фастовец, директор завода №27 Старов, главный механик ГССК по строительству завода №124/27 Моргулев были арестованы. Через три дня последовали аресты начальника отдела снабжения Гизатуллина и начальника Водозабора Кислова, а через месяц – главного инженера завода №124/27 Сиприкова и начальника ГССК по строительству завода №124/27 Бусарова.

Директором 124-го завода стал С.С. Баринов. Главным инженером переназначен бывший зам. главного инженера И.Д. Шиц, 1905 года рождения, сравнительно недавно появившийся на заводе, но успевший себя зарекомендовать. Ответственность за внедрение ТБ-7 в серию авиационный главк возложил на Иосифа Фомича Незваля, до того работавшего в Москве в ОКБ А.Н. Туполева в бригаде В.М. Петлякова. В минувшем году они оба были арестованы и сидели в «шарашке» – ЦКБ-29.

Незваль прибыл в Казань и организовал свое ОКБ, в которое вошли конструкторы, непосредственно участвовавшие в создании опытного экземпляра ТБ-7 в Москве. Работа Незваля и других специалистов позволила в какой-то мере компенсировать ущерб, нанесенный арестами.

К моменту появления в Казани И.Ф. Незваля была построена серия из пяти машин ДБ(А), переданных в ВВС. Но производство следующих 20 машин было свернуто в пользу более передового ТБ-7, а ОКБ Болховитинова практически в полном составе было отозвано обратно в Москву.

1939 год. В начале 1939 года шли работы по постройке первой серии ТБ-7. Были изготовлены основные

агрегаты планера и началась окончательная сборка первого серийного самолета. Незваль ручался выпустить к концу года 10 машин.

Однако вскоре возникли проблемы, носившие и технический, и производственный, и концептуальный, а в конечном счете – системный характер [112; 113; 114; 115]. Высокие тактико-технические требования к самолету никак не удавалось обеспечить в полном объеме. Самолеты должны были за счет полета на высоте порядка 8–9 тыс. м преодолевать ПВО противника, иметь радиус действия 3–4 тыс. км (в зависимости от бомбовой нагрузки в 3 т или, соответственно, 2 т) и скорость до 450 км/час. Основная причина, по которой поставленные требования не выполнялись, заключалась сначала в отсутствии, а впоследствии – недостаточном количестве качественных авиадвигателей.

Главных (тяговых) двигателей на самолете было четыре, и первоначальный проект предусматривал использование лучшего на тот момент микулинского мотора АМ-34ФРН. А чтобы мотор надежно работал на больших высотах, в условиях «кислородного голодания», Туполев предложил Петлякову нестандартное техническое решение: так называемый агрегат центрального наддува (АЦН-2) – моноблок из дополнительного двигателя типа М-100 конструкции Климова (он применялся на бомбардировщиках АНТ-40/СБ-2), трансмиссии, поршневого компрессора и четырех воздухопроводов, по которым сжатый воздух поступал в карбюраторы главных двигателей. Ведущим по этому агрегату был С.А. Трескин.

Однако на испытаниях нужные характеристики не удалось получить и в такой комплектации. Вся последующая история этого неординарного, заслуженного советского самолета сопровождалась борьбой завода-производителя за получение новых перспективных авиамоторов, и борьбой военного заказчика и испытателей за сохранение его производства.

11 января Наркомат оборонной промышленности, возглавлявшийся М.М. Кагановичем, разделили на четыре самостоятельных наркомата – вооружений (нарком Ванников), боеприпасов (Сергеев), танковой промышленности (Малышев) и авиационной (нарком – все тот же М. Каганович). Директором завода №124/27 в июне вместо уволившегося Баринова назначен 34-летний Илья Ильич Штейнберг. Как директор на этом заводе, а впоследствии – и на других ответственных постах, в том числе в годы войны, он работал вполне успешно, пока не был замучен в 1949 году, попавтаки в жернова репрессий [115; 69; 65, документ №5].

Через месяц после его назначения на завод №124/27 состоялась очередная реструктуризация. 7 июля НКАП издал приказ, по которому самолетно-моторный завод №124/27 разделялся на два самостоятельных предприятия: завод №124 самолетного производства и завод №27 моторного [109]. Моторное производство ориентировалось на выпуск новых изделий и запчастей к ним.

К середине года выяснилось, что имеющиеся в наличии 4 экземпляра АЦН-2, изготовленные опытным

заводом ЦИАМ, технически не отвечают заданным требованиям и не имеют серийной перспективы.

В качестве альтернативы были предложены два варианта комплектации самолета только основной винтомоторной группой, то есть без АЦН-2. Это использование нового «высотного» микулинского мотора АМ-35, снабженного турбокомпрессором ТК-1, или использование авиационных дизелей АМ-30 или АМ-40 конструкции Чаромского, также оборудованных турбокомпрессорами.

В итоге, на конец 1939 года на заводе №124 было собрано двенадцать ТБ-7, из них шесть без двигателей, четыре – в штатной комплектации (главные – АМ-34ФРН плюс АЦН-2) и два – с АМ-35.

Продолжалась теучка в руководстве завода. В 1939 году, помимо С.С. Барина, ушел и главный технолог В.А. Тихомиров. Главный инженер А.Д. Шиц дополнительно получил «общественные нагрузки»: руководитель следственной бригады НКВД Сосипатров ввел его в состав экспертной комиссии по материалам следствия в связи с приближающимся «Судебным процессом Казанского авиазавода», а в конце года Шица избрали в Казанский горсовет.

Тем не менее, с новым директором и его командой у Незваля также установились хорошие отношения. Он не терял оптимизма и на предстоящий год подтвердил возможность выпуска 150 ТБ-7. В свою очередь, руководство ВВС неоднократно подтверждало свою заинтересованность в этом самолете.

1940 год. В начале года нарком авиапромышленности М.М. Каганович снимает производство ТБ-7! В наши дни высказываются предположения, что ему «надоело возиться» с проблемной машиной и одновременно сказались потеря интереса к ней со стороны Сталина.

Действительно, накануне нападения Германии на Советский Союз Сталина интересовали не тяжелые, а пикирующие бомбардировщики, истребители и штурмовики. Свидетельства этому есть в воспоминаниях А. Шагурина и Л. Кербера [106; 91].

Чтобы загрузить завод, во втором квартале дается задание на постройку серии из 10 машин пассажирского самолета ЛИ-2/ПС-84 – советской версии американского DC-3 («Дуглас»). Эта загрузка попутно дала возможность заводчанам познакомиться с технологической новинкой – плазовошаблонным методом производства. Спустя пять лет он будет реализован при создании Ту-4.

Самолеты ЛИ-2 были изготовлены и, видимо, какие-то из них 16 октября 1941 года стояли с заведенными моторами на московском аэродроме, чтобы в критический момент эвакуировать в Куйбышев руководство Советского правительства.

Между тем комиссия ЦК ВКП(б) проверила состояние отрасли. Она нашла, что авиационный наркомат не смог мобилизовать 31 самолетное и 5 моторных ОКБ на создание новой боевой авиатехники. Опасное качественное отставание от промышленности гитле-

ровской Германии быстро нарастало [116]. На этом фоне по-другому были восприняты пожелания необходимости восстановления производства ТБ-7, которые на протяжении нескольких месяцев шли «наверх»: это тезисы Главного Управления ВВС (Алкснис) для доклада правительству, письмо Ворошилову за подписями известных летчиков-испытателей Маркова и Стефановского и др.

В итоге, в апреле М.М. Кагановича освободили от должности, а на его место пришел первый секретарь горьковского обкома партии А.И. Шахурин, получивший образование в Военно-воздушной академии имени Жуковского. Возглавляя авиапромышленность страны вплоть до 1946 года, Шахурин оставил книгу воспоминаний [106].

Сразу после майских праздников Шахурин вызвал Незваля и Штейнберга и сообщил им о выходе Постановления Правительства о возобновлении серийной постройки ТБ-7 с дизельными двигателями М-30 и М-40, а также о новых кадровых перестановках. Директором завода назначен М.М. Каганович и вместо А.Д. Шица, перешедшего в наркомат, главным инженером стал М.Н. Корнеев.

М.М. Каганович сыграл определенную роль в становлении отечественной авиапромышленности. Старший из трех братьев, он, в отличие от Лазаря Кагановича, не входил в «ближний круг» Сталина и не запятнал себя активным участием в репрессиях. С 1932 года М.М. Каганович в течение девяти лет курировал работу авиационной промышленности, сначала в качестве зам. наркома тяжелой промышленности, затем – зам. наркома и наркома оборонной промышленности и с января 1939 года – как нарком авиационной промышленности. Был награжден орденом Ленина, а в связи с 50-летием – орденом Трудового Красного Знамени и тогда же, в октябре 1938 года, удостоен официального приветствия от Сталина и Молотова.

Что мы еще о нем знаем?

«Приезжал Михаил Каганович, нарком, брат Лазаря, ругался матом: «Почему не делается самолет, тра – та – та, почему?» Грозный мужик». Это свидетельство Феликса Чуева о запуске истребителя ЦКБ-26 на 39-м заводе им. Менжинского в Москве [34].

«Это был грубый, шумливый человек. Я никогда не видел его с закрытым ртом – он всегда говорил и всегда поучал, любил шутить, но шутки его были часто неуместны, неостроумны и оскорбительны для тех, кого они затрагивали... М.М. Каганович плохо разбирался в технике дела, и наркоматом, по существу, руководили его талантливые заместители И.Т. Тевосян, Б.Л. Ванников и М.В. Хруничев», – отзыв В.С. Емельянова, выдающегося производственника-металлурга, участника советского «атомного проекта» [117].

И наконец, из книги о министре электронной промышленности А.И. Шокине, написанной сыном: «Мне запомнилась его [М.М. Кагановича] самая краткая характеристика: «Взбалмошный был человек» [118].

А вот любопытная информация другого рода. Считалось, что идея извлечь репрессированных авиаспециалистов из тюрем и лагерей, собрать их и заставить работать в заключении по своей специальности принадлежит Берии [91; 82]. Но в более позднем источнике, у Д.А. Соболева [69], читаем:

Обычно идею вновь претворить в жизнь опыт 1930–1931 г.г. (я имею в виду ЦКБ–39 и ОКБ ОГПУ) приписывают Берии, сменившего в конце 1938 г. Ежова на посту руководителя НКВД. Однако есть основания полагать, что первоначальный замысел возник раньше, и исходил он от самих арестованных авиаконструкторов. Для подтверждения этого приведу два неизвестных ранее архивных документа от 13 марта 1938 г. Оба они написаны тогдашним руководителем промышленности Кагановичем и адресованы Ежову.

«Ознакомившись с предложениями арестованных конструкторов-самолетчиков, считаю целесообразным оформить их в группу для проектирования нижеуказанных самолетов со следующими данными:

1. «Самолет сопровождения» необходим с максимальной скоростью не менее 550 км. в час. Нормальная дальность полета 2500 километров, вооружение – 4 пулемета Шкас. При разработке необходимо предусмотреть возможность использования этого самолета в качестве скоростного штурмовика, со скоростью не ниже 450 километров в час у земли и броневую защиту экипажа.

Самолет должен поступить на испытания 1.1.1939 г. с тем, чтобы в том же году начать серийное производство.

2. «Самолет атаки» нужен для встречи и боя с бомбардировщиками противника на больших высотах. Чтобы он был в состоянии противостоять имеющимся самолетам подобного типа (французский «Анрио-220», немецкий «Дорнье-17», американский «Белл-ХФМ-1») и успешно вести бой с современными бомбардировщиками типа немецкого «Хейнкель-111», он должен обладать следующими данными:

Максимальная скорость – 600 км. в час на высоте 6 000–7 000 м.

Посадочная скорость – 110 км.

Нормальная дальность полета – 1500 км. с бомбовой нагрузкой 300 кг.

Дальность при перегрузке – 300 км., с емкостью бомбодержателей на 500 кг.

Время подъема на 8 000 метров – 10,5 мин.

Вооружение – 2 пушки Швак и 4 пулемета Шкас.

При проектировании самолета необходимо предусмотреть возможность использования его в качестве пикирующего бомбардировщика и штурмовика.

Ознакомившись с предложениями группы арестованных конструкторов-авиамоторщиков, считаю, что по моторам имеют большое значение для авиации предложения Чаромского, как по дизелю, так и по мотору, который он предлагает в 2 000 Н. Р. (л. с. – Д. С.). Нужно эту группу скорее оформить.

Предложение Стечкина большой ценности не представляет. Заслуживает внимания предложение Колосова по созданию мотора».

О деятельности М.М. Кагановича в Казани на должности директора завода сообщается [114]:

Каганович по приезду на завод проявил большой интерес к ТБ-7 и установил прекрасные отношения с Незвалем. Он всячески заботился о продвижении работ по модификации ТБ-7 под новые двигатели и по их скорейшей серийной постройке.

Каганович проявлял чудеса оперативности по проталкиванию ТБ-7.

К моменту приезда в Казань, на заводском аэродроме стояло шесть готовых ТБ-7 с зачехленными мотогондолами без двигателей. Он тут же приложил максимум сил и энергии, выбив десяток двигателей АМ-35 и АМ-35А для ТБ-7. К началу 1941 года завод изготовил новые моторамы и мотогондолы.

Всего вместе с опытными машинами на конец 1940 года было построено 20 машин типа ТБ-7. Из них две опытные – одна с АМ-34ФРН + М-100, вторая с АМ-34ФРНВ + М-100А, восемнадцать серийных, в том числе четыре с АМ-34ФРНВ + АЦН-2, одна с М-40, одна с М-30, девять с АМ-35, три с АМ-35А.

1941 год. В начале года летчик-испытатель Г.Ф. Байдуков, которого пригласил Каганович, выполнил первый полет на ТБ-7 4М-40. В этом полете, как и в нескольких последующих испытательных полетах, никаких критических особенностей новой силовой установки выявлено не было.

Но 16 января 1941 года первый ТБ-7 4М-40 с винтами типа ВИШ-24 поступил на государственные испытания в НИИ ВВС, которые продолжались до 20 февраля. Как отмечалось в акте по испытаниям, самолет имел летные данные, отвечающие требованиям постановления КО от 25.05.40 г. по винтомоторной установке. Отмечалось, что ВМГ не доведена и в таком виде не может быть рекомендована к серии. Предлагалось заводу №124 совместно с ЦИАМ переделать самолет под М-40Ф к повторным госиспытаниям 1 апреля 1941 года. Госиспытания, судя по всему, в полном объеме всех «прелестей» новых двигателей не выявили, а может быть, производственники слишком торопились дать Родине хороший бомбардировщик.

За этим актом последовали оргвыводы. В феврале 1941 года проходила XVIII партконференция ВКП(б). На конференции М.М. Каганович получил предупреждение, что, если он не выполнит поручения партии и правительства (именно такая формулировка была документирована из соображений секретности, но в выступлении Сталина речь шла об освоении производства ТБ-7), то будет выведен из состава членов ЦК и снят с руководящей работы [119].

Испытания и доводки с М-40, М-40Ф и М-30 затянулись из-за недоведенности дизелей, но несмотря на это, серийный завод продолжал практически весь 1941 год клепать самолеты с дизелями и передавать их ВВ. Вот в этом был, наверное, самый большой

прокол Кагановича, обошедшийся кровью ему и многим летчикам дальней авиации.

Более удачно сложилась судьба самолетов с двигателями АМ-35А. Первый самолет ТБ-7 4АМ-35 (АМ-35А) был готов в конце 1940 года. После коротких заводских испытаний, машину направили на государственные испытания в НИИ ВВС, которые начались 28 марта 1941 года. Первый этап испытаний в варианте бомбардировщика был закончен 25 июня 1941 года (на четвертый день после начала войны). Всего машина налетала 265 часов, выполнив 38 полетов.

Между тем самолеты ТБ-7 продолжали строить с дизелями М-30 и М-40, не дожидаясь результатов завершения испытаний в ЛИИ и НИИ ВВС. Дизельные двигатели шли на завод ритмично, в нужном количестве, точно также поступали остальные комплектующие. ТБ-7 получил высокий приоритет в наркомате, и никто не помышлял о срывах поставок для этого заказа. Новые самолеты после испытаний заводскими летчиками оставались на аэродроме завода в ожидании заключения по испытаниям самолетов с дизелями. В основном это касалось машин с М-30. Когда были получены положительные результаты испытаний, машины пошли в 18-ю дивизию. Таким образом, по данным ОКБ, в дивизии к началу войны были машины и с АЦН-2, и с АМ-35, и с дизелями, в количестве, достаточном, по крайней мере, на полк. Однако эти радужные цифры ОКБ не соответствуют действительности. На самом деле две принятые военными машины еще находились в Казани и, как минимум, пара машин с М-30 находилась в ЛИИ. Порядка в соединении так и не успели навести.

Так или иначе, если судить по цитируемому источнику, М.М. Каганович на новом месте работы отнюдь не сидел, сложа руки: учитывая объективные трудности с обеспечением ТБ-7 моторами, он изыскивал резервы и варианты комплектации, работал со смежниками-поставщиками, а сам завод, не останавливаясь, собирал планеры и укомплектовывал их двигателями, что называется, «с колес». И это позволило руководству страны 29 июня дать разрешение на формирование первого авиаполка на ТБ-7.

Тем не менее, «наверху» посчитали, что М.М. Каганович «не выполняет поручения партии и правительства», и поспешили с оргвыводами. Брат Лазарь в телефонном разговоре сказал, что Сталин им недоволен. Состоялся неприятный разговор М.М. Кагановича с Молотовым. Наконец, по свидетельству Г.А. Куманева, «к М.М. стали проявлять недвусмысленный интерес «компетентные органы» [120].

Похоже, в какой-то момент «они» уже сидели у него в кабинете. Видимо, М. М. Каганович понял, что никто и ничто ему не поможет. Он попросил разрешения выйти и в уборной застрелился [91]. Может быть, ему дали понять, что это для него единственный выход избежать позора и пыток. На календаре было 1 июля 1941 года. В казанских газетах, разумеется, о происшествии не появилось ни полслова. А чуть позже

на одном из заседаний Политбюро Сталин поставил в пример Л.М. Кагановича за его принципиальность... Такие были нравы.

Самоубийство директора вкупе с неразберихой в наркомате на десятый день войны отозвались на заводе потерей ориентиров и очередной сменой руководства. На короткое время новым директором авиазавода стал В.А. Окулов.

Между тем, имевшиеся в распоряжении командования Красной Армии ТБ-7 начали принимать участие в боевых действиях; с августа, базируясь под Москвой, а позже под Ленинградом, они начали совершать налеты на Берлин и Кенигсберг. Правда, первый налет на Берлин в ночь на 11 августа оказался не вполне удачным. В нем приняли участие 6 бомбардировщиков ТБ-7, оснащенных авиационными дизелями. На одном из самолетов были установлены М-30 конструкции А.Д. Чаромского, а на остальных – дизели М-40Ф конструкции В.М. Яковлева. М-40Ф имел «общие корни» с М-30, поскольку разрабатывался на основе АН-1 (прототипа, автором которого также являлся Чаромский) [121]. По разным причинам, до цели дошла лишь часть машин, сбросивших бомбы и листовки.

С приближением холодов в Казани началось патристическое движение за сбор полных комплектов теплой одежды для бойцов Красной Армии. Авиа завод не остался в стороне. Как сообщила 16 октября «Красная Татария», инженер завода им. Серго Орджоникидзе А.Я. Селезнев сдал такой комплект, а также *вызвал* (то есть предложил присоединиться) еще 16 лично знакомых ему или всем известным заводчан. Среди них: М.М. Громов (летчик-испытатель), В.А. Окулов (директор), М.Н. Корнеев (главный инженер), Л.О. Немец (авиаинженер), И.Ф. Незваль (руководитель ОКБ).

В октябре началось массовое перебазирование авиационной промышленности Москвы.

Заводу №22 местом новой дислокации определили Казань.

Завод этот со второго полугодия 1940 года серийно выпускал самолеты Пе-2 (петляковский проект «100»), и здесь уже работал сам В.М. Петляков, освобожденный досрочно со снятием судимости 19 июля в числе двадцати ближайших сотрудников Туполева.

Заводчанам нравился Петляков: коренастый, плотный, мягкая улыбка, высокий лоб, пронизательные голубые глаза. Говорил Петляков всегда спокойно, не горячился, равновесия душевного никогда не терял. Если его что-то огорчало, морщил лоб, принимался молча расхаживать, отыскивая подходящее решение [116].

К этому портрету стоит добавить, что мягкая улыбка могла появиться лишь после того, как Петляков вставил зубы, выбитые на Лубянке... Да еще получил в марте 1941 года Сталинскую премию I степени.

15 и 16 октября заводчане лихорадочно, порой серьезно повреждая, грузили в вагоны и на платформы станки, прессы, литейные агрегаты, инструменты, комплектующие полуфабрикаты самолетов, запасы материалов, ящики с технической документацией... На

главном конвейере оставались полусобранные Пе-2. В это время директором завода №22 был Ю.Н. Карпов. Он и главный инженер С.М. Лещенко (недавний заключенный ЦКБ-29) решили довести их до «способности летать» и по воздуху отправить в Казань для окончательной сборки.

Таким образом, в октябре 1941 года в Казани на одной промплощадке очутились сразу два мощных авиазавода – эвакуированный 22-й и казанский 124-й. На одном собирали пикирующие бомбардировщики Пе-2 под руководством Петлякова, на другом – четырехмоторные дальние бомбардировщики ТБ-7 под руководством Незваля.

Совместному «проживанию» двух хозяйствующих субъектов положили конец два решения Государственного Комитета Оборона: постановление от 17 декабря о создании на опустевшей площадке в Москве в Филях нового предприятия №23 и от 23 декабря об объединении в Казани заводов №22 и №124 в Казанский авиационный завод №22 имени С.П. Горбунова по производству самолета Пе-2. Производство самолета ТБ-7 было на время законсервировано.

Одновременно состоялась рокировка руководства: из Казани в Москву вернули Окулова и Корнеева на посты директора и главного инженера завода №23, а Ю.Н. Карпова и С.М. Лещенко отправили на аналогичные посты на заводе №22 в Казани. Главным конструктором оставался В.М. Петляков.

Сходное слияние произошло и на промплощадке завода №27 [109]. В октябре здесь впервые прошло испытание мотора собственного производства. Но в период с 16 октября по 11 ноября 1941 года, по решению Государственного Комитета Оборона, на эту территорию был эвакуирован Воронежский моторостроительный завод №16, обладавший существенно большим научно-конструкторским потенциалом. Объединение в один завод под №16 пополнило научно-производственные ресурсы и позволило решать сложнейшие задачи, выдвинутые необходимостью военного времени, и в частности, начать уже в 1941 году поточное производство моторов ВК-105 конструкции В.Я. Климова мощностью 1100 л.с., которыми здесь же, в Казани комплектовались самолеты Пе-2.

На территорию бывшего завода №124/27 были эвакуированы еще несколько авиапредприятий, в том числе московский завод №240, на котором шло освоение выпуска бомбардировщика Ер-2 конструкции В.Г. Ермолаева. Однако в «схватке гигантов» за производственные помещения, оборудование и жилье у ермолаевцев не было никаких шансов. Большинство сотрудников завода разместили на бетонированном полу кинотеатра «Чайка», представлявшего собой большой пустующий сарай. Зимой трамваи встали из-за снежных заносов, и рабочим приходилось добираться пешком, проделывая путь в 10–15 км в одну сторону [122]. Поэтому Исполком Казгорсовета принял решение №27 «О мобилизации населения города на очистку трамвайных путей и проездов от

снега в 1941–1942 годы». Они были занесены снегом толщиной 20–30 см!

1942 год. Весь год в программе 22-го завода были бомбардировщики Пе-2.

К концу января директор Ю.Н. Карпов должен был обеспечить производство пяти Пе-2 в день, а к февралю 1942 года – уже десяти. Однако вскоре Карпов был снят с поста. Недавно обнаруженные и обнародованные архивные документы пролили свет на причины такого решения [123].

Дело здесь обстоит отнюдь не так просто, как кажется на первый взгляд. В военное время смена руководства оборонных предприятий происходила с завидным постоянством. И официально причина этого заявлялась стандартная – срыв графика, невыполнение плана. Вина за подобные нарушения по результатам проверки выполнения графика за ноябрь и декабрь (1941 г.) была возложена на директора объединенного завода. Однако из объяснительной записки Карпова, датированной 15 января (1942 г.), следует несколько иное. «...По состоянию на 13 октября (1941 г.), когда еще не была закончена эвакуация первой очереди, последовало распоряжение НКАП о проведении полной эвакуации завода в течение двух дней. Естественно, что в сложившихся условиях заранее составленный план эвакуации не мог быть выполнен. В этом свете совершенно неправильной является ссылка в акте на «близорукое руководство эвакуацией», допустившее отгрузку незавершенного производства водным путем... В связи с неподачей железнодорожных вагонов в достаточном количестве, погрузка задела (оборудования) на баржи была правильной, и она была произведена по приказу НКАП». В Казани перед Карповым сразу встал ряд проблем, которые нужно было решать в первую очередь. Вместе с заводом были эвакуировано почти 33 тысячи сотрудников и их семей, их надо было где-то размещать, а заранее жилой фонд в необходимом объеме подготовлен не был. Одновременно с этим нужно было разгружать эшелоны с оборудованием, монтировать его и включать людей в производство. Согласно акту, на первое декабря 1941 года было смонтировано всего 8% оборудования. Карпов же приводит другую цифру – 54%.

Вскоре после этого произошло несчастье – в результате пожара на борту самолета Пе-2 (за №14-11, летевшего из Казани в Монино под Москвой – *прим. авт.*) погиб его конструктор В.М. Петляков. Комиссия по расследованию возложила вину за это на завод, поскольку, по ее данным, предполетная подготовка самолета была проведена халатно.

В январе из цехов объединенного завода ежедневно выходило по два самолета, по сообщению Карпова, к началу марта эту цифру можно было довести до 6, однако январский план выполнен не был.

С 22 марта 1942 года директором вновь стал В.А. Окулов, а главным инженером – снова М.Н. Корнеев. ОКБ-22 вместо Петлякова возглавил А.М. Изаксон, затем А.И. Путилов, а с середины следующего, 1943 года – В.М. Мясичев [91].

В мае восстанавливается выпуск самолета ТБ-7 с выделением отдельного производства [124]. Его по-прежнему курирует группа Незваля. В сентябре в па-

мать о Петлякове самолет ТБ-7 переименовывается в Пе-8.

В 1942 году бомбардировщики ТБ-7 совершали налеты на Берлин, Бухарест и другие крупные города в далеком тылу противника. Выполняли и тактические задачи, в том числе на передовой в Сталинградской битве. Обеспечили миссию по доставке В.М. Молотова в Англию и в США.

По итогам Всесоюзного соревнования заводу было присуждено первое место и вручено Переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. На заводе работали 29 915 человек, в том числе 1 200 многостаночников.

На 16-м заводе продолжался поточный выпуск мотора ВК-105. В ноябре 1942 года заводчане приступили к освоению нового форсированного мотора В.Я. Климова – М-105ПФ, мощностью 1200 л.с.

В 1942 году из Москвы эвакуировали моторную «шарашку» ОКБ-82 («спецконтингент» на заводе №82 в Тушине). Конструкторов двигателей разместили на заводе №16 и присвоили коллективу, где работали Стечкин, Глушко, Чаромский, Жирицкий новое наименование «ОКБ 4-го Спецотдела НКВД» (здесь буква «О» означает не Опытное, а Особое – *прим. авт.*). Постепенно в нем организационно выделились коллектив Чаромского (авиационные дизели), Стечкин (воздушно-реактивный двигатель) и КБ-2 с главным конструктором Глушко (жидкостные реактивные двигатели). Исполняющим обязанности главного конструктора ОКБ стал Г.С. (А.Г.? – *прим. авт.*) Жирицкий [125]. Начальником ОКБ назначен В.Я. Бекетов [124], имевший звание подполковника ГБ и числившийся зам. начальника 4-го Спецотдела НКВД СССР [126].

В 1942 году был достигнут первый производственный успех: стендовый образец ракетного двигателя РД-1 прошел испытания длительностью 1 час 10 мин. за 25 пусков без съема со стенда. Максимальная длительность непрерывной работы достигала 40 мин. и определялась лишь емкостью баков [126].

Из Омска был вызван С.П. Королев, который участвовал там в отработке выпуска пикирующего бомбардировщика Ту-2. В сопровождении конвоира Акима Коротких Королев прибыл в Казань 19 ноября 1942 года, в день начала разгрома фашистских войск под Сталинградом, и на вокзале его встречал В.П. Глушко.

1943 год. На заводе №22 весь год (и еще в 1944 году) продолжался выпуск бомбардировщиков Пе-8 мелкосерийным порядком в разной комплектации, по поводу численности которого в литературе наблюдаются расхождения [127; 128]. На рубеже 42–43 годов – с дизелями М-30Б (АЧ-30Б), в которых, в дополнение к двум турбокомпрессорам, был приводной центробежный нагнетатель ПЦН от микулинского мотора АМ-38. Кроме того, с моторами АМ-35А и, наконец, большая часть – с радиальными моторами воздушного охлаждения М-82Ф (АШ-82ФН) конструкции Швецова. Эти двигатели обеспечивали наибольшую дальность полета [128].

Большие заслуги в оснащении Пе-8 новыми двигателями принадлежали известнейшему советскому летчику М.В. Водопьянову, участнику знаменитых поллярных эпопей, боев в Финляндии, первых рейдов на Берлин в 1941 году. Попав в автоаварию в 1942 году, он уже не летал, а работал военпредом, и в 1943 году много раз приезжал на Казанский завод. «Генерал М.И. Шевелев, отмечая заслуги Водопьянова в своевременном выпуске самолетов с улучшенными качествами, сказал, что после этого наши самолеты стали летать легко и быстро, как птицы. Теперь уже бомбардировщики без промежуточной посадки сразу летели на Берлин, Данциг, Кенигсберг» [123]. Всего за годы войны было выпущено 79 Пе-8.

В апреле 1943 года бомбардировщики Пе-8 совершили несколько налетов на Кенигсберг, причем в последнем была сброшена новая пятитонная фугасная бомба ФАБ-5000.

На другом производственном участке 22-го завода продолжался (и в 1944 году также) выпуск пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Конструкторскую поддержку, в том числе создание нескольких модификаций Пе-2 (среди которых Пе-2 «Москит») обеспечивал вызванный из Омска (как ранее Королев) В.М. Мясищев. За годы войны в общей сложности было построено более 10 000 Пе-2 [128; 129].

В программе 16-го завода был форсированный климовский мотор М-105ПФ мощностью 1200 л.с., разрабатывался мотор М-107, продолжалось поточное производство М-105.

Но самыми примечательными событиями 1943 года на обоих заводах стало сотрудничество и решающие успехи в создании жидкостного ракетного двигателя РД-1 (Глушко) и авиационного ракетного ускорителя РУ-1 (Королев) [130; 131].

КБ-2, возглавляемое В.П. Глушко, было укомплектовано высококвалифицированными учеными, конструкторами, экспериментаторами, технологами, металлургами, химиками. Созданный ими в 1942 году жидкостный реактивный двигатель на дешевом топливе (горючее – тракторный бензин, окислитель – азотная кислота) предназначался в качестве вспомогательного двигателя-ускорителя для улучшения взлетных, скоростных и высотных характеристик самолетов.

Статус С.П. Королева в Казани был нестабилен. С одной стороны, по прибытии в Казань он, будто бы, числился по заводу №22. И жил здесь же, на территории завода, на 4-м этаже административного корпуса; сейчас в этом крыле дирекция, а тогда была «зона». Здесь было у Королева и основное рабочее место, и где бы он ни находился, куда бы ни шел, за ним неотступно следовал лейтенант НКВД, не допускавший посторонних контактов. К слову сказать, в этой же зоне работал и арестованный одновременно с Шаханиным заместитель главного инженера по проектированию завода В.Н. Прокофьев. Эти и другие подробности повседневной жизни Королева можно найти у Ренаты Даутовой [107].

С другой стороны, приказом по ОКБ от 1 января (8 января) 1943 года была создана группа №5 самолетных реактивных установок, главным конструктором которой также назначен С.П. Королев, и подтверждалось существование группы реактивных двигателей, главным конструктором которой был В.П. Глушко. Но тогда получалось, что Королев работает при заводе №16.

В любом случае Королев необычайно деятельно включился в работу, притом в тесном контакте с Глушко [125].

Серийный самолет Пе-2 с установкой РУ-1 должен был быть готов для испытаний к 26 февраля 1943 года. Однако этот срок был явно нереальным. Ни в феврале, ни в весенние месяцы летные испытания не проводились. Причины заключались и в сложности решаемых задач, и в субъективных проблемах. Надо упомянуть, что в этот период кооперации по тематике ЖРД не было и в помине. Собственно двигатель разрабатывался и изготавливался комплектно со всеми вспомогательными агрегатами пуска, зажигания, питания, управления, включая электро-, гидро-, пневмоклапаны и реле всех типов (давления, электромагнитных, биметаллических), свечи искровые и накаливания, электроподогреватели, терморегуляторы, сигнальные табло и даже переключатели и кнопки!

Кроме того, оба завода выполняли напряженную производственную программу. По указанию Сталина, испытания серийных самолетов Пе-2 проводились круглосуточно, и через два дня после сборки они должны были быть готовыми к бою.

13 января Королев пишет докладную Берии о работах по ракетному ускорителю.

23 января директора Окулов и Лукин направляют докладную записку в НКАП о начале работ в связи предложениями С.П. Королева. В тот же день Королев и Глушко пишут докладную записку Берии относительно реактивных двигателей (РД), реактивных установок (РУ) и «ракетопланов».

В январе группа из 16 человек выпустила 900 рабочих чертежей и спустила их в цех.

В марте Королев, как главный конструктор РУ-1 для самолета Пе-2, подписал распределение работ с заводом 22. В его распоряжение, как вспоминает бывший начальник цеха №9 Федор Аристов, Окулов передает для экспериментальных работ готовый Пе-2, который в дальнейшем в документации числится под №15/185.

В апреле Королев завершил подготовку электрической схемы РУ-1 и согласовал ее с Глушко. Проработал размещение баков на самолете, которые обеспечивали 10 минут работы РД-1, заправочное и стартовое оборудование на аэродроме. Тем самым практически за четыре месяца была выполнена вся разработка. Окончательный проект был утвержден 24 мая 1943 года. «Ваша лошадка, моя уздечка», – шутил Королев в разговоре с Глушко. Наконец, 8 августа была завершена подготовка программы заводских испытаний серийного самолета Пе-2 с РУ-1. Примечательно, что она

предусматривала участие Королева в составе летного экипажа и комиссии по первому вылету!

В августе же была передана для испытаний материальная часть, то есть самолет с реактивной установкой. Первый вылет состоялся 1 октября 1943 года на высоте 2 760 м со включением РД-1 в воздухе и продолжительностью работы 2 мин. За это время скорость самолета возросла на 80–90 км/ч.

Затем были продолжены работы по доводке, усовершенствованию и внедрению реактивных двигателей в производство.

Горячие задачи военного времени и само суровое военное время, новые люди – много новых людей, – все это естественным образом отвлекло от событий совсем недавнего прошлого, отстоящих всего на 5–10 лет, и затушевало память о тех заводчанах и строителях, что были первопроходцами... Иных уж нет (Баранов и Разумов; Шаханин и Старов, Шейнман, Моргулев, Фастовец), а те далеке (Маршев, Дайбог, Бусаров, Яковлев, Бурый). Да и сам Королев поистине чудом оказался на своем новом месте.

В свое время поводом к почти одновременным арестам Глушко и Королева послужил донос рядового инженера карьериста Костикова, возглавившего РНИИ (НИИ-3) после расстрела прежних руководителей Клейменова и Лангемака [132]. Арестованный в ночь на 27 июня 1938 года, Королев через три месяца был осужден ВК ВС на 10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет по обвинению в участии в антисоветской контрреволюционной организации и отправлен на Колыму на золотой прииск Мальдяк землеройным рабочим. За него хлопотали знаменитые летчики, депутаты Верховного Совета СССР В.С. Гризодубова и М.М. Громов, и кроме того, он был в известном списке Туполева на двести специалистов, которых предлагалось использовать в «шарашке» ЦКБ-29. В результате, в 1939 году ОСО переквалифицировало обвинение на вредительство в области военной техники и снизило срок на 2 года. В декабре 1939 года Королева должен был взять пароход «Индибирка», следовавший курсом из бухты Нагаева во Владивосток. Этим рейсом на «материк» (на «Большую землю») отправляли больных, отпускников из числа вольнонаемных, начальство лагеря на прииске Штурмовой, а в трюмах были заперты заключенные. Судно налетело на подводную скалу и стало тонуть. Никакого сигнала SOS не последовало – связь с берегом осуществлялась только шифровками. Начальник конвоя не позволил открыть трюмы... Это была вторая по масштабам и числу жертв катастрофа после трагедии «Титаника». Но заключенный Королев на судно не попал по чистой случайности: не успели выправить документы. А то бы мировой паритет СССР по МБР и успехи в штурме космоса задержались на неопределенное время. Впервые в нашей стране секрет гибели «Индибирки» раскрыл в 90-х годах лагерник-колымчанин Г.Д. Кусургашев [133].

1944 год. С весны 1944 года официально производство Пе-8 прекратили, и новые Пе-8 могли выпускать только за счет оставшегося на заводе №22 задела [112].

Во второй половине года состоялась реорганизация ОКБ: приказом директора завода №16 было создано сначала конструкторское, затем опытное конструкторское бюро специальных двигателей (ОКБСД) под руководством В.П. Глушко. Группа РУ-1 не выделяется в самостоятельное подразделение, как хотел Королев, а передается в подчинение Глушко, и Королев становится заместителем главного конструктора ОКБСД. Как свидетельствует Черток [39], впоследствии оба они не любили вспоминать этот период своей совместной деятельности.

ОКБСД переходит из ведения НКВД в систему Наркомавиапрома.

Из письма Берии Сталину от 16 июля 1944 года:

В 1942–43 годы по проектам заключенных специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР на заводе №16 НКАП выполнены следующие работы, имеющие важное оборонное значение:

1. По проекту Глушко В.П. построены опытные реактивно-жидкостные двигатели РД-1, предназначенные для установки на самолеты в качестве ускорителей. Опытные образцы двигателей РД-1 прошли заводские летные и совместные стендовые испытания судовлетворительными результатами. В настоящее время на заводе №16 изготавливается опытная серия реактивных двигателей РД-1 для отработки всех вопросов, связанных с применением и дальнейшим развитием этих двигателей.

2. По проекту Добротворского А.М. на базе спаривания двух серийных моторов М-105 построены мощные авиационные моторы МБ-100 со взлетной мощностью 2200 л. с. и МБ-102 со взлетной мощностью 2450 л. с.

В настоящее время моторы МБ-100 проходят летные испытания на самолете Ер-2 и моторы МБ-102 подготовлены к установке на самолете «102».

Помимо этих работ, специалистами 4 Спецотдела НКВД СССР была оказана большая техническая помощь заводу №16 в период строительства и монтажа этого завода, в частности, по проекту и под руководством специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР на заводе №16 была построена опытная механическая база авиадвигателестроения.

Группа квалифицированных специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР, работающая на этом заводе на руководящих технических должностях, во многом способствовала заводу в успешном выпуске продукции.

По отзывам Наркомавиапрома тов. Шахурина, работы, выполненные заключенными специалистами 4 Спецотдела НКВД СССР, по технической новизне и успешному решению ряда сложных технических и конструктивных проблем являются весьма ценными.

Учитывая важность проведенных работ, НКВД СССР считает целесообразным освободить, со снятием судимости, особо отличившихся заключенных специалистов, с последующим направлением их на работу в авиапромышленность.

Вскоре после этого, в августе, по «списку Гайдукова» были освобождены свыше 30 заключенных, среди них – В.П. Глушко, А.М. Добротворский, М.А. Колосов, С.П. Королев. Из бывших крупных специалистов не повезло А.С. Назарову – он вышел на свободу только в 1947 г. [69].

С 1944 года по решению ГКО двигатель РД-1 в двух модификациях находился в серийном производстве. Однокамерный двигатель РД-1 тягой 300 кг и трехкамерный тягой 900 кг имели эфировоздушное зажигание от свечи накаливания.

Весь этот год также обрабатывался ракетный ускоритель РД-1ХЗ тягой 300 кг с вариантным – химическим – зажиганием от пусковой жидкости (карбинольное горючее). Было выполнено 1972 испытания на огневом стенде, а вместе с испытаниями на самолетах – 2200 пусков. В итоге был достигнут безотказный плавный, безударный пуск двигателя.

В октябре 1944 года Королев отправил в Москву доклад, в котором доказывал необходимость разработки и производства ракет дальнего действия. Он не остался без внимания. Королев получил конкретные задачи по разработке.

1945 год. По решению ГКО начато серийное производство РД-1ХЗ. Двигатели РД-1 и РД-1ХЗ проходили наземные и летные испытания на самолетах конструкции В.М. Петлякова Пе-2Р, С.А. Лавочкина Ла-7Р и Ла-120Р, А.С. Яковлева Як-3 и П.О. Сухого Су-6 и Су-7.

Состоялось первое награждение орденами основных сотрудников ОКБСД. Орден Трудового Красного Знамени получили Глушко и Севрук, орден «Знак Почета» – Королев, Н.Н. Артамонов (начальник опытного производства), Г.Н. Лист и Н.С. Шнякин.

В КАИ была организована кафедра ракетных двигателей, в состав которой вошли Глушко (заведующий), Королев, Жирицкий, Севрук, Лист и Д.Я. Брагин.

Война приближалась к концу. В июне было прекращено производство Пе-2. В августе в Москву отозвали С.П. Королева. В этом же году Королева и Глушко отравили в Германию для ознакомления с трофейной ракетной техникой.

Перед руководством завода №22 была поставлена цель перейти в ближайшей перспективе к серийному выпуску разрабатываемого в Москве в ОКБ Туполева нового стратегического бомбардировщика Б-4, советского аналога американской «летающей крепости» Б-29 (будущий Ту-4). Соответствующее постановление ГКО было подписано Сталиным 6 июня 1945 года, а в приказе Наркомавиапрома конкретизировалось: «Главному конструктору тов. Туполеву немедленно приступить к разработке чертежей, плазов и технической документации на самолет Б-4, считая эту работу первоочередной задачей для конструкторского и производственного коллектива... В целях всемерного форсирования работ по самолету Б-4 создать на заводе №22 в помощь основному ОКБ тов. Туполева опытно-конструкторское бюро по самолету Б-4 с включением в него всего личного состава ОКБ тов. Незваля, ОКБ тов. Мясичева на заводе №22 и опытного цеха №22» [116].

Так сложилась военная судьба знаменитого в довоенной Казани завода №124/27.

А теперь – очень личное авторское отступление о встречах автора с Ту-4.

Знойное лето 1948 года. Мои последние беззаботные школьные каникулы: я перешел в десятый, выпускной класс. Повезло: родственник снял дачу для своих детей в подмосковной Салтыковке и пригласил меня за компанию.

Было раннее утро, я еще только раздумывал, как провести наступивший день – и вдруг пришло ощущение какого-то изменения в окружающей обстановке, неясного возмущения среды. Мелко-мелко завибрировало стекло в ближайшем оконце, затем задребезжали все окна, и этот звук, хотя и медленно, но неуклонно нарастал. В недоумении я выбежал на улицу. Со стороны Москвы, занимая внушительную ширину горизонта, надвигалась армада многомоторных самолетов! Убедительное воплощение невероятной воздушной мощи! Конечно, я сразу понял, что это наши новые бомбардировщики. Мы, подростки военной поры, прекрасно знали и свои, и немецкие самолеты. Их силуэты тиражировались на плакатах ПВХО, которые висели тогда в присутственных местах. Их обозначения и модификации упоминались в газетах и по радио. Сразу после войны появилась авиационная серия коллекционных почтовых марок.

А самолеты все приближались, они шли низко, на небольшой скорости, и вот они уже над головой. Их было всего около двадцати, но звенящий гул винтомоторных групп становился невыносим, он закладывал уши, давил на диафрагму. Я всматривался в их серебристые подбрюшья, стараясь ничего не упустить, испытывая естественную гордость за торжество отечественной авиационной мысли.

Я тогда не знал, как зовутся эти самолеты, кто их конструктор, что прилетели они в Москву из того города, название которого было волнующей отметиной в моей памяти, в котором каких-то пять лет тому назад жил (то есть был жив) мой дорогой отец, а еще за пять лет до того он, в полном расцвете сил, работал на строительстве завода, выпускающего теперь эти самолеты...

Вторая встреча была зимой 1952–1953 года. Я – студент радиофакультета Московского энергетического института им. В.М. Молотова. Курс «Основы радиолокации» читает Ю.Б. Кобзарев, в недалеком прошлом – Сталинский лауреат, как один из изобретателей первого советского импульсного радиолокатора. Смежный курс «Индикаторные устройства» ведет А.Ф. Богомолов, в ближайшем будущем – один из «Главных конструкторов космонавтики». Свои лекции, по случаю и к месту, Алексей Федорович непременно сопровождает занятными малоизвестными историями. На этот раз – о создании бомбардировщика Ту-4. Летом и осенью 1944 года три американские «летающие крепости» Б-29, отбомбив Японию, совершили вынужденную посадку в Восточной Сибири. Госсекретарь США попросил вернуть самолеты и экипаж. Летчиков отпустили, а касательно самолетов Молотов

ответил отказом. Считается, что некоторые основания для этого у него были: тогда мы еще не объявили войну Японии, а значит, в рамках этой кампании не являлись союзниками, что обязывало бы оказывать друг другу максимальное благоприятствование. А далее Сталин поставил задачу – на основе реквизированных самолетов модернизировать всю тяжелую авиационную отрасль СССР и, в частности, скорейшим образом создать точную копию этой новейшей американской разработки. Самолеты перегнали на подмосковный аэродром новой испытательной базы «ЦАГИ – Раменское» (ныне – город Жуковский). Один из Б-29 разобрали до последней косточки и передали в заинтересованные организации для изучения и копирования. Второй держали для летных испытаний, а третий оставили в запасе для сравнительного анализа. Сейчас эта история хорошо известна всем, кто интересуется прошлым советской авиации. Первые открытые публикации появились в СМИ на исходе 80-х или в начале 90-х годов, затем и в книгах, например, в биографии Туполева, написанной П. Даффи и А. Кандаловым [38].

И на этом пункте А.Ф. Богомолов сделал переход к более близкой нам, студентам, теме. Было на Б-29, в числе прочего, совершенно уникальное изделие: бомбовый радиолокационный прицел! И в знаменитом нашем семнадцатом НИИ сумели создать его полноценный аналог для Ту-4, радиолокационную станцию «Кобальт». «Станция “Кобальт” – последнее слово нашей локационной техники», – педалировал Богомолов, влюбленный в свой предмет. А ведь и вправду была хороша! Ведь это в ней был совершенно загадочный для нас блок, который на практических занятиях даже не «проходили», а только произносили КОМПЮТОР, то есть вычислитель, очевидно, обнаружив это слово (COMPUTER) в эксплуатационной документации Б-29, но будучи не в ладах с его транскрипцией... Должно было пройти лет 30–35, чтобы мы стали произносить КОМПЬЮТЕР, и еще 10 лет, прежде чем он появился у нас на рабочем, а затем и домашнем столе...

Третья встреча. 1955 год. Я – молодой специалист НИИ, в котором разрабатывают радиовзрыватели к зенитным управляемым ракетным снарядам. В соседнем подразделении моделируют сигналы, отраженные на пролете от реальных целей вероятного противника. Условно – два типа целей: типа F-4 (называю по памяти), тогда аналог – наш МИГ-15, и типа В-29, аналог – Ту-4. Коллеги достают на стороне фотографии Ту-4, его основные размеры (учитывая тотальную секретность, все это не просто, хотя и для дела), рассчитывают необходимый масштаб, исходя из располагаемой частоты излучения. В нашем отделе нашлись рабочие-умельцы, которые берутся изготовить максимально точно пустотелую модель. И вот я вижу в мастерской полированный самолет в масштабе где-то 1 : 25 или 1 : 30. Так вот он какой, знаменитый Ту-4! Не я один люблюсь, прежде чем модель заберут заказчики-коллеги...

14. Персоналии

В этой главе говорится о людях, проявивших неординарное участие в трагической судьбе персонажей этой книги. И пусть разномасштабен их вклад и не всегда результативен, они сделали все, что могли, что требовала их совесть, и оставили о себе добрую память.

А.И. Разумов

Александр Иванович Разумов (1897–1987) был крупным ученым в области органической химии. Его жизнь в науке в течение многих десятилетий была связана с Казанским химико-технологическим институтом им. С.М. Кирова, за исключением двух перерывов в работе по «уважительной причине»: он был репрессирован – *сидел*. [134].

К моменту первого ареста (7 июня 1938 года) Разумов уже был автором 10 научных трудов. Был обвинен в *связи с троцкистами* (ст. 58-6, 58-11), но что-то не сошлось, и 17 мая 1939 года дело было прекращено, а в октябре Разумова выпустили. В «Красной Татарии» от 3 ноября 1939 года можно было прочитать комментарий предшествующей публикации: «В газете «Красная Татария» от 30 ноября 1938 года в статье “Там, где притуплена бдительность”, доцент КХТИ Разумов был необоснованно назван врагом народа. Этим редакция исправляет допущенные ошибки».

А доцент Разумов снова активно включился в работу и до второго ареста стал автором еще 7 опубликованных трудов. В годы войны его институт был подчинен наркомату боеприпасов. Группа академика А.Е. Арбузова, в которую входили профессор Камай и доцент Разумов, достигла больших результатов в области фосфорорганических соединений, проводила ресинтез боевых отравляющих веществ. Для Разумова, как, надо полагать, и для других сотрудников, был установлен десятичасовой рабочий день. Шесть часов они трудились на своем рабочем месте и четыре часа на строительстве. В другие годы группа в составе академика Б.А. Арбузова (сын А.Е. Арбузова), М. Крыловой-Алуф и профессора А.И. Разумова создала замечательный препарат для лечения глаукомы АРМИН (аббревиатура Алуф–Разумов). Разумов является автором лекарственного препарата Нибуфин [134].

Но МГБ Разумова не забывало, и когда в 1948 году начались аресты *повторников*, его снова взяли, и он

отсидел еще три года. И затем снова вернулся к научной работе, и к концу жизни число его авторских публикаций приблизилось к 300!

Находясь в тюремной камере в 1939 году (кстати, вместе с ним тогда сидели и его коллеги Б. Арбузов и Камай), Разумов невольно был вовлечен в события, связанным с обвинением сокамерника, Я.А. Моргулева, в антисоветской агитации среди заключенных. Об этом подробно рассказывалось в главе 10. Напомним, что ни на допросе следователя по свежим следам, ни в 1940 году, уже после освобождения, выступая в качестве свидетеля на суде по делу Казанского авиазавода, Разумов не подтвердил «контрреволюционных» высказываний Моргулева и тем самым не позволил приписать последнему еще одну обвинительную статью.

Для меня очевидно: А.И. Разумов «прикрыл» моего отца из солидарности с теми, кто безвинно, как и он сам, был лишен свободы и обречен на страдания, и ничем себя в трудное время не опорочил.

П.П. Дивногорский

Петр Петрович Дивногорский (1903 – около 1950) был московским адвокатом, приглашенным для защиты нескольких подсудимых, включая П.В. Аксенова, по делу Казанского горисполкома и еще нескольких подсудимых, включая моего отца, по делу Казанского авиазавода.

Яркие воспоминания Аксенова о Дивногорском [9] я цитировал в главе 10. Кое-что, но не много, рассказывала мне о нем моя мать. А хотелось узнать больше, если повезет – то и выйти на какие-то новые материалы об отце.

Запрос через Мосгорсправку привел меня на Таганку, но по старому адресу никто нужного мне человека не знал. Правда, одна соседка вспомнила, что жила тут некая Дивногорская, но и она не так давно съехала, а куда – неизвестно. Зашел в жилконтору, но наступили новые криминальные времена, и дать незнакомому человеку адрес переехавшей Дивногорской без официального компетентного запроса мне категорически отказались. Снова вернулся я к дому, где жила Дивногорская, и, прохаживаясь, стал думать, что же я могу теперь на скорую руку предпринять. И тут мне поистине неправдоподобно повезло. Та самая соседка, с которой

я ранее успел познакомиться, случайно заметила в окрестности Дивногорскую, которой по каким-то своим личным делам понадобилось именно в этот день и час посетить свое прежнее жилье! Нас обоих окликнули, «соединили», и так я встретился с родной племянницей Петра Петровича Дивногорского.

Тамара Петровна Дивногорская сохранила и память о своем рано ушедшем из жизни дяде, и многие примечательные документы об этом неординарном человеке.

Совершеннолетие Дивногорского пришлось на суровые годы Гражданской войны. Природа дала ему привлекательные внешние данные, он был хорошо воспитан, красноречив, умел достойно держаться и даже, возможно, в юности участвовал в театрализованных представлениях – отсюда навыки сценической деятельности. Только этим я могу объяснить, что в 1919 году, шестнадцатилетним юношей из провинции, он поступает на службу на Северную (ныне Ярославскую) ж.д., а с 1921 года еще и работал (подрабатывал?) в «Доркультотделе Ю.З.Ж.Д.» в должности театрального инструктора, заведующая театральной секцией «Политпросвета Культотдела» (все удостоверяется круглыми печатями).

В 1922 году Дивногорский:

– От «ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА» Всероссийского Производственного Союза работников железнодорожного и водного транспорта «ЦЕКТРАН» командирован в Москву в распоряжение Дорпрофсожа Северных ж.д... для назначения на работу Инструктором клубно-театральной секции.

По окончании учебы в МГУ на факультете общественных наук по правовому отделению в 1927 году он становится членом Мос. Губ. Коллегии Защитников.

Работа Дивногорского заключалась в предоставлении советов по всем вопросам сов. права, писания заявлений и кассационных жалоб, выступлениях в Суде по гражд. и уголовным делам и чтении лекций Народным Заседателям.

1931–1932 годы. «За особую чуткость и энергичность в ведении дела по обеспечению общежитием студентов Пед. Техникума по ИЗО им. 1905 года, Дирекция, Ячейка ВКП(б) и Профком выражают тов. Дивногорскому... благодарность и премируют его деньгами в сумме 300 руб.».

1933–1934 годы. П.П. Дивногорский является членом Секции революционной законности Московского Совета.

Добавлю существенную подробность относительно этой секции. Как-то мне понадобилось посмотреть справочник абонентов Московской городской телефонной сети за 1936 год. Они переиздавались ежегодно, а разделы, посвященные учреждениям, предприятиям и организациям, в те времена были необычайно подробными, содержали разбивку на самые мелкие подразделения, не то, что сейчас, когда дается один телефон справочной службы, вынуждающий выспрашивать и выпрашивать нужное соединение. Так вот, за 1936-й год мне в РГБ (Библиотеке им. Ленина) выдали

сразу два тома: основной и дополнительный, датированный осенним месяцем. Это было следствием набравших обороты репрессий, когда руководители всех звеньев менялись с калейдоскопической быстротой, и справочник быстро устаревал. Но менялись не только руководители структур, но и сами структуры. Так вот, в основном выпуске в составе Моссовета в 1936 году еще числилась Секция революционной законности, в дополнительном она исчезла! Теперь оказалась не нужна.

Похоже, что Дивногорский не стал «модным», «дорогим» адвокатом. Не призывался он и в качестве адвоката на громкие политические процессы.

Создается впечатление, что Дивногорский брал те дела, которые были ему интересны и где он отчетливо видел, что выступает за правое дело. На процессах в Казани (по делам Казанского горсовета и Казанского авиазавода). Дивногорский самоотверженно, смело, нелицеприятно и результативно защищает людей, объявленных *врагами народа*. Это был ПОСТУПОК!

Казалось, можно было бы ожидать, что такая позиция навлечет на Дивногорского гнев власть предержащих. Но нет, ничего подобного. Об этом свидетельствует характеристика, выданная ему 3 ноября 1941 года «в том, что он в Юридической Консультации №13 работает с 1927 года. За время своей работы никаких взысканий не имел. Неоднократно премирован. Является высококвалифицированным специалистом. Общим собранием адвокатуры был избран членом Президиума Московской Городской Коллегии Адвокатов. В течение ряда лет состоял членом секции Моссовета и проводил общественную работу. Является добросовестным, энергичным, инициативным работником». (Подпись – Зав. Юрконсультацией МГКА Морева).

И тут меня осенило. За годы работы над книгой мне ни разу не встретилось упоминание о политических репрессиях в отношении адвокатов. В отношении прокуроров – да, было, и не раз. В отношении судей – тоже, хотя и реже. В отношении работников НКВД – сколько угодно (при каждом новом наркоме – смертоубийственная «ротация» кадров). А вот адвокатов вроде бы не преследовали.

Похоже, что такие, как Дивногорский, были нужны власти на своем «невысоком» рабочем месте.

Последние два года жизни Дивногорского прошли безрадостно. Он по-прежнему служил в юридической консультации Пролетарского района, замещал заведующую во время ее отпуска или болезни, интересных для себя дел, видимо, не находил, материальное благополучие страдало. Начал выпивать, от него ушла жена. На фотографии конца 40-х годов его просто нельзя узнать: потухший взгляд, опущенные кончики губ, залысины и проплешины на месте пышной шевелюры... Он оказался «лишним человеком» в наступившем мире и умер в 1949 или 1950 году. Но оставил о себе добрую память у всех, кто его знал.

Эта женщина из Верховного суда

О ней известно мало и отрывочно.

Я говорил об освобождении маминого брата из лагеря зимой 1938–1939 года в ходе показательной бериевской «либерализации». Из дядинога рассказа мне запомнилось, что была некая процедура в Верховном суде СССР, тогда он и познакомился с судебским работником (это была женщина) и произвел на нее самое хорошее впечатление, а к этому были все основания: его невиновность была налицо, в разговоре дядя был убедителен, да и внешность имел располагающую к доверию. Он называл ее фамилию и имя, но все это забылось, как и то, кем она, собственно, была: судьей, то есть членом Верховного суда, или его помощником, или ответственным сотрудником секретариата, подготавливающим документы...

Вот к этой женщине дядя и решил обратиться, когда в 1941 году кассационные материалы, подготовленные адвокатом Дивногорским, ушли из Казани в Москву. Ведь результат их рассмотрения зависел тогда (как и сейчас) не только от существа дела, но и от множества случайных факторов, таких как время прохождения, изменение обстановки и даже от дурного или благостного расположения духа ответственного лица.

Дядя позвонил ей, напомнил о себе и попросил принять. Он объяснил, что пришел по поводу своего шурина, мужа родной сестры. «Вы мне верите?», – спросил он с нажимом и расстановкой, и немногословно, но предельно ясно, как он действительно умел, изложил суть всего хода неправого следствия и суда. И закончил так: «Человек невиновен!». Разумеется, это относилось, по существу, и к другим осужденным, поскольку кассационные документы, составленные адвокатами, опирались не только и не столько на анализ персонифицированных разделов обвинительного заключения и приговора, сколько на системные юридические пороки всего процесса в целом.

И «эта женщина из Верховного суда» пообещала дяде незамедлительно запросить искомые материалы и лично их изучить!

А изучение имело своим результатом отмену приговора... Получилось так, что отмена приговора, вынесенного судьей Угольковым 22 декабря 1940 года, определением Судебной Коллегии по уголовным делам ВС СССР состоялась в короткий срок: 24 мая 1941.

Быть может, когда-нибудь мне удастся в архивах ВС СССР отыскать материалы, касающиеся подготовки этого определения, тогда и всплывет имя «этой женщины из Верховного суда», а пока что – пусть земля будет ей пухом...

Этот летчик с Казанского авиазавода

Так его называла моя мать, хотя вполне возможно, что был он вовсе не летчиком-испытателем завода, а работал инструктором в Казанском аэроклубе на

Сухой реке. Не знаю, при каких обстоятельствах состоялось знакомство его с отцом, а потом и с матерью, но только стал он к нашей семье очень расположен. В молодости мама была не лишена задора, в Москве прыгала с парашютной вышки в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького (ЦПКО), а в Казани этот самый летчик поднял ее в открытой кабине самолета У-2 и сделал пару кругов над аэродромом.

После войны, когда мы вернулись из эвакуации в Москву, этот летчик еще в течение многих лет изредка писал маме о своей жизни, а она ему отвечала. Однажды он сообщил, что заканчивает работать и уезжает на жительство в Чистополь. Это письмо оказалось последним.

Но почему я упоминаю его в этой книге и в этой главе?

«Этот летчик с Казанского авиазавода» был тем самым человеком, который известил нашу семью, что Якова Ароновича больше нет. Сразу после его кончины в тюремной больнице. Принес с искренней печалью и соболезнованием скорбную весть о его смерти и о захоронении в общей могиле, которую искать бесполезно... Он знал наш московский адрес, а оттуда дядя переслал письмо в Арысь.

Игнорируя возможные для себя последствия, он каким-то образом отслеживал судьбу политического заключенного до последнего момента. Считал это своим долгом перед памятью о нем и его семьей.

Не будь его, Бог знает, когда бы мы узнали хоть какую-то часть правды о судьбе дорогого нам человека. Отец умер 23 мая 1943 года.

Жены и дети

Архивно-следственное дело №2-2735 [35] хранит множество свидетельств того, как старались достучаться до власти предрержавших законные и «гражданские» жены персонажей этого повествования. Не предали, не отказались, не забыли, не опустили руки... Неустанно обращались, куда только возможно. Находили нужные слова. Просили, требовали, умоляли «во имя торжества истины, справедливости и законности», во имя того, что, освободив невинно осужденного, «партия и Советская власть в его лице найдет дельного и неутомимого работника, который с еще большей энергией будет помогать одолевая всякие трудности и принесет соответствующую пользу государству».

Обращения *Натальи Васильевны Старовой* (Моревой) [35, т. 23а, л. 829-830, 865, 913]:

– к Члену Верховного Суда РСФСР Горбунову от 3 февраля 1941 г.;

– к Председателю Верховного Суда СССР Голякову от 25 марта 1941 г.;

– к Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину от 31 марта 1941 г.

Все это уже после вынесения расстрельного Приговора, она в отчаянии, она спешит, обращения идут

по нарастающей... У них нет детей, с мужем она прожила 18 лет, а главное, ведь он ни в чем не виноват! Он предан Партии и Правительству! Тогда за что? Как сложилась ее дальнейшая судьба (муж умер в Казанской тюрьме в 1944 году), мы не знаем. В те годы она жила в Казани на 7-й Союзной улице, дом 26/10, квартира 1.

Обращения *Варвары Николаевны Кондаковой* (гражданской жены Бусарова с 1935 года):

– к Прокурору Союза ССР тов. Вышинскому от 27 мая 1939 года [там же, т. 9, л. 25];

– к Председателю Верховного Суда СССР Голякову от (неразборчиво) 5 июня 1941 года [там же, т. 23а, л. 858]: просит принять ее лично.

Варвара Николаевна прожила в Москве долгую жизнь.

Заявление *Анны Платоновны Гизатуллиной* Прокурору СССР т. Вышинскому от 11 января 1939 года [там же, т. 9 л. 11]: «... дело ведет уже 3-й следователь, со дня ареста прошло уже 17-ть месяцев, следствие все еще не закончено. Мой муж 12 лет работал в Сельхозснабе в Казани и 3 года на заводе 124. Родился он недалеко от Казани, т. е. весь его жизненный путь, казалось, можно было бы уже за 17 м-цев проверить. Прошу Вашего вмешательства в это дело... Если мой муж действительно виноват, то его надо судить, если же нет достаточных данных для обвинения, то надо освободить».

Ее судьбу мы не знаем. Она жила с двумя детьми – Раулем 1926 г.р. и Узбеком 1924 г.р. в Казани на ул. Большой Галактионовской, дом 7, кв. 6.

О *Рите Львовне Маршевой*, своей мачехе, немного писала мне старшая дочь Маршева – Динара Николаевна. После ареста мужа, Риту Львовну уволили с работы. Она долго мыкалась, работала посудомойкой в школе для глухонемых, но пришлось уйти и оттуда. Позже, с обеими девочками и малолетним сыном уехала к родным в Белоруссию, но вскоре началась война. Попали под бомбежку, Динара была ранена... А еще, пишет Динара Николаевна в этом же письме, сестры хотят увидеть рассказ о жизни своего отца в моей рукописи... Что ж, это было и моим желанием... Фамилии Маршева, Бусарова, Шаханина и Дайбога закрепились в моей памяти с далеких детских лет. Рите Львовне довелось дожидаться своего мужа. И пережить его. Последние ее годы прошли в семье сына.

В деле, в разных томах, много обращений *Елены Давыдовны Моргулевой* в разные инстанции. Из них остановлюсь только на одном, от 13 января 1940 года.

Мы живем в Москве, я учусь в первом классе, и у меня заканчиваются первые зимние каникулы. (В дневнике писательницы Лидии Либединой за 7 января 1940 года такая запись: «В Москве стоят 40-градусные морозы. На улице у детей мгновенно седеют волосы, а старики румянеют, как малявинские бабы. Идет финская война, город затемнен, только светятся окна проходящих трамваев»). И мне, конечно, не дано знать, что именно в этот день 13 января, в субботу, при-

дя с работы, на листке, вырванном из тетради «в клеточку», мама пишет заявление новому наркому внутренних дел Берии. Чтобы на следующий день, в выходной, не по почте, а лично отнести в приемную НКВД на Кузнецком мосту. Еще не было второго судебного рассмотрения, то есть это было до приговора. В своем обращении мать жалуется, что начальник следственного отдела Железников необоснованно отказал в передаче продуктов, с которыми приехала в Казань сестра отца. А еще просит «принять меры к ускорению следствия, так как мой муж абсолютно невиновный человек... и создать объективные условия для ведения следствия». На письме две резолюции: От заместителя наркома Морозова – Железникову: «Доложите»; от Железникова – Сосипатрову: «Замнаркома приказал ускорить дело, через I спецотдел дать ответ». Порядка при Берии стало больше, суть не изменилась.

А ведь в Казани ох как было худо, мама как чувствовала! У Павла Аксенова в его «Последней вере» читаем [9]: «Зима 1940 года выдалась очень холодной. Морозы ночью доходили до 40–42 градусов... В то время, о котором я говорю, здесь, в Казанских тюрьмах, лагерях и колониях, свирепствовали цинга, пеллагра, «куриная слепота» и др. болезни, возникающие на почве недоедания, авитаминоза».

Семья *Шейнманов* из четырех человек жила в Москве в самом центре, на Тверском бульваре. Ордер на арест в московском варианте, в отличие от казанского, был почему-то избыточно подробен. В данном случае, например, мы узнаем, что занимали они комнату в 24 кв.м. в коммунальной квартире в доме, где был водопровод, но других удобств нет (то есть холодная уборная – во дворе). Сейчас в это здание даже не войти: все перестроено, двери наглухо закрыты, – какая-то фирма.

Люба Шейнман была старшей дочерью в семье. Ко времени описываемых событий она достигла совершеннолетия. И она тоже написала заявление наркому внутренних дел Берии, случайно совпавшее по времени с заявлением моей матери: написано 14 ноября 1939 года, помечено, видимо, в секретариате Берии, 16 января 1940 года и зарегистрировано в Н.К.В.Д. Т.Р. 4 марта 1940 года [35, т. 47].

Сплав взрослости и детскости породил документ необычайной духовной силы.

После того, как в Москве стало известно о вынесенном З.Я. Шейнману расстрельном приговоре, Любу, ко всему прочему, исключили из комсомола. Она не выдержала потрясений, помутилась рассудком, ее поместили в психиатрическую больницу. Но расстрельные приговоры, как читатель знает, были заменены ОСО на 10-летнее тюремное заключение. Получив весть о судьбе дочери, З.Я. Шейнман повесился в тюремной камере. Так, по крайней мере, рассказывала мне мать с чьих-то слов.

Когда я впервые прочитал «Заявление» Любы Шейнман в архивно-следственном деле, мне показалось, что нечто подобное, какие-то сюжетные линии мне

уже встречались, образ девушки кого-то напоминает. Наконец, меня осенило: Виктория Люберецкая, персонаж повести Бориса Васильева «Завтра была война». Ведь сколько внешних и внутренних совпадений! И год – 1940-й, и отец – работающий в авиационной промышленности и тоже репрессированный, и вера в отца, которую ничем не пошатнуть, даже грозившим исключением из комсомола, которое само по себе тоже является драмой. Лишь концовка повести – зеркально отображенная: дочь кончает самоубийством, а отец возвращается. Что это? Случайное сходство, художественные фантазии Бориса Васильева, обогащенные его пронизательностью, глубочайшим проникновением в трагедию эпохи? Или, быть может, художественное преломление реальной истории, каким-то образом ставшей известной автору.

И приведенный пример – отнюдь не исключение. Журналист Константин Смирнов рассказывал [84], что в тот год, когда арестовали А.Н. Туполева (а на второй день и его жену), их дочь Юлия училась в 10-м классе. Ее тоже *прорабатывали* в школе, убеждали отречься от отца, но она отказалась. И ей объявили строгий выговор за потерю политической бдительности. Так что и события вокруг семьи Туполева точно так же могли наваять Борису Васильеву сюжет его повести, равно как и его посвященность в другие события того же ряда.

Заявление Любы Шейнман:

... мая 1938 г. был арестован мой отец, Шейнман Илья Яковлевич.

Сейчас мне 18 лет. Я комсомолка. Все сложившиеся взгляды на жизнь людей, на взаимоотношения людей, понятия о чести, долге – все это изменилось. Вдруг я очутилась в какой-то пустыне. Не верить отцу – значит для меня отнять самое святое чувство. Это невозможно! Я знаю своего отца может быть лучше, чем другие дети своих родителей. Я могу ругаться за него так, как за себя самую. В отце я видела все качества честного гражданина советской страны, стойкого большевика, скромного и готового на все ради своего дела. Последние годы он работал на Казмашстрое г. Казани, в качестве главного инженера строительства. Мы жили в поселке ИТР, и я могла видеть и наблюдать моего отца, его отношение к работе. Могу прямо сказать, что сравнивая его со многими, работавшими там людьми, я видела, что он отличается от них своим отношением к работе. Он относится к работе не как к службе, а как к своему, близкому и родному делу. Он забывал обо всем. Он не мог себе представить отдыха где-нибудь, забыв хотя бы на выходной о работе. Он не представлял себе, когда ему говорили, чтобы он отдохнул, занялся личными делами. Для него личная жизнь была неразрывно связана с работой на стройке. Трудно передать, как он переживал малейшие мелочи и успехи на строительстве. Но успехи никогда не наводили на него самодовольного спокойствия. Он тут же находил, что можно добиться лучшего и стремился к новым достижениям.

Когда я вступила в ВЛКСМ, я в отношении к общественной работе и своей учебе старалась брать пример с него, как стойкого и крепкого большевика, главное качество

которого скромность и критическое отношение к себе и своей работе.

Карьеристы и перестраховщики добились исключения папы из партии и снятия его с работы. В это время папа был спокоен, его угнетало только, что его оторвали от работы, которой он отдал все свои силы, знания и умения, работая 8 лет без отпуска. Он говорил, что тем, что у него отобрали партийный билет, его не оторвали от коммунистической партии. Он говорил, что правда восторжествует. Он старался и в меня вселить уверенность в том, что партия и правительство не допустят, чтобы из их рядов вырывали людей, тесно связанных с партией. Комиссия партийного контроля восстановила его в рядах партии. Это время было самым радостным в нашей семье. Я убедилась, что справедливость существует.

Но вдруг отца арестовали. Он был поражен, но, как всегда, держался бодро и спокойно. В первый момент у него невольно вырвалось, почти про себя: «Неужели недостаточно честности, преданности и знаний?!» Папа старался успокоить меня. Он говорил, что идет спокойно, потому что знает, что он ни в чем не виноват, потому что он идет к своим людям, которые постараются во всем разобраться, наконец, он знает, что за ним партия, которая бережно относится к своим членам. Его слова, как всегда успокаивали меня, гасили все сомнения. Я твердо верила, что пройдет время, может быть, несколько месяцев (а теперь уже 1 г 8 м!), и мы снова будем вместе, папа снова будет продолжать работать. Но все оказалось совершенно иначе. Долгое время я ходила в разные места к бесконечным окошечкам, где мне ничего определенного не отвечали, или, в лучшем случае, советовали еще куда-нибудь. Долгое время я вообще не знала где находится мой отец. Один день мне говорили, что он в Бутырках, я ехала туда, там отвечали, что такого не было и нет. Через некоторое время говорили, что он в Лефортове, – там отвечали то же. Целые дни проходили в безрезультатных хождениях, стоянии в очередях, чтобы попасть куда-нибудь на прием через месяц или два. Во всем этом убивалось чувство собственного достоинства. Я начинала чувствовать себя одинокой в стране, радостями и достижениями которой жили я и мой отец. Я не видела чуткости в отношении людей. Я увидела, что в официальных учреждениях могут давать неверные справки. Я чувствовала себя униженной. Мне было обидно за отца, я не знала, что он чувствует теперь. Сотни раз я перебираю все снова в уме, на меня нападает отчаяние, я не знаю, что делать, куда обращаться, где найти чуткое, человеческое отношение. Наконец, я дошла до того, что перестала есть, спать ночами, я не могла продолжать учиться. Я оказалась одна в своем мире, наполненном ужасами и сомнениями. Я решила, что больше ничего не могу сделать, что меня никто не хочет понимать и никогда не поймет. Я решила, что единственный выход – это умереть. Наконец, я попала в психиатрическую больницу имени Кащенко. Я пролежала там больше 7,5 месяцев. Только там я увидела чутких людей, только там я почувствовала к себе чуткое отношение. Постепенно меня возвращали к жизни, и, с возвращением в жизнь, у меня снова появлялась вера в людей и в справедливость. Я вернулась из больницы и стала учиться, сейчас я учусь

в 10 классе школы для взрослых. Я жду, когда же, наконец, кончатся мучения и начнется настоящая трудовая жизнь для моего отца и для меня. Сейчас папа находится в Казани. 25/IX начался суд, но вновь был отложен. Теперь снова ведется следствие. Теперь на меня тоже нападает отчаяние, безнадежное настроение, я возвращаюсь к старым мыслям.

Я не видела отца уже 1 г. 8 м. Я представляю себе его лицо всегда по-разному. Иногда мне кажется, что он улыбается своей обыкновенной улыбкой, и мне становится легче... Но так бывает редко. Ночью я лежу с открытыми глазами и думаю: «Спит ли сейчас папа?» Я вижу, как в темноте появляется его лицо, и мне кажется, что он мрачный, постаревший, тогда меня охватывает ужас, я не могу пошевелиться, я думаю, что неужели же я совершенно бессильна и ничем не могу помочь ему.

Я очень прошу, чтобы это дело было закончено скорей и как этого требует справедливость.

Прошу разрешить свидание с отцом.

Теперь о судьбах детей других осужденных по делу Казанского авиазавода и смежным делам. Они сложились в конечном счете благополучно, хотя и не безоблачно на своем начальном этапе.

Мы имеем в виду тех, чье взросление и совершеннолетие состоялись в годы правления Сталина, кто ныне здравствует и успел поделиться со мной своими воспоминаниями.

Рассказывает дочь К.К. Бурого – *Лилия Константиновна Бурая*, 1919 года рождения.

«В 1938 году я окончила школу, хотела идти работать, но мама, памятуя заповедь отца, настояла на том, чтобы я получила высшее образование. Но это было достаточно сложно. Я никогда не скрывала, что я «дочь врага народа». Этот «враг» мне был очень дорог, и отречься от него я не могла, поэтому всюду, куда я подавала документы, избавлялись от такой студентки. Приютил только всемирно известный тогда Казанский ветеринарный институт, который я и окончила в 1942 году. Отработала 4 года в районах Башкирии, после чего вернулась в Казань, в свой родной институт, в котором проработала до выхода на пенсию. Защитила кандидатскую диссертацию».

От себя добавляю: действительно, несмотря бесчисленные и всем известные *сложности*, в Казани находились мужественные руководители, которые брали на себя ответственность и принимали рискованные для своей карьеры решения, вроде того, о котором написала мне Л.К. Бурая. Еще один пример такого рода приводит вдова хорошо известного в довоенной Казани строителя и общественника Вениамина Штукатера. (Он был арестован в зловещем 37-м и сидел в одной камере с Павлом Аксеновым; расстрелян, жена сослана. – *Прим. авт.*) [135].

«В сорок шестом, после освобождения, с большим трудом добралась до Казани. Дочка к тому времени окончила вечернюю школу и даже поступила в КХТИ. И тут не могу не вспомнить добрым словом Алексея Козлова, моего бывшего однокурсника, ставшего ректором КХТИ: не побоялся принять в институт дочь

«врагов народа». (Напомним, в КХТИ в это время продолжали работать и бывшие репрессированные ученые Арбузов, Разумов, Камай. – *Прим. авт.*)

Рассказывает одна из дочерей Н.Д. Маршева – *Динара Николаевна Захарова*, 1928 года рождения.

«Я не скрывала, где мой отец, по какой статье сидит, писала везде, где требовалось. Когда я училась в Казанском авиационном техникуме, меня не допускали на практику на заводы авиационной промышленности, диплом вся группа писала и защищала на авиационном заводе, я же писала его в техникуме и защищала там. Диплом выдали без направления на работу. Я ходила по заводам в поисках работы. Но, увидев мою биографию, мне говорили: «Нам такие не нужны»... В комсомол меня приняли с третьего раза, в коммунистическую партию – категорически отказали. С трудом смогла устроиться на работу на Казанский механический завод сельского хозяйства. Но вопреки всему я закончила вечерний Казанский авиационный институт, где также на первых курсах хорошо потрепали нервы. После реабилитации папы гонение прекратилось – относительно».

Коротко о детях других персонажей книги.

Дочери Л.Н. Шаханина, 1928 и 1931 года рождения, в согласии с матерью не скрывали, что их отец был осужден и приговорен к ВМН... Старшая дочь, *Кира Львовна* (скончалась в 2005 году), окончила Московский химико-технологический институт, в свое время стала доктором наук. Единственное, в чем ей решительно отказали – это в приеме в КПСС. Младшая дочь, *Ирина Львовна*, подала документы в МГУ, но увидев их, ей тут же прямым текстом *велели поворачивать назад*. Она поступила в медицинский институт и тоже защитила докторскую диссертацию. Намерения вступать в партию не проявляла.

Сын С.Е. Дайбога – *Исай Семенович*, 1916 года рождения, работал на дирижаблестроительной верфи в г. Долгопрудном под Москвой, а затем на заводах №№207, 135, 30 НКАП, хотя, возможно, это было одно и то же предприятие, которое выступало в разное время и в разных местах (в том числе в Перми) под разными номерами. В какой-то момент он был уволен как сын «врага народа», однако на фронт, куда он хотел пойти, его тоже не пустили. Кажется, это было связано с переводом из Перми на 30-й завод в Москву. Однако и оттуда его через короткое время увольняют. Кто-то объяснил ему, что в авиации он работать больше никогда не сможет, и в конце концов он осел во Всесоюзном институте гидромашиностроения (сведения получены от внучки С.Е. Дайбога – Елены Исаевны Дайбог).

Особняком выглядит линия жизни *автора* этой книги. Отец, Я.А. Моргулев, никогда не жил в Москве, не имел здесь жилплощади, не был прописан (с 1934 по 1937 год наезжал лишь командировками из Казани). Поэтому после возвращения с мамой из эвакуации в 1943 году, уже после смерти отца в Казанской тюрьме, ничто не побуждало ворошить прошлое и *лезть в клетку к тигру*... И когда, окончив школу

с медалью в 1949 году, я подал документы в МЭИ им. В.М. Молотова на радиотехнический факультет, вне которого не мыслил своего будущего, то разработал автобиографическую формулировку, максимально приближенную к реальности, за исключением одной понятной детали. И тиражировал ее практически слово в слово, по мере необходимости, на протяжении восьми лет. Вслед за указанием полного имени обоих родителей, согласно моему свидетельству о рождении, и даты и места их рождения эта формулировка звучала так: «В 1934 году мои родители расстались, мать увезла меня на жительство к своим родителям в Москву, а отец с этого времени жил и работал в Казани. По сведениям его родственников, он погиб в годы войны».

Здесь не было ни одного слова неправды, но здесь была не вся правда, и психологически это меня обременяло.

Замечу впрочем, что и такое «вариантное поведение» отнюдь не было исключительным в те годы. Рассказывает известный кинорежиссер и киноактер Станислав Говорухин [136]: «Почему мама скрывала от вас судьбу отца и даже сожгла фотографии? – Потому что время было жестокое. Детей репрессированных родителей ждала судьба тяжелая – могли быть неприятности и с комсомолом, и с поступлением в институт. Но удалось обмануть компетентные органы. И вот моя мать, портниха, одна выкормила и дала образование обоим своим детям – мы с сестрой окончили Казанский университет – один из самых старых университетов в стране».

15. История окончена. Забудьте?

Фраза, вынесенная в заголовок, может быть знакома читателю. Это название итальянского кинофильма 70-х годов, но только с вопросительным знаком. Фильма абсурда, страшного фильма, пробирающего до дрожи. Срачивание мафии и правосудия... Испытания невинного человека, затянутого в тюремную камеру, в жернова мафиозной разборки, и столь же непредсказуемо освобожденного. Человеку предлагается забыть все, что с ним произошло и чему он ока-

зался свидетелем. Так что ж, забыть и нам: и тем, кто был в жерновах репрессий (а их почти и не осталось), и тем, кто имел или потерял там своих близких, и тем равнодушным, кто знает об этом по книгам и понаслышке?

История ничему не учит, предупреждал русский историк В.О. Ключевский, а только наказывает за незнание уроков. Потому и называется эта книга «Минувшее – живи!».

Библиография

1. *Бронштейн Б.* Кто и как спасал Борю Ельцина в годы репрессий // *Известия*. 26.10.1995.
2. *Прокофьев В.Н.* Частное послание, адресованное Ангелине Александровне Варфоломеевой [Шаханиной]. Рукопись. Москва, ок. 1955 г.
3. *Котляр Э.* Победы, тревоги и гибель гвардейцев индустриализации // *Наука и жизнь*. 1990. №5.
4. Казанское авиационное производственное объединение им. С.П. Горбунова – Казань, 1985.
5. *Генкин И.* Так начинался Авиастрой // *Вечерняя Казань*. 05.1987.
6. Казань орденоносная. Сборник – Казань, 1987.
7. *Коммунист Татарии*. 1989, №4.
8. *Литвин А.Л.* Запрет на жизнь. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
9. *Аксенов П.* Последняя вера // *Казань*. 1993. №1; 1994. №1–2, 5–6, 7–8, 9–10; 1995. №1–2, 3–4, 5–6, 7–8; 1996. №1–2, 3–4, 5–6, 7–8; 1997. №1–2.
10. *Казань*. 1999. №3–4. Спецвыпуск, посвященный КАПО им. С.П. Горбунова.
11. Завод стратегического назначения. КАПО им. С.П. Горбунова. – Казань: Вертолет, 2002.
12. Kazan Aircraft Production Association n.a. Gorbunov. <http://www.kzn.ru/tat-en/economics/profiles/k/kapo/kapo.html>
13. <http://www.aviationin.ru/facilityis.ru>
14. *Лисавич М.* История Казани глазами эрудитов, – 2-е изд. – Казань, 2000.
15. *Федоров О.А.* История России. XX век: Учебник для высшего профобразования МВД России. – Орел, 1999.
16. *Ратьковский И.С., Ходяков М.В.* История Советской России (учебное пособие для студентов исторических специальностей). – Санкт-Петербург, 1999.
17. *Соколов А.К.* Курс советской истории. 1917–1940: Учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1999.
18. История авиации. Библиографический указатель. – М.: Янус-К, 2003.
19. *Шумихин В.С.* Советская военная авиация. 1917–1941. – М.: Наука, 1986.
20. Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева. <http://www.khrunichev.ru/khrunichev/live/>
21. *Скрицкий Н.В.* Самые знаменитые авиаконструкторы. – М.: Вече 2000, 2004.
22. *Бирюков Ю.В.* Роль М.Н. Тухачевского в развитии советской авиации и ракетной техники // *Из истории авиации и космонавтики*.
23. *Шпак Г.И., Казанцев В.А., Круглов В.А.* Воздушно-десантные войска России. – М.: Фонд развития местного самоуправления, 2000.
24. *Черняков А.С., Левин Г.А.* Петр Ионович Баранов. – М.: Центральный музей Советской Армии, 1961.
25. *Глуховский С.Д.* Когда вырастали крылья. 1892–1933. – М.: Воениздат, 1965.
26. *Левина Ф.* Ключи от неба // *Ростокинская панорама*. 2003. №12, декабрь.
27. Сталинские списки. <http://stalin.memo.ru/spiski/index.htm>.
28. *Станковская Ф.* Побережский Иосиф Израилевич // Уральская историческая энциклопедия. <http://www.ihist.uran.ru/index/ru/encyc/encyclopaedia,%CF,1592.html>
29. *Пономарев А.Н.* Советские авиаконструкторы. – 3-е изд. – М.: Военное издательство, 1990.
30. *Туполев А.Н.* Из воспоминаний о Петре Ионовиче Баранове и Серго Орджоникидзе // Андрей Николаевич Туполев. Грани дерзновенного творчества. К столетию со дня рождения. – М.: Наука, 1988.
31. *Глававианпром – АВИАСТРОЙ.* Информационный бюллетень №1, 15 июля 1932. Издание управления строительства. Наркомтяжпром СССР.
32. *Авиострой.* Орган техпропа управления по сооружению авиокомбината. №1, июль 1932.
33. Мы и время. Очерки из истории энергетической системы Татарстана. Период реконструкции народного хозяйства 1934–1941 гг. http://www.tatenergo.ru/my_i_vremya/ard_009.jsp.

34. Чуев Ф. Ильюшин. – М.: Молодая гвардия, 1998.
35. Архивно-следственное дело №2-2735 по учету 1956. – Казань, КГБ Республики Татарстан.
36. Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. – М.: Вече, 1999.
37. Соболев Д. «Юнкерс» в Филях // *Родина*. 2002. №10.
38. Даффи П., Кандалов А. А.Н. Туполев. Человек и его самолеты. – М.: Московский рабочий, 1999.
39. Черток Б.Е. Ракеты и люди. – 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999.
40. Самоделова С. Иван Железный // *Московский комсомолец*. 30.06.2005.
41. Шаганин Л.Н. На стройке гиганта // *Красная Татария*. 5.08.1936.
42. Соколова Ю. О жизни канальей замолвите слово // *Московский комсомолец*. 9.04.2001.
43. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов (История НКВД – МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова). – М.: Версты, 1995.
44. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика, 1993.
45. Кокурин А.И., Петров Н.В. НКВД – НКГБ – Смерш: структура, функции, кадры // *Свободная мысль*. 1997. июнь–декабрь.
46. Лубянка. ВЧК – КГБ: 1917 – 1960. Справочник. – М., 1997.
47. На страже порядка. Книга первая. – Казань: РИЦ «Лиана», 1997.
48. Расстрельные списки. Москва. 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. – М.: Звенья, 2000.
49. *Конквест Р.* Большой террор. – М., 1990.
50. Уйманов В.В. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск, 1995.
51. Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. – М.: Возвращение, 1995.
52. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. – М.: Терра, 1991.
53. *Роговин В.* 1937. – М.: Типография «Новости», 1996.
54. Вся наша жизнь. Воспоминания Галины Ивановны Левинсон, записанные ею. – М.: Мемориал, 1996.
55. Попов Г. Тридцать седьмой год, или материализация призрака. Странички из дневника // *Московский комсомолец*. 2002. 31 мая, 7 июня, 14 июня, 21 июня, 28 июня, 5 июля, 12 июля, 19 июля, 26 июля, 2 августа.
56. *Минувшее*. Исторический альманах. №1. – М.: Прогресс, 1990.
57. Эрлихман В. Полвека без вождя. Суд истории или суд над историей? // *Родина*. 2003. №2.
58. Феофанов Ю. Расстрел по 1-й категории // *Известия*. 03.04.1996.
59. Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР // *Россия*. XXI. Альманах. №1–2. – М., 1994.
60. Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – М.: Мосгорархив, 2002.
61. Из письма А. Эйнштейна И. Сталину // *Звезда*. 1994. №12.
62. Якубович Н.В., Лавров В.Н. Самолеты В.М. Мясищева. – М.: 1999.
63. Колодный Л. Великая казнь // *Московский комсомолец*. 30.06.2003.
64. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И.В. Сталин: В 2 т. – М., 1989.
65. Россия. XX век. Документы. Вып. №2, 2001.
66. Карнаузов А. Вам французское письмо! // *Московский комсомолец*. 10.03.2007.
67. Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. – М.: Готика, 1998.
68. Кригер-Войновский Э.Б., Спрогге В.А. Записки инженера. – М.: Русский путь, 1999.
69. Соболев Д.А. Репрессии в советской авиапромышленности. – <http://russcience.euro.ru/papers/sob00v.htm>.
70. Все выше, и выше, и выше // *Московская перспектива* (приложение к газете *Московская правда*). 16.04.2002.
71. Султанбеков Б., Шарафутдинов Д. «Загадка» пропавшей стенограммы // *Эхо веков*. 1998. №1–2.
72. Очерки истории партийной организации Татарии. – 2-е изд. – Казань: Таткнижиздат, 1973.
73. Стенограммы закрытых заседаний и протоколы 2-го пленума Татобкома ВКП(б) 26 – 28 августа 1937 // *Эхо веков*. 1998. №3–4.
74. Биктангаев М. Долгая, долгая осень. Энциклопедия жизни простого человека из слободы // *Казань*. 1993. №1.
75. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М.: РосСПЭН, 1996.
76. Сопельняк Б. Профессия – убивать // *Родина*. 2003. №9.

77. Первая сессия Верховного Совета СССР. 12–19 января 1938. Стенографический отчет. – М.: Издательство ВС СССР, 1938.
78. *Ибрагимов И.* Этот сад видел столько слез // *Вечерняя Казань*. 7.10.2000.
79. На страже порядка, книга первая – Казань: РИЦ «Лиана», 1997.
80. *Грин Б.* Высокое небо. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1973.
81. *Чертюк Б.Е.* Ракеты и люди. – 2-е изд. – М.: Машиностроение, 1999.
82. *Голованов Я.* 1367 дней из жизни Андрея Туполева. Золотая клетка // *Литературная газета*. 9.11.1988.
83. *Кербер Л.* С Туполевым в тюрьме и на воле. Воспоминания инженера // *Смена*. 1991. №9.
84. *Смирнов К.* Большие родители. Юлия Андреевна Туполева о своем отце // *Телеканал НТВ*. 20.08.2000.
85. *Чуев Ф.* Солдаты империи – М., 1998.
86. Слушайте, говорит Казань! 1927–1997. Исторические документы, фотоснимки, беседы и интервью в связи с 70-летием радио Татарстана. – Казань, 1998.
87. *Стецовский Ю.* История советских репрессий: В 2 т. – М.: Общественный фонд «Гласность», 1997.
88. *Литвин А.* Трагедия старого большевика // *Татарстан*. 1992. №5–6.
89. *Валеев Р.* Узник НКВД // *Татарстан*. 1993. №8.
90. *Роговин В.* 1937. – М.: Типография «Новости», 1996.
91. *Озеров* [Леонид Львович Кербер]. Туполевская шарага. – 2-е изд. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977.
92. *Дмитриева Н.В.* О природе бессонницы // *Московский комсомолец*. 2005, апрель.
93. *Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 г.). – Уфа, 1994.
94. *Кучерена А.* Пляски на надгробии // *Вечерняя Москва*. 25.01.2000.
95. *Дардыкина Н.* Последний из могикиан // *Московский комсомолец*. 21.04.2001.
96. *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту: Хроника политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины» (1937–1938 гг.). – Казань: Казанское общество «Мемориал», 1999.
97. *Тарджеманов Д.* Траектория исковерканной судьбы // *Татарстан*. 1995. №5–6.
98. ГУЛАГ. 1918–1960. Составители *Кокурин А.И., Петров Н.В.* – М.: РОССПЭН, 1999, 2000; М.: Материк, 2002.
99. *Отечественная история*. 1997. №4.
100. *Щербаков В.* Особое совещание // *Записки криминалистов*. Вып. второй. – М.: Юрикон, 1993.
101. *Лебедев А.* Памяти известного строителя // *Республика Татарстан*. 10.08.2001.
102. *Мустафин Р.* Дело Туфана // *Татарстан*. 1992. №3.
103. *Смирнитский Я.* Свекольный блюз // *Московский Комсомолец*. 16.02.2007.
104. *Вавилов Ю., Рокитянский Я.* О последних годах жизни академика Николая Ивановича Вавилова. 1940–1943 // *Наука и жизнь*. 1994. №8.
105. *Полециков В.М.* Под семью замками: из архива КГБ. – Сыктывкар, 1996.
106. *Шахурин А.И.* Крылья победы. – М.: Издательство политической литературы, 1990.
107. *Даутова Р.* Чужой среди своих. Тюремный роман генерального конструктора // Приложения к газете *Вечерняя Казань* за 1998 год.
108. *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. – М.: Наука, 2006.
109. ОАО Казанское моторостроительное производственное объединение. <http://www.kmpo.ru/history.php>.
110. Сайт *Авиаракетная промышленность*. <http://www.missiles.ru/VPK-missiles.htm>.
111. Сайт *Виртуальная авиационная энциклопедия «Уголок неба»*. – <http://www.airwar.ru/enc/cw1/ant20b.html>
112. Сайт *Виртуальная авиационная энциклопедия «Уголок неба»*. – <http://www.airwar.ru/enc/bww2/pe8.html>
113. Сайт *Военная Африканда. Северное небо*. – <http://history-afr.fatal.ru/>
114. Дальний тяжелый бомбардировщик Пе-8. – Сайт *Международный проект Дмитрия Смирнова*. <http://www.army.lv/?s=503&id=309>
115. *Штейнберг М.* Кузнецы оружия победы. Авиационная промышленность. – Сайт газеты *Еврейский мир*. <http://www.evreimir.com/article.php?id=3414>
116. Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева. – Сайт *Международный Объединенный Биографический Центр*, 2005. <http://www.biograph.ru/>
117. *Емельянов В.С.* На пороге войны. – М., 1971.
118. *Шокин А.А.* Министр невероятной промышленности. – М., 1999.
119. *Степанов А.С.* Клань в советском авиапроме в свете внутривнутриполитической борьбы в СССР накануне и в начале Второй мировой войны. – <http://www.rkka.ru/analys/stepanov/aviaprom.htm>
120. *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. – М., 1999.

121. Пугачев Л. Алексей Дмитриевич Чаромский. К столетию А.Д. Чаромского // *Двигатель*. Вып.1. <http://engine.aviaport.ru/issues/01/page48.html>
122. Сайт *Виртуальная авиационная энциклопедия «Уголок неба»*. – <http://www.airwar.ru/enc/bww2/er2.html>
123. Файзрахманова Ю. Хроника пикирующего бомбардировщика // *Молодежь Татарстана*. 7.04.2005.
124. Нерозникова Н.Д. Татарстан – один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. – http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/449konferenc
125. С.П. Королев и его дело. Свет и тени в истории космонавтики. – М.: Наука, 1998.
126. Глушко В.П. Ракетные двигатели ГДЛ – ОКБ. – М.: Агентство печати Новости, 1975.
127. Котельников В., Медведь А. Авиационные двигатели, или тернистый путь А.Д. Чаромского. – <http://engine.aviaport.ru/issues/21/page29.html>
128. Работы В.М. Петлякова в ЦАГИ и самолеты ОКБ В.М. Петлякова. – <http://eroplan.boom.ru/bibl/shavrov2/chr2/p1/pe-8.htm>
129. Иванов А. Авиаторы Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Казань: Память, 2000.
130. Романов А. Королев. Серия «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая Гвардия, 1990.
131. Бирюков Ю.В., Комаров В.М. О Казанском периоде жизни и деятельности С.П. Королева (ноябрь 1942 – сентябрь 1945) // *Из истории авиации и космонавтики*. Вып. 6. <http://epizodsspace.testpilot.ru/bibl/iz-istorii/korolev.html>
132. Голованов Я. Лжеотец «Катюши» // *Огонек*. 1988. №50.
133. Ефремов Э. Секрет гибели «Индиго» // *Труд*. 15.02.1996.
134. Казанский химико-технологический институт в годы Великой Отечественной войны. – Казань, 1995.
135. Штукатер Е.Ю. Моя история с географией // *Казань*. 1995. №5–6.
136. Говорухин С. Лучшее украшение интерьера – книги // *Жилищный ряд*. 1996. №35.

Так начинался Казмашстрой (1932–1936)

**Баранов Петр Иванович
(1892–1933)**

Зам. наркома тяжелой промышленности
и начальник Главного управления
авиапромышленности

**Кузнецов Кузьма Дмитриевич
(? – не ранее 1956)**

Начальник Специального
строительного управления по
сооружению Авиакомбината №124
(май 1932 – декабрь 1934)

**Разумов Михаил Осипович
(1894–1937)**

1-й секретарь Обкома ВКП(б)
Татарской АССР
(1929–1934)

Зайцев А.А.

Главный инженер
строительства
Авиакомбината №124
(май 1932 – декабрь 1934)

**Мухин Владимир Иванович
(1892–1938)**

Начальник Казмашстроя и первый
Директор Казмашкомбината
(январь 1935 – март 1936)

**Шаханин Лев Николаевич
(1898–1938)**

Начальник Казмашстроя
(апрель – декабрь 1936)
и Директор завода №124/27
(апрель 1936 – апрель 1938)

ПРИКАЗ №233

ПО НАРОДНОМУ КОМИССАРИАТУ
ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
г. Москва, 20 апреля 1932 г.

В целях быстреего выполнения решения правительства о
строительстве Авиакомбината №124 приказываю:

§1

Организовать специальное строительное управление на правах
треста с непосредственным подчинением Глававиапрому, на кото-
рое возложить производство строительных и монтажных работ
по сооружению Авиакомбината №124

§2

Начальником управления Авиакомбината №124 назначается
тов. Кузнецов К.Д.

П.п. Нарком тяжелой промышленности СССР

Орджоникидзе

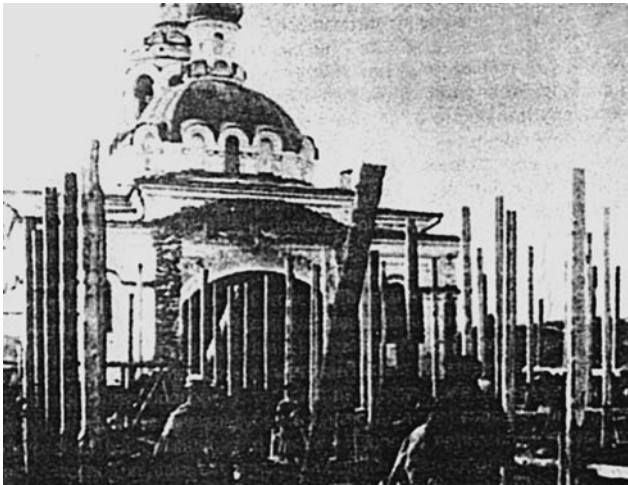

Бараки из саманного кирпича. 1932

Начало строительства каркасных домов. 1934.

Из архива Родиона Якубина. «Казанские ведомости», 11.09.2002

Переоборудование Сухорецкой церкви под рабочую столовую Казмашстроя. 1932.

Из архива Родиона Якубина

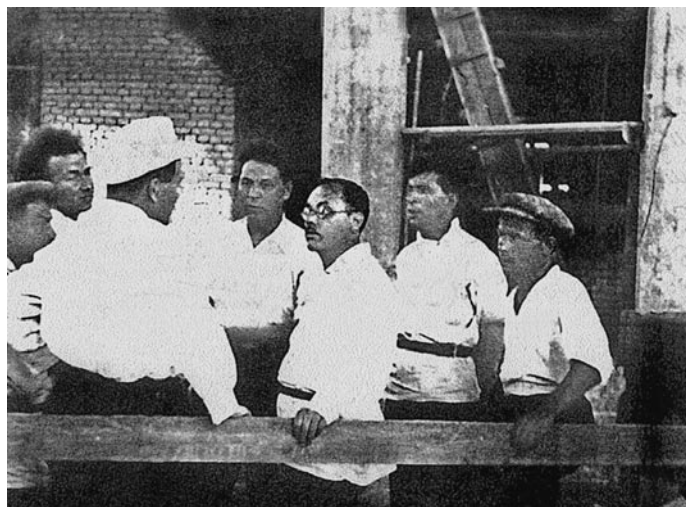

Маршев Н.Д. – Зам. начальника Казмашстроя
*Из семейного архива Маршевой Р.Л. за 1934–1936.
Гос. музей Республики Татарстан, Инв. №125282*

Маршев Н.Д. наблюдает за работой станка
роликовой непрерывной сварки
Из семейного архива Маршевой Р.Л.

На строительстве Водозабора.
Слева направо:
Кравченко С.М. – Начальник строительства Водозабора;
Баскин – 1-й секретарь Горкома партии;
Шаханин Л.Н. – Начальник Казмашстроя
и Директор Казмашкомбината;
Айвазов М.Г. – 1-й секретарь Ленинского райкома партии;
Лепа К.А. – 1-й секретарь Обкома партии;
Маршев Н.Д. – Зам. начальника Казмашстроя;
Смирнов Н.П. – Гл. инженер строительства Водозабора
Из семейного архива. Маршевой Р.Л.

На строительстве Ленинского района Казани.
Слева направо: Маршев Н.Д, Курников И.И.
(зав. производственно-транспортного отдела Обкома партии),
Лепа, Шаханин, Айвазов, Кравченко, Смирнов.
Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Из семейного архива Маршевой Р.Л.

В помещении «старого» цирка –
Слет ударников Казмашстроя. 1934.
Из семейного архива Маршевой Р.Л.

В помещении «старого» цирка –
Слет ударников Казмашстроя. 1934.
Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Казань-35, Поселок ИТР завода 124, дом 5
(ныне – Казань 420063, ул. Академика Королева, 28).
Вслед за каркасными домами – первый кирпичный дом
постройки 1935–1937. Мог бы охраняться, как памятник
советского периода истории Казани и КАПО им. С.П. Горбунова

Первомайская демонстрация.
Из семейного архива Маршевой Р.Л.

Наркомы внутренних дел Татарии (1936 – 1941 гг.)

Рудь П.Г.
(1896–1937)
С ноября 1936 по июнь 1937.
Расстрелян. Не реабилитирован

Алемасов А.М.
(1902–1972)
С июня по август 1937.
Далее – 1-й секретарь Обкома партии
по июль 1942.
Не репрессировался

Михайлов В.М.
(1901–1939)
С октября 1937 по декабрь 1938.
Расстрелян. Не реабилитирован

Морозов Е.М.
(1906–1971)
С января 1939 по июль 1941
Далее – служба в областных
управлениях по 1962

Габитов А.Г.
(1910–?)
С августа 1941

«Большой террор» на Казмашстрое и Казмашкомбинате

Сосипатров В.П.
руководитель следственной бригады НКВД. Апрель 1938.
(общественная нагрузка – агитатор среди населения накануне
выборов в Верховный Совет ТАССР I созыва)

«Дело Казанского авиазавода» («Процесс 13-ти»)

**Маршев Николай Дмитриевич
(1901–1971)**
На Казмашстрое с 1932 Зам. начальника,
Начальник Казмашстроя в 1933–1937.
Приговор к ВМН заменен ОСО на 15 лет ИТЛ
(Ивдельлаг, Вятсильлаг), по отбытии – ссылка в Минераллаг.
Освобожден в 1954

**Моргулев Яков Аронович
(1901–1943)**
На Казмашстрое с 1934 Главный инженер ТЭЦ-2,
главный механик Казмашстроя в 1936–1938.
Приговор к ВМН заменен ОСО на 10 лет заключения
(ИТК-1 г. Казани).
Умер в тюремной больнице.

**Бурый Константин Киприянович
(1896–1951)**

На Казмашстрое с 1935 Главный бухгалтер Казмашстроя в 1935–1937.
Приговор к ВМН заменен ОСО на 10 лет ИТЛ (Ивдельлаг),
повторный арест в 1948 и ссылка в Новосибирскую область.
Умер от инсульта.

**Шейнман Зелиг Яковлевич
(1895–1943)**

На Казмашстрое с 1932
Главный инженер Казмашстроя в 1934–1937.
Приговор к ВМН заменен ОСО
на 10 лет заключения (ИТК-1).
Покончил самоубийством

**Бусаров Иван Савельевич
(1891–?)**

Начальник Казмашстроя в 1937–1938.
Приговор к 25 годам заменен ОСО
на 10 лет заключения (ИТК-1).
Повторный арест в 1949.
и бессрочная ссылка в Акчатау

**Старов Петр Григорьевич
(1894–1944)**

Директор завода №27 в 1935–1938.
Приговор к 25 годам
заменен ОСО на 10 лет заключения (ИТК-1).
Умер в заключении

**Яковлев Владимир Матвеевич
(1903–?)**

Начальник ТЭЦ-2 в 1936–1937.
Приговор к 25 годам заменен
на 10 лет ИТЛ (Ухтижемлаг).
По отбытии проследовал за сотый км от Москвы
(г. Александров)

**Поляков Александр Михайлович
(1886–?)**

Пом. директора завода №124/27
по финансам и снабжению в 1937–1938.
Приговор к 25 годам
заменен на 8 лет заключения (ИТК-1).
Освобожден в 1942

**Гизатуллин Назиб Зайнулович
(1890–?)**

На Казмашстрое с 1934
Начальник отд. снабжения в 1936–1937.
Приговор к 25 годам заменен на 8 лет ИТЛ (Ухтижемлаг)

**Махно Борис Поликарпович
(1906–?)**

Главный механик завода №124/27 в 1936–1937.
Приговор к 25 годам заменен на 10 лет ИТЛ (Ухтижемлаг)

**Криволап Иван Петрович
(1905–?)**

На Казмашстрое с 1933 –
начальник коммунального отдела,
с 1936 – начальник стройучастка ТЭЦ-2.
Приговор к 15 годам заменен на 10 лет ИТЛ (Ухтижемлаг),
по отбытии – ссылка в Вайваж

**Кислов Иван Кузьмич
(1889–?)**

На Казмашстрое – начальник
Водозабора в 1937–1938.
Приговор к 25 годам
заменен ОСО 10 лет ИТЛ (Ухтижемлаг).
Досрочно освобожден в 1947, остался в «Вайважнефть»

**Ермаков Афанасий Дмитриевич
(1900–1943)**

На Казмашстрое – сметчик в 1937–1938.
Приговор к 20 годам заменен на 10 лет ИТЛ (Ухтижемлаг).
Возвращен и умер в ИТК-1 г. Казани

**Фастовец Дмитрий Павлович
(1903–1940)**

Начальник планового отдела
завода №124/27 в 1936–1938.
Умер в тюрьме во время следствия от «паралича сердца»

Репрессированные по отдельным делам

Шаханин Лев Николаевич (1898–1938)

С апреля по декабрь 1936 –
Начальник Казмашстроя,
с апреля 1936 по апрель 1938 –
Директор завода №124/27.
Расстрелян по Приговору ВК ВС
20 сентября 1938 в Москве

Дайбог Семен Ефимович (1889–1947)

С июля 1934 – Технический директор,
с января 1935 по октябрь 1937 – Главный инженер
завода №124. Под следствием с 15.10.37 в Казани
с продолжением с 7.11.38 в Воронежском УНКВД
и освобождение 30.02.40.

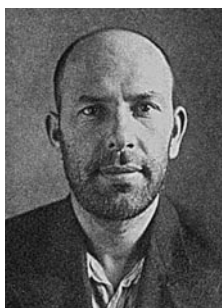
Повторный арест 5.05.40 в Москве.

От работы в ЦКБ-29 отказался.
Решением ОСО приговорен к 8 годам ИТЛ.

По отбытии сослан в с. Назарово
Красноярского края, где умер от инфаркта

Жизнь наша поломаемая...

Из тюрьмы
не вышел...

В ссылке
и умер...

Вернулся... через 17 лет,
в точности как –
Варлам Шаламов,
Александр Солженицын

А счастье было так близко, так возможно...

Документы эпохи

20 / Сов. секретно.

ВЫПИСКА.

Из протокола заседания Центральной Комиссии МВД, МГБ и Прокуратуры СССР от 10 июня 1948 года по отбору заключенных, подлежащих переводу из вартсильского ИТЛ МВД в особые лагеря МВД.

Заключенный **МАРШЕВ Николай Дмитриевич**, рождения 1901 года, уроженец Татарской ССР, Тетюшского района, деревня Малая Тродоска, осужденный 25 ноября 1942 года Особым Совещанием при НКВД СССР за участие в антисоветской вредительской организации на 15 лет - как особоопасный государственный преступник подлежит содержанию в особом лагере МВД.

Протокол Центральной Комиссии хранится в Вартсильском ИТЛ МВД.

Выписка верна: Нач. спецотделения Вартсильского ИТЛ МВД капитан **ГАГАРИН.**

30 декабря 1943 года

Копия верна: Нач. инспектор спецотдела
Упр. Минлага МВД СССР
капитан *Витю* /Целин/

921
СОВ. СЕКРЕТНО
Литер. "А"
Экз. № 1

Вк. _____

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА "А" МГБ СССР
ПОДПОЛКОВНИКУ тов. **КРОТОВУ.**
г. МОСКВА

ИЗВЕЩЕНИЕ О ПРИБЫТИИ

На № 18/10/3-01253 от 28 января 1952 г.

Фамилия МАРШЕВ имя Николай

отчество Дмитриевич года рождения 1901

осужденный Особым Совещанием при НКВД СССР
25 ноября 1942 г.

за участие в а/с вредительской организации сроком на 15 лет ИТЛ.

прибыл 1 апреля 1952 года в распоряжение МГБ Коми АССР

из Минерального лагеря МВД СССР.

317554 Начальник Отдела "А" МГБ Коми АССР
Майор

12.552 Нач. 1 Отд-я Отдела "А" МГБ Коми АССР
Капитан

ВАСХ ОТМЕТКА (УДОЛЖИТЕЛЬ)
ВАСХ ОТМЕТКА (ПРЕМОВ)

48

ОДЕР № 333
25-авг 1937 г.
Исполнитель: суток
Ку УТМ НКВД
Нусову
учаеся произвести обыск и
Моргулова
и Аронюшова
уюш.
лос УТМ
ср. № 124/27

ТОКОЛ ОБЫСКА

25. Сотрудник НКВД
исполнитель Моргулова
основания за № 124/27 обыск у гр. Моргулова
проживающего в г. Казань
дом № 11 кв. № 4.
присутствовали гр. гр. Сеймур Нусов
и Нач. Службы УТМ
заний задержаны гр. гр.

ганам Советской власти и гра-
ССР надлежит оказывать за-
действие пред'явителю ордера,
меним им возложенных на него

в 2ой отд. НКВД ТР следующее

**О П И С Ь
ОБЪЕКТОВ И ДОКУМЕНТОВ:**

Взятого	Коли- чества	Качественное состояние
Служб. билет НКВД	1 шт.	
Служб. билет НКВД № 584/950	1 шт.	
Служб. билет НКВД № 11033	1 шт.	
Служб. билет НКВД № 86	1 шт.	
Продукт в КЗМЗим. Вей- кова во время трюка	1 шт.	
Направленные по работе	1 шт.	
в Казань № на все время	1 шт.	
Удостоверение № 950	1 шт.	
Студенческий билет № 658	1 шт.	
Коммунальный билет № 1461 от 28/IX-34	1 шт.	
Коммунальный билет № 1461 от 28/IX-34	1 шт.	

Заявление

9.1 1980 г. № 16/1

1938 г. был арестован мой отец Шейнман
Израильевич.
Мне 18 лет. Я комсомолка. Все спонсировалась
одни на пеню, людей, на взаимоотношения людей,
этих о чести, долге - все это изменилось. Вдруг я очути-
лась в какой-то пусыне. Не верить отцу - значит для меня
потерять самое святое чувство. Это невозможно!
Мой отец может быть лучше, чем другие
своих родителей. Я могу ручаться за него так
как за себя самую. В отце я видела все качества
хорошего гражданина советской страны, стойкого
человека, скромного и готового на все ради свое-
го дела. Последние годы он работал на Казимашстрое
Казани, в качестве главного инженера строительно-монтаж-
ного участка в поселке М.Т.Т.Ф., и я могла видеть и
передавать много отца, его отношение к работе. Могу
сказать, что сравнивая его со многими, работаю-
щими там людьми, я видела, что он отличается от
своих отношением к работе. Он относился к рабо-
те как к службе, а как своему, близкому и
любимому делу. Он забывал обо всем, он не мог себе пред-
ставить отдыха где-нибудь, забыв хотя бы на высочайшей
о работе. Он не представлял себе, когда ему говорили,
он отдохнул, занялся какими-то делами. Для него
личная жизнь была неразрывно связана с работой
на стройке. Трудно передать, как он переносил лишения
и лишения на стройке. Но лишения никогда
не вводили на него самовольного спокойствия. Он
теперь знает, что можно добывая лучшее и сре-
днее к новым достижениям.

и канцелярия настоящая трудовая жизнь для моего отца
меня. Сейчас папа находится в Казахстане. 25/12 канцелярия
суд, но вновь был отменен. Теперь снова ведется са-
мие. Теперь на меня тоже нападают отчаяние, безра-
дическое настроение, я возвращаюсь к старым привычкам.
Я не видела отца уже 12.8 м. Я представляю себе
его лицо всегда по-разному. Иногда мне кажется,
он улыбается своей объективной улыбкой, и мне
становится легче, но так бывает редко. Иногда я
иду с открытыми глазами и думаю: „Спит ли сей-
час папа?“ Я вижу, как в темноте появляется его ли-
цо и мне кажется, что он мрачный, постаревший, тогда
мне охватывает ужас, я не могу пошевелиться.
Я думаю, что купили мне я совершенно бессильна
ничем не могу помочь ему.

Я очень прошу, чтобы это дело было закончено
скорей и как это требует справедливости.

Прошу ~~дальнейшего разрешения~~
разрешить свидание с отцом.

Л. Шедман

[14.11.39]

П Р И Г О В О Р

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная
Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Диввоенюриста НИКИТЧЕНКО

Членов: Бригвоенюриста ДЕВИСТОВА и
Военного юриста 1 ранга СУСЛИНА

При секретаре военном юрсте 3 ранга КОЗЛОВЕ

В закрытом судебном заседании в городе Москве 20 Сентября 1938 г.
рассмотрела дело по обвинению ШАХАНИНА Льва Николаевича, 1898 года
рождения, быв. директора завода № 124/27, - в преступлениях, преду-
смотренных ст.ст. 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что ШАХАНИН
с 1937 г. являлся руководителем а/с право-троцкистской террористи-
ческой диверсионно-вредительской организации, существовавшей на
Казанском Авиационном заводе.

ШАХАНИН в своей контр-революционной деятельности был связан
с руководителями а/с организации, действовавшей в авиационной индустрии
СССР и по заданию которой вербовал в организацию новых участников
и проводил на заводах диверсионно-вредительскую работу, направленную
на срыв строительства этих заводов; срыв освоения и выпуска авиа-
моторов; срыв сроков строительства и монтажа ТЭЦ и вывод ее из
строя в момент эксплуатации.

Вследствие диверсионно-вредительской деятельности ШАХАНИНА
весной 1935 г. обвалилась 3-х этажная кирпичная стена дома Связи;
весной 1936 г. обрушилась железобетонная стена дымососного отд-ния
ТЭЦ и в марте 1938 г. обвалилась часть перекрытий самолетного з-да
и на десятки тысяч рублей разбито отечественного и импортного
оборудования, поступавшего на завод.

Признавая ШАХАНИНА виновным в совершении преступлений преду-
смотренных ст.ст. 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР и руководствуясь ст.ст.
319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР

П Р И Г О В О Р И Л А:

ШАХАНИНА Льва Николаевича к высшей мере наказания - расстрелу с
конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор на основании постановления ЦК СССР от 1/ХП-34.
подлежит немедленному исполнению.

Предс. - НИКИТЧЕНКО

Член: ДЕВИСТОВ
СУСЛИН

Верно: *Никитченко*

Девистов

Суслин

Козлов

Завод №124/27 (с ноября 1941 года – заводы №22 и №16) в фотолетописи советского авиастроения (1937–1948)

ПС-7 (полярный вариант АНТ-7/Р-6)

Гл. конструктор Туполев А.Н.

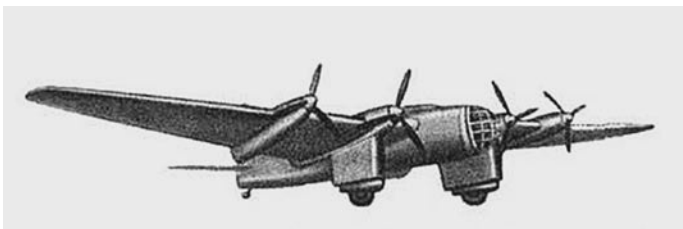
1937. Единичная машина, апробация готовности завода к полносборочному производству на примере устаревшей модели

Туполев А.Н.
(1882–1972)

ДБ-А

Гл. конструктор Болховитинов Б.Ф.

1937–1938. Серия из 5-ти машин

Болховитинов Б.Ф.
(1899–1970)

АНТ-20бис/ПС-124 бортовой № СССР-Л760

Гл. конструктор Петляков В.М.
После его ареста – авторский контроль Саукке Б.А.

1936–1938. Вторая и последняя машина серии «МГ»

Петляков. В.М.
(1891–1942)

Саукке Б.А.
(1891–1969)

Фотомонтаж Анатолия Егорова, 1939 (на трех негативах, – из-за дефицита широкоугольных объективов).
Атрибуция Арины Абросимовой, «АИФ-Москва» №15, 2001

АНТ-42/ТБ-7/Пе-8

Гл. Конструктор Петляков В.М.. После его ареста все обязанности по этой машине принял на себя Нач. ОКБ Незваль И.Ф.

1938–1939. Серия из 9-ти машин.
1940–1941. Серия из 12-ти машин.
1942–1944. Мелкосерийное производство.
Всего около 93 машин.

Петляков В.М.

Незваль И.Ф.

ЛИ-2/ПС-84

1940–1941. Серия из 10 машин
Советская версия американского DC-3 «Дуглас»

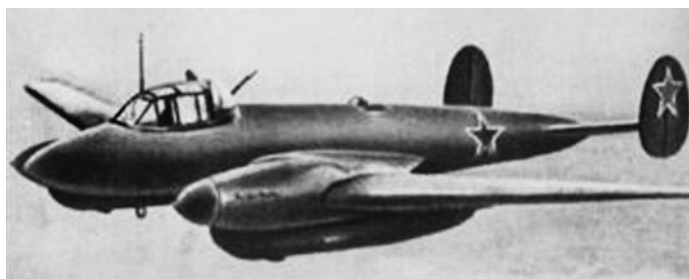
Пе-2

Гл. конструктор Петляков, В.М.
После его гибели в авиакатастрофе – Гл. конструктор Мясищев В.М

1941–1945. Массовое производство – более 10 000 машин

Петляков В.М.

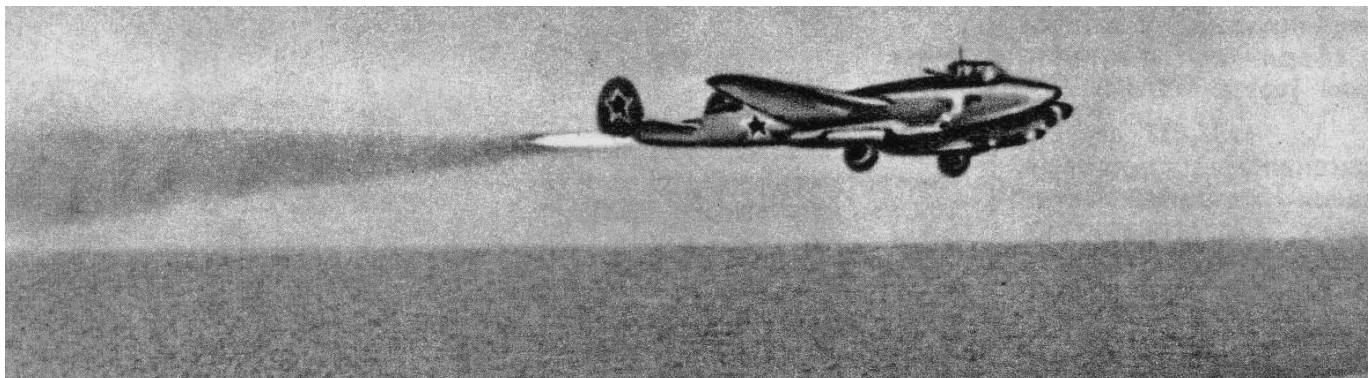

Мясищев В.М.

Пе-2Р с РД-1 [Пе-2 с РУ-1]

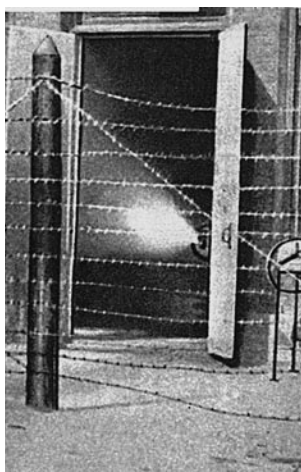
1943–1945. Опытное и мелкосерийное производство

Летные испытания (аэродром завода №22)
репродукция из [126]

Взлет бомбардировщика Пе-2 с жидкостной ракетной установкой
Интернет-выставка «К 100-летию С.П. Королева»

Стендовые испытания
РД-1 на заводе №16
репродукция из [126]

Королев С.П. во время испытаний
жидкостных ракетных двигателей.
Казань, март 1945
*Интернет-выставка
«К 100-летию С.П. Королева»*

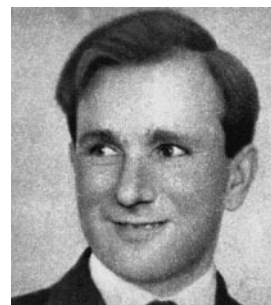
Королев С.П.
(1907–1966)
Гл. конструктор авиационной
ракетной установки РУ-1
репродукция из [126]

Глушко В.П.
(1908–1989)
Гл. конструктор реактивного
двигателя РД-1
репродукция из [126]

Жирицкий Г.С.
(заместитель Глушко)
репродукция из [126]

Севрук Д.Д.
(заместитель Глушко)
репродукция из [126]

Ту-4

Гл. конструктор Туполев А.Н.
(с участием ОКБ Незвала и ОКБ Мясищева)

1947–1952. Серийное производство на заводах №22 им. Горбунова в Казани, №23 в Москве и №18 в Куйбышеве, всего 847 машин

Туполев А.Н.

Заводское руководство в 1941–1948

Каганович М.М.
(1888–1941)
На заводе №124
с мая 1940 по июнь 1941

Окулов В.А.
(1899–1974)
На заводе №124 с июля по декабрь 1941,
на заводе №22 им. Горбунова
с марта 1942 по март 1949

Лукин М.М.
На заводе №16
в 1942–1945

Петр Петрович Дивногорский (Москва) Защитник на процессах Казанского горсовета и Казанского авиазавода в 1938 году

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Труд в СССР есть— дело чести, дело славы, дело доблести и геройства“.

Сталин

РСФСР
НКЮ

Московская Областная Коллегия Защитников
при Московском Областном Суде

1922 X 1932

Грамота

Президиумом МОКЗ, Ячейкой ВКП(б) и Месткомом выдана настоящая Грамота члену Московской Областной Коллегии Защитников тов. Дивногорскому П.П. в день Десятилетия существования Советской Защиты.

№ 40

МОКЗ Воробей
Ячейки ВКП(б) Кузнец
Месткома Рикитин

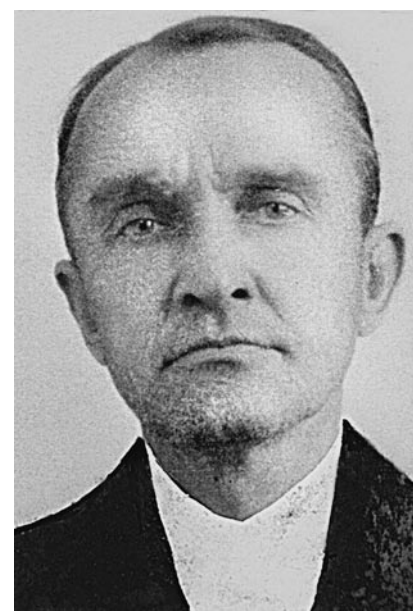
Москва, 26 ноября 1932 г.

За активную работу по коллективизации Коллегии Защитников и организационно-хозяйственному укреплению коллективов

Издание Моск. Коллегии Защиты. Мособл. 27/—33 г. Тираж 65. Тип. ГВЦ МВО „Красный Воин“, Всеволожский пер., 2.

Около 1937.

Около 1947

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

Выдан тов. Дивногорский Я. Я. 150
(фамилия, имя и отчество)

в том, что он является членом Революционной
Рабочей секции Московского Совета.

Билет действителен по 1 января 1938 г.

Член Презид. Московского Совета

М. П. Председатель Секции *[Signature]*

Продлен по 15 33 1938 г.

М. П. Отв. секретарь секции *[Signature]*

Продлен по 15 мая 1937 г.

М. П. Отв. секретарь секции *[Signature]*

Служебный пропуск № 284

Тов. Дивногорский Я. Я.

разрешается вход в здание гор.
театра на судебное заседание
над немецко-фашистскими уча-
стниками зверств.

Подполковник *[Signature]*
(ТИМОШЕНКО)

254 • 1947 г. г. Стадино

Дайбог С.Е.
на московском авиазаводе №22 в 1930-м году
и на воронежском авиазаводе №18 в 1933-м году:
нетривиальные свидетельства

Протокол

Открытого общего собрания инж.-тех. работников

Завода №22 имени Десятилетия Октября. от 22 июня 1930г.

Председатель: тов. Квашнин
Секретарь: тов. Константинов

Повестка дня:

1. О переходе на работу в ГВАО Тех-Директора
тов. Дайбог С.Е.

Слушали: Обзор развития металлического самолетостроения
в СССР. Доклад тов. Дайбог

Высказались следующие тов.: Фельдман, Шпак, Окороков,
Прососов, Александров, Егупко, Константинов, Серов,
Морозов, Куренков, Квашнин, Цахе, Резинкин и Семенов.

В своих выступлениях товарищи отмечали, что тов. Дайбог С.Е., работая на заводе, вкладывал в поручаемое ему ответственное дело всю свою энергию и настойчивость, на деле проводил высокие темпы работы завода, работая с энтузиазмом, заражая им окружающих его работников - отдавая производству полностью свой опыт и свои знания. За время работы тов. Дайбог, Техническая часть завода окрепла и сделала значительные успехи по ряду основных технико-производственных работ на заводе.

Тов. Дайбог являлся хорошим общественником, принимая живое участие в общественной работе, в частности по соц. соревнованию и по подготовке технических и рабочих кадров; чутко относился ко всем молодым специалистам и выдвиженцам из рабочих, помогая им в их работе, что должно служить примером всем членам инженерно-технического коллектива.

Собрание отмечает, что тов. Дайбог принимал деятельное участие в деле создания советского самолетостроения, организации и развития завода, а также отмечает его как хорошего инженера-общественника и товарища, желает ему в дальнейшей работе также энергично, не ослабляя темпов, вести новую, порученную работу, не порывая связи с заводом. С нашей стороны обещаем поддержку.

Председатель: *Квашнин* /Квашнин/
Секретарь: *Константинов* /Константинов/

г. Воронеж
Завод 18

Адрес

Дорогой Семен Евфимович!

Вы лучший представитель
Старой технической интеллигенции, с
большой любовью и знанием дела воспита-
ли нас одиннадцать молодых специалистов
для Авиапромышленности.

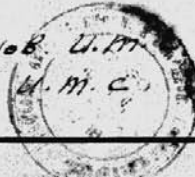
Мы всегда будем помнить о тех
днях, когда Вы руководя заводом в
исключительно тяжелых условиях, буквально
в любое время дня и ночи отдавали нам
все свои свободные минуты консультируя
проекты.

Мы гордимся что нашим руководи-
телем, нашим учителем, были Вы Семен
Евфимович ветеран и крупнейший
инженер советской Авиапромышленности

Мы горды и счастливы что рабо-
таем под Вашим руководством и
желаем Вам еще долгой и плодотвор-
ной работы на пользу нашего общего
дела.

12/VII-33
Э. М. Шумилов
Александр
Байко
И. В. Родионова
Г. И. Яковлев
"Умилкин"
И. Прохоров
В. Лашин
О. М. Куркина
Г. М. Яковлев

Подписав одиннадцать членов И. М. С. заверяю
Пред. бюро И. М. С. Кошар. Попов

ПЛЕНУМ И.Т.С. Зав №18

Сентябрь
1931 г.

„Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор“.
(ЛЕНИН)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Печать — единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно и ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке“.
(СТАЛИН)

Сентябрь
1933 г.

ГРАМОТА

Редакция газеты „ЗА УДАРНЫЕ ТЕМПЫ“ в день двухлетней ее годовщины
НАГРАЖДАЕТ

Товарища Давыдова, С.С.

за активное участие в заводской и стенной печати и за организующую роль на производстве.

Компсеца

— (НИЦ)
— (КУЛАНИН)
— (ПОХРЕНКО)
— (ЧУГУНОВ)

Минин
С.С. Давыдов
И.И. Мухоморов

„Помните: накопленный в борьбе с бюрократизмом опыт на технику, отточите свое перо значимей техникой, и тогда оно будет также смертельно разить вредителя, как разило оно до сих пор бюрократов!“
(ПОСТЫШЕВ)

ГРАМОТА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда (том XVI, стр. 255).

Ленин.

Труд в СССР — дело чести, славы, доблести и геройства.

Сталин.

Во Всесоюзный день ударника Лард-Коллектив Заводоуправление и Завком

за подлинно самоотверженное участие и проявленный энтузиазм в СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ и УДАРНИЧЕСТВЕ по повышению производительности труда и улучшению качества продукции

награждает товарища *Дайбог С Е* званием ударника.

Подпись:

М. М. Мухоморов
С. С. Савин

1 января 1953 г.
№ 0.30154

Завод №124 (?)

г. Казань: Мемориальные места «Большого террора» выборочно, современные фото

Комплекс зданий НКВД
(Ныне – МВД и КГБ Республики Татарстан,
ул. Дзержинского, 19, 21, 23)
Во дворе – два флигеля внутренней тюрьмы:
«Кандыбинка» и «Михайловка»
Репродукция из [47]

Пересыльно-следственная тюрьма №2
(Ныне – Онкологическая клиника, ул. Батурина, 7)

Казанский Государственный педагогический институт
(ныне – Суворовское училище).
(ул. Толстого, 14).

В августе 1937 здесь был сборный пункт детей – ЧСИР перед отправкой в спец. детдома. Где-то здесь, в окне 2-го этажа, маленький Вася Аксенов закричал что есть мочи: «Бабушка, тетя! Возьмите меня с собой!» Но чьи-то руки утащили его вглубь... (Аксенов П.В. «Последняя вера»).

Верховный суд и Прокуратура ТАССР
(ул. Чернышевского, ныне – ул. Ленина, 12)

Клуб НКВД им. Менжинского
(ул. Карла Маркса, 26)
Здесь проводились заседания Военного Трибунала и часть выездных сессий ВК ВС и других закрытых судебных процессов. Ныне – Культурный центр МВД РТ

«Мемориал жертвам сталинских репрессий» на Архангельском кладбище

О них говорится в книге

Разумов А.И. (1897–1987)

Доцент Казанского химико-технологического института им. Кирова. В 1938–1939 находился под следствием по обвинению в «связи с троцкистами». В 1939, будучи сокамерником Я.А. Моргулева, и в 1940 в качестве свидетеля на «Процессе 13-ти», не пошел на поводу у НКВД, пытавшемуся предъявить Моргулеву дополнительное обвинение в к.-р. антисоветской агитации среди заключенных, и не дал показаний, которых от него ждали

Гудзик С.П. (1905–1984)

Со 2 июля 1932 по рекомендации Н.Д. Маршева назначен первым Директором Казанского авиационного института. Арестованный осенью 1936 по обвинению в антисоветской троцкистской деятельности, был приговорен к 20 годам заключения в ИТЛ.

Это обстоятельство послужило НКВД одним из поводов для обвинения Маршева в «связи с троцкистами». После освобождения с 1956 Гудзик жил и работал в Москве

Бейлин А.Г. (1886 – не ранее 1956)

С 1935 по 1938 – секретарь Партколлегии при Уполномоченном КПК ЦК ВКП(б) по Татарии. Адекватно противоречивая фигура в обстановке политического мракобесия 30-х годов.

Евгения Гинзбург («Крутой маршрут»): «Думала ли я тогда, что за внешним обликом добродушного местечкового портного скрывался мой первый инквизитор? <...> Через несколько дней после этой первой встречи я уже сидела перед жгучими садистско – фанатическими глазами товарища Бейлина в его кабинете, и он со всей талмудической изощренностью уточнял и оттачивал формулировки в отношении моих «преступлений». <...> «Тот, кто не хочет разоружиться перед партией, объективно скатывается на позиции ее врагов». <...> Глаза Бейлина, прикрытые выпуклыми веками, светились приглушенной радостью, которую доставляло ему издевательство над человеком». Ф.Д. Садовников (сменивший репрессированного Бейлина):

«Бейлин под видом необходимости исследования и допроверки откладывал разбор апелляции на неопределенный срок. Зато очень быстро разбирались апелляции политически сомнительных и враждебных элементов. Например, первичная парторганизация завода Серго Орджоникидзе исключила из партии Шаханина, Яковлева, Шейнмана и других. Партколлегия восстановила их в партии. Буквально через два дня Шаханин, Яковлев и Шейнман – эти фашистские агенты – были разоблачены» (выделено автором). Вернувшийся из лагерей, Бейлин неоднократно обращался в ЦК КПСС, требуя исключить из партии Алемасова, «наказанного» незначительным партийным взысканием и получавшего персональную пенсию...

Хайдуков К.П.
(1890–1938)
Зам. начальника (по строительству)
Глававиапрома Наркомоборонпрома

Письменный Я.К.
(1885–1938)
Пом. начальника Главиапрома
Наркомоборонпрома

Побережский И.И.
(1897–1938)
Директор авиамоторного завода №19
в Перми (ныне – «Пермские моторы»)

Были расстреляны по приговорам ВК ВС СССР по стандартным обвинениям: Хайдуков – участие в к.-р. организации, Письменный – вредительская деятельность в оборонной промышленности, Побережский – шпионаж. Но по материалам следственного дела №12972 казанского НКВД первым двум якобы было известно о существовании на заводе №124 а/с организации и ее составе, а Побережский допрашивался по делу этой организации якобы как бывший работник Казмашстроя

Клейменов И.Т.
(1898–1938)

Лангемак Г.Э.
(1898–1938)

Начальник и главный инженер НИИ-3 (б. РНИИ), головной организации по ракетной тематике Наркомоборонпрома СССР, в которой работали, в частности, Королев и Глушко до начала массовых репрессий.

Арестованы 2 ноября 1937, расстреляны 10 и 11 января 1938

Общество «Возвращение»

Московское историко-литературное общество «Возвращение» объединяет бывших узников ГУЛАГа и нацистских концлагерей.

В 1989 году в издательстве «Советский писатель» вышел в свет сборник воспоминаний двадцати трех узниц ГУЛАГа под названием «Доднесь тяготееет». Воспоминания предварялись рассказами родственников или хранителей рукописей об авторах. Свыше 100 человек в 1962–1988 годах были причастны к подготовке этой книги. В том же 1989 году общество «Возвращение», созданное в 1962 году, было зарегистрировано.

В 1992–2002 годах «Возвращение» провело четыре международных конференции «Сопrotивление в ГУЛАГе», каждая из которых собирала до 300 участников, в их числе узники нацистских лагерей – французы, голландцы, поляки... Результатом этих конференций стала реабилитация участников Кенгирского и Норильского восстаний заключенных (1953–1954). Конференции положили начало изучению истории сопротивления в советских тюрьмах и лагерях.

В 1992 году началась собственная издательская деятельность «Возвращения». В настоящему времени выпущено свыше ста книг – мемуары, художественная, научная, документальная литература о тоталитарных режимах; уникальная серия книг «Поэты – узники ГУЛАГа», девять номеров журнала «Воля».

Среди членов общества немало литераторов, историков, художников.

В 1995 году при участии общества в городе Старица Тверской области создан сиротский приют на сорок детей.

За просветительскую и благотворительную деятельность «Возвращение» награждено Золотой Пушкинской медалью творческих союзов России.

Книги издательства «Возвращение»

Есть всюду свет... Человек в тоталитарном обществе. Хрестоматия для старшеклассников. 2-е изд. Сост. С.С. Виленский. 2001. 480 с. Переплет. Общий тираж 1-го и 2-го изд.: 27 тыс. экз. Цена 50 р.

Уникальное учебное пособие по истории и литературе XX века. После выхода в свет получило гриф «Допущено Министерством образования РФ в качестве книги для чтения в 10–11 классах общеобразовательных учреждений» (№ 13-58-502/17) и гигиенический сертификат качества.

Книга состоит из фрагментов произведений, представляющих собой образцы высокой литературы: это классическая проза М. Булгакова, В. Шаламова, А. Платонова, А. Солженицына и Ю. Домбровского, поэзия А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, В. Набокова, А. Барковой, публицистика В. Короленко. Другой ряд авторов – Е. Керсновская, О. Слиозберг – мемуаристы, произведения которых дают возможность узнать историю страны как историю ее граждан.

Эта книга, формирующая личность, оказалась сразу востребованной. Об этом нам пишут преподаватели школ и вузов, школьники и студенты. Она получила высокую оценку общества «Мемориал», Сахаровского центра и Русского общественного фонда Александра Солженицына, участвующих в ее распространении.

Положительные рецензии были напечатаны в центральной прессе и региональных СМИ.

В настоящее время готовится третье издание хрестоматии с грифом Министерства образования.

Дмитрий Стонов

Прошедшей ночью. Лагерные рассказы. 2007. Переплет. 264 с. Цена 70 р.

Д.М. Стонов – писатель, фронтовик, друг Ю. Слезкина и М. Булгакова. Арестован в 1949 году, 5 лет находится в тюрьме и сталинских лагерях. В 1954 году полностью реабилитирован. Цикл рассказов «Прошедшей ночью» – повествование о людях, сумевших сохранить человеческое достоинство в условиях ГУЛАГа.

Мищенко Л.Г.

Пока я помню. 2006. Переплет. 143 с. Цена 70 р.

Воспоминания современника о событиях от времен Гражданской войны до участия в Великой отечественной войне; московское ополчение, плен, тюрьмы и лагеря в нацистской Германии и Советском Союзе.

Заяра Весёлая.

7-35. Воспоминания о тюрьме и ссылке. 2006. Переплет. 127 с. Цена 60 р.

В 1949 году Заяра Веселая, как дочь расстрелянного «врага народа» писателя Артема Веселого, была арестована и сослана в Сибирь по статьям 7 и 35 Уголовного кодекса РСФСР. В книге воспоминаний через восприятие двадцатилетней студентки-москвички показаны реалии тюрьмы и ссылки, психология, присущая многим людям того поколения.

Ариадна Эфрон, Ада Федерольф

Непринудительные работы. (на английском языке). 2006. Обложка. 387 с. Цена 200 руб.

Воспоминания А.А. Федерольф о сталинских тюрьмах, Турханской ссылке и о жизни после реабилитации в Тарусе, рядом с Ариадной Сергеевной Эфрон, дочерью Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Вторая часть книги – избранная проза А.Эфрон. В книге воспроизведены рисунки А.Эфрон, любительские фотографии и карта мест пребывания А.Федерольф и А.Эфрон в заключении, ссылке и после реабилитации.

Книга в идиоматическом переводе на английский язык, выполненном профессором Д. Немец-Игнашевой (США), представляет интерес для читателей, интересующихся судьбой семьи Цветаевой, будет полезна для изучающих английский язык.

Семён Виленский

Вопросы есть? 2006. Переплет. 255 с. Цена 70 р.

С. Виленский – литератор, председатель общества «Возвращение». В 1945 году принят на филологический факуль-

тет МГУ. Короткая студенческая жизнь была прерванная арестом в 1948 году. В 1949 году осужден Особым совещанием МГБ на 10 лет лагерей. Через десять лет после реабилитации С. Виленский начал работать над своими воспоминаниями: Сухановка – особо секретная пыточная тюрьма МГБ, семь лет на Колыме в Берлаге, лагере особого режима. О том, что вместили эти годы неволи – свидетельство бывшего зека.

Семён Виленский

Широкий день. 2006. Переплет. 167 с. Цена 60 р.

Настоящий сборник – итог почти сорокалетнего поэтического творчества С. Виленского. Первые из включенных в него стихотворений написаны в Сухановской тюрьме, куда молодого студента МГУ поместили после ареста по нелепому обвинению в терроризме за ироническое стихотворение о Сталине. Но стихотворения – не только и не столько историческое свидетельство эпохи, они продолжают традиции классической русской поэзии.

Из архива Новиковых. 1889–1991. Составитель Л.С. Новикова. 2006. Переплет. 359 с. Цена 150 р.

В 1886 году крестьянский сын Андрей Алексеевич Новиков, выпускник Петровского сельскохозяйственного института (ныне Тимирязевская академия), женился на Анне Александровне Мотовиловой, происходившей из старинного дворянского рода. Их переписка положила начало сохранившемуся до настоящего времени архиву семьи Новиковых.

Письма, документы, уникальные фотографии, дневники, статьи и воспоминания членов этой семьи отражают жизнь российского общества до и после революции, в ГУЛАГе, на фронтах двух мировых войн.

Леонард Терновский.

Воспоминания и статьи. 2006. Переплет. 187 с. Цена 70 р.

Л.Б.Терновский работал врачом на Чукотке, Камчатке, в Москве. Участник диссидентского движения с 1968 года. С 1978 года – член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Член Московской Хельсинской группы с 1980 года. Арестован 10 апреля 1980 года и осужден за участие в правозащитной деятельности к трем годам лишения свободы. Отбыл наказание в лагере под Омском. В 1991 году реабилитирован. Автор книг «Мне без вас одиноко...» (1997), «Отпущенное слово» (2002). В 2005 году награжден медалью Уполномоченного по правам человека в РФ «Спешите делать добро».

Китеж. Сост. и вступ. статья В.Б. Муравьев. 2006. 512 с., илл. Цена 70 р.

В альманахе вошли проза, стихи, мемуары, очерки, статьи на историко-литературные темы литераторов, подвергшихся политическим репрессиям. Среди авторов альманаха – писатели Артем Веселый, Сергей Бондарин, выдающийся ученый и поэт А.Л. Чижевский, художник Б.А. Старчиков, поэты Платон Набоков, Вадим Попов, Светлана Шилова и другие. Все материалы публикуются в авторской редакции, большинство из них – впервые.

Лев Дугин.

Знаки и звуки. 2006. Переплет. 167 с. Цена 60 р.

Связанные с традицией русского верлибра, стихи Л.И. Дугина восходят к библейской поэзии. Его «Свободные ритмы» отзываются интонациями «Песни песней» царя Соломона и молитвенным пафосом псалмов царя Давида. Участник кровавой Второй мировой войны, поэт размышляет о беззащитной человеческой душе, ее пути туда, «где душа улыбается вместе с солнцем».

Поэзия узников ГУЛАГа. Антология. Сост. С.С. Виленский. 2005. Переплет. 990 с. Цена 300 р.

В антологии представлены стихотворения 317 авторов. Это последний из томов серии «Россия. XX в. Документы», изданный при жизни А.Н. Яковлева, инициатора и главного редактора серии.

Лев Дугин.

Реквием по неизвестному солдату. 2005. Переплет. 254 с. Цена 50 р.

Л.И. Дугин – фронтовик, хирург, автор пяти романов о Пушкине, романа «Агасфер» и трех сборников стихотворений. Его рассказы публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Нева», «Москва», «Огонек». В этой книге они впервые собраны вместе.

Автор: «Наша военная литература в значительной степени превратилась в приключенческую. Вторая мировая еще не описана. В повестях и романах нет этой стремительной карусели смерти, мелькающей череды лиц. Нет массовости».

Лев Дугин.

Агасфер. Роман в трех частях. 2004. Переплет. 444 с. Цена 80 р.

По средневековой легенде, Агасфер – Вечный жид, осужден Богом на бессмертие и скитания. К этой легенде обращались многие поэты и писатели, у каждого из них был свой Агасфер. Агасфер Дугина – иерусалимский храмовый врач, олицетворяющий судьбу еврейского народа. Для Дугина очевидно несоответствие легенды об Агасфере образу и учению Христа. В романе храмовый врач не жестокосерден. Перед читателем – современники, почти ровесники, один из которых дал другому время подумать...

Доднесь тяготее: В 2 т.

Т. I. Записки вашей современницы: сборник (сост. С.С. Виленский). 2-е изд. 2004. Переплет. 623 с., ил.

Т. II. Колыма: сборник (сост. С.С. Виленский). 2004. Переплет. 575 с: ил.

Цена двухтомника 350 р., цена отдельного тома 200 р.

Воспоминания, рассказы, стихи, письма узников ГУЛАГа.

Базаров А.А.

Дурелом, или господина-колхозники. В 2 т. 2004. 816 с. Цена 350 р.

Хроника колхозной жизни. Книга адресована тем, для кого любовь к России покоится на сострадании к судьбам прародителей.

Вальдемар Цирулис.

Убитые годы (запись Рудольфа Лациса). 2004. Переплет. 448 с. Серия «В XXI век». Цена 70 р.

Воспоминания латышского большевика, прошедшего сталинские лагеря.

Татьяна Ступникова.

Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. 2-е изд. 2003. Переплет. 200 с. Цена 60 р.

Книга написана живо и остро, содержит бесценные факты, которые невозможно почерпнуть из официальных документов и хроник.

Адам Мицкевич

Венок из васильков и руты. В переводах Филиппа Вермеля. 2003. Переплет. 238 с. Цена 80 р.

Ф. Вермель – тонкий интерпретатор творчества А. Мицкевича, много сделавший для издания его сочинений. В 1938 году им был подготовлен стихотворный сборник польского поэта, однако Вермель был арестован, набор рассыпан; книга не вышла в свет. Чудом сохранился не изъятый при обыске архив, который позволяет воссоздать исчезнувшее.

Александр Шиндель.

Недоверие. 2001. Серия «Библиотека преподавателя». Обложка. 125 с. Цена 30 р.

Литературная критика – статьи о творчестве Платонова и Булгакова. Размышления о постсоветском обществе.

Семен Липкин

Семь десятилетий. Стихи и поэмы. 2000. Переплет. 592 с. Серия «В XXI век». Цена 80 р.

Полное собрание стихотворений. Отзывы Л. Чуковской, А. Солженицына и И. Бродского.

Юрий Домбровский

Меня убить хотели эти суки. Стихи, рассказы, очерки и письма. Сост. Клара Домбровская. 1997. Переплет. 206 с. Цена 60 р.

Стихи, рассказы, очерки автора «Хранителя древностей». Первая публикация писем к жене.

Книги, готовящиеся к изданию

Татьяна Мельникова

Таруса – 101-й километр

В документальной повести читателю раскрываются неизвестные страницы современной истории древнего городка на Оке. Сюда испокон веков поселяли неугодных властям людей. В 1859–1860-х годах – вождя Дагестана и Чечни Шамиля; в 1925-м – гражданскую жену адмирала Колчака – Анну Тимиреву. Ссыльными были и «недобитые» князья, дворяне, интеллигенты.

В 1937-м в Тарусе арестовали Анастасию Ивановну Цветаеву и ее сына Андрея Борисовича Трухачева. В конце тридцатых репрессировали вдову Андрея Ивановича Цветаева – Евгению Михайловну Цветаеву. Ариадна Эфрон, дочь Марины Цветаевой, с 1957-го, после долгих лет заключения, поселилась в Тарусе и трудилась над архивами матери.

Приток «врагов народа» особенно усилился в 70-е годы XX века – тогда штат местного КГБ увеличился в десять раз. Многих гонимых приютили гостеприимные дома Гольшевых-Оттенов и Аркадия Штейнберга, который сам долгие годы провел в сталинских лагерях.

Здесь, в короткую эпоху оттепели, в доме Константина Георгиевича Паустовского родились знаменитые «Тарусские страницы».

Ирина Гентош

Фольксдойче.

Впервые в России выходит книга о Великой Отечественной войне, написанная фольксдойче – так оккупационные власти

именовали немцев, которые жили вне территории Рейха. Положение фольксдойче дало автору, тогда молодой девушке, возможность увидеть немецкую армию и нацистскую систему изнутри. Относясь достаточно критично к советской системе, она увидела почти то же в нацистской. Зоркая, наблюдательная, она впечатляюще описывает появление немецких войск в Ростове-на-Дону, поведение людей при оккупационной власти, отношение оккупантов к евреям, отступление немецкой армии, эвакуацию фольксдойче и тяжелый путь возвращения в Россию.

Собибор. Сост. С.С. Виленский.

14 октября 2008 года исполнится 65 лет со дня восстания в лагере Собибор, одном из лагерей смерти, созданных на территории Польши немецкими фашистами для «окончательного решения еврейского вопроса» – полного уничтожения евреев Европы.

Восстание в Собиборе – одна из самых героических страниц в истории Сопротивления, единственный за время войны случай, когда из лагеря смерти бежали сотни заключенных и было убито большое количество эсэсовцев. Это восстание уникально по плану, по исполнению и по кратковременности подготовки.

На Западе о нем издано немало книг и снято несколько фильмов. А в России оно мало кому известно, хотя руководил им советский офицер Александр Аронович Печерский.

Приобрести книги «Возвращения» по издательской цене можно на книжном складе, заказать по электронной почте vozvrashchenie@bk.ru, по факсу или письмом. Книги можно приобретать за наличные или по безналичному расчету.

Адрес книжного склада: 125295, Москва, ул. Беломорская, 26. Проезд: м. «Речной вокзал», выход из первого вагона, трол. 58, 3-я ост. Впереди справа дом с надписью на торце «Левобережный», 3-й подъезд. Тел.: 8 (495) 455-30-11. Часы работы 10.00–17.00 в будние дни.

Адрес общества «Возвращение»: 123060, Москва, ул. Маршала Бирюзова, д. 34, кв. 58. vozvrashchenie@bk.ru. Тел./факс: 8-499-196-02-26.

Если кто-либо из читателей располагает
дополнительной информацией о персонажах или эпизодах
этого повествования, просьба связаться с автором через издателя.

Минувшее – живи!
(Из истории Казанского авиазавода

Игорь Яковлевич Маргулёв

Редакторы: *Семен Виленский, Наталия Меден*
Макет: *Кирилл Мордвинцев*

Подписано в печать 15.07.2007
Формат 60×90^{1/8}. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19.85

Московское историко-литературное общество «Возвращение»
123060, г. Москва, ул. Маршала Бирюзова, 34, кв. 58
Тел./факс: (495) 196-02-26, vozvrashchenie@bk.ru

Отпечатано в типографии ИД «Сова»
630060, г. Новосибирск, Зеленая горка, 1
Тел./факс: (383) 332-48-45, id_sova@mail.ru